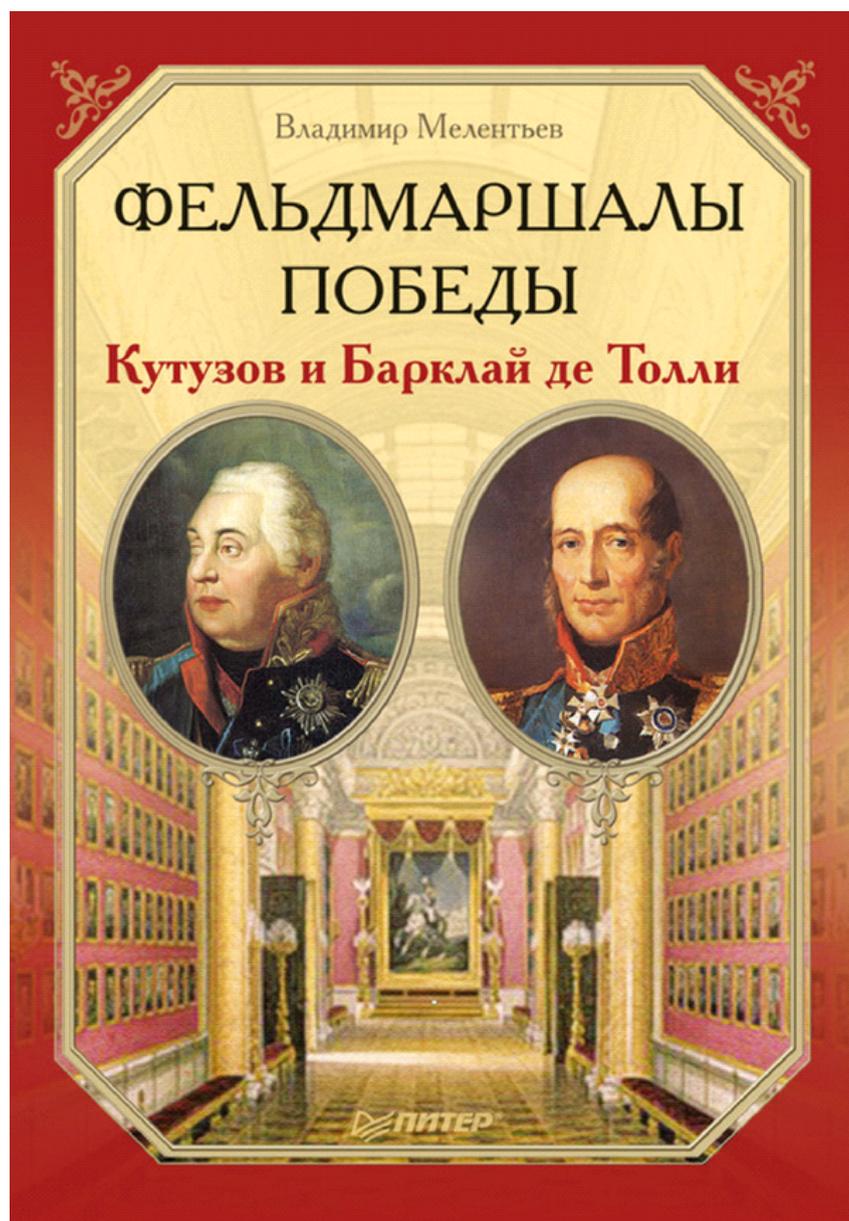

**Владимир Дмитриевич Мелентьев
Фельдмаршалы Победы. Кутузов и Барклай де
Толли**

Текст предоставлен правообладателем.
«Мелентьев В. Д. Фельдмаршалы Победы. Кутузов и Барклай де Толли»:
Питер; Санкт-Петербург; 2012

ISBN 978-5-459-01185-2

Аннотация

Отечественная война 1812 года не завершилась Бородинским сражением и освобождением Отчизны. Русская армия в течение еще трех лет вела напряженную борьбу против наполеоновских полчищ. Именно ей принадлежала

решающая роль в «Битве народов» и штурме Парижа. В 1815 году, преодолев с боями землю недруга, она снова была на Елисейских полях, изумив Европу великолепным парадом Победы. Вели к победам русское воинство выдающиеся полководцы Российской империи — фельдмаршалы Михаил Илларионович Кутузов и Михаил Богданович Барклай де Толли, боевой деятельности и жизни, а также посмертной славе которых посвящена эта книга.

Владимир Дмитриевич Мелентьев Фельдмаршалы Победы. Кутузов и Барклай де Толли

От автора

Отечественная война 1812 года явилась величайшим событием мировой истории и в то же время огромной трагедией для русского народа. Как и во времена Чингисхана, вновь встал вопрос: быть ли русскому народу свободной, независимой, самодостаточной нацией или оказаться под ярмом врага? И народ крепостной России, забыв о пугачевской вольнице, грудью встал на защиту своей отчизны. Как и в 1941 году, воевать России пришлось не только с агрессором, но и со всей покоренной им Европой. Как и в годы Великой Отечественной войны, потребовалось неимоверное напряжение духовных и физических сил народа, чтобы разгромить врага и освободить страну и Европу от оккупации.

Ныне, отмечая 200-летний юбилей войны 1812 года, мы отдаем дань уважения не только стойкости и мужеству прошлых поколений, но и тем, кто в архитрудную пору, проявив величайшую самоотверженность, возглавил борьбу русского народа с наполеоновской Францией. На скрижалях отечественной истории вполне правомерно запечатлены имена выдающихся полководцев XIX века, фельдмаршалов Российской империи Михаила Илларионовича Кутузова и Михаила Богдановича Барклая де Толли, жизни и боевой деятельности которых и посвящена наша книга.

Автор знакомит читателя с бурными событиями российской истории на рубеже XVIII–XIX веков. Первая часть книги повествует о Барклае де Толли. Название ее «Бросался ты в огонь» заимствовано из стихотворения Александра Сергеевича Пушкина «Полководец».

Вторая часть посвящена Кутузову. Название ее «Ты встал — и спас» также заимствовано из пушкинского стихотворения «Перед гробницею святой». Общими связующими звеньями повествования являются Отечественная война 1812 года (в ходе которой Кутузов и Барклай де Толли возглавляли русскую Большую действующую армию) и столица государства российского город Санкт-Петербург, в коем решались все политические и военные дела; здесь же провели свое детство и юность эти два выдающихся полководца и военачальника.

Часть первая «Бросался ты в огонь» Михаил Барклай де Толли

Глава I

«Этот генерал много обещает и далеко пойдет»

Зима 1808–1809 года выдалась в Петербурге студеной. Довольные ядреным морозцем, скованной льдом Невой и затишьем в войне со Швецией, жители Северной Пальмиры предавались отдыху. Знать разъезжала на рысаках, запряженных в санки, по ледяному покрову Невы, простой же люд довольствовался катаньем с ледяной горки огромной высоты, сооруженной здесь же.

На фоне Ростральных колонн, внушительных Адмиралтейства, Петропавловки и великолепия Зимнего идилия была несомненной. Омрачалась она лишь унылым видом постовых, что стояли на Исаакиевском мосту, соединявшем Невскую перспективу с Васильевским островом. Дело в том, что пользовались оным сооружением зимой весьма неохотно, предпочитая плате за проход многочисленные тропы, проложенные через Неву.

И все же многие в граде столичном пребывали в тревожном ожидании. Ведь Петербург находился на положении прифронтового города. Ну а пока зима и баталии вряд ли в такую стужу возможны, не грех отдохнуть и расслабиться.

Спокойная жизнь петербуржцев, однако, длилась не так уж долго. Вскоре город облетела тревожная весть. Россия возобновила военные действия против Швеции. Надо сказать, что война сия, начатая еще в 1808 году, особых восторгов у россиян не вызвала, слишком уж много войн пришлось вести матушке-Руси в начале наступившего века. Впрочем, были у некоторых на сей счет и свои соображения. Ну что ж, говорили они, одержав очередную победу в войне со Швецией, Россия еще более упрочит свое положение в Балтии.

И все же сообщение о начале военных действий вызвало изрядные пересуды.

Разве можно воевать при таких холодах и снегах, в отсутствие у солдат зимнего обмундирования — возмущались многие. Более того, оказалось, что русские войска форсируют по льду Ботнический залив и пролив Кваркен!

Те, кто бывал в этих местах (а таких в Петербурге было немало), хорошо представляли опасность предприятия. Особо же беспокоил пролив Кваркен. Авантюризм, да и только — было их мнение. Разве можно рисковать жизнью солдат, коль известно, что лед здесь весьма непрочен, с постоянными подвижками, полыньями и расселинами, запорошенными снегом. А стоит сильному ветру подняться или, не дай бог, шторму налететь, как вся эта громада превращается в ледяную кашу!

Удивляло и то, что предводительствует русскими войсками на опаснейшем из направлений неизвестный доселе генерал с нерусской, диковинной фамилией — Барклай де Толли.

Вскоре мало-помалу стали известны и детали операции. Выходило, что один из корпусов под руководством генерала Шувалова совершал поход вокруг Ботнического залива с выходом на шведский берег. Другой, руководимый генералом Багратионом, шел по льду через Аландские острова на Стокгольм. Корпусу же Барклая предстояло пройти через пролив Кваркен с выходом на берег в районе от Вазы до Умео, дабы пресечь ретираду неприятеля.

Расчет был на внезапность, с твердой уверенностью в том, что затею сию шведские генералы сочтут за нелепость.

Впрочем, и многие из русских военачальников были солидарны с недругом. Так, двое из троих командующих группировками (Барклай де Толли и Шувалов) критиковали операцию при ее обсуждении. Сам главнокомандующий русскими войсками в Финляндии генерал Кнорринг был против такой авантюры. Лишь Петр Иванович Багратион коротко, по-солдатски отрапортовал: «Прикажете идти — пойду».

Но при прибытии на театр войны военного министра генерала от артиллерии Аракчеева с наистрожайшим повелением монарха «к незамедлительным действиям» сняло на сей счет все сомнения.

Думается, однако, что и сам военный министр был не в полной уверенности, удастся ли рискованное дело. Поэтому, напутствуя Барклая перед началом похода, он говорил, бравидуя: «Желал бы я быть не министром, а на вашем месте, ибо министров много, а переход через Кваркен Провидение предоставляет только вам одному». (Вещая так, Аракчеев, сам того не подозревая, оказался «ясновидящим». Пожелание его не быть военным министром вскоре сбылось. Должность эта была занята Барклаем де Толли.)

Как бы там ни было, а 16 марта, тайно собрав на безлюдных островах Вольгунте и Биерке отряд численностью в пять тысяч человек (при восьми орудиях), Барклай повел вверенное ему войско «в открытое море».

Вот как описано это событие одним из очевидцев: «Свирепствующая в эту зиму жестокая буря, сокрушив толстый лед на Кваркене, разметала его на всем пространстве огромными обломками, которые подобно диким утесам возвышались в разных направлениях, то пересекая путь, то простирались вдоль него».

Вдали гряды льдин представляли необыкновенное зрелище. Казалось, будто волны морские замерзли мгновенно, в минуту сильной зыби. Трудности похода увеличивались на каждом шагу. Надлежало то карабкаться по льдинам, то сворачивать на сторону, то выбираться из глубокого снега, покрытого облоем. Пот лился с чела воинов от излишнего напряжения сил, и в то же время

пронзительный и жгучий северный ветер стеснял дыхание, мертвил тело и душу, возбуждал опасение, чтобы, превратившись в ураган, не взорвал ледяные твердыни... Кругом представлялись ужасные следы разрушения, и, сии, так сказать, „развалины моря“ напоминали о возможностях нового переворота».

Действительно, трудности были невероятные. Трое суток шел отряд, выбиваясь из сил. Лошади скользили и падали. Короткие привалы проводили на бивуаках без огня и костров. Шли без проводников днем и ночью, ориентируясь лишь на компас. «Понесенные в сем походе трудности, — доносил Барклай, — единственно русскому преодолеть можно».

И тем не менее утром 20 марта войско Барклая внезапно вышло к шведскому берегу. Застигнутые врасплох, не в силах сдержать дерзкий натиск русских воинов, шведы поспешно отступили. Обратившись к солдатам с призывом «...не запятнать приобретенной славы, оставить в чужом крае память, которую бы чтило потомство», Барклай преследовал супостата. Когда авангард его вышел к Умео, прибыл парламентар с пожеланиями «о мире», на что Барклай с достоинством отвечал: «Войско русское не может быть удержано в своих успехах ни какими предложениями, ни препятствиями. Но! Ежели шведы желают получить пощаду, то сам генерал их должен, не медля, явиться ко мне».

Скорый «на приглашение» генерал Кронштет убедительно просил Барклая о прекращении огня, уверял в миролюбии Швеции, в том, что король Густав IV лишен престола и в управление государством вступил герцог Зюдермаландский. Сведения об успехах корпусов Шувалова и Багратиона, как и многие печатные манифесты, убедили Барклая в этом.

24 марта русские войска торжественным маршем вступили в Умео, на стенах коего реяли белые флаги побежденных. По заключенному перемирию Умео и прилегающие к нему земли были «уступлены русскому оружию».

Впрочем, перемирие длилось недолго. Вскоре Россия возобновила военные действия. При этом главнокомандующим на театре войны был назначен Барклай де Толли. Успешные действия русских войск под его началом завершены были Фридрихсгамским мирным договором, подписанным 17 сентября 1809 года, по которому к России отошли Финляндия и Аландские острова. Русско-шведская граница стала отстоять от Петербурга на 500 километров. Губернатором вновь приобретенных земель назначен был (возведенный в чин генерала от инфантерии) Михаил Богданович Барклай де Толли. Он же за беспримерный подвиг, совершенный им и подчиненным ему войском, удостоен был ордена Святого Александра Невского и памятной медалью «За переход на шведский берег».

Пушечная пальба и фейерверки озаряли в те дни небо Петербурга. На приемах, балах, банкетах и русских застольях произносились хвалебные речи русскому воинству. Не забывали при этом и Михаила Богдановича Барклая де Толли.

Вскоре о Барклае де Толли заговорили в столичных кругах более громко. Причиной тому было совершенно неожиданное назначение его на пост военного министра сухопутных сил Российской империи. Посудачить же было о чем. Шутка ли! Сменял самого Аракчеева, правую руку Его Императорского Величества Павла I, графа, генерала от артиллерии, на коленях у коего играл наследник престола, нынешний император.

Хотя, справедливости ради надо сказать, что многие, выражаясь современным языком, такой перестановкой кадров были весьма довольны. Слишком уж одиозной была фигура графа. Неслучайно правление его в армии

было наречено «аракчеевщиной».

Сутуловатый, костляво-жилистый, со свирепым взглядом, жестокий и скорый на расправу, Аракчеев вызывал у подчиненных страх и отвращение. Не лучшее впечатление оставлял шеф военного ведомства и в светских кругах. Солдафонство и грубость его изумляли просвещенную публику.

Яркое описание личности военного министра дал биограф тех времен Ф. Вигель. «Аракчеев, — писал он, — употреблял с пользой данную ему от природы суровость, давая преданности своей вид какой-то откровенности, и казался бульдогом, какой не смел никогда ластиться к господину, но всегда готовый напасть и загрызть тех, кои бы воспротивились его воле».

Однако военный министр слыл способным администратором, обладал хорошей памятью, трудолюбием, исполнительностью и к тому же (как уже говорилось) собачьей преданностью монарху. Если к сказанному добавить его сиюминутную готовность решительно пресечь любой случай неповиновения царю, то как для здравствующего Александра, так и для убиенного отца его Павла Аракчеев был просто находкой. Не случайно же он удостоен был монаршей милости — девиза графскому гербу «Без лести предан» (переделанного в свете в «Бес лести предан»).

Естественно, возникает вопрос, почему столь преданный государю слуга оказался отрешенным от власти? Ответ дала сама жизнь, точнее — неудачи русской армии в минувших войнах, когда прусская военная школа, на которую ориентировался Павел I (вкуче с Аракчеевым), потерпела крах в двух первых столкновениях с Наполеоном. В преддверии надвигающейся крупной войны с буржуазной Францией нужна была срочная военная реформа с глубокой реорганизацией вооруженных сил.

Оказалось, что кандидатуры военных министров князя Вязьмитинова и графа Аракчеева для столь существенных преобразований армии были непригодны. Вместе с тем, не желая расставаться с милым сердцу военным экс-министром, император определил его на должность председателя департамента военных дел Государственного совета.

Однако и от назначения Баркляя де Толли российская знать тоже не была в восторге.

— Молод, неопытен, замкнут, — говорили одни.

— Что это за военный министр, не имеющий ни единой души крепостных? Кого же защищать такой военный министр будет? Как быстро же забыли походы Емельки Пугачева! — сетовали родовитые.

— Опять немец? — вопрошали русофилы. — Что, своих, русских, что ли, нет? Обложила же немчура царя-батюшку! Мы, русские, уже и не хозяева в своем доме! Да что и говорить. Сам-то Александр русского мало что имеет. Разве что только фамилию Романов, да и то по царскому этикету мало произносимую. Посмотришь на его переписку: все на немецком да на французском, будто это совсем не русский царь! Да и родословная его не может не вызывать удивления!

Действительно, внук немца из Голштинии (Петра III) и немки из Ангальт-Цербста (Екатерины II), сын немецкой принцессы Вюртембергской (императрицы Марии Федоровны), вскормленный молоком немки из Лифляндии, он и думал по-немецки, проявляя каждый раз неспособность к длительному, обстоятельному разговору на русском.

Однако пересуды пересудами, а рескриптом Его Императорского Величества генералу от инфантерии Михаилу Богдановичу Баркляю де Толли

надлежало быть военным министром сухопутных сил Российской империи.

Словом, заинтересованной публике ничего не оставалось, как «поближе» познакомиться с преемником Аракчеева. Из бесед и расспросов выяснилось, что новый военный министр немцем себя вовсе не считает. Оказалось, что дед его, шотландский дворянин Барклай, еще в начале прошлого века, покинув берега Туманного Альбиона, поселился в Дании. Очевидно, здесь «после перемешивания кровей» и появилась столь необычная приставка к его фамилии.

Безусловно, это был человек незаурядных способностей, поскольку вскоре занял пост бургомистра Риги (Литва была в ту пору вотчиной Дании). С завоеванием Россией (в ходе Северной войны) Прибалтики и выкупом у Дании Латвии бургомистр Риги оказался под русской короной.

Народившегося сына своего бургомистр нарек Готтардом, что в переводе на русский означало «богом данный», а потому и трансформировано было в русское имя Богдан. Известно, что дворянин Готтард-Богдан служил офицером русской армии. В 1750 году в возрасте 24 лет в чине поручика он вышел в отставку, приобрел небольшое имение Лиел-Лугеши недалеко от г. Валги (без «крещенной собственности», то есть без крепостных). Вскоре он женился на дочери соседа, помещика имения Бекгоф фон Смиттена — Маргарите Елизавете.

Можно предположить, что Готтард-Богдан, в отличие от отца своего, не был столь удачлив, поскольку чин поручика перешагнуть не смог, а приобретенное им имение вскоре было продано с молотка. Есть сведения о том, что отставной поручик Богдан Барклай де Толли пребывал якобы на посту пастора, словом, являл собой дворянина «с весьма ограниченным состоянием», а попросту говоря, вольного арендатора мызы Памушисе, а затем мызы Лайксаар.

Единственное, в чем преуспел отставной поручик, так это в преумножении рода своего. В семье его было семеро детей (выжили пятеро — три сына и две дочери). По обычаям тех времен сыновья были записаны в полки Его Императорского Величества. Старший из них, Иоганн, дослужился до инженер-генерал-майора, младший, Генрих, закончил службу в звании майора артиллерии.

Что же касается среднего из братьев, Михаила, то его в трехлетнем возрасте призрела семья бездетного полковника (в последующем бригадира) Георга Вильгельма Вермелена, женатого на тетке матери — Августе. В 1767 году Михаил записан был в Новотроицкий кирасирский полк, а на девятом году жизни (в 1769 году) произведен был вахмистром «с оставлением дома для окончания наук». Конечно, ни о каких кадетских и пажеских корпусах неродовитому дворянину думать не приходилось, и бригадный генерал Вермелен не жалел ни времени, ни средств на воспитание и образование приемного сына, прививая ему чувство справедливости, честность, трудолюбие, пунктуальность, бережливость и прилежание.

К этому надо добавить страсть юноши к чтению книг. Передаваясь чтению и размышлениям, Михаил оказался не по годам серьезным и замкнутым. Неслучайно комиссия, проэкзаменовав «вахмистра» (в 1776 году), констатировала великолепные знания его в военных предметах, истории и языках.

В 17 лет Михаил Барклай де Толли, оставив дом Вермеленов, поступил на действительную военную службу в Псковский кавалерийский карабинерский

полк в звании корнета и через пять лет добросовестного исполнения обязанностей произведен был в чин секунд-поручика.

Еще через три года полковой службы, коя характеризовалась «не токмо прилежностью, но понеже изрядно и самоучением», молодой офицер оказался генеральс-адъютантом у родственника императрицы графа Фридриха Ангальта, а в 1788 году он уже в должности старшего адъютанта у принца Виктора Ангальта, с коим и отправился на поля сражений русско-турецкой войны.

Именно в 1788 году, в армии Потемкина, осаждающей Очаков, появился скромный капитан Михаил Барклай де Толли, не примеченный находившимися здесь же генералами: ни Александром Васильевичем Суворовым, ни Михаилом Илларионовичем Кутузовым. Вскоре, однако, хладнокровие и мужество адъютанта, храбро исполнявшего поручения, отмечено было орденом Святого Владимира IV степени и Очаковской штурмовой медалью.

В 1790 году, после перемещения шефа в Финляндию, Барклай оказался при нем в должности уже дежурного майора. В бою за шведскую крепость Керникоски смертельно раненный принц вручил Барклаю шпагу свою со словами: «Употребить оную на пользу и славу России». По окончании войны со Швецией Барклай снова в боях, но теперь уже в Польше. Пожалуй, в этой кампании он и стал мало-мальски известен, поскольку пополнил ряды георгиевских кавалеров.

Многие из участников той войны с конфедератами припоминали, что именно майор Барклай принудил сдаться в плен довольно сильный отряд польского полковника Грабовского.

Пройдя войсковой путь от командира батальона до полковника — командира образцового егерского полка, Барклай удостоен был (в 1799 году) генеральского звания. Именно тогда инспектировавший полк фельдмаршал Н. В. Репнин, указывая на него, произнес: «Меня уже не будет на свете, но пусть вспомнят мои слова. Этот генерал много обещает и далеко пойдет».

Однако наиболее памятными, конечно же, были события недавней войны с наполеоновской Францией, точнее — Пултуцкого сражения 1806 года. Здесь французскому маршалу Ланну, несмотря на превосходство в силах и чрезмерную напористость, так и не удалось прорвать правый фланг русских войск под командованием генерала Барклая.

Частичные успехи Ланна Барклай парализует то ударом в штыки, то перегруппировкой сил, то контратакой, то удачным вводом резервов, то ударом артиллерии. В ходе сражения Барклай не один раз водил своих воинов в штыковую атаку. После событий пултуцких грудь генерал-майора Барклая де Толли украсилась вторым георгиевским крестом.

Разумеется, в биографии военного министра были не только удачи. Были и страницы, полные горечи и отчаяния. Одну из них хорошо знали его боевые друзья.

В январе 1807 года в очередной схватке с наполеоновскими войсками он успешно выдержал натиск группировки противника, чем обеспечил соединение главных сил Л. Беннигсена в борьбе за Прейсиш-Эйлау. Выполняя приказ главнокомандующего «во что бы то ни стало удерживать Эйлау», Барклай удерживал этот пункт, несмотря на четырехкратное превосходство врага. Дважды он вынужден был оставлять Эйлау и дважды овладевал им заново.

В конце боя, в одной из контратак, контуженный и тяжело раненный в правую руку генерал рухнул. Лежавшего без сознания в пылу сражения запросто могли растоптать в кавалерийской сече, он мог скончаться от потери крови,

наконец, просто мог быть взят в плен.

Ангелом-хранителем Барклая оказался лихой гусар Изюмского полка Сергей Дудников. Взвалив на коня тело раненого генерала, под свист пуль и вой разлетающихся осколков от ядер он вывез его на перевязочный пункт.

Ранение оказалось настолько серьезным, а рука настолько изуродованной, что с армией Михаилу Богдановичу пришлось расстаться. С незаживающей кровоточащей и гниющей раной пребывал он в Мемеле. Ситуация для Барклая складывалась непростая. Дело в том, что хирург Мемеля настаивал на ампутации руки, а лечащий врач предлагал операцию с сохранением руки.

Время шло — и ни то ни другое не делалось. В начале апреля 1807 года проездом в Мемеле оказался Александр I, ехавший на встречу с прусским монархом Фридрихом III. Узнав о находившемся здесь в критическом положении генерале, он посылает к нему своего личного врача лейб-медика Джеймса Виллие. Виллие, сделав экстренную операцию (в квартире Барклая), вынул из раны 32 осколка костей! Михаил Богданович мужественно перенес эту операцию, не проронив ни единого звука. Анестезии тогда еще не было.

По возвращении государь сам навестил тяжело раненного генерала. Здесь и состоялось их первое знакомство. Беседа была долгой. Желая знать подробности военных действий в схватках с Наполеоном, царь остался доволен глубокими познаниями военного дела Барклаем, его великолепной военной эрудицией, серьезными размышлениями и выводами. Словом, впечатление от встречи осталось у монарха наиболее приятнейшее, что сыграло решающую роль для всей последующей жизни генерала.

Поздравив Барклая с награждением очередным орденом Святого Владимира и пожелав скорейшего выздоровления, император уехал. Очевидно, все это и послужило стимулом к выздоровлению и возвращению генерала в строй. Вскоре он уже пребывал в должности начальника дивизии и в звании генерал-лейтенанта.

В начавшейся в 1808 году войне со Швецией генерал-лейтенант Барклай де Толли успешно командует корпусом. Оценивая действия его, главнокомандующий Бугсгевден доносил царю: «От успешных действий Барклая де Толли зависело все».

Однако самостоятельность в действиях Барклая вызвала бурный гнев того же главнокомандующего, что привело к отстранению Барклая от командования и увольнению его от армии «по приключившейся болезни». Положение спас император. Разобравшись в сути дела, он одобрил действия «виновного», и Барклай «был на коне». А в марте 1809 года «выздоровевший» генерал-лейтенант Барклай де Толли (как уже говорилось) провел великолепную операцию по форсированию пролива Кваркен и достижению великолепной победы в очередной войне со Швецией.

12 марта 1810 года генералитет столичного гарнизона и чиновный люд военного министерства собраны были в конференц-зале военного ведомства. Всем, от высшего чина до челяди, надлежало быть «при параде». Коридоры, лестницы, кабинеты и прочие помещения приведены были в надлежащий вид. Паркетные полы натерты до блеска. Постовые у зданий и внутри них были похожи на оловянных солдатиков. Улицы, прилегавшие к министерству, что размещалось на Гороховой улице, тщательно подметены от снега. Ожидали приезда императора с представлением нового шефа военного ведомства. Для многих встреча с императором была первой в их жизни, поэтому готовились к ней трепетно.

Произошло же все довольно обыденно.

Из подъехавших поутру карет вышли: председатель Государственного совета Н. П. Румянцев, генерал от артиллерии А. А. Аракчеев и генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли, который и имел честь быть представленным на пост военного министра сухопутных сил Российской империи.

К собравшимся в конференц-зале вышли три разительно непохожих друг на друга человека. Первый из них — Николай Петрович Румянцев, заимствовавший от фельдмаршала Румянцева-Задунайского высокую статную фигуру, второй — сутуловато-костлявый Аракчеев и за ним — высокий, худощавый Барклай де Толли. Председатель Государственного совета, зачитав официальные документы, сел на услужливо подставленный ему стул. Теперь перед собравшимися оставались два худощавых «полных генерала».

Военный экс-министр, обладатель узкого «с лошадиным овалом лица», больших мясистых ушей и такого же нависающего над большим ртом носа, упавшим голосом пытался показать, что он все еще «при власти». Призвав присутствующих столь же усердно служить государю, скромно уселся.

Теперь черед был за Барклаем. Перед собравшимися предстал моложавый, высокий, затянутый в узкий мундир генерал. Его изуродованная, не сгибающаяся в локте правая рука никак не могла принять «положение основной строевой стойки», находясь где-то посередине пояса. Пытаясь скрыть сию несообразность, он постоянно брал ее в левую руку, что делало его похожим то ли на проповедника, выступающего перед паствой, то ли на дипломата при вручении верительной грамоты.

Бледное, продолговатое лицо, обрамленное бакенбардами, отличалось серьезным спокойствием и задумчивым выражением, высокий лоб, умный твердый взгляд. Его манера держаться спокойно, независимо, прихрамывающая походка (как следствие ранения) внушали уважение. Говорил он медленно, ровным, негромким, но твердым голосом, взвешивая каждое слово. В речи его была слышна удивительная смесь английского, немецкого и прибалтийского акцентов. Коротко ознакомив присутствующих со своей биографией, новый министр выразил уверенность в успешном совместном служении на благо отечества.

«При всей своей скромности наружность его производила величественное впечатление. Он казался рожденным предводительствовать и повелевать», — так засвидетельствовал сей факт очевидец.

Итак, генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай де Толли на посту руководителя военного ведомства сухопутных сил России. Первые недели на министерском посту ушли на ознакомление с делами подчиненного ведомства, с его руководящим чиновным людом и со столичным гарнизоном.

Ему, как человеку, прошедшему более двух десятилетий в войсках, бросалось в глаза явное превосходство в быте, размещении и обеспеченности столичных военных, «цивилизованное барство» гвардии и высокомерное отношение офицерской элиты к провинциалам. Пришлось наводить порядок как среди «демократически» настроенных дворянских отпрысков, так и среди некоторых офицеров гарнизона, чрезмерно увлекавшихся балами, карточной игрой да выяснением отношений «дуэльным методом». Главное же — надлежало привести в должную систему разбухшую численность военного ведомства с ее неразберихой, волокитой и путаницей.

Рабочий день в министерстве начинался в 8 часов утра и завершался в 6

часов пополудни. Однако военный министр за час «до общего сбора» всегда был за своим рабочим столом, а покидал кабинет свой за полночь. Совершенно новая для Барклая административная должность, как и запущенность дел, требовала немало усилий и времени.

Равнодушный к балам и приемам, всецело преданный службе, он мало вписывался в привычный образ своих предшественников. Строгий, прямолинейный, требовательно-пунктуальный характер его, граничащий с педантизмом, оказался многим не по нраву.

Одновременно пришлось «оформляться» и домом. Денщиков, не впервые переносивших генеральский скарб, поражала скромность обстановки министерских апартаментов и в то же время огромное количество книг, переносимых в кабинет хозяина. Сам министр домашними делами предпочел не заниматься, препоручив их сыну и, конечно же, супруге своей Елене Ивановне.

В такой непростой обстановке Михаилу Богдановичу пришлось приступить к решению главной задачи — реорганизации сухопутных сил Российской империи.

Здесь придется сделать небольшое отступление. Дело в том, что реорганизация вооруженных сил — явление необычное.

С совершенствованием средств вооруженной борьбы необходимо изменять тактику ведения боя, определять наиболее подходящую для этого организационную структуру войск, совершенствовать управление и снабжение армии, решать целый ряд других задач, дабы не оказаться в числе отстающих, коих непременно бьют (что и подтвердили первые две войны с Наполеоном).

Наиболее преуспел в реформировании вооруженных сил Петр I и последователи его фельдмаршал П. Румянцев и генералиссимус А. Суворов. Именно под их предводительством русская армия творила чудеса на полях сражений Европы.

Однако со временем многое из того, что было «зачато» Петром, стало «исчезать из обихода армии». Особый урон русская армия понесла от непредсказуемых волюнтаристских реформ дилетанта в военном деле Павла I, пытавшегося «переучить» русскую армию по прусским образцам, совершенно не отвечающим ни российскому менталитету, ни духу времени.

Парадокс павловских реформ состоял в том, что армия делала большой шаг не вперед, а назад, исповедуя отжившую к тому времени линейную тактику с плац-парадной муштрой. Менялись не только методы обучения, форма одежды, уставы, но и принципы воспитания, когда главным стало привитие солдату чувства страха наказания. Нововведения проводились в жизнь бесцеремонно, с лицемерной жестокостью и хладнокровием, с малой заботой о безопасности государства.

В семье Барклаев воспитывались три кузины Макса — Екатерина, Анна и Кристель, а также неродная Барклаям Каролина Гейфрейх. Все они были из семей не очень состоятельных, и Михаил Богданович как бы платил долг за то добро, каким пользовался он в юности, воспитываясь в доме Вермеленов.

В период реформирования вооруженных сил от службы было уволено свыше двух тысяч штаб— и обер-офицеров, более 300 генералов и 7 фельдмаршалов. В числе уволенных под предлогом «так как войны нет, то ему и делать нечего» оказался и Александр Васильевич Суворов.

Опасность такого реформирования состояла в том, что вакантные должности занимали офицеры, слабо подготовленные, не имевшие боевого опыта, преимущественно представители «школы Гатчинской». Главным в

подборе военных кадров был принцип личной преданности, в чем немало преуспели «ковровые» генералы и полковники.

С воцарением Александра I, обещавшего править по заветам бабушки своей Екатерины II, павловские реформы были скорректированы. Была создана комиссия «для рассмотрения положения войск и устройства их», образованы военные министерства сухопутных сил и военно-морского флота, проведен целый ряд других мероприятий. Однако и учрежденной комиссии, и первому военному министру генералу от кавалерии С. К. Вязьмитинову, и сменившему его генералу от артиллерии А. А. Аракчееву проведение радикальной военной реформы оказалось непосильным.

Естественно, с приходом на пост нового военного министра у многих появилась надежда на изменение дел к лучшему.

Чтобы понять, в чем состояла суть проблемы, посмотрим на то, что представляла собой в ту пору русская армия.

Состояла же она из пехоты, кавалерии, артиллерии и специальных войск. Пехота подразделялась на тяжелую (гренадерскую) и легкую (егерскую). Гренадерская пехота, имея ружье с трехгранным штыком, действовала обычно в линейном построении. Егеря, имея на вооружении легкие ружья, действовали, как правило, в рассыпном строю, были более маневренны и предпочтительны в связи с переходом к тактике колонн и рассыпного строя. Однако приверженность Павла I к линейной тактике привела к совершенно неоправданному сокращению егерских полков (в три раза).

Второе место по численности занимала кавалерия, которая также подразделялась на тяжелую (кирасиры, драгуны) и легкую (гусары, уланы и конные егеря). Кроме того, имелись гвардейская кавалерия и национальные полки. Значительным дополнением к регулярной кавалерии были иррегулярные казачьи формирования.

Наиболее дорогостоящим родом войск была артиллерия, которая подразделялась на полевую, осадную и крепостную.

Вся эта многоликая масса войск характеризовалась чрезмерной пестротой своей организации, различиями в методах управления, способах использования и приемах тактических действий.

Однако это была лишь первая часть реформаторской проблемы. Дело в том, что к началу XIX века действующая армия представляла собой не одну, а несколько полевых армий. Это было совершенно новым явлением в военном искусстве. Методов управления в сражении столь большим количеством войсковых соединений (именуемых ныне фронтом) теоретически разработано не было. Права и полномочия главнокомандующего такой массой войск не были определены. Наконец, для любого прогрессивно мыслящего военного специалиста была совершенно неприемлема идеология палочной дисциплины.

Начинать же надо было с решительного отхода от линейной тактики с возвратом к передовым тактическим румянцевско-суворовским приемам, к организации полевых сражений, к тактике колонн и рассыпного строя.

Как уже говорилось, попытки предшественников Барклая решить многотрудную проблему радикального реформирования сухопутных сил успеха не имели. Теперь, когда надвигавшаяся война все более заявляла о себе, решать эту задачу предстояло форсированным методом. К чести Барклая, реорганизация сухопутных сил России к началу Отечественной войны 1812 года была успешно завершена.

Были приняты оптимальные единые штаты гренадерских и егерских

полков, бригад и дивизий. Аналогичная реорганизация была проведена и в кавалерии. Что же касается артиллерии, то вместо разнотипных рот, батарей и артиллерийских полков были созданы единообразные артиллерийские роты, батареи и бригады (вместо полков). Это позволило не только улучшить организационную структуру артиллерии, но и способствовало централизованному управлению и сосредоточению массированного артиллерийского огня на избранных направлениях.

Одновременно был завершен перевод пехоты на штатную корпусную организацию. Теперь командир корпуса имел в своем распоряжении три пехотных, одну кавалерийскую дивизию и артиллерийскую бригаду, то есть получил полную самостоятельность в решении тактических задач.

К этому времени были сформированы и кавалерийские корпуса, что давало возможность наиболее целесообразно использовать этот подвижный род войск. Была окончательно разработана и армейская структура. В аппарате командующего армией достойное место занял штаб как орган управления.

Наиважнейшей была и задача ликвидации несообразности в соотношении родов войск и видов инфантерии. При общем увеличении вооруженных сил задачу эту нельзя было упускать из виду. За короткий период времени были сформированы 19 егерских, 27 пехотных, 13 кавалерийских полков и 41 артиллерийская батарея.

Пришлось решать и другие жизненно важные задачи, одной из которых была судьба интендантского корпуса армии. Дело в том, что в поражениях русской армии в двух первых войнах с наполеоновской Францией император (по наущению «отцов-командиров») обвинил интендантство! Самодержец лишил офицеров интендантского ведомства права ношения погон на военном мундире. Это была своеобразная пощечина интендантам, едва оправившимся от шоковых реорганизаций Павла I. Назначенная Барклаем де Толли комиссия, тщательно исследовав проблему, пришла к неопровержимому выводу о невинности интендантства в поражении русских войск. В этой связи военный министр обратился к императору с просьбой об отмене существующего рескрипта.

Александр I, не желая себя компрометировать, посоветовал военному министру решить все это полюбовно, то есть разрешить право ношения погон интендантскому корпусу своим устным распоряжением. Так, впервые в истории строительства российских вооруженных сил официальный рескрипт императора был «устранен» устным распоряжением военного министра!

Особо следует отметить значительный вклад Барклая де Толли в развитие российской военной теории. Как уже говорилось, в начале XIX века военная теория столкнулась с проблемой организации действий по руководству и управлению группировкой войск, состоящей из нескольких полевых армий. В те времена действия главнокомандующего столь крупной группировкой войск носили произвольный, не подкрепленный уставами характер.

Накануне отечественной войны в России (впервые в теории военного искусства) появился документ под названием «Учреждение по управлению Большой действующей армией», разработанный под непосредственным руководством военного министра. Согласно «Учреждению», главнокомандующий Большой действующей армией получал все необходимые права не только в отношении подчиненных ему войск, но и в отношении гражданских чинов на театре военных действий. Большая действующая армия получала в свое распоряжение тыловой район с его экономическим

потенциалом и коммуникациями.

В распоряжении главнокомандующего находился главный штаб, в котором «соединялись все части полевого управления». Сам главнокомандующий назначался «высочайшим именованным указом царя» из состава генералитета «по единому убеждению отличных способностей».

Важные изменения произошли и в высшем эшелоне военного управления. В том же 1812 году военное министерство сухопутных сил получило возможность непосредственного сношения с монархом (а не через военный департамент, как прежде), что упрощало решение вопросов и повышало авторитет военного ведомства и, к вящему неудовольствию Аракчеева, практически сужало полномочия департамента военных дел.

В этой связи злые языки говорили: «Аракчеев, выведший Барклая из ничтожества, думал управлять им как секретарем. Однако Барклай показал характер, которого Аракчеев не ожидал. С самого начала он взял власть и могущество, которое Аракчеев думал себе навсегда присвоить, но ошибся».

Разумеется, военное реформаторство должно было быть завершено созданием соответствующих уставов и наставлений. Учрежденный еще в 1808 году комитет для сочинения уставов — пехотного, кавалерийского и артиллерийского — работал ни шатко ни валко. Энергичное вмешательство военного министра в деятельность комитета дало свои результаты. В 1812 году появился «Воинский устав пехотной службы», в коем излагались основы тактики ведения боя.

Что же касается кавалерии, то пришлось ограничиться «Предварительным постановлением о строевой кавалерийской службе». Артиллеристов выручил единомышленник Барклая, талантливый генерал-артиллерист Александр Иванович Кутайсов, написавший «Общие правила для артиллерии в полевом сражении». Наконец, перед самым началом войны вышел еще один примечательный документ военного ведомства — «Наставление господам пехотным офицерам в день сражения», где подробно говорилось о том, как надлежит действовать офицеру в зависимости от той или иной обстановки, содержались требования по поддержанию высокой боеспособности подчиненных, побуждались инициативные действия.

«Командир, — говорилось в нем, — не должен довольствоваться одной перестрелкой, но выискивать удобные случаи, чтобы ударить в штыки и пользоваться сим, не дожидаясь приказа». Настойчиво проводилась мысль об использовании новых тактических приемов. Здесь же рекомендовалось офицерам «не допускать излишеств в обучении солдат, а учить их более тому, что война потребует».

В разделе «Как офицеру относиться к солдату» говорилось, что чем больше командир «в спокойное время был справедлив и ласков, тем больше на войне подчиненные будут стараться оправдать сии поступки и в глазах его один перед другим отличиться».

Впрочем, что касается отношений офицера с нижними чинами, то в одном из своих циркуляров, объясняя причины частых болезней и смертей в армии, Барклай указывал на «неумеренность в наказании, изнурение в учении сил человеческих и непопечении о свежей пище». И уж совсем в пику Аракчееву обращает внимание: «на закоренелое в войсках наших обыкновение: всю науку, дисциплину и воинский порядок основывать на телесном и жестоком наказании, были даже примеры, что офицеры обращались с солдатами бессердечно, не полагая в них ни чувства, ни разума, хотя с давнего времени

мало-помалу такое зверское обхождение переменилось, но и поныне еще часто за малые ошибки весьма строго наказывают».

Нетрудно заметить, что положения наставления, как и циркуляры Барклая, отражали передовые взгляды на военное дело предшественников его, от Петра I до Суворова.

Одновременно с созданием нового Барклай столь же решительно боролся с отжившим, старым. Был ликвидирован ряд крепостей на северо-западе и юге, оказавшихся в глубоком тылу, личный состав их и вооружение были переданы на усиление западных рубежей.

В целом в результате реформы и проведенных рекрутских наборов численность вооруженных сил к лету 1812 года увеличилась более чем в два раза и вместе с иррегулярными войсками достигла 1275000 человек. При этом намного улучшился качественный состав младших чинов. По настоянию военного министра указом императора «за поставку некачественных новобранцев с виновных взимался штраф в сумме 50 рублей».

Что касается личной жизни Михаила Богдановича, то история, к сожалению, мало сохранила сведений об этом. Известно лишь то, что семья его вместе с кузинами была большой, любимицей семьи и Михаила Богдановича была кузина Кристель. Жили небогато, но дружно. Елена Ивановна все семейные хлопоты взяла на себя, окружив мужа постоянной заботой и вниманием. В ту же пору в Петербурге с семьей жил и старший брат, полковник-инженер Иван Барклай де Толли. Он, его жена, их сын Андреас (начавший служить в Министерстве иностранных дел, но вскоре прикомандированный к своему дяде, военному министру) были завсегдатаями в доме Барклая.

На лето семья Барклаев выезжала в имение Бекгоф, которое Елена Ивановна выкупила у своего брата Густава Смиттена в 1810 году за 65 тысяч рублей ассигнациями.

И все же не все армейские проблемы удалось решить в одночасье. Причиной тому были не только сопротивление определенной части генералитета и чиновного люда, ограниченность времени, сложная бюрократическая система, но и отсутствие должного опыта «царедворца» и, конечно же, прямолинейный, независимый и в некоторой степени замкнутый характер Барклая.

Неслучайно Александр Сергеевич Пушкин писал о Барклае де Толли: «Внезапно, получив звание военного министра, он не только возбудил против себя зависть, но приобрел много неприятелей».

Неловкий у двора, он не расположил к себе людей к государю близких, холодностью в общении не снискал приязни равных, не сделал приверженными к себе подчиненных.

Скорый на введение новых постановлений, строгий в обличении недостатков прежних, он вызвал злобу сильного своего предместника, который малейшую из его погрешностей выставлял в невыгодном для него свете.

Чрезмеру недоверчив, иногда доверчив до чрезвычайности, все мнил наполнить собою».

Было и такое. Однако никто не может отрицать огромных заслуг генерала от инфантерии Михаила Богдановича Барклая де Толли — активного и целеустремленного реформатора подготовившего русскую армию к Отечественной войне 1812 года. То, чего предшественникам его не удалось сделать за десятилетие, им решено было за два года. За полезную и деятельную

службу по реорганизации русской армии мундир военного министра украсился очередным орденом Святого Владимира.

Глава II «Поручаю вам мою армию»

*Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали.*

М. Ю. Лермонтов

21 апреля 1812 года в два часа пополудни, после торжественного богослужения, император Александр I покинул столицу. Петербуржцы с нескрываемым любопытством и тревогой смотрели на царскую кавалькаду, отправляющуюся невесть куда.

Домыслы были разные. Одно было ясно: это не увеселительная прогулка монарха. Слишком уж много было среди верховых и в каретах офицерских да генеральских чинов. Не на войну ли? Дай-то бог, чтобы все обошлось маневрами.

Те же, кто внимательно следил за событиями, за тем, как складывались отношения России с Францией, предполагали самое худшее. Оснований к тому было предостаточно. Ведь совсем недавно покинул столицу военный министр Барклай де Толли. Известно, что ныне, не оставляя министерского поста, командует он 1-й Западной армией. К тому же, начиная с отъезда Барклая, отнюдь не в парадной, а все в той же походной форме, от Нарвской заставы уходили и уходили на запад один за другим полки.

Вслед за стройными колоннами войск уныло тянулись экипажи провожающих. Те, кто не имел, толкались здесь же на тротуаре, стараясь протиснуться поближе к проезжей части, и последний поцелуй, последний перстовый крест, последний взмах рукой, последний прощальный взгляд выражали любовь и тоску по ушедшему.

Действительно, а что, если война? Возвращались снова к этой теме. «Кто возглавит армию против столь грозного Наполеона? Ведь события недавних лет показали, что шутки с Бонапартом плохи. На что уж хитер в военном деле Михаил Кутузов, и то потерпел конфузию под Аустерлицем!» — «Да полноте, — возражали другие, — разбил же он ныне турок. Да не только разбил, уступая в силах, но и вынудил Порту подписать выгодный для России мир. А что касается Аустерлица, то виноват в том совсем не он, а его монаршая милость. Вот только что будет делать наш обожаемый монарх, если очередная встреча его с нареченным братом Бонапарте состоится не на плоту посередине Немана (как в прошлый раз), а снова на поле брани? Поди, ретируется опять, как под Аустерлицем, подхватив медвежьей болезнью по дороге, а потом за храбрость, проявленную в борьбе с оной, получит очередного Георгия!»

«Сможет ли послушник Барклай постоять за себя и за армию?»

Да только ли в этом дело! Главное в том, насколько Россия-матушка готова к предстоящей войне. Каковы силы, собранные на западной границе? Кто будет союзниками в войне? Как она, эта война, мыслится? Что станет с именными в западных губерниях? Словом, вопросов было больше, чем ответов.

Ну а все же — если война? Все упования на Барклая? Почему же только на него? Командует же 2-й Западной армией бесстрашный Петр Иванович Багратион!

Досушие разговоры эти велись постоянно в Петербурге весной 1812 года.

Однако не лучше ли посмотреть на истинное положение дел. Ситуация же была такова.

Действительно, вскоре после отъезда из Петербурга Барклай де Толли вступил в командование 1-й Западной армией. Вслед за ним, оставив снимаемую в Петербурге квартиру, выехала в Вильно и супруга его Елена Ивановна.

Главная цель приезда военного министра в западные военные инспекции состояла в подготовке войск в приграничной полосе к предстоящей войне с наполеоновской Францией. Ему вменялось в обязанность приведение их в боевую готовность с доукомплектованием нижними чинами и офицерским составом, а также вооружением, боеприпасами, провиантом и фуражом. Надлежало также привести в надлежащий вид оборонные сооружения, отрекогносцировать местность, определить оптимальную группировку войск на случай войны.

Трудности при этом состояли в крайне неблагоприятной обстановке, в коей оказалась Россия в ту пору.

Вследствие беспрерывных войн в начале века ресурсы страны были истощены. Несмотря на успешный выход из войн на северном и южном флангах (против Швеции и Турции), осуществить перегруппировку войск на западное стратегическое направление за неимением времени было невозможно.

Ситуация осложнялась и неопределенностью положения военного министра, права которого по принятию важных решений были ограничены, а попросту говоря, принадлежали монарху, приезда которого Барклай и ожидал теперь с нетерпением.

Тем временем жизнь в столичном Петербурге шла своим чередом. В газетах много писалось, а в народе — говорилось об открывшемся Казанском соборе. По освобождении храма от строительных лесов, а прилегающей территории — от строительного хлама взору петербуржцев предстал великолепной архитектуры ансамбль, созданный «из продуктов земли русской» руками православных людей по проекту русского зодчего Андрея Воронихина. Все, что было лучшим в ту пору на Руси, обращено было на строительство кафедрального храма православия. «И скупую суровую почву севера люди превратили в камень, то мягкий, как мел, то твердый, как скала, то красочный, как радуга... Добавив сюда железо, бронзу, серебро и золото, они превратили все это в русскую сказку».

Петербуржцы с восхищением взирали на колоннаду — полуобъятия, обращенные к Невскому проспекту, совершенно не подозревая, что вскоре храм сей превратится в пантеон русской военной славы и станет центром по мобилизации духовных сил нации для борьбы с наполеоновским нашествием.

Между тем война неумолимо приближалась к границам государства. Еще по вступлении в должность военного министра Барклай обеспокоенно читал донесения русского посла в Париже: «Теперь уже не может оставаться никакого сомнения, — писал он, — что в мыслях Наполеона эта война окончательно решена. Но он отсрочивает только ее начало, потому что не совсем еще к ней приурочен».

Форсируя подготовку к войне, Наполеон рассылает своим подопечным (союзникам по коалиции) «Перечень обид, нанесенных Россией Франции», проводит военную мобилизацию, требует от Австрии выставить сорок, а от Пруссии двадцать тысяч солдат.

Весной 1812 года через Пруссию и Польшу потянулись к границам России армады наполеоновских полчищ.

Мог ли всего этого не замечать военный министр? Ответ на этот вопрос дает одно из первых донесений его императору. «Россия, — говорилось в нем, — единственно на западной границе, где должна будет для существования своего вести кровопролитную войну, менее всего приуготовлена к надежной обороне».

Теперь, когда война застучала в ворота России, все, кто осознавал это, стали придирчиво оценивать деятельность Барклая на министерском посту. Разумеется, возлагать всю полноту ответственности на него было бы неправильно, тем более что ни достаточным временем, ни полномочиями для этого он не располагал. Однако и сбрасывать со счетов содеянное им было бы тоже нельзя.

Действительно, в короткие сроки была проведена реорганизация армии, введены новые уставы и наставления, принято «Учреждение для управления Большой действующей армией», Россия достойно вышла из войны со Швецией и Турцией (в результате Наполеон лишился двух важных для него союзников).

Однако произошло все это с явным опозданием, что особенно наглядным было для южного фланга, где Порты Оттоманская была уведена Кутузовым «из-под носа Наполеона», буквально перед самым началом войны. Наполеон, обескураженный таким пассажем, был вне себя от ярости. Истратив весь запас французских ругательств, он воскликнул: «Турки дорого заплатят за свою ошибку! Она так велика, что я и предвидеть ее не мог».

Вместе с тем надежды России на создание новой антифранцузской коалиции не оправдались. Разработанный план совместного ведения войны с участием Пруссии, Польши и Швеции оказался несостоятельным. Пруссия, изменив военной конвенции 1811 года, вслед за Австрией вступила в военный союз с Наполеоном. Сложной оказалась обстановка и в герцогстве Варшавском. Желая заполучить польское «пушечное мясо», Наполеон не скупился на обещания. Польская шляхта, замороженная посулами Бонапарта, склонилась на его сторону.

Правда, весной 1812 года удалось все же привлечь в военный союз Англию и Швецию, однако рассчитывать на скорую действенную помощь с их стороны не приходилось. Такой сложной оказалась для России международная обстановка.

Разумеется, военные круги беспокоило и многое другое, о чем простые смертные не подозревали.

Действительно, коль скоро предстоит вступление в войну, то необходима тщательная подготовка театра военных действий, то есть подготовка оборонительных сооружений, коммуникаций, определение группировок войск, создание запасов материальных средств, наконец, разработка плана войны.

Последнее было особенно важным. Несмотря на представление монарху нескольких вариантов ведения войны, самодержец не поставил ни на одном из них своей подписи. Казалось бы, с одним вариантом (разработанным Барклаем) царь согласился. Но — увы! Будучи верным себе, Александр I не отказался при этом и от плана Фуля!

Сам иностранец по происхождению, Михаил Богданович к этому выскочке Фулю относился весьма неприязненно (если не сказать брезгливо).

Полковник прусской армии Карл Людвиг Август фон Фуль, отлично знавший теорию военного искусства «до первого выстрела», утверждавший,

что «не бой — маневр решает исход сражения», после Иенской битвы (где в 1806 году прусская армия потерпела сокрушительное поражение от Наполеона) оказался на русской военной службе.

Снискавший доверенность, кою весьма легко достигали иноземцы, он вскоре стал генералом — наставником русского царя по вопросам военной стратегии. Этот чванливый догматик, прозванный русскими офицерами «помесью рака с зайцем», не знавший ни России, ни ее обычаев, ни русской армии, ни русского языка, брал на себя ответственность за разработку плана войны против самого Наполеона!

По плану Фуля предполагалось, что на первом этапе войны 1-я Западная армия отойдет под натиском врага в Дрисский укрепленный лагерь. Вторая же армия будет действовать во фланг и тыл противника, заставив, таким образом, вести борьбу в сложных условиях полуокружения его главных сил.

Недостаток плана Фуля был более чем очевиден. Он не предусматривал возможности рассечения русских армий и уничтожения каждой из них порознь. Впрочем, и этот далеко не идеальный план утвержден императором тоже не был.

Нерешительность царя, разноречивые во мнениях серьезно затрудняли действия военного министра по созданию группировки войск. Вот почему сразу по прибытии в Вильно Барклай доносил самодержцу: «Необходимо начальникам армий и корпусов иметь начертанные планы их операций, которых они по сие время не имеют».

Ответ царя на это послание был похож на проповедь священнослужителя: «Прошу Вас, не робейте перед затруднениями. Полагаюсь на провидение божие и его правосудие».

Казалось бы, единственным утешением было состояние оборонительных сооружений.

Незадолго до своего отъезда в войска Барклай читал донесение генерала инженерных войск К. Оппермана. «Из сего генерального моего донесения, — писал тот, — следует, с каким большим успехом в нынешнем году фортификационные работы произведены были, и летопись российской фортификации доказывает, что, окромя во время государя Петра Великого, никогда в одном году столь обширные инженерные работы предпринимались и произведены не были».

Однако восторженный тон немца-служаки мало отражал действительность. По следованию своем в армию Барклай увидел совсем иную картину. К марту 1812 года были возведены лишь предмостные укрепления у Динабурга и Бобруйска, начато строительство таковых у Борисова да совершенствовались укрепления Риги и Киева. Исключение составляло лишь детище царя — Дрисский лагерь, работы по сооружению которого велись вполне успешно. Словом, знакомство с оборонительными сооружениями оставило тягостное впечатление.

Наскоро созданные полевые укрепления и наспех отремонтированные крепости ни опорным пунктом для войск, ни сколь-нибудь серьезным препятствием на пути неприятеля не являлись. К тому же гарнизоны крепостей были малочисленны, а орудий и припасов недоставало. Неслучайно Наполеон, осведомленный о состоянии оборонных сооружений России, съезвил: «Хорошее сражение окажется лучше, чем благие намерения моего друга Александра и его укрепления, возведенные на песке».

Не меньшее беспокойство у военного министра вызывали и вопросы

создания необходимых запасов материальных средств. Благодаря огромным усилиям к весне двенадцатого года на рубеже рек Западной Двины, Березины и Днепра была развернута сеть главных магазинов с запасами продовольствия и фуража. Западнее главных создавались расходные магазины, а восточнее — запасные депо.

К началу войны в них имелось более 350 тысяч пудов муки, 33 тысяч пудов крупы и почти 470 тысяч пудов овса, что обеспечивало шестимесячную потребность 250-тысячной армии. Было ясно, что запасы эти недостаточны, поскольку армию надо будет создавать гораздо бо́льшую по численности, да и война, судя по всему, должна стать более продолжительной.

Там же, в треугольнике Березина — Двина — Днепр, были размещены и артиллерийские парки. В главных арсеналах страны имелось 175928 ружей пехотных, кирасирских, драгунских и карабинов гусарских, чего для обеспечения многочисленной армии было недостаточно. При этом огнестрельное оружие было весьма разномастным, представленное 28 различными калибрами. Обеспечить действующую армию таким разнообразием боеприпасов было трудно.

Наконец, несмотря на дополнительные рекрутские наборы, создать армию, равную по численности французской, не удалось.

Если к сказанному добавить, что в приграничных военных инспекциях следовало незамедлительно произвести ряд важных перемещений командного состава и столь же незамедлительно решить вопрос о главнокомандующем на театре войны, то станет понятно, почему в западных армиях приезда императора ожидали с нетерпением бо́льшим, нежели приход православной Пасхи.

Как бы там ни было, а военный министр, совершая «турне» в западные военные инспекции, ближе познакомился с вверенными ему войсками, проинспектировал гарнизон Риги (побывав здесь же у двоюродного брата Августа Баркляя де Толли) и 11 апреля прибыл в Вильно.

Вернемся, однако, снова в столицу государства российского, в коей скорый отъезд военного министра и государя вызвал немалый переполох в иностранных ведомствах и особенно в посольстве Франции.

Прибывшего на аудиенцию французского посла Ж. Лористона российский министр иностранных дел граф Николай Петрович Румянцев усердно убеждал в том, что «убытие сих важных персон вызвано необходимостью присутствия оных на больших маневрах войск». Более того, присутствие императора имеет цель предотвратить какое-либо движение войск, которое могло бы вызвать разрыв отношений и вооруженный конфликт.

Он же выказывал большую озабоченность России в связи с сосредоточением значительного количества французских войск на ее границе, «дабы не произошло какого-либо столкновения, могущего явиться поводом к войне». Лористон, проглотив сие замечание, постарался обратить внимание на другое. Делая красивую мину при плохой игре, он упрекал графа в том, что, несмотря на предыдущую договоренность и настойчивые приглашения, никто из столичных офицеров не хочет посещать балы и приемы во французском посольстве. Более того, петербургская знать прекратила посещение тех домов, в кои был вхож французский посланник.

Предвосхищая дальнейшие слова Лористона, хозяин приема высказал ему искреннее сожаление по поводу хулиганского поведения петербургской публики, усердно забрасывающей камнями французское посольство, особенно

же ту часть здания, через окна которой хорошо виден был бюст Наполеона. Что делать! Такой уж русский характер! Поражение в двух наполеоновских войнах и унижительный Тильзитский мир бередили души русских патриотов.

Однако вернемся к настойчивым и лицемерным просьбам Лористона, «страстно жаждущего» видеть русских офицеров на приемах во французском посольстве. Желание его к общению с офицерами столичного гарнизона объяснялось другим.

Дело в том, что Наполеон был взбешен успехами русской военной разведки, учрежденной Баркляем де Толли при генеральном штабе русской армии.

Резидент ее в Париже, красавец полковник Александр Чернышев, завсегда парижских балов и салонов, один из фаворитов высшего света (бывал гостем в доме Наполеона), подкупил капитана Мишеля (ведавшего секретным делопроизводством генерального штаба), который оперативно снимал копии со всех документов по подготовке французской армии к войне против России и столь же оперативно передавал их Чернышеву.

В результате в руках Баркляя де Толли оказался мобилизационный план Франции и ее союзников по антирусской коалиции, «секретнейший и наиважнейший документ, в котором хранилось военное счастье Франции».

Напав на след русской военной разведки, тайная полиция Франции любыми способами пыталась выведать степень раскритичности военных планов.

Если к сказанному добавить, что у предшественника Лористона (французского посла в Петербурге А. Нарбонна) была выкрадена шкатулка, тоже с секретными планами подготовки Наполеона к войне, то гнев Наполеона и назойливые приглашения Лористона понять было нетрудно. Когда как не во время пьяного застолья развязываются языки у захмелевших!

И снова вернемся на поле предстоящей брани.

Конечно, скрыть приезд русского царя в Вильно оказалось невозможно, так же как и приезд французского императора в Ковно. Впрочем, Наполеон особого секрета из своего «путешествия» и не делал. Города вассальной Европы встречали появление его фейерверками, балами да приемами. В тот момент его более всего занимала мысль, удастся ли завершить сосредоточение 600-тысячной группировки войск на границе с Россией. Не предпримет ли Россия предупредительных мер? Не начнет ли громить подходящие войска по частям? Конечно, рассудительный и осторожный Барклай вряд ли пойдет на такое. Но! Там же находился и стремительный Багратион, имевший большое влияние на монарха.

Дабы избежать столь неудачного оборота, Наполеон посылает к русскому царю своего дипломата (того же А. Нарбонна), который уверениями о мире и дружбе должен был притупить бдительность русского царя. Ему же вменялось, если возможно, разведать состояние русской армии.

Предвидя все это, Барклай окружил прибывшего Нарбонна своими агентами, кои в период встречи его с царем снова вскрыли шкатулку Нарбонна и ознакомились с инструкцией Наполеона, в которой говорилось:

- узнать число войск; кто командует ими и каковы они; каков дух в войсках и каково расположение жителей; нет ли кого из женщин, особенно в окружении царя;

- знать расположение духа самого монарха;

● свести знакомства с его окружением.

Вместе с тем по приезде императора в Вильно начались сплетни, интриги, навязывание сумасбродных планов предстоящей войны.

«Главкомандующий Барклай де Толли, — писал в этой связи виленский губернатор Леванский, — человек честный, благородный и холодный, часто приходил от того в отчаяние... проекты за проектами, планы и распоряжения, противоречивые друг другу, сыпались как из рога изобилия. Все это, сопряженное с завистью и клеветой, нарушало спокойствие главнокомандующего, отзывалось на его подчиненных». И далее: «Но Барклай непоколебимо продолжал свои распоряжения с той же настойчивостью. Дивиться надобно твердости характера сего полководца».

Было и другое. С приездом императора и увеличением в Вильно наиболее привилегированного сословия гвардейских офицеров участились пьянки и кутежи. Шел сбор «пожертвований» на строительство специального зала на банкет в честь монарха. Стоимость билета на сие благотворительное увеселение доходила аж до 100 рублей! Вильно впал в такую беспечность, словно неприятель был за несколько тысяч верст.

Надо отдать должное французской разведке. Крыша банкетного зала, построенного архитектором немцем Шульцем, должна была рухнуть во время банкета на офицерские и генеральские головы, не исключая и головы самодержца. Однако русскому офицерству на сей раз повезло. Видно, немец-архитектор переусердствовал. Крыша рухнула сразу же после его побега. Все были рады такому обороту, но сходились в том, что это плохое предзнаменование.

Конечно же, не обошлось без парадов и традиционных смотров войск, на двух из коих (несмотря на сопротивление Барклая и русского генералитета) присутствовал посланник Наполеона небезызвестный Нарбонн.

«Меня удивляло, — писал по сему поводу государственный секретарь А. Шишков, — что присланному от Наполеона генералу показывают ученья наших войск. На что это? Затем ли, чтобы сделать ему честь?»

Выказывая любовь к солдафонщине, император и пасхальное богослужение превратил в вахт-парадное действо, усердно репетируя «явление царя народу» с привлечением церковного хора и военного оркестра.

Если к сказанному присовокупить различные непродуманные действия и скоропалительные перемещения должностных лиц, то Вильно накануне войны, по словам современников, напоминал салтыковскую «историю одного города» с великолепным русским головотяпством.

Ну и что же Барклай в период этой всеобщей эйфории?

Многие, читая сообщения из Вильно, удивлены были тем, что, несмотря на очевидность скорой войны, военного министра сопровождает в Вильно его жена!

Впрочем, многие и оправдывали Елену Ивановну, утверждая, что ей к сопровождению мужа в походах не привыкать. Если уж жена Кутузова, при пятерых дочерях, сопровождала часто его в походах, то жене Барклая при единственном взрослом сыне «сам бог это делать велел». Одновременно сходились все на том, что присутствие ее «не придавало приятности дому Барклаев, так же как и собственный характер этого достойного и благородного генерала мало был по наружным изъявлениям привлекателен».

Другое дело «краса русских войск» князь Багратион, с его орлиной внешностью, метким словом, веселым нравом, с открытой и пылкой душой, но

все склонялись к тому, что «если бы Багратион имел ту же степень образованности, какую Барклай, то, без сомнения, сей последний не мог бы идти в сравнение с оным».

Конечно, по прибытии монарха в армию Барклаю удалось решить некоторые из срочных дел. Все были довольны тем, что начальник штаба 1-й Западной армии, нервный, шумный, не знавший ни одного слова по-русски итальянец маркиз Филиппо Паулуччи заменен был генералом А. П. Ермоловым.

Алексей Петрович Ермолов был личностью неординарной. Службу свою начал еще при Суворове. При Павле, как и многие, оказался в опале (за связь с кружком «вольнодумцев» был арестован и выслан из Москвы). Из ссылки возвращен был благодаря хлопотам большого друга своего Петра Ивановича Багратиона. Ермолов отличался и выразительной богатырской внешностью. Авторитет его в армии был огромен. Смущало, однако, Барклая одно немаловажное обстоятельство — нескрываемая неприязнь Ермолова к иностранцам, к коим некоторое отношение имел и сам Барклай.

На должность генерал-квартирмейстера штаба (вместо хорошего чертежника генерала С. Мухина) был определен молодой, весьма образованный Карл Толь, «полковник с отменно хорошими дарованиями. Трудолюбивый и смелый, однако весьма трудный в обращении со старшими, но приятен с подчиненными».

Не меньший интерес в штабе представляла и личность «дежурного генерала», полковника Семена Христофоровича Ставракова. Простолудин Ставраков, замеченный еще Суворовым, прошел тернистый путь от солдата до генеральского чина. Именно Ставраков сопровождал Суворова во всех его походах. А когда Суворов уволен был от армии, Ставраков, не имея за душой ни состояния, ни единого крепостного, тоже вышел в отставку. Именно он переписывал начисто суворовскую «Науку побеждать». Странно, но этот трудолюбивый, исключительно прилежный и исполнительный человек пришелся не по душе новому начальнику штаба. Однако сколько ни старался Ермолов избавиться от Ставракова, Барклай оставил его «в неприкосновенности».

Из доклада вернувшегося к Наполеону Нарбонна следовало, что Россия войны не желает, однако полна решимости сопротивляться, даже если отступить придется «аж до Камчатки». Именно тогда якобы русский царь произнес: «Я не обнажу шпагу первым, но зато последним вложу ее в ножны».

Разумеется, все это изрядно разрушало созданный Наполеоном миф об известной агрессивности России, но не меняло его твердых намерений к войне. Как бы там ни было, но обстоятельства последнего этапа подготовки к войне складывались для него благополучно.

К середине июня Великая армия была готова к претворению плана по покорению России в жизнь. Суть сего плана состояла в том, чтобы стремительным выходом к Вильно рассеять русские силы, перекрыть им коммуникации и осуществить полный разгром их в приграничной зоне, до отхода за рубеж рек Западная Двина — Днепр.

Успех первого этапа войны должен был создать предпосылки к стремительному продвижению в глубь страны и победоносному завершению кампании до наступления зимы.

С учетом стратегического замысла были созданы три группировки войск для действий на петербургском, московском и киевском направлениях.

«Если я займу Киев, — говорил Наполеон, — я возьму Россию за ноги,

если займу Петербург — я возьму ее за голову. Заняв Москву, я поражаю ее в сердце». Сюда и наносился главный удар.

Группировками командовали сам император, приемный сын Наполеона Евгений Богарне и его младший брат Жером Бонапарт.

Обеспечение правого фланга возлагалось на австрийский корпус К. Шварценберга, левого крыла — на франко-пруссский корпус Ж. Макдональда. Второй эшелон представляли войска маршала П. Ожеро, там же обретался и резерв. Общее руководство на театре войны осуществлял Наполеон.

При общей численности французской армии в 1,2 миллиона человек половину ее составляла Великая армия, сосредоточенная на границе с Россией в полосе шириной в 300 километров.

Добавим к сказанному великолепную осведомленность Наполеона о дислокации русских войск. В документах, взятых у противника в ходе войны, обнаружено было расписание русских войск и списки начальников. Кстати, в шкатулке, похищенной у того же Нарбонна, было обнаружено досье на 60 русских генералов с полной характеристикой их деловых качеств.

И вообще Наполеон к войне всегда готовился обстоятельно. Россия в этом отношении исключения не составляла. Еще задолго до войны в Смоленске, Могилеве, Минске и других местах под видом фокусников, комедиантов, учителей, художников, лекарей, музыкантов, странствующих монахов появились французские шпионы. Особо опасны были так называемые землемеры, которые тайно занимались съемкой местности для подготовки топографических карт и характеристик дорожной сети.

Под подозрением русской контрразведки оказались и некоторые из чиновников. Более того, Наполеон предпринял попытку подрыва и финансового состояния России. Весной 1812 года в местечковых синагогах равнины передавали своим «верным» прихожанам (для дальнейшего распространения) фальшивые ассигнации Российского государственного банка, полученные ими через французских банкиров (евреев).

Вернемся, однако, снова в столицу государства российского, просвещенную публику коей занимал вопрос, что заставляет Наполеона идти войной на матушку-Русь.

Домыслы были разные. Одни полагали, что война неминуема из-за оскорбления, нанесенного Наполеону монаршей фамилией. Действительно, пожелавший породниться с царским двором был Наполеон оскорблен в лучших своих намерениях. Ответ великой княжны Екатерины Павловны: «Я скорей пойду замуж за последнего русского истопника, чем за этого корсиканца» не был секретом для Европы. И надо же такому случиться: вышла-таки за Георга Ольденбургского, о коем писал Наполеону Коленкур: «Принц безобразен, жалок, весь в прыщах, с трудом изъясняется».

Но Наполеон не был бы Наполеоном, не будь он столь напорист. Однако и вторая попытка его стать зятем русского царя оказалась безуспешной. Александр I «любезнейшим образом уклонился от положительного ответа выдать замуж свою вторую сестру Анну Павловну».

Разумеется, последовавшая после сих пассажей женитьба Наполеона на австрийской принцессе Марии-Луизе существенно изменила ситуацию в Европе в худшую для России сторону. К тому же Наполеон не остался в долгу перед царским двором. Вскоре он довольно бесцеремонным образом лишил владений принцев Ольденбургских — Петра (дядю Александра I) и его сына Георга (двоюродного брата и зятя Александра I), что не могло не обострить отношения

императорских домов.

Другие полагали войну Наполеона против России превентивной, дабы Россия, используя свое могущество, не разрушила созданную Бонапартом «Европейскую империю». Думается, что Наполеон имел к тому немалые основания. Действительно, русское самодержавие не теряло надежды на восстановление свергнутых в Европе монархических режимов. Однако пока русский царизм размышлял над этим, Наполеон совершил нападение.

Были и утверждения о том, что война — это следствие вынужденной для России так называемой континентальной блокады Англии. В то же время многим казалось, что войну Наполеон начинает ради удовлетворения своих честолюбивых амбиций:

Весь мир осуществить Парижем,
В Париже воплотить весь мир.

Наконец, были и разговоры, затрагивавшие честолюбие царя и военного министра.

Многие из ветеранов екатерининских времен утверждали, что русская армия, потерпев ряд поражений, сама дала повод для нападения. К тому же кто стоит ныне во главе вооруженных сил? Император да военный министр, далеко не искушенные в ведении войны в столь крупных масштабах. Вряд ли в суворовские времена Наполеон осмелился бы на такое.

Между тем истинная причина войны состояла в агрессивной политике буржуазной Франции, для которой Россия была не только костью в горле в проведении захватнической политики, но и страной с огромными материальными и людскими ресурсами.

Что же касается некоторой части прогрессивно настроенного населения, надеявшегося на буржуазное социально-экономическое переустройство России, то Наполеон и мысли не допускал об этом. Послевоенное устройство России он предполагал не только с сохранением феодализма, но и с разделением страны.

Эти планы во многом совпадали с планами того же Гитлера. Вот лишь некоторые примеры сходства. Наполеон: «Мы разобьем Россию на прежние удельные княжества и погрузим ее обратно во тьму феодальной Московии, чтобы Европа впредь брезгливо смотрела в сторону ее».

Гebbельс: «Тенденция такова. Не допустить больше существования на востоке гигантской империи». В этой связи политическим руководством фашистской Германии был разработан план «Ост» — послевоенного устройства разгромленного СССР.

В отличие от планов Наполеона гитлеровский план предусматривал жесткое разделение Советского Союза на отдельные самостоятельные государства.

Вернемся, однако, снова в стан русского воинства, посмотрим, насколько военный министр преуспел в подготовке войск приграничных военных инспекций к предстоящей войне.

По мнению очевидцев, Барклай де Толли времени зря не терял. Энергичный, требовательный, пунктуальный, он педантично готовил войска к предстоящим баталиям. Вместе с тем, как уже говорилось, положение России к началу войны оказалось довольно сложным. К тому же, несмотря на приезд императора, изменить радикально обстановку Барклаю не удалось. В результате Наполеону противостояла группировка русских войск численностью лишь в 220

тысяч человек.

Организационно она состояла из трех армий. 1-я Западная под командованием генерала от инфантерии Барклай де Толли располагалась к востоку и к западу от Вильно в полосе 200 километров. 2-й Западной армией командовал генерал от инфантерии Петр Иванович Багратион. Армия занимала полосу от Лиды до Волковыска. Левый фланг и путь на юг прикрывала 3-я Западная армия — генерала от кавалерии Александра Петровича Тормасова.

Во втором эшелоне находились два резервных корпуса; кроме того, гарнизон Риги насчитывал 18 тысяч человек. При этом на русско-шведской границе находился корпус генерала Ф. Штейнгеля, а на юге — Дунайская армия адмирала П. Чичагова.

В тылу страны шло формирование резервов. Слабым местом в группировках войск была их большая растянутость по фронту (до 600 километров) и большие разрывы между ними (до 200 километров). При этом лесисто-болотистая местность Полесья сковывала маневренные способности войск.

Не имея строго определенного плана войны, армии первого эшелона оказались в невыгодном оперативном положении.

Словом, приезд царя на предполагаемый театр военных действий не изменил радикально обстановку к лучшему. Кстати, даже сам Наполеон язвительно охарактеризовал эту ситуацию: «Фуль предлагает, Армфельд противоречит, Беннигсен рассматривает, Барклай, на которого возложено исполнение, не знает, что заключить, и время проходит у них в ничегонеделании!».

Итак, вооруженные силы противоборствующих сторон должны были вступать в борьбу далеко не в равных условиях.

Французская армия — при значительном превосходстве в силах, в компактной наступательной группировке, при наличии детально разработанного плана наступательных действий и едином централизованном руководстве.

Русская армия — при значительно меньших силах, при невыгодном оперативном положении, при отсутствии четко разработанного плана войны. Боевыми действиями должны были руководить два человека: император и военный министр.

Судя по всему, Александр I с утверждением Наполеона: «Один дурной генерал при руководстве войсками лучше двух хороших генералов» знаком не был.

24 июня 1812 года французская армия вторглась в пределы государства российского. По наведенным мостам через Неман в идеальных походных колоннах, мерным, уверенным шагом шла и шла на восток великая и многоликая армия Наполеона. Для России наступила пора великих испытаний.

Еще накануне нападения Наполеон обратился с воззванием к своим войскам. «Воины! — говорилось в нем. — Вторая Польская война начинается. Первая кончилась при Фридрихсберге и в Тильзите. В Тильзите Россия поклялась на вечный союз с Францией и вечную войну с Англией. Ныне нарушает она клятвы свои. Она объявляет, что даст отчет о поведении своем, когда французы возвратятся за Рейн, предав на ее произвол союзников наших. Россия увлекается роком, да свершится судьба ее!»

Не думает ли она, что мы изменились? Разве мы уже не воины Аустерлица? Россия дает нам выбор на бесчестие или войну, он не сомнителен.

Мы пойдем вперед, перейдем Неман и внесем войну в сердце ее. Вторая Польская война столько же прославит французское оружие, сколько и первая. Но мир, который мы заключим, будет прочен и уничтожит пятидесятилетнее гордое и надменное влияние России на дела Европы».

У россиян, узнавших вскоре о «воззвании тирана», демагогия его сомнений не вызывала. Истинный смысл ее проявлялся в словах, обращенных к солдатам: «Москва и Петербург будут наградой подвигов ваших, вы в них найдете золото, серебро и другие драгоценные сокровища. Вы будете господствовать над русским народом, готовым исполнять раболепно все ваши желания и делать все удовольствия, какие только угодны будут вашей душе». Было ясно: Наполеон идет в Россию завоевателем, мечтая превратить русский народ в рабов.

Итак, 24 июня началась Отечественная война 1812 года. Что же происходило в этот день в ставке русского царя? Происходило же нечто невообразимое.

По свидетельству адъютанта Барклая А. Муравьева, царь не мог не знать того, что французы, не удостоенные со стороны русских войск ни единым выстрелом, уже переправились через Неман. Однако запланированный бал не был отменен, и император поехал на сие увеселительное действо, кое состоялось в имении Закреты (в четырех верстах от Вильно), в апартаментах цареубийцы графа Беннигсена. Под мерный топот французских сапог русское офицерство в парадных мундирах лихо отплясывало мазурку, сменяемую вальсом, полонезом...

Официальное донесение о вторжении неприятеля получено было царем около 11 часов вечера. Сообщение поначалу было скрыто от веселящейся публики, и бал продолжался. Только в первом часу император покинул зал (якобы со словами: «Господа офицеры, по коням»). За ним стали разъезжаться и остальные.

После короткого совещания были даны распоряжения на отвод войск.

Одновременно к Наполеону направлялся приближенный монарха министр полиции Александр Дмитриевич Балашов. Царь напутствовал посланника убедить Наполеона вступить в переговоры. «Если Вы согласны вывести свои войска с русской территории, — писал он, — я буду считать, что все происшедшее не имело места, и достижение договоренности между нами будет еще возможно».

Разумеется, тактический ход царя разгадать было нетрудно. Это выигрыш времени для организации сопротивления, определение ближайших намерений противника, создание сообразно этому своей группировки войск, ну и конечно же, поза миролюбца перед цивилизованной Европой.

Вряд ли Наполеон не понял этого, а потому со свойственной ему динамичностью корсиканец заявил: «Будем договариваться сейчас же, здесь, в Вильно. Поставим свои подписи, и я вернусь за Неман». Ситуация для царского посланника оказалась непростой. Наполеон еще до начала войны предлагал России капитуляцию?! Словом, Балашов уехал из Вильно ни с чем. Если верить ему, то между ним и Наполеоном состоялся прелюбопытнейший диалог. На нахальный вопрос Наполеона: «Скажите, чтобы добраться до Москвы, какую лучше идти дорогой?» Балашов, ничуть не смущаясь, отвечал: «Карл XII шел через Полтаву». Наивное же недоумение Наполеона: «В наше время религиозных людей нет» Балашов парировал словами: «В России народ набожный».

Впрочем, там же имела место и дерзкая выходка сопровождающего Балашова Михаила Орлова (будущего декабриста), офицера разведки 1-й Западной армии. Он был послан Баркляем с целью «тайно высмотреть состояние французских войск и разведать о их духе». Пока Балашов ездил к Наполеону, разведчик оставался во французском авангарде. Приглашенный на обед к «железному маршалу» Даву, он усердно отпускал колкости и остроты в адрес сидящих за столом офицеров-супостатов, на что ответить подобным образом те не могли.

Наблюдая эту картину, свирепый маршал, ударив кулаком по столу, грозно воскликнул: «Фи, господин офицер, что вы там говорите?» На что Орлов, так сильно ударив кулаком по столу, что затряслись посуда и приборы, громко ответил: «Фи, господин маршал, я беседую с офицерами». Такая смелая и дерзкая выходка русского офицера «привела присутствующих и самого лютого маршала в удивление и молчание, заставив подумать о характере русского человека».

Смелые выходки Балашова и Орлова с гордостью обсуждались в офицерских кругах и элитных салонах. Впрочем, говоря о визите Балашова, в адрес его злословили — зачем надо было гнать лошадей к Наполеону? Не лучше ли было подождать его приезда в Закреты, где и проходила его аудиенция с императором Франции?

Война встрепенула русский народ и Его Императорское Величество.

Уже на второй день был обнародован царский рескрипт, в коем монарх, обращаясь к народу, вещал: «Оборона отечества, сохранение независимости и чести народной принудила нас пойти на брань. Я не положу оружия, доколе ни единого воина не останется в царстве моем!»

Слова рескрипта, читаемые в людных местах и салонах, будоражили умы россиян, как и слова последовавших за рескриптом двух приказов, в первом из которых военный министр Барклай де Толли призывал: «Воины! Наконец пристало время знаменам вашим развеяться перед легионами врагов всеобщего спокойствия, пристало время... твердо противостоять дерзости и насилиям, двадцать уже лет наводняющим землю ужасами и бедствиями войны.

Вас не нужно взывать к храбрости! Вам не нужно внушать о вере, о славе, о любви к государю и отечеству своему. Вы родились, вы выросли, вы умрете с сими блистательными чертами отличия вашего от всех народов. Но, ежели, сверх ожидания, найдутся среди вас немощные духом храбрости, ежели они не ободрятся бессмертными подвигами предшественников ваших, то укажите сих несчастных, без боя уже побежденных, и они будут изгнаны из рядов ваших. Да останутся в них одни надеющиеся на мужество свое, да летят они на поле чести, восклицая: „С нами бог! Разумейте языци и покоряйтесь!“»

Другой императорский приказ взывал к армиям нашим: «Не нужно мне напоминать вождям, полководцам и воинам нашим об их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян!

Воины! Вы защищаете веру, Отечество, свободу! Я с вами!»

Все было направлено на поднятие морального духа народа и армии, того духа, который, по словам Наполеона, «предопределяет на три четверти успех войны».

Однако война, несмотря на воззвания и заклинания, подчинена своим законам, которые и диктуют ход и исход ее.

Реальность же была такова. Хотя до подхода к Вильно неприятелю требовалось не менее трех суточных переходов, Александр I поспешил

покинуть город. Вместе с царем последовала и его многочисленная свита, те, кто «ловил кресты, чины и следил только за направлением флюгера царской милости», как писал Лев Николаевич Толстой.

Что же касается Барклая и его штаба, то они еще три дня находились в Вильно, энергично собирали и обобщали данные о противнике, пытались уяснить обстановку, определить группировки противника и его намерения. Только на четвертый день войны, буквально за час до вступления в Вильно французов, Барклай выводит свой штаб из города. Делает он это, по словам очевидцев, «спокойно, хладнокровно, уверенно, всем своим видом показывая, что он ничего не боится и никуда не торопится». Еще накануне, составив первое представление о неприятеле, он распорядился об отходе 1-й армии на Свенцяны, а 2-й — на Минск с целью объединения усилий. Однако события пошли по иному пути.

По повелению царя армии Барклая надлежало отходить к Дрисскому лагерю. Армии же Багратиона следовало выйти на позиции для действий во фланге противника. Попросту говоря, Александр I вводил в действие план Фуля! В этой связи Барклай с удивлением пишет царю: «Я не понимаю, что мы будем делать с целой армией в Дрисском лагере. После столь торопливого отступления мы потеряем неприятеля из виду и, будучи заключены в этом лагере, будем принуждены ожидать его со всех сторон». И тем не менее в начале июля 1-я Западная была в означенном царем месте.

Что же касается 2-й Западной армии, то путь ее на соединение с 1-й (как и следовало ожидать) оказался отрезанным. Багратиону ничего не оставалось, как отходить на Бобруйск, а это еще больше разделяло русские армии.

Александр I на военном совете, что состоялся в Дрисском лагере, пришлось выслушать нелестные суждения о полководческих дарованиях своего наставника по стратегии Фуля, возведенного к тому времени в генеральский чин. Члены военного совета высказали единодушное мнение — немедленно оставить «эту мышеловку». Было решено продолжить отход 1-й армии к Витебску, имея главную цель — соединение ее с армией Багратиона.

Любопытно, что по прибытии в Дрисский лагерь как раз исполнилась годовщина Полтавской битвы, и император обратился к войскам с воззванием: «Дать врагу сражение!» Сражения, однако, не получилось. Лагерь оставили без боя.

В тот же день было издано еще одно интересное воззвание — командующего второй армией Багратиона: «Господам начальникам войск внушить солдату, что все войска неприятеля не что иное, как сволочь со всего света... Они храбро драться не умеют, особливо же боятся нашего штыка. Я с вами, вы со мной!»

Французы, заняв Дрисский лагерь, назвали его «памятником невежества в военном искусстве».

Ну а что же случилось с духовником царя по военной стратегии пруссаком Карлом Людвигом Августом фон Фулем? По словам А. Шишкова, оставив Дрисский лагерь на одном из привалов «пруссак Фуль и поляк Ожеровский лежали один подле другого и беспрестанно хохотали. Мне досадно было, при таких обстоятельствах... слышать их беспрерывно веселящихся». И далее: «Кто исчислит бедственные следствия сего несчастного отступления, той оборонительной системы, выданной господином Фулем и его подобными?»

Между тем, нахохотавшись вдоволь, сменив готическую важность на раболепие и предупредительные поклоны, Фуль как ни в чем не бывало

продолжал оставаться в царской свите. Более того, он ухитрился представить императору свой проект обращения его к народу с восхвалением Наполеона и бессмысленности ему сопротивления!

Небезынтересно заметить, что даже Наполеон, однажды заприметив огромную свиту иностранцев в окружении русского царя, воскликнул: «Никак не могу понять, почему у него такое странное пристрастие к иностранцам? Что за страсть окружать себя подобными людьми, каковы Фуль, Армфельд и другие... без всякой нравственности, признанными во всей Европе за самых последних людей?»

Как бы там ни было, а начальный период войны, имеющий огромное влияние на дальнейший ход вооруженной борьбы, оказался за Наполеоном. Столь прискорбному стечению обстоятельств, безусловно, способствовала еще одна существенная причина. Дело в том, что при нахождении в действующей армии монарха права главнокомандующего принадлежали ему.

Следовательно, вооруженной борьбой непосредственно на театре войны должен был руководить Александр I, человек «со странными сочетаниями мужских достоинств и женских слабостей». В результате и без того ограниченные права военного министра еще более урезались. Царь не внял голосу Барклая: «Главное начальство над всеми тремя армиями необходимо поручить для общей пользы единому полководцу». Однако Александр I не пожелал определить главнокомандующего Большой действующей армии, планируя сам померяться силами с Наполеоном!

Что же касается Бонапарта, то он, узнав о намерениях самодержца, воскликнул: «Императору Александру вовсе это не нужно. Его дело царствовать, а не командовать. Напрасно он берет на себя такую ответственность».

Между тем, по словам очевидцев, царь, находясь при армии, «всем мешал и все путал, постоянно вмешиваясь в руководство». Делал он это, минуя Барклая, либо через Аракчеева, либо через Волконского, находящихся при императорской особе.

Примером неразберихи в управлении армиями может служить ситуация со второй армией. Как уже говорилось, Барклай поставил задачу Багратиону на отход к Минску. Однако в ходе марша Багратион получает личное распоряжение императора следовать на Вилейку, то есть выходить на диспозицию Фуля. Выполняя приказ, Багратион пошел на Николаев, где начал переправу через Неман, однако оказалось, что дорога на Вилейку уже занята французами, и Багратион вынужден был возвращаться на прежний маршрут. Но время было потеряно: в Минске уже находились войска Даву.

О том, сколь несуразны были распоряжения императора, можно судить и по такому казусу. Еще в ходе марша 1-й армии к Дрисскому лагерю царь отправил своего флигель-адъютанта Потоцкого с приказом уничтожить на Двине переправу.

«Пылая усердием, царский посланник сообщил пламень и мосту, и магазину, довольно значащему, тогда как неприятель был еще в 80 верстах расстояния, и с такой возвратился поспешностью, что не успел заметить, как жители растащили магазин и спасли запасы, которыми позднее довольствовался авангард графа П. Палена и 6-й корпус с трудом переправившихся к своим по наспех отремонтированному ими мосту».

Примеров подобных было множество. Император иногда признавал свои ошибки, а затем все опять возвращалось на круги своя. При этом, несмотря на

столь сложную обстановку, ставка императора по-прежнему не обходилась без интриг и сплетен. «Я нахожусь при войсках на виду неприятеля и в главной квартире почти не бываю, потому что это настоящий вертеп сплетен и кабалы», — писал Михаил Богданович своей жене в Петербург.

Отсутствие единого руководства войсками, несуразные решения, противоречащие друг другу, отдачу распоряжений через голову командующих особенно тяжело переживал Петр Иванович Багратион. Стремительный и неустрашимый, прямолинейный и темпераментный, он не мог спокойно взирать на происходящее. Не зная истинных мотивов принятия тех или иных распоряжений, горечь свою он изливал на Барклая.

В отношениях этих двух талантливых военачальников, ранее уважительно относившихся друг к другу, появились первые трещины.

Поскольку связь городов и провинций с действующей армией была довольно активной, то перипетии вооруженной борьбы вскоре становились достоянием общества. Все сходились на том, что театр войны царю следует покинуть, развязав тем самым руки военному министру. Полководческим дарованиям самодержца верили мало. Даже родная сестра царя великая княгиня Екатерина Павловна писала позднее своему брату: «А Вы, я полагаю, являетесь в военном отношении еще большим неудачником, чем в гражданском».

Более того, близкие и преданные императору люди, такие как А. Аракчеев, А. Шишков, А. Балашов, вынуждены были обратиться к нему с великоподанным письмом-просьбой об оставлении им действующей армии. Вот лишь выдержка из этого прошения: «Всемиловитый государь, сие мнение наше основано на верности и любви к священной особе твоей. Обрати, надежда России! Обрати внимание свое на него! Молим тебя со слезами! Мы уверены, что сей глас наш и моление перед твоим престолом есть глас всего отечества, всех верных твоих подданных, и готовы в том подписаться кровью».

Естественно, встал вопрос, как передать царю сие прошение. Выбор, как ни странно, пал на Аракчеева (о котором говорили, что он съедал неугодные царю прошения, дабы не докладывать их!).

Вот как описал этот эпизод инспектор внутренней охраны императора граф Евграф Комаровский (шутливо прозванный в свете «полтора графа»): «Шишков и Балашов, с которыми я жил вместе, сказывали мне, что они насилу смогли убедить графа Аракчеева, чтобы он упросил государя оставить армию <...>, что это единственное средство спасения отечества, на что Аракчеев воскликнул: „Что мне до отечества! Скажите мне, не в опасности ли государь, находясь при армии?“ — „Конечно, — ответили они, — ибо если Наполеон разобьет ее, что будет тогда с государем? А если он победит Барклая, то беда невелика“. Это заставило Аракчеева идти к государю и упросить его величество на отъезд из армии».

Словом, Александру I (по осознанию обстановки) с мечтой о славе на поле брани пришлось на время расстаться. Действительно, оставаясь при действующей армии, всю ответственность за поражения должен был брать на себя монарх, а это претило царскому честолюбию. Престиж императорской особы необходимо было блюсти. В столь трудный момент от войны лучше держаться подальше, обвиняя в неудачах других, что и предпочел самодержец.

19 июля 1812 года по прибытии в Полоцк государь покинул действующую армию. Перед тем как сесть в карету, обращаясь к Барклаю, напыщенно произнес: «Поручаю вам мою армию. Не забывайте, что у меня нет другой, и пусть эта мысль никогда вас не оставляет».

Однако с мечтой о лаврах полководца расставаться полностью монарх все же не хотел. Даже свою военно-походную канцелярию оставил при Барклае, надеясь на свое скорое возвращение. Словом, должность главнокомандующего Большой действующей армии по-прежнему оставалась вакантной.

В каком же положении оказался Барклай после того как царь оставил действующую армию? Конечно, как военный министр он мог отдавать распоряжения от имени императора. Однако далеко не во всех случаях! К тому же воинское звание его было равным с командующими 2-й и 3-й армий. При том и Багратион, и Тормасов находились в этих званиях значительно дольше по времени, что по военной субординации тех времен определяло их старшинство по отношению к Барклаю, усугубляя еще более двусмысленность его положения.

Как бы там ни было, а вскоре царская кавалькада снова появилась в столице. Некогда чопорно-сановный Петербург встретил императора настороженно-выжидающе. По улицам города спешно шли колонны войск с северо-западной границы, дабы встать на пути идущих к столице корпусов Макдональда и Удино. По Невскому не очень уверенно маршировало петербургское ополчение. Продолжалось повальное пожертвование на военные нужды. В театрах шли пьесы, прославляющие воинскую доблесть русского народа. Чувствовалась общая обеспокоенность. Еще бы! Из Петербурга вывозились национальные сокровища. Готовилась к отъезду в Казань царская семья. Уезжали в свои заволжские имения семьи многих знатных особ. «Столичные тузы не знали, что делать, куда деваться. Всяк помышлял о своем отсюда удалении». Вместе с тем все были довольны, что Александр I оставил армию, однако находились и те, кто язвил: «А как понимать заверение царя в том, что он вместе с воинами на поле брани?» Одним словом, теперь Петербург жил успехами и неудачами русской армии, руководимой ныне Барклаем.

В те дни совершенно неожиданно для себя прежде малозаметная жена военного министра Елена Ивановна стала одной из популярных дам столицы. Многие напрашивались в гости в дом Барклая, дабы узнать положение дел на войне да посудачить. Выходили, однако, обескураженные не только скромностью приема, но и тем, что ничего путного узнать не могли. Служебные дела с женой Михаил Богданович предпочитал не обсуждать.

Для супруги полководца подобные визиты были малоприятны. Если в начале войны имелись какие-то надежды к лучшему, то в ходе ее они становились все более призрачными. К тому же если при нахождении царя на театре войны можно было хоть как-то оправдывать мужа, то с отъездом монарха вся ответственность легла на плечи Михаила Богдановича. До Елены Ивановны стали доходить весьма нелестные слухи о ее супруге. Будучи человеком умным, она, конечно, понимала, что у победы всегда много творцов. Другое дело поражение. Здесь всегда ищут одного виновника.

Именно в таком положении в начале войны оказался военный министр, генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай де Толли.

Надо сказать, что обстановка к тому времени в действующей армии создалась архисложная. Продолжая отход, 1-я Западная армия оказалась под Витебском, где было решено сделать остановку для передышки, приведения в порядок тылов, пополнения запасов, частичной перегруппировки, общего упорядочения после столь стремительного марша.

Одновременно предполагалось нанесение контрудара на оршинском направлении, чтобы создать условия для соединения с армией Багратиона.

Здесь же у Островно разгорелся жаркий бой, в ходе которого русские полки стояли насмерть. Участник боя генерал Павел Коновницын писал в Петербург жене: «От 8 часов утра до 5 часов пополудни я дрался с четырьмя полками и двумя батальонами сводных гренадер... Я целый день держал самого Наполеона, который желал обедать в Витебске. Но не попал... Наши дерутся, как львы, но мы не соединены. Багратион, Платов и Витгенштейн от нас отрезаны».

Соединиться со 2-й армией в Витебске, к сожалению, не удалось. Накануне предполагаемого сражения адъютант Багратиона Н. Меншиков доставил известие о занятии Могилева войсками Даву. Грубую ошибку начального периода войны пришлось исправлять очередным отходом — в ущерб полководческой репутации Барклая де Толли. Оставление Витебска было подчинено главной цели — соединению армий.

Между тем «витебский маневр» Барклая понят был далеко не всеми, в том числе и царским двором, поэтому, как бы оправдываясь за содеянное, Барклай доносил царю: «Направление, принятое армией князя Багратиона... привело меня в отчаяние. Чтобы не оставить маршалу Даву открытую прямую дорогу от Могилева к сердцу России, мне не оставалось иного решения, как идти к Смоленску форсированным маршем».

Действительно, задержка под Витебском могла быть использована противником в упреждении захвата Смоленска, что делало бы проблематичным соединение армий, да к тому же выводило противника прямо на Москву. Донесение заканчивалось заверениями в том, что по прибытии в Смоленск и по соединении армий «будут созданы условия к переходу в решительное контрнаступление с нанесением противнику чувствительнейших ударов».

Что же касается Наполеона, то он жаждал этого сражения. Навалившись всеми силами на армию Барклая, он, конечно, мог разгромить ее, что возымело бы катастрофические последствия для хода войны. Однако такой возможности корсиканцу Барклай не предоставил.

Напрасно Наполеон развертывал свои корпуса из походного в боевые построения против противника, который был в ту пору в десятках верст от Витебска. Не поверив докладам о том, что противника нет, что Барклай обманул его, обозначив свои позиции ложными огнями, Наполеон снова оказался перед проблемой «исчезнувшей армии».

Одновременно с донесениями Барклая к царю шли и другие письма, в которых отступательная стратегия военного министра всячески поносились.

Особенно преуспевал в этом князь Багратион. «Генерал по подобию и образу Суворова», он еще до начала войны настойчиво предлагал «не дожидаясь нападения, противостоят неприятелю в его пределах». Натура Петра Ивановича никак не могла смириться со столь длительным отходом русских войск. В письмах к императору он умолял его «заставить Барклая остановить неприятеля». В письмах же к самому Барклаю он довольно резко обвинял его в совершенно недопустимой нерешительности и непонятной осторожности.

Барклай же на все смиренно отвечал: «Глас отечества призывает нас к согласию, соединимся и сразим врага России».

Еще более нетерпим Багратион был в переписке со своим другом начальником штаба 1-й армии генералом Ермоловым: «Я не понимаю ваших мудрых маневров, — писал он. — Мой маневр — искать и бить! За что вы так срамите русскую армию? Наступайте же ради бога! Неприятель места не найдет,

куда ретироваться!» И далее: «Нет, мой милый! Я служу моему природному государю, а не Бонапарту. Мы преданы, я вижу, нас ведут на погибель, я не могу равнодушно смотреть. Министр сам бежит, а мне приказывает всю Россию защищать!» В заключение Петр Иванович сетует, что если и дальше так дела пойдут, то ему ничего не останется, как выйти в отставку, «дабы не служить под игом иноверцев-мошенников».

Словом, командующий 2-й армией, как всегда, был «на своем коне». Исключений ни для военного министра, ни для Бонапарта он не делал. К этому надо, конечно, добавить, что 2-я армия совершала отступательные маневры в условиях постоянного превосходства противника в силах и маневренных возможностях, при более выгодных для него операционных возможностях. Ведя тяжелые арьергардные бои, армия все время совершала тяжелые изнурительные форсированные кружные марши.

Солдаты были утомлены беспредельно. Наравне с ними переносили тяготы и офицеры. Многие из них, оказывая помощь ослабевшим нижним чинам, несли на себе их ранцы и ружья. Все офицерские верховые лошади были навьючены солдатскими ранцами и другим крайне необходимым имуществом. Однако дух багратионова войска, как всегда, был высок. Неимоверно уставшие воины шутили: «Если первая армия надеется на себя и на бога, то вторая, сверх того, еще и на князя Багратиона!»

Исследователи Отечественной войны 1812 года позднее напишут: «Князь Багратион, облегченный от ответственности, думал только о сражении. Можно утвердительно сказать, что оно имело бы самые губительные последствия». В этой связи хотелось бы привести одно из изречений Наполеона: «Действовать нерешительно, робко, ошупью — всегда вредно на войне. Но решительность, храбрость главнокомандующего на войне отличны от решительности и храбрости начальника дивизии и капитана гренадерской роты».

И еще одно интересное (хотя и малопопулярное ныне) заключение о полководческих дарованиях Баркляя де Толли, данное К. Марксом: «Он выполнял отступление с замечательным искусством, непрерывно вводя в дело то ту, то другую часть своих войск, с целью дать князю Багратиону возможность выполнить свое соединение с ним».

Что же касается самого Багратиона, рассылавшего свои письма по разным адресам, то и здесь сказался общительный и энергичный характер этого человека. О людях подобного склада характера в ту пору говорили: «Оникупаются в письмах, как осетры в реке».

К сожалению, Петр Иванович Багратион в суждениях своих был не одинок. Вскоре по Петербургу поползли слухи о никчемности и даже предательстве военного министра, слухи эти усердно подогревались оппозицией и недоброжелателями, коих у Баркляя было предостаточно. С одной стороны, его по-прежнему ненавидел Аракчеев, с другой — «завистники столь стремительного продвижения нетитулованного генерала, не имеющего за душой ни единого крепостного, без какой-либо видимой опоры в близких к престолу людей».

Усердствовал и претендент на пост главнокомандующего Л. Беннигсен. Много неприятностей доставлял младший брат царя великий князь Константин, покровительствовавший оставленной при армии многочисленной императорской свите и привилегированной гвардии.

В действующей армии стали расходиться анекдоты, эпиграммы, песенки, в коих военный министр показывался в весьма неприглядном виде. Особливо

преуспевала в этом дворянская элита — гвардейское офицерство. Но только ли оно?

С течением времени в оппозиции к Барклаю оказались все противники отступления. В рядах ее оказались многие из тех, кто в прошлом относился к Михаилу Богдановичу с глубоким уважением, но «ропот сильный был слышен между офицерами и генералами оттого, что все они желали грудью встретиться с неприятелем». Вот лишь одно из изречений казачьего атамана Платова: «Боже милостивый, что с русскими армиями делается? Не побиты, а бежим!»

Даже начальник штаба 1-й армии Ермолов «был противного с главнокомандующим мнения на способы ведения военных действий, почитал его изменником или, по крайней мере, неспособным находиться в числе русского воинства».

Убеждения эти распространялись среди низших чинов, где солдаты главнокомандующего своего Барклая де Толли именовали не иначе как «Болтай-да-и-только».

Действительно, небольшие схватки с врагом показали, что французов можно бить. Поэтому непрерывное отступление вызывало недоумение и противление этому большей части воинов. Им горько было оставлять на поругание и бесчестье русскую землю: стариков, матерей, детей, жен и невест. И вообще русский мужик не привык отступать, не подравшись как следует. Словом, ни дворянство, ни чернь Барклая не понимали. Справедливости ради надо сказать, что в создании столь неблагоприятной для себя обстановки немалая заслуга была и самого Михаила Богдановича. Вот как отзывались о нем современники: «Совершенная противоположность Суворову и Кутузову. Он был высокого роста, худощав, важен, молчалив, не владел даром слова, не обладал вполне русским языком. Внушая уважение к себе, он не успел внушить любви и доверенности к себе подчиненных».

Если добавить к сказанному не только постоянную сухость в общении и официальность тона, но и независимый, прямой характер, нежелание заискивать перед кем бы то ни было, пренебрежение к этикету высшего света, то станут понятны слова того же Ермолова: «Поистине драматическими оказываются судьбы тех, кто не заискивает перед представителями свиты императора, кто не умеет лукавить, заводить нужные связи и знакомства».

Для военного министра наступал кризис доверия! Понимая это, ради сохранения своего реноме Барклай предпринимает ответные шаги. Удаляет из армии многих развязных флигель-адъютантов, а затем и самого Беннигсена (но тот доехал только до Смоленска и здесь дождался отходившую армию), перевел главную квартиру и походную военную канцелярию императора в состав тяжелого обоза (то есть удалил источник интриг и сплетен по крайней мере на один суточный переход от своего штаба). Твердой рукой наводит дисциплину и порядок в отступающей армии. В приказе своем требует: «Расстреливать каждого, у кого в лагере найдутся незаконно присвоенные вещи». (Заметим, что в Оболони по приказу его были расстреляны перед строем войск 12 мародеров.)

В то же время, заботясь о солдате, уповая на старания генерал-интенданта армии Ф. Канкрин (позже министра финансов России), добивался улучшения питания армии, в нарушение артикулов (невзирая на возмущение брата царя Константина) предписывает «не блюсти форму одежды на походах». Одновременно обращается с воззванием к солдатам и офицерам, уверяя их в скором объединении армий и генеральном сражении. «Я с признательностью вижу единодушное желание ваше ударить на врага нашего. Под Витебском мы

воспользовались уже случаем удовлетворить сему благородному желанию... Мы готовы были после того дать решительный бой, но хитрый враг наш, избегая оно и обвыкши нападать на части слабейшие, обратил главные силы к Смоленску, и нам надлежит встать на его защиту».

Все это возымело свои последствия, смягчило ситуацию, разрядило обстановку, у армии появилась надежда. Лозунгом дня стали три «С» — «Смоленск, соединение, сражение». Однако нашлись и скептики, уверявшие, что ни одного из предыдущих воззваний Барклай не выполнил (подобные обращения Барклая к армии имели место по случаю успеха Платова при местечке Мир и в связи с подписанием мирного договора с Турцией).

Вернемся, однако, снова в города и веси Российской империи, в коих в июле 1812 года много говорилось о Салтановке. Чем же стал знаменит этот малоприметный населенный пункт под Могилевом? Дело в том, что события, имевшие здесь место, предопределили соединение 1-й и 2-й Западных армий. Но обо всем по порядку.

Итак, 2-я Западная, совершая по-прежнему изнурительные марши, пытаясь опередить корпус Даву, шедший прямым путем на Смоленск, 22 июля подошла к Могилеву, где Багратион снова убедился в тщетности своих усилий. Город уже был занят французами. Полагая, что здесь небольшие силы неприятеля, Багратион приказал корпусу Николая Раевского выбить их, чтобы переправить свою армию через Днепр.

В свою очередь маршал Даву, правильно определив намерения Багратиона, сосредоточил здесь почти все свои наличные силы. Между тем стремительный Багратион, быстро сориентировавшийся в обстановке, изменяет первоначальное решение. Теперь задача Раевского, а также переброшенных сюда казаков Платова и дивизии Паскевича состояла в том, чтобы сковать войска противника под Могилевом (точнее — под Салтановкой), обеспечив тем самым переправу главных сил 2-й армии в другом месте.

Обманутый французский маршал Луи Никола Даву мужественно сражался под Могилевом, давая возможность армии Багратиона беспрепятственно переправиться через Днепр в районе Нового Быхова. То, к чему стремились Багратион и Барклай с начала войны, 23 июля свершилось!

Вот как описал это одно из замечательных событий войны очевидец: «Двое суток продолжалась с нашей стороны сильная атака, которая при всей опытности и неустрашимости Раевского и храбрости войск его была, разумеется, неудачной, потому что все неприятельские войска чрезвычайно в превосходных силах встретили его, но в это время Багратион со своею 2-й армией успел переправиться через Днепр и, притянув к себе сражающихся и Раевского, и Паскевича, переправил и их, и атамана Платова через Днепр и потом беспрепятственно со всею армией пошел на соединение с армией Барклая в Смоленске».

Впрочем, произошел сей французский конфуз, конечно, не без помощи маршала Даву.

Сам же Багратион оценил действия противника по-военному, коротко: «Дураки меня выпустили». Словом, уверенность Наполеона, что «Багратион с Барклаем уже более не увидятся» оказалась чрезмерной.

Надо сказать, что немалая заслуга в происшедшем принадлежала и генералу Николаю Николаевичу Раевскому. В самый критический момент, когда казалось, что корпус не выдержит более натиска неприятеля, Раевский возглавил атаку войск вместе со своими сыновьями.

Справа от отца под ураганным огнем и свистящими ядрами со знаменем в руках шел в бой 15-летний Александр, слева, сжимая эфес шпаги, — 11-летний Николай. «Подвиг Раевских вдохновил солдат и офицеров корпуса. Многие из них, получив по две раны, снова шли в бой, как на пир!» — писал очевидец.

Разумеется, все содеянное летом 1812 года было бы невозможно без широкой поддержки народных масс, всех сословий российского общества.

Надо сказать, что русское дворянство проявило немалый патриотизм и верность отечеству. «Внимая гласу монаршего воззвания... оно единогласно изъявило желание оставить жен и детей своих, препоясаться всем до единого и идти защищать веру, царя и дома, не щадя живота своего».

Конечно, не совсем по-дворянски повели себя некоторые из представителей этого сословия. «Стыжусь, что принадлежу к нему», — писал будущий декабрист С. Г. Волконский. Возможно, Сергей Григорьевич имел в виду неблагоприятный поступок зятя Михаила Илларионовича Кутузова, отставного майора русской армии, пьяницу и кутилу, смоленского помещика Н. Хитрово, встретившего наполеоновские войска с развевающимся французским флагом и офицерским банкетом.

Что же касается русского солдата, то здесь уместно привести слова Барклай из донесения царю: «Рядовой солдат армии Вашего Императорского Величества, несомненно, лучший в мире». Русский же мужик, еще вчера готовый сражаться в рядах Пугачева за свержение самодержавия, сегодня встречал французов с топором и рогатиной. «Крестьян никто не поднимал, не организовывал, не заставлял это делать, однако при первом же знаке они все собирались и с необозримой яростью устремлялись на неприятеля», — писал Д. Ашхарумов. «Тысячи селян, — вторил ему Федор Глинка, — превратив серп и косу в оборонительное оружие, без искусства, одним мужеством отражают злодеев. Даже женщины сражаются».

Все это с беспрерывными боевыми схватками, изнурительными маршами, болезнями, отставаниями и дезертирством катастрофически уменьшало наполеоновскую «армию вторжения». К этому надо добавить огромные потери кавалерии, растянутость и необеспеченность коммуникаций, перебои в снабжении и враждебное отношение местного населения.

Словом, несмотря на возмущения беспредельным отступлением войск и уничтожительную характеристику Барклай, продвижение французской армии по русской земле не было развлекательной прогулкой. «В России, — по словам Коленкура, — мы оказались как бы посреди пустыни».

Все это привело к первому кризису французской военной машины. На военном совете в Витебске Наполеон встретил сопротивление своих маршалов. Они единодушно (кроме Мюрата) высказались против дальнейшего продвижения в глубь страны. Несмотря на это, Бонапарт заявил: «Заключение мира ожидает нас у московских ворот. Но! Для этого, конечно же, необходимо овладеть Смоленском».

Итак, Смоленск, древний город славян, город ратной славы, форпост западных рубежей Руси, крепостные стены которого не раз встречали иноземных гостей. Овладев Смоленском, Наполеон открыл бы для себя путь на Москву. Впрочем, только ли на Первопрестольную. С таким же успехом он мог идти отсюда и на Петербург.

Вот почему за ходом событий, развернувшихся после соединения армий, в Петербурге, Москве и во всей России следили с особой обеспокоенностью. Сможет ли Барклай остановить врага на смоленском рубеже? От этого зависела

судьба не только обеих столиц, но и всего хода войны.

Между тем, используя вынужденную остановку французских войск под Витебском, 1-я Западная без особых хлопот 1 августа подошла к Смоленску. На другой день к дому смоленского военного губернатора Бахметьева (в коем остановился Барклай), опережая свои войска, подъехала кавалькада Багратиона. Всего лишь каких-то пять лет тому назад подчиненный Багратиона генерал-майор, а теперь военный министр, командующий 1-й армией и практически руководивший действующей армией генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай де Толли, при шпаге и со шляпой в руках, поспешил ему навстречу.

Впервые после начала войны командующие двух армий встретились, обнялись и объяснились. Каждый из них забыл горечи и обиды трудной поры, выразил чувство удовлетворения в связи с соединением армий и взаимное уважение, зародившееся еще в давние времена совместных боев и походов.

На другой день под звуки музыки, неумолкаемый шум, пение и радостные возгласы вошла в Смоленск армия Багратиона.

«Можно было подумать, что оное пространство между Неманом и Днепром, не отступая, оставила, но пришла, торжествуя... Видна была гордость преодоленных опасностей и готовность к превозможению новых», — так засвидетельствовал сей факт очевидец.

Случилось нечто «противно всякому вероятию» — писал по сему поводу сам государь!

А между тем солдаты объединившихся армий кричали: «Мы видим бороды наших дедов! Пора драться!»

Петр Иванович Багратион «ради пользы дела» (и уважения к министерскому посту) изъявил полную готовность своего повиновения Барклаю, о чем в письме к императору засвидетельствовал: «Порядок и связь, приличные благоустроенному войску, требуют всегда единоначалия, тем более в настоящем времени, когда дело идет о спасении отечества, я ни в какую меру не отклонюсь от такого повиновения тому, кому благоугодно подчинить меня».

Почти в том же духе и тому же адресату писал и Барклай: «В князе я нашел характер, полный благороднейших чувств патриотизма. Я объяснился с ним относительно положения дел, и мы пришли к полному согласию». И далее: «Смею заранее сказать, что так доброе единомыслие установилось и мы будем действовать вполне согласно». (Заметим, с последним выводом Барклай поспешил.)

Дабы укрепить веру офицеров и солдат «в единомыслие» Барклая и Багратиона, вместе они объехали бивуаки армий и на виду войск несколько раз протягивали друг другу руки для рукопожатия, свидетельствуя тем о добром согласии между ними.

Как бы там ни было, но это обстоятельство разрушило надежды некоторых генералов и офицеров, «единодушно не терпящих Барклая и пребывавших в восторге от неоспоримой репутации Багратиона». Как покажут события, дружба эта оказалась непродолжительной. Как бы предвидя это, генерал Ермолов писал: «Они встретились с всевозможными изъявлениями вежливости, со всем видом приязни, но с холодностью и отчуждением в сердце».

Впрочем, только ли это осложняло для Барклая ситуацию в действующей армии? В очередном письме к императору он писал: «Генерал Платов... облечен слишком высоким званием, которому не соответствует по недостатку

благородства характера. Он эгоист, и сделался крайне сибаритом... было бы счастьем для армии, если бы Ваше Императорское Величество соблаговолили найти благовидный предмет, чтобы удалить его». Судя по всему, командующий казачьей вольницей, талантливый и храбрый атаман мало вписывался в педантичные стандарты Барклая. Как говорится, нашла коса на камень.

В августе 1812 года в Смоленске состоялось заседание объединенного военного совета двух армий. Обсуждался план дальнейших действий. Участники совета во мнениях были единодушны — наступать! Доводы были вполне резонны. Поскольку Наполеон не успел еще соединить все свои силы, то предоставляется возможность разгромить часть их. Кроме того, задержкой Наполеона под Смоленском можно выиграть время для пополнения армий резервами, наконец, сдавать врагу исключительно важный в стратегическом отношении Смоленск никак нельзя.

Безусловно, тому способствовало и письмо, полученное Барклаем от императора со словами: «Я с нетерпением ожидаю известий о ваших наступательных действиях».

Да и сам Михаил Богданович писал царю: «Завтра буду иметь счастье довести до сведения Вашего Императорского Величества дальнейшие результаты предложенного мною совещания относительно подробностей операций. Так как неприятель слишком разбросался по дуге от Могилева до Поречья, я решился воспользоваться этим обстоятельством и, скрыв мои намерения завесой легких войск, обрушиться всею массою моих сил на его левое крыло».

Вместе с тем в намерениях своих Барклай был по-прежнему осторожен. «Я не упущу малейшего случая вредить противнику, — писал он, — но со всеми действиями моими против неприятельских сил будут неразделимы самые тщательные заботы о сохранении и спасении армии».

Вот почему позиция его на военном совете была выражена словами: «Император, вверив мне в Полоцке армию, сказал, что у него нет другой для действий против Наполеона. Я должен действовать с величайшей осторожностью и всеми способами стараться избежать ее поражения. Поэтому вам будет понятно, что я не могу со своей стороны не колебаться начать наступательные действия».

Понимая превосходство неприятеля в силах и его маневренных возможностях, беспокоясь за недостаточно обеспеченные фланги и оставляемый в тылу Смоленск, в решении своем на наступление Барклай потребовал, чтобы войска не удалялись от Смоленска более чем на три суточных перехода.

Конечно, это сдерживало наступательный порыв войск, поскольку идти вперед с повернутой назад головой не очень-то удобно. Однако в создавшейся обстановке это было необходимо. Как покажут дальнейшие события, осторожность Барклая была вполне оправданной.

7 августа, оставив в Смоленске небольшой гарнизон для караульной службы и команду для выпечки сухарей, 1-я и 2-я Западные армии начали наступательное движение на Рудню. Впервые за войну солдаты шли не на восток с понурыми головами, а на запад — и с песнями!

Однако уже через два дня движение войск было оставлено. Причиной тому было известие о сосредоточении значительных сил неприятеля в районе Поречья. Опасаясь, что с этого направления противник может выйти в тыл армий и отрезать их от Смоленска, Барклай осуществляет перегруппировку сил

на правое крыло. В нерешительных соображениях прошли еще три дня. Тем временем выяснилось, что в Поречье был лишь небольшой отряд, и движение снова было предпринято на Рудню.

Бесплодные дерганья то к Рудне, то от Рудни, то снова к Рудне, иронически именуемые в войсках «мудрыми», а то и просто «предательскими», вновь усилили ропот. Тот же Петр Иванович Багратион дал такую оценку им: «Он лучше знает все наши движения, нежели мы сами. Мне кажется, по приказам его мы и отступаем, и наступаем».

Надо сказать, что Петр Иванович, подозревая предательство, был недалек от истины. Позднее выяснилась довольно неприятная картина. Казачий разъезд атамана Платова обнаружил на столе французского командира дивизии Себастиани записку фельдмаршала Мюрата, в которой он предупреждал Себастиани о готовившемся наступлении русских войск под Рудней! Подозрение пало на адъютанта Барклая — Левенштерна, тем более что он в первые дни войны ездил парламентаром к Мюрату и провел сутки у Себастиани, к тому же перед выступлением русских войск из Смоленска выезжал на русские аванпосты.

Барклай, будучи уверен в порядочности своего адъютанта и беспокоясь за то, что он может быть вызван на дуэль, отослал его в Москву к Ростопчину «по делам». Позднее же выяснилось, что виновником утечки информации, столь неприятно отразившейся на действиях Барклая де Толли, был флигель-адъютант царя Любомирский, который, узнав о готовившемся наступлении, известил об этом свою мать, жившую недалеко от Рудни. Письмо его к матери было перехвачено и прочитано.

Что же касается дальнейших событий под Смоленском, то они развивались довольно динамично и драматично.

12 августа Багратион самовольно, без какого-либо разрешения, отводит свою армию с занимаемого рубежа ближе к Смоленску. Между тем Барклай планировал 14 августа начать наступление объединенными силами на Надву. Эта, мягко говоря, несогласованность в действиях командармов вновь обострила ситуацию.

Однако события к тому времени приняли для обоих командующих совершенно неожиданный оборот. Обнаружилась истинная угроза дальнейшего хода войны: обход Наполеоном русских армий с левого фланга с выходом на оставленный ими Смоленск!

Первоначально, жаждущий генерального сражения Наполеон действительно сосредоточил свои силы в районе Рудня — Лиозно. Однако, увидев бездействие неприятеля и оторванность его от Смоленска, решил форсированным маршем обойти русские силы с юга, чтобы упредить их с отходом к Смоленску. Сие означало, что первая и вторая армии окажутся отрезанными не только от Смоленска и Москвы, но и от южных губерний! Обстановка создалась на редкость критическая.

Уже утром 14 августа на Смоленск маршировали главные силы французской армии: кавалерия Мюрата, пехотные корпуса и гвардия. С могилевского направления сюда же спешили войска Понятовского, Жюно и Латур-Мобура. Наполеон был уверен в том, что русские не оставят Смоленск без генерального сражения. Наконец-то его желания сбудутся и война победоносно завершится! «Отдав мне Смоленск, один из своих священных городов, — заявил он, — русские генералы обесчестят свое оружие в глазах своих солдат!»

Что же касается русских войск, то первая армия в ту пору была на позициях у Волоковой и Гавриков, а 2-я снова совершала марш к Надве. Впрочем, один из корпусов этой армии (и надо же — опять корпус Николая Николаевича Раевского!) оказался всего лишь в 12 верстах от Смоленска. Причиной тому было опоздание с выходом 2-й гренадерской дивизии, коя, согласно диспозиции, должна была идти в голове колонны походного построения корпуса.

Дивизии корпуса, выйдя в исходный район, томились в ожидании 2-й гренадерской. Между тем командовавший дивизией, принц К. Мек ленбургский, из-за изрядного кутежа накануне «был пьян и проснулся на другой день поздно и тогда только дал приказ на выступление». Дальнейший ход событий покажет, что спасением своим Смоленск обязан был разгильдяйству ближайшего родственника царя!

Итак, во второй половине дня кавалерия Мюрата вышла к Смоленску с юга, где у деревни Красное встретила сопротивление «наблюдательного отряда» генерала Д. П. Неверовского. Новобранцы дивизии Дмитрия Петровича Неверовского отразили атаки кавалерии Мюрата и семи полков пехоты. «Неустрашимость русского солдата, — писал об этом бое Неверовский, — проявилась во всем своем блеске». С наступлением темноты отряд Неверовского с боями отошел к Смоленску. «Неверовский отступал, как лев!» — засвидетельствует французский генерал Ф. Сегюр. «Я помню, какими глазами мы увидели эту дивизию, подходившую к нам в облаках пыли и дыма. Каждый штык ее горел лучами бессмертия», — вторит ему Денис Давыдов. Словом, 14 августа в Отечественной войне 1812 года «был днем Неверовского».

К этому времени на выручку Смоленска спешил корпус Николая Раевского.

К вечеру следующего дня у Смоленска запылали бивуачные костры французов. Армия Багратиона находилась в ту пору в 30 верстах, а армия Барклая — в 40 верстах от города. До их подхода от наполеоновской армады Смоленск должны были защищать корпус Раевского, поредевшая дивизия Неверовского, ополченцы Смоленска и команда, оставленная здесь для поддержания порядка да выпечки сухарей. Задача была не из простых.

Понимая трагичность положения, 1-я и 2-я армии, в нарушение всех уставных положений о совершении маршей, не шли, а мчались к только что оставленному Смоленску! В письме своем к Раевскому Багратион умоляет его удержать город: «Друг мой! Я не иду, а бегу: желал бы иметь крылья, чтобы скорей соединиться с тобою. Бог тебе на помощь!»

Конечно, при проведении столь необычных форсированных маршей не обходилось и без казусов. На войне трагичное и комичное часто соседствуют. Именно такой любопытный случай имел место с полковником Тишиным. Отправленный из Поречья для ускорения продвижения артиллерийских парков 1-й армии, «человек болтливый в разговорах, бесконечный на письма, плодовитый в предположениях, вместо принятия действенных мер по эвакуации складов употребил уйму времени на украшение витиеватостями своего рапорта и едва не лишился навсегда возможности писать оные, с трудом унося ноги от неприятеля».

16 августа начался штурм Смоленска. Несмотря на огромное превосходство в силах и отчаянные атаки французских гренадер, сломить сопротивление защитников города не удалось. «Французы в бессильном исступлении лезли на стены, ломались в ворота, бросались на валы. Но

кончилось все тем, что к концу дня русские выбили их из всех предместий».

Участник тех событий генерал Неверовский писал: «Оба дня в Смоленске ходил я сам на штыки, Бог меня спас: только тремя пулями сюртук мой расстрелян».

Во второй половине дня стали подходить армии Багратиона и Барклая. Поредевшие ряды защитников решено было заменить усиленным корпусом генерала Д. С. Дохтурова. Бледного, осунувшегося после болезни Дмитрия Сергеевича спросили, сможет ли он выполнять столь многотрудную задачу. На что генерал ответил: «Лучше умереть на поле боя, чем в постели».

17 августа штурм Смоленска был возобновлен. «К исходу дня, убедившись в бесплодности атак, Наполеон приказал жечь город, которого никак не мог взять грудью», — писал Федор Глинка. Вот как описан этот эпизод им же: «Злодеи тот час же исполнили приказ изверга».

Тучи бомб, гранат и ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви. И дома, церкви и магазины объялись пламенем, и все, что может гореть, запылало». Будто именно тогда, любуясь результатом своего варварства, Наполеон изрек: «Труп врага всегда пахнет хорошо».

Что же касается защитников Смоленска, то они «стойко держались под ураганным огнем вражеских батарей, показав тем самым, что русскими не может повелевать жестокость их выстрелов».

Тем временем 2-я армия (по приказу Барклая) на глазах Наполеона уходила по Московской дороге, а 1-я (после обеспечения отхода 2-й) должна была отходить по Петербургскому тракту с тем, чтобы соединиться для совершения марша на Дорогобуж — Вязьму. В ночь на 18 августа герои Смоленска, уничтожив днепровский мост, покинули город.

В глубокие сумерки из Благовещенской церкви вынесли одну из почитаемых святынь — икону Смоленской Божией Матери, чудом уцелевшую после попадания ядра в ящик, в котором она находилась. Этот образ войска везли с собой до возвращения их в поруганный Смоленск.

С неимоверной скорбью воины оставляли древний форпост земли русской. С поникшими головами и растерзанными сердцами уходили они по Московской дороге. «Унылый звон колоколов, сливаясь с треском распадающихся зданий, и гром сражения сопровождали сие печальное шествие».

Как бы там ни было, а Смоленск пал. В боях за него, по словам Сегюра, «было столько же славы в поражении, как и в нашей победе». В тот же день французы вступили в пылающий ад, именуемый Смоленском, в боях за который французы потеряли более 12 тысяч человек. Мэром взятого города был назначен «титularный советник Васька Ярославцев» (так дословно было сказано в распоряжении Наполеона).

Таковы события «смоленской эпопеи», вызвавшей бурю возмущений в обеих столицах, в стране и в армии. Против Барклая снова выступила вся оппозиция. Однако в решении своем на оставление Смоленска Барклай был непреклонен.

Присланного к нему депутата от оппозиции генерала А. И. Кутайсова он отправляет со словами: «Пусть каждый делает свое дело». Не возымели действия ни уговоры брата царя Константина, ни слова Беннигсена (последнему снова было приказано покинуть действующую армию), ни горячие протесты Багратиона, утверждавшего, что «при удержании Смоленска еще один или два дня неприятель принужден будет ретироваться». Барклай был непоколебим.

Решения, которые он принимал, хороши они были или дурны, были его собственными, и никто из окружающих не мог сказать, что он имел на него влияние. «Настойчивость в преследовании поставленных им целей была безграничной». Несмотря на все возрастающую к нему ненависть, вопреки воле царя он сохраняет русскую армию.

Простому говоря, попытка Наполеона навязать генеральное сражение в невыгодном для русской армии положении снова оказалась неосуществленной.

Безрезультатной для него оказалась и попытка отрезать пути отхода 1-й армии из Смоленска. Положение спас генерал-майор Павел Тучков, арьергард которого в неимоверно трудном бою сдержал первоначальный натиск французских войск, пытавшихся преградить отход 1-й армии у Валутиной Горы 19 августа (в сражение были затем втянуты два русских и три французских корпуса).

Здесь снова проявилась твердость характера Барклая. Прибывшего к нему Тучкова с мольбой «сил нет больше держаться» он отправляет назад со словами: «Если вы снова вернетесь ко мне живым, я прикажу вас расстрелять». Возвратившийся Тучков, несмотря на сильную контузию, продолжал руководить боем. Раненный в последней атаке пулей в голову и штыком в бок, он был взят в плен.

Впрочем, немалая заслуга в успешных действиях русских войск принадлежала и маршалу Жюно, корпус которого, составленный из вестфальцев, солдат-свинопасов, «розовых, как ветчинные окорока, и таких же жирных», выйти вовремя на указанный Наполеоном рубеж не смог. На бедного Жюно посыпались обвинения «в спасении армии Барклая», что, по-видимому, и послужило одним из поводов (в последующем) для его самоубийства.

Итак, русская армия снова отступала, то отрываясь от противника, то чувствуя его дыхание. Она продолжала путь на восток, выбирая приличную позицию и удобный момент для генерального сражения.

Что же касается Наполеона, то он по занятии Смоленска заявил: «Я укреплю свои позиции, мы отдохнем, опираясь на этот пункт, организуем охрану и тогда посмотрим, каково будет Александру... Я поставлю под ружье Польшу, а потом решу, идти мне на Москву или на Петербург».

Однако от проектов таких ему вскоре пришлось отказаться. Дело в том, что «смоленское сидение» отнюдь не гарантировало победоносного исхода войны. Более того, длительное пребывание в Смоленске создавало ряд серьезных проблем. Прежде всего «смоленская пауза» могла быть расценена «просвещенной Европой» как провал стратегических замыслов со всеми вытекающими из этого последствиями. Кроме того, длительное нахождение здесь Великой армии требовало столь же великих затрат. Все это могло активизировать оппозицию во Франции. А в отсутствие императора в Париже могло произойти многое!

Простому говоря, в создавшейся обстановке Наполеон должен был либо продолжать наступление, либо отвести свои войска за Неман. Последнее же означало бы его полное поражение в войне. Оценив обстановку, Наполеон заявил: «Не пройдет и месяца, как мы будем в Москве».

Оптимизм Наполеона снова оказался преждевременным. По приведении армии в порядок и получении сведений о потерях выяснилось, что из 280-тысячной группировки, действовавшей на главном направлении, осталась лишь половина. К тому же растянутость коммуникаций, непрерывные диверсии партизан, грубый просчет в определении запасов продовольствия и фуража

обрекли наполеоновское войско на полуголодный паек.

«Мы испытывали, — писал Коленкур, — столько нужд, столько лишений, мы были так истомлены, Россия показалась нам такой неприступной страной, что термометр чувств, мнений и размышлений очень многих людей надо было искать в их желудках».

Не в лучшем положении оказалась и конница. Половина ее была потеряна, остальная часть была очень изнурена непрерывным движением и плохим питанием. «Люди могут идти без хлеба, — писал Э. Нансути, — но лошади без овса — не в состоянии. Их не поддерживает в этом любовь к отечеству».

Вот почему планы Наполеона на ведение войны в России изрядно изменились.

В беседе с пленным генералом П. Тучковым (в отличие от прежнего фанфаронства беседы с генералом Балашовым) Наполеон заявил: «Я ничего больше не желаю, как заключить мир. Мы уже довольно сожгли пороху и пролили крови... За что мы деремся? Я против России вражды не имею. Зачем нам далее проливать кровь по-пустому? Не лучше ли вступить в переговоры о мире... Да и какие последствия должно иметь для вас проигранное сражение? Я займу Москву, и какие бы я ни принял меры для избавления ее от разорения, ничто не поможет. Занятая неприятелем столица похожа на женщину, потерявшую честь. Что ни делай после, но чести вернуть уже невозможно».

На вопрос Наполеона: «Сможете вы передать письмо императору?» Тучков ответил — нет.

«Но можете же вы написать брату?» — «Могу, государь».

В письме брату Тучков сообщил о своем пленении, о встрече его с Наполеоном и о предложении Наполеона заключить мир. Письмо Тучкова было переслано Барклаю, а тем — Александру I. Ответа не последовало.

Наполеон к тому времени почувствовал разницу между Россией и западными странами. В дополнение к солдатскому штыку русские вилы и крестьянский топор изрядно прошлись по рядам его воинства. Талейран был прав, уверяя: «Штыки, государь, годятся для всего, но вот сидеть на них неудобно».

И все же, несмотря на уговоры Бертье, Коленкура, Дарю и других — не идти далее Смоленска, Наполеон в гневе воскликнул: «Я сам не раз говорил, что война с Испанией и Россией, как две язвы, точит Францию. Я сам желаю мира. Но чтобы подписать мир, надобно быть двум, а я один!» Это уже был крик отчаяния.

Выехав 25 августа из Смоленска на Дорогобуж, Наполеон обогнал свою армию, двигавшуюся (во избежание потерь от налетов партизан) одной колонной. Взору его предстали невероятно усталые, изнуренные, исхудавшие солдаты, лица которых были отмечены печатью уныния.

Под стать солдатским лицам было настроение и самого императора. Становилось все более очевидным, что побеждает он не русскую армию, а пространство. «С ужасом и изумлением смотрел он на безбрежные просторы России, засасывавшие французское воинство в свою бездонную пучину».

Словом, стратегические замыслы Наполеона оказались построенными на песке. Ни разгрома русских войск в приграничных сражениях, ни разделения их сил, ни генерального сражения осуществить не удалось. Потеря же большого сражения (по словам Сегюра) была для него все равно что нож в сердце.

К сожалению, многие этого ножа, приставленного к горлу Наполеона Барклаем де Толли, не замечали. Особенно острой критике была подвергнута

«смоленская эпопея». Утверждали, что, сдав бесславно Смоленск, Барклай открыл ворота на Москву.

Справедливости ради надо сказать, что упреки эти носили скорее эмоциональный характер. Конечно, русские войска даже при той неблагоприятной для них обстановке могли некоторое время удерживать город. Однако это мало бы изменило ход войны к лучшему. Имея превосходство в силах, Наполеон мог оставить часть их для блокирования Смоленска, а остальные же отправить или на Москву, или на Петербург.

Впрочем, единой оценки действий Барклая под Смоленском до сих пор нет. Конечно, действия Барклая были небезупречны. Однако история войн не знает такого противостояния, в котором та или иная сторона не допускала бы ошибок. Были они и в действиях Наполеона. Но кто, как не он, утверждал: «Если бы военное искусство состояло в том, чтобы всегда принимать безопасное положение, то слава сделалась бы достоянием посредственных людей».

Можно лишь с уверенностью сказать, что популярности Барклаю Смоленск не добавил, скорее наоборот. В такой архисложной обстановке Михаилу Богдановичу приходилось осуществлять дальнейший отвод войск. При этом, мысля стратегически, по-прежнему главной задачей своей он считал сохранение армии, все еще не готовой к генеральному сражению.

Однако все более очевидным становилось и другое. Отступление должно было закончиться! Действительно, овладев Смоленском противник вышел прямо на Москву!

Но только ли это?

Армия, отступая, оставила Виленскую, Гродненскую, Витебскую, Могилевскую и часть Смоленской губерний! О столь глубоком отходе «во внутренность империи» не было и помышления! Оно совсем не входило в соображения при начале войны. Все это вызывало чувства горечи, обиды за отечество, негодование на армию и на того, кто руководит ею.

Причиной неудач многие считали неумелое руководство войсками Барклая де Толли. Между тем все тот же классик марксизма писал: «Ни один из крикунов не подозревал, что отступление было на самом деле спасением для России». И далее: «Это было делом не свободного выбора, а суровой необходимостью».

Хотя донесения из действующей армии поступали к царю регулярно, публикации же о неудачах ее появлялись в печати нечасто. Более говорилось об успехах, хотя и были они скромны.

В газетах в те дни восторженно писалось об успешном бое у Вилькомира, где арьергард генерала Якова Петровича Кульнева выдержал десятичасовой бой с корпусом Удино. А несколько раньше тот же Кульнев наказал французов за беспечность, разгромив два кавалерийских полка. В арьергардных боях войны Кульнева взяли в плен более тысячи человек, в числе которых оказался и генерал де Сен-Жене.

Командиру корпуса генералу Витгенштейну за действия Кульнева краснеть не приходилось. Любопытно, что, подражая Суворову, Кульнев ходил в простой солдатской шинели и питался вместе со всеми из солдатского котла. Солдаты говорили о нем: «Наш генерал Кульнев всегда первый в наступлении, а отступает последним». Мужество и благородство Кульнева вызывали восторг и восхищение у неприятеля. Еще в бытность войны со Швецией из Стокгольма последовал совершенно необычный приказ: «В Кульнева не стрелять».

В августе 1812 года любимец Суворова нанес чувствительный удар по врагу у Клястниц. К сожалению, в этом бою Кульнев открыл счет погибшим генералам русской армии. «Оттоман, галл, германец и швед зрили его мужество» — это слова из эпитафии, начертанные на камне, установленном на месте гибели Кульнева.

Публикации подобного характера и церковные богослужения были обычны для тех времен.

Между тем русский народ вполне осознавал нависшую над страной угрозу. «На улицах, во всех обществах, в кругу семейном не было других разговоров, кроме народной войны. Умолкли городские сплетни, ссоры, взаимная ненависть. Любовь к отечеству примирила всех. По целым дням стоял народ на улицах, площадях, с жадностью ожидая курьеров из армии. Всякая реляция была пожираема, тысячу раз перечитана, затвержена — имена героев оглашались тысячью голосами».

Словом, ситуация в стране и армии радикально изменилась. Наступал перелом в вооруженной борьбе. Вот почему Барклай, ранее избегавший генерального сражения, теперь все более склонялся к нему.

С этой целью он предпринимает действия к общей координации усилий (во многом беря на себя полномочия монарха).

Так, 3-й Западной армии Тормасова предписывает «подаваться на сколько можно вперед», подчиняет ему Мозырский корпус, ставит задачу на прикрытие Бобруйска и «на действия по правому флангу противника». От Дунайской армии Чичагова требует обеспечить безопасность Волыни. Учитывая недостаточную обеспеченность левого фланга неприятеля, предполагает проведение в Прибалтике «диверсии» — с высадкой десантов.

Еще раньше он обращается в Петербург по поводу заблаговременной подготовки резервов. «Безопасность государства требует... сильных резервов. Формирование оных должно вестись со всевозможною деятельностью», — писал он.

С учетом того, что «война принимает всенародный характер и дело теперь идет об отечестве, божьем законе, спасении жен, детей и имущества», призывает к созданию народного ополчения, а жителей захваченных врагом губерний — к партизанской войне, «дабы вооруженной рукой нападать на одиночные части неприятельских войск». Сряжает летучий отряд Ф. Ф. Винценгероде для действий по тылам противника.

Одновременно с этим при штабе своей армии учреждает походную канцелярию с типографией, где наряду со сводками военных действий печатались прокламации, воззвания и листовки к солдатам и жителям областей, в коих шли военные действия. Словом, теперь Михаил Богданович начинает обстоятельно готовить вверенные ему войска к генеральному сражению.

Еще находясь в Смоленске, он высылает квартирмейстерский разъезд на дорогобужском направлении, чтобы отыскать подходящие позиции. Было определено две таковых. Первая — западнее, вторая — восточнее Дорогобужа.

Осмотр первой из них в районе села Умолье произвел хорошее впечатление, и Барклай предложил Багратиону примкнуть к его левому флангу. Одновременно он обращается с письмом к Милорадовичу: «Поспешите со своими резервами к Вязьме». В то же время Витгенштейну и Тормасову предписывает активизировать свои действия на флангах французских войск.

Он пишет губернатору Москвы Ф. Ростопчину: «Не имея довольного числа войск... чтобы прикрывать все пункты, мы находимся в необходимости

возлагать надежду нашу на генеральное сражение. Все причины, для воспрепятствования давать оное, ныне уничтожены». И далее просит Ростопчина «спешить приготвление, сколь можно, московской военной рати и собрать оную в некотором расстоянии от Москвы, дабы в случае нужды подкрепить наши армии».

Казалось бы, и быть этому! Однако ни простого, ни тем более генерального сражения ни западнее, ни восточнее Дорогобужа не состоялось.

В первом случае Багратион нашел позицию для своей армии неподходящей, потому предложил идти к Дорогобужу. Поскольку правами главнокомандующего Большой действующей армии Барклай не обладал, то «очередной диспут» завершило сообщение об обходе правого крыла русских корпусом Богарне.

Стало быть, ничего не оставалось, как снова ретироваться. 24 августа армии были на позициях восточнее Дорогобужа, осмотрев которые Барклай обнаружил ряд неудобств, а посему, несмотря на возмущения Багратиона, решено было войсками ее не занимать.

И снова отступление! С озлобленными лицами шли войска к Вязьме. Обгоняя их, туда же для рекогносцировки позиций для очередного сражения (в который уже раз!) мчались квартирмейстер Толь и начальник инженеров армии Труссон.

О своих вяземских планах Барклай доносил в Петербург: «Теперь мое намерение — поставить у этого города в позиции 30 или 26 тысяч человек и так ее укрепить, чтобы этот корпус был в состоянии удерживать превосходного неприятеля, чтобы с большей уверенностью можно было действовать наступательно. Этому до сих пор препятствовали важные причины: главнейшая та, что доколе обе армии не были подкреплены резервами, они составляли почти единственную силу России против превосходного и хитрого неприятеля». И далее: «Вот та минута, где наше наступление должно начаться».

Намерению военного министра изменить ход войны под Вязьмой не суждено было сбыться. Коррективы в планы Барклая внес Наполеон. Еще до начала сражения атаман Платов прислал пренеприятнейшее известие: арьергард русской армии смят конницей Мюрата.

Дабы не привести французов на плечах отступающих казаков, начался спешный отвод армии. Однако на этом неприятности не закончились. Выяснилось, что надежды на подход резервов Милорадовича не оправдались. Было решено продолжать отход войск, на сей раз на позиции к Царёву-Займищу.

Итак, русская армия продолжала отступать, лихорадочно подыскивая выгодные позиции и удобный момент для сражения. Французская же, следуя по пятам, делала все для того, чтобы навязать генеральное сражение в невыгодных для русской армии условиях.

Что же касается Барклая, то он, как и прежде, почти все время проводил в седле. Ко всему, что касалось личных удобств, был равнодушен. Большой частью находился он при арьергарде, располагаясь бивуаком под открытым небом, и скромный обед его нередко прерывался из-за завязавшегося боя.

Хотя официальная пресса по-прежнему была не очень щедра на сообщения из действующей армии, тем не менее столичный люд был в курсе событий. Недостаток официальных сообщений с лихвой восполнялся перепиской с теми, кто пребывал в армии Барклая и Багратиона, рассказами уходящих вместе с войсками очевидцев, да курьеров, едущих в обе столицы со

всех сторон.

Вот и теперь, оставив Смоленск, петербуржцы с тревогой ожидали приезда «посланника от Барклая» — младшего брата царя великого князя Константина Павловича. Это порождало массу домыслов. Достоверно было известно лишь то, что едет он к монарху, конечно, с важным от Барклая пакетом. «— Что бы оно могло означать, — гадали многие, — коль в качестве курьера используется столь важная персона?» Как ни прикинь, а командира корпуса, генерала, да к тому же царского отпрыска нечасто используют в качестве фельдъегеря!

Ходили слухи и о том, будто великий князь едет к царю с личной просьбой Барклая «о заключении мира с Наполеоном с какими бы то ни было пожертвованиями». Если добавить к тому же просочившиеся слухи о полученном Барклаем письма от самого Бонапарта, то, действительно, не идет ли дело по крайней мере о перемирии?

С недоумением обсуждали и слухи об исчезновении верстовых столбов на Варшавском тракте! Что бы это могло означать? Неужели таким образом хотят уверить Наполеона, что до Москвы ему еще далеко?!

Умиление вызывал смелый поступок витебского лейб-медика, еврея, пленившего кабинет-курьера с важными для Наполеона депешами из Парижа. Герой сей вместе с захваченными им документами послан был Барклаем в Петербург.

И все же более всего занимал приезд великого князя.

Долго отсутствовавшего Константина Павловича поразил необычный вид столицы, непременным атрибутом коей прежде был многочисленный гарнизон с невероятной пестротой мундиров (например, только конница была уланской, гусарской, драгунской, кирасирской, кавалергардской, егерской, не говоря уже о казачьей). И вдруг столица опустела!

Казармы, занимаемые беспокойным солдатским людом, оказались свободными. Впрочем, в некоторых из них «квартировали» ополченцы «батюшки Ларивоньча» — петербургские ратники, кои усердно усваивали ружейные приемы да экзерциции на Семеновском, Преображенском и других военных плацах. Однако вид этих не по-военному одетых мужиков, в кафтанах, подпоясанных кушаком, с топором за поясом особого восторга у сына «прусского капрала» не вызывал. Он никак не мог поверить в то, что тысячи только что оторванных от сохи бородатых ратников, не имевших никакого понятия о военном деле, обучены будут приемам действий в бою за каких-то несколько недель.

Однако самым затруднительным для представителя царского сословия оказалось положение его собственной персоны. В столице великий князь оказался не по своей воле. Причиной тому были довольно необычные обстоятельства. Чтобы понять это, необходимо снова вернуться к «смоленской эпопее», к той роли, какая была уготована брату царя.

Надо сказать, что пребывание в действующей армии Константина Павловича стало к тому времени обычным делом. Если Лев Николаевич Толстой писал, что царский отпрыск «не мог забыть своего аустерлицкого разочарования, где он, как на смотр, выехал перед гвардией в каске и колете, рассчитывая молодецки раздавить французов, и, попав неожиданно в первую линию, насилу ушел в общем смятении», то к тому времени Константин Павлович кое-чему научился. Командуя корпусом, он провел ряд удачных атак.

Вместе с тем, унаследовав от отца не только надменную курносую

физиономию, но и капральский дух, освободиться ни от первого, ни от второго он не мог. Так, наблюдая однажды проходивший гвардейский полк, покрывший себя боевой славой, но не имевший ни должного внешнего вида, ни строевого шага, великий князь гневно воскликнул: «Эти люди только и умеют, что сражаться».

Еще более поразительны признания следовавшего с действующей армией А. Шишкова. «В период труднейших арьергардных боев, — писал он, — великий князь Константин обучал своих солдат ружейным экзерцициям, показывая, в каком положении держать тело, голову, грудь; где у ружья быть руке и пальцу; как красивее шагать, поворачиваться и другие тому подобные приемы».

Дело доходило до курьезов. По воспоминаниям Николая Муравьева (брата декабриста), «с наступлением темноты, частенько „обзаведясь адъютантом“, обгоняя отступавшие неимоверно усталые полки, подражая голосу и манере великого князя, Муравьев громко кричал: „Под арест, под арест, офицеры, по своим местам!“ На следующий день „провинившиеся“ командиры полков и дивизий приносили свои извинения чрезвычайно удивленному командиру корпуса».

Как уже говорилось, в числе тех, кто был против того, чтобы оставлять Смоленск, был и брат царя. Обращаясь к солдатам после ухода из города, он сокрушался: «Что делать, друзья! Мы не виноваты... Не русская течет кровь в том, кто нами командует!» Вот как описана реакция великого князя на оставленный Смоленск при встрече его с Барклаем де Толли: «Константин без доклада взошел к нему со шляпой на голове, тогда как командующий был без шляпы, и громким и грубым голосом закричал на него: „Немец, шмерц, изменник, подлец, ты продаешь Россию, я не хочу состоять у тебя в команде. Курута, напиши от меня рапорт к Багратиону, я с корпусом перехожу в его команду“. При этом сопровождал свою дерзкую выходку многими упреками и ругательствами.

Барклай, расхаживая по сараю, услышав брань, в первое мгновение остановился, посмотрел на великого князя и, не обращая более внимания на него, не отвечая, хладнокровно продолжал ходить взад и вперед. Константин же Павлович, натешившись бранью и ругательствами, поехал домой приговаривая: „Каково я этого немца отделал!“»

Радость Константина оказалась короткой. Через два часа «по зрелом размышлении Барклая» получил он пакет с предписанием: «Сдать корпус генералу Н. И. Лаврову, немедля выехать в Петербург». Именно этот пакет с отстранением его от должности командира корпуса и удаления от действующей армии и вез в Петербург не подозревавший о своем конфузе великий князь.

Между тем непрерывное отступление армии, без серьезного сопротивления оставившей огромную территорию, вызвало серьезное негодование народа. Особенно возмущена была армия. И снова во главе всей оппозиции оказался генерал Багратион. Дело дошло до того, что ему предлагалось насильственно отстранить военного министра от руководства войсками и самому возглавить армию, действующую против Наполеона.

Подавали голос и нижние чины. «Измена — первое свойство, что приписывает в таких случаях русский солдат начальнику иноземцу». Положение усугублялось огромным числом беженцев, едущих и идущих позади и впереди отступающего войска.

Находились, конечно, и те, кто, несмотря на весь трагизм происходящего,

оправдывал Барклая. Так, один из участников войны, в последующем известный писатель и декабрист Федор Николаевич Глинка, оставил нам такую запись: «Я часто хожу смотреть, когда он проезжает мимо полков, и смотрю всегда с новым вниманием, с новым любопытством на этого необыкновенного человека. Пылают ли окрестности, достаются ли села, города и округа в руки неприятеля; вопиет ли народ, наполняющий леса или великими толпами идущий в далекие края России: его ничто не возмущает, ничто не сильно поколебать твердость духа его.

Часто бываю волнуем невольными сомнениями: куда идут войска? Для чего уступают области? И чем, наконец, все это решится? Но лишь только взглядываю на лицо вождя сил Российских и вижу его спокойным, светлым, безмятежным, то в ту же минуту стыжусь сам своих сомнений. Нет, думаю я, человек, не имеющий обдуманного плана и верной цели, не может иметь такого присутствия, такой твердости духа! Он, конечно, уже сделал заранее смелое предназначение свое; и цель, для нас непостижимая, для него очень ясна! Он действует как провидение, не внемлющее пустым воплям смертных и тернистыми путями, влекущий к собственному их благу.

Так главнокомандующий армиями генерал Барклай де Толли, приведший с такой осторожностью войска наши от Немана и доселе, что не дал отрезать у себя ни малейшего отряда, не потеряв почти ни одного орудия и ни одного обоза, этот благоразумный вождь, конечно, увенчает предначертания свои желанным успехом».

В суждениях своих Федор Глинка не был одинок. Вот экспромт гусарского офицера Дмитрия Давыдова (в переводе с французского):

Враги продвигаются быстро вперед,
Прощай, Смоленск и Родина,
Барклай все еще избегает сражений
И обращает свой путь в глубь России.
Не сомневайтесь в нем, ибо его воинского
таланта
Вы видите лишь первые плоды.

Однако кто были в ту пору Глинка и Давыдов? Всего лишь младшие офицеры, да и то бывшие в меньшинстве. В общем мощном антибарклаевском хоре голоса их не были слышны. Теперь против Барклая выступали все: народ, генералитет, офицеры, солдаты. Участились случаи, когда на приветствие военного министра и главнокомандующего действующей армией воинский строй отвечал гробовым молчанием! Армия, спасенная Барклаем, от Барклая отвернулась!

Не лучшее впечатление о нем сложилось и в Петербурге. Столица Барклая отвергла! Кризис доверия к нему достиг своего апогея!

Оставив Вязьму русская армия сосредоточилась на позициях у Царёва-Займища Барклай выразил твердое намерение дать здесь первое генеральное сражение, к которому он теперь стремился так же, как прежде уклонялся от одного, ибо цель, поставленная на ведение войны, была достигнута. Русская армия сохранена; армия Наполеона измотана, истощена, без баз снабжения, с необеспеченными и растянутыми коммуникациями, с подорванным моральным духом и самое главное — с радикально изменившимся соотношением сил, которое стало примерно равным!

Наступал момент истины!

Развернув бурную подготовку к предстоящей баталии, генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай де Толли еще не знал того, что произошло в те дни в Петербурге. А дело в том, что от поста военного министра и обязанностей по руководству действующими армиями он был отстранен.

Глава III «Бросался ты в огонь, ища желанной смерти»

*Нагрянул новый Тамерлан
И бранью тяжкою, ужасной,
Вломился в Кремль, как ураган;
И нет от сильных обороны;
Повсюду страх, повсюду стоны...
И загорается Москва...*

Н. Шагров

Пребывание монарха в Петербурге в августе 1812 года было сопряжено с глубокими раздумьями. Поразмислить же было над чем.

Беспрерывно отступая, русская армия оставила позади себя огромную территорию. Наполеон все более приближался к своей заветной цели — Москве. Становилось ясно: русский народ рассчитывается «за грехи» императора, за грубые ошибки, допущенные в подготовке к войне, за отсутствие единого, твердого руководства войсками.

«Самодержец, объятый ужасом, уже не был похож на орла». Перспектива «стать императором камчадалов» из бравады превращалась в явь!

Всеобщее возбуждение народа сменялось глухим, грозным негодованием и столь же всеобщим недовольством. Не оставался в стороне от народного гнева и военный министр за его «недостаточно смелые и решительные действия». В народе говорилось: «Ему, инородцу, Россея-матушка не дорога».

Недовольство охватило православный мир.

Особливо же оно велико было в кругах военных. Положение усугублялось до крайности обострившимися отношениями Баркляя с Багратионом. Петр Иванович Багратион писал в Петербург: «Я никак вместе с министром не могу! Ради бога, пошлите меня куда угодно, хоть полком командовать на Кавказ, а здесь быть не могу, и вся главная квартира немцами наполнена так, что русскому жить невозможно и толку никакого нет». В письме же к генерал-губернатору Москвы Федору Ростопчину (явно рассчитанному на «общительность этого человека») он так характеризует военного министра: «Подлец, тварь... Генерал не то что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего отечества... нерешителен, трус, бестолков, медлителен и все имеет плохие качества». И далее: «Я, ежели выберусь отсюда, тогда ни за что не останусь командовать армией и служить. Стыдно носить мундир».

Впрочем, только ли Багратион думал так? У того же не менее известного героя войны «вихрь-атамана» Матвея Ивановича Платова мы читаем: «Не надену больше русский мундир, потому что он сделался позорным».

Не лучшее мнение о Барклае бытовало и в светских кругах. «Не можете себе представить, — писала из Тамбова в Петербург М. А. Волкова, — как все и везде презирают Баркляя».

К царю шли письма с мольбой, просьбами и увещеваниями. «Когда б нас разбили — другое дело. А то даром отдаем Россию!» — восклицалось в них. В посланиях к монарху все чаще и настойчивее повторялась мысль о скорейшем учреждении поста главнокомандующего на театре войны.

«Если Ваше императорское Величество не дадите общего главнокомандующего... ручаюсь моею честью и совестью, дело может быть безвозвратно потеряно, — писал генерал-адъютант граф Шувалов. — Армия недовольна до того, что солдаты ропщут. Она не имеет никакого доверия к главнокомандующему... Нужен другой главнокомандующий, главнокомандующий над обеими армиями, необходимо, чтобы Ваше императорское Величество назначило его, не теряя ни минуты, иначе Россия погибла».

Среди претендентов на сей пост чаще других называлось имя Михаила Илларионовича Кутузова.

Кутузов был в ту пору наиболее заметной фигурой среди русского генералитета. Особенно популярен он был в Петербурге. И это не было случайным. Здесь он родился и провел детские и юношеские годы. Досрочно завершив учебу в Артиллерийско-инженерной школе, учительствовал в ней же. Позднее состоял в Юстицкой комиссии по составлению нового «Соборного уложения», возглавлял Первый императорский шляхетский кадетский корпус, пребывал в губернаторском кресле столицы, наконец, в июле 1812 года возглавил петербургское ополчение. Словом, в отличие от других, был истинным петербуржцем.

В военных кругах Кутузов слыл талантливым и храбрым человеком, подтверждением чему были и столь необычные его ранения. Он был дважды ранен в голову, и, несмотря на это, «провидение оставило его в живых». Особенно высоко ценились действия Кутузова на посту главнокомандующего Молдавской армией в только что завершившейся войне с Турцией, где он проявил великолепные образцы искусства не только военного, но и дипломатического.

Высоко ценились человеческие качества этого россиянина. Будучи добрым, доступным, отзывчивым и выдержанным в общении с людьми, он обладал в то же время большой силой воли и твердостью характера.

Вместе с тем частое упоминание Кутузова особого восторга у монарха не вызывало. Несмотря на обширный ум, выдержку и такт Михаила Илларионовича, отношения этих двух людей — талантливого полководца и дилетанта в военном деле императора, — мягко говоря, не сложились.

Вот и теперь после столь успешного решения задачи борьбы с Портой Оттоманской, Кутузов был отстранен от командования Молдавской армией. Оказавшись снова не у дел, генерал уехал в свое имение Горошки, что на Волыни. С началом же войны он немедля приезжает в столицу, где и возглавляет петербургское ополчение.

Итак, с мечтой о полководческой карьере императору пришлось все-таки расстаться. Руководствуясь мудростью «лучше поздно, чем никогда», государь учреждает чрезвычайный комитет по избранию главнокомандующего Большой действующей армии. В состав одного вошли: председатель Государственного совета генерал-фельдмаршал граф Н. И. Салтыков, главнокомандующий в Санкт-Петербурге генерал от инфантерии С. К. Вязьмитинов, председатель департамента военных дел Государственного совета генерал от артиллерии граф А. А. Аракчеев, министр полиции, член Государственного совета генерал от

инфантерии А. Д. Балашов, председатель департамента экономики Государственного совета, действительный тайный советник граф В. П. Кочубей, председатель департамента законов Государственного совета, действительный тайный советник князь П. В. Лопухин.

Совет сей собрался в день падения Смоленска 17 августа 1812 года в доме Салтыкова. Обсуждение кандидатур было долгим и нелегким. Никто из предложенных полных генералов (П. И. Багратион, Л. Л. Беннигсен, А. П. Тормасов) одобрения по тем или иным причинам не получил. Та же участь постигла кандидатуры неполных генералов (Д. С. Дохтурова и П. Палена). Последней на пост главнокомандующего Большой действующей армии обсуждалась кандидатура 67-летнего генерала от инфантерии Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова.

Несмотря на сложные отношения Кутузова с Его Императорским Величеством, члены комитета единодушно предложили его кандидатуру монарху. После некоторых раздумий император с мнением комитета согласился, после чего и был оформлен соответствующий рескрипт.

Что же касается министерского поста Барклая де Толли, то члены комитета столь же единодушно и безусловно рекомендовали его от сей должности отстранить. Дальнейшая же участь военного экс-министра (нахождение его в должности командующего 1-й Западной армии) должна была решиться самим Барклаем де Толли.

С отъездом Кутузова в петербургских салонах пошли пересуды. Говорили не только о предстоящих баталиях, но и о дальнейшей участи военного министра. Многие, обвиняя его «во всех грехах», утверждали, что в действующей армии ему больше делать нечего.

Известие, малоприятное для Михаила Богдановича, узнал он, по-видимому, в конце дня 14 августа. В письме, полученном им от Кутузова, говорилось: «Милостивый государь мой, Михаил Богданович. Возлагаемые у сего высочайшие рескрипты... на имя Вашего превосходительства... укажут Вам, милостивый государь мой, высочайшее назначение меня главнокомандующим всех армий... Я оставляю личному моему с Вашим высокопревосходительством свиданию случай удостоверить Вас, милостивый государь мой, в совершенном почтении и преданности, с коими имею честь быть».

История не сохранила свидетельств того, как отреагировал Михаил Богданович на полученное им известие. Да и вряд ли можно было заметить что-либо в поведении этого мужественного, умеющего владеть собой человека. Известно лишь, что в письме к жене своей в Петербург он писал: «Счастливым ли это выбор, только богу известно. Что касается меня, то патриотизм исключает всякое чувство оскорбления».

Можно лишь предполагать, что душевные переживания его были глубоки. Действительно, когда одна из основных целей войны (сохранение армии) была достигнута, когда возможность генерального сражения стала явью, с мечтой о нем приходилось расстаться. Для любого полководца сие означало конец карьеры. И тем не менее в ответе своем Кутузову Барклай был чрезвычайно корректен.

«Ныне под руководством Вашей светлости, — писал он, — будем мы стремиться с соединенным усердием к достижению общей цели, и да будет спасено отечество! Такое есть истинное чувство усердного сына отечества, который готов во всякое время принести на жертву жизнь свою».

Глубоко опечаленный, пишет он царю в Петербург: «Что касается меня, какую бы должность или положение я ни занимал, я желал бы пожертвованием жизни доказать мою готовность служить отечеству». И далее: «В звании главнокомандующего, подчиненного Кутузову, я знаю свои обязанности и буду их исполнять точно». Однако при том вполне резонно ставит вопрос о министерском своем положении: «Но мне неизвестно еще, каковы должны быть мои отношения по званию военного министра. Может быть, осмелюсь, государь, приписать это обстоятельство благоволению, которое Вашему императорскому Величеству угодно еще даровать тому, кто прежде пользовался Вашим полным доверием, почему Вы и не желаете принять тот час решение по этому предмету и возложить заведование военным министерством на кого-нибудь другого. Осмеливаюсь убедительно просить Ваше императорское Величество не принимать в соображение своих отношений, дабы польза дела ни на одну минуту от того не страдала».

Действительно, положение Михаила Богдановича в связи с назначением Кутузова на пост главнокомандующего на театре военных действий оказалось, честно говоря, двусмысленным. Не освобожденный от министерского поста, он по-прежнему находился во главе сухопутных сил. И в то же время, руководя 1-й армией, должен был подчиняться Кутузову, командовавшему лишь частью этих сил!

Были и другие моменты, затрагивающие самолюбие Барклая. Так, назначение Кутузова на столь высокий пост было произведено при полном игнорировании мнения военного министра! Текст рескрипта, подчеркивающий «неуспех боевых действий» в труднейшем начальном периоде войны, упускает важнейший элемент этого периода — сохранение армии для проведения успешного генерального сражения. Если добавить к этому восторженные возгласы солдат: «Приехал Кутузов бить французов» и слова Кутузова, обращенные к ним: «Как можно отступать с такими молодцами!», то понять душевное состояние Михаила Богдановича можно, ибо все это было укором в его адрес.

Неслучайно в этой же связи он писал царю: «Не хочу в настоящую минуту, когда дела скоро получат решение, говорить о действиях вверенной мне армии. Успех докажет, мог ли я сделать что-нибудь лучшее для спасения государства. Если бы я был руководим безрассудком и легкомысленным честолюбием, Ваше Императорское Величество, получили бы, может быть, немало донесений о данных сражениях, и тем не менее неприятель очутился бы под стенами Москвы, не встретив достаточных сил для сопротивления».

Однако вернемся снова в действующую армию, руководимую по-прежнему Барклаем, к перипетиям вооруженной борьбы, к событиям, которые снова чуть было не приняли для русской армии трагический оборот.

Как уже говорилось, теперь лихорадочно «ищущий генерального сражения» Барклай решил использовать представившуюся ему для того возможность — исполнить оное на позициях у Царёва-Займища.

В том же письме едущему в действующую армию Кутузову он сообщает: «...решился я взять сегодня позицию у Царёва-Займища на открытом месте, в коем хотя фланги ничем не прикрыты, но могут быть обеспечены легкими нашими войсками. Получив известие, что генерал Милорадович с вверенными ему войсками приближается к Гжатску, вознамерился я здесь остановиться и принять сражение, которого я до сих пор избегал, опасаясь подвергнуть государство большой опасности в случае неудачи, ибо, кроме сих двух армий,

никаких более войск не было... Посему я старался только частными сражениями приостановить быстрое наступление, отчего силы его ежедневно ослабевали и ныне остались, может быть, не много больше наших».

Надо сказать, что претворению в жизнь плана этого благоприятствовали, по крайней мере два обстоятельства. Первое из них — М. И. Кутузов задержался и прибыл в армию позже, чем было запланировано (по причине начавшихся дождей). И вторая — нежелание Кутузова до приезда своего в армию (до детального ознакомления с обстановкой) вмешиваться в ее руководство.

Вот почему в ответе своем Кутузов уведомляет Барклая: «Сие, однако же, мое замедление ни в чем не препятствует Вашему высокопревосходительству производить в действие предпринятый Вами план до прибытия моего».

Между тем положение действующей армии под Царёвом-Займищем оказалось довольно непростым. Вот как описывает его квартирмейстер 6-го корпуса А. А. Щербинин: «Приходим в лагерь под Царёвом-Займищем. Речка с чрезвычайно болотистыми берегами находится непосредственно позади линий наших. Слишком опасно принять сражение в такой позиции. Не менее того Барклай на то решиться хочет. Толь до такой степени убежден был в опасности этого лагеря, что бросался перед Барклаем на колени, чтобы отклонить его от намерения сражаться здесь. Барклай не внимлет убеждениям своего генерал-квартирмейстера».

К этому надо добавить и то, что у русских войск не было времени на подготовку позиций, и то, что резервы, на которые так уповал Барклай, оказались не чем иным, как плодом воображения военного ведомства (вместо 60-тысячного корпуса Милорадович привел в Гжатск лишь 15 тысяч новобранцев). Сведения о «второй стене обороны» оказались недостоверными. Генерал-губернатор Москвы Ростопчин, хвастливо заявлявший о 75-тысячной «московской военной силе», с трудом выставил 15 тысяч слабо обученных, плохо вооруженных, наспех экипированных ратников. Ясность в обстановку привнес скорый приезд Кутузова. Осмотрев позицию, он принял решение сняться с оной (несмотря на то, что до Москвы оставалось лишь 160 километров), о чем Петербург был уведомлен немедленно.

Поступая так, Кутузов не только избегал риска, но еще более удлинял коммуникации Наполеона, еще дальше отрывал его армию от тыла, с одновременным усилением своих войск за счет сближения с резервами и изысканием более подходящей позиции для сражения. Словом, Кутузов продолжал начатое Барклаем «скручивание гигантской пружины русской армии».

Между тем в донесении царю он дипломатично писал: «Прибыв к армии, нашел я оную в полном отступлении, и после кровопролитных дел, в Смоленске бывших, полки весьма некомплектными».

По Петербургу же пошли слухи о том, что решение сие Кутузов принял по настоянию начальника главного штаба своего генерала Л. Л. Беннигсена, человека, враждебно настроенного по отношению к Барклаю, дважды изгоняемого им из действующей армии и ныне мстившего ему за это.

Что же касается Михаила Богдановича, то у него возникли первые недоумения. Действительно, так ли уж оказалась велика разница стратегии Кутузова в сравнении с той, что настойчиво проводил он с начала войны? Словом, русская армия снова отступала. Теперь обязанностью Барклая (остающегося вопреки «пророчеству» в должности командующего 1-й Западной

армии) было обеспечение отхода главных сил.

Арьергард армии, где постоянно пребывал он, вел непрерывные бои, сдерживал наступление французского авангарда, наносил дерзкие контрудары, отступая, чинил всевозможные препятствия на путях продвижения недруга. Так продолжалось до 3 сентября 1812 года, пока 1-я и 2-я Западные армии не вышли к селу Бородино. Здесь, на Бородинском поле, решено было дать первое генеральное сражение Наполеону.

Итак, отныне все внимание россиян приковано было к селу Бородино, где решалась судьба войны и участь отечества. Теперь все уповали не только на мудрость нового вождя и многоопытность первого и второго командующих, но и на храбрость русских воинов.

Не вникая в детали замысла противоборствующих сторон, отметим лишь, что место, выбранное для сражения под Бородино, было удачным. Готовясь к схватке с численно превосходящим противником, Кутузов использовал для этого выгодные условия местности. Позиция простиралась на возвышенности, что давало не только хороший обзор, господствующее положение, но и возможность эффективного огня артиллерии. Пересеченная местность и река Колоча ограничивали маневр и создавали трудности неприятелю.

Напротив, относительно равнинная местность в расположении русских войск благоприятствовала действию их в батальонных колоннах и применению кавалерии. Фланги войск с одной стороны прикрывались рекой Москвой, а с другой — лесным массивом. Время до сражения, было эффективно использовано для оборудования позиций. Войска имели глубокое боевое построение. Особое внимание уделялось созданию и сохранению резервов.

Что же касается некоторых недостатков левого фланга, то они компенсированы были созданием здесь дополнительных инженерных сооружений да назначением сюда испытанного в боях генерала Петра Ивановича Багратиона.

На 1-ю Западную армию Барклай возлагалась оборона центра и правого фланга русских войск. При этом правое крыло армии прикрывало кратчайший путь противника на Москву, левый же фланг, представляя центр обороны русских войск, — подступы к батарее Раевского — главному опорному пункту обороны. Далее, по направлению к левому флангу, оборона возлагалась на армию Багратиона.

Понимая, что войсками командуют искусные в ратном деле военачальники, Кутузов предоставил им полную свободу действий, чем Михаил Богданович воспользовался в полной мере. Накануне сражения, еще раз осмотрев полосу обороны, он дает распоряжения инженеру армии Х. Труссону на дооборудование позиций, делает напутствия по действию подчиненных в предстоящем бою, требует наиболее эффективно применять огонь, маневр и взаимодействие с соседями, оказывать помощь артиллерии. Артиллерийской же прислуге повелевал «не только поражать неприятеля ядрами да картечью, но и предусмотреть вопрос самообороны».

Вместе с Кутузовым Барклай и Багратион еще раз объехали позиции русской армии, оговорив многие вопросы взаимовыручки, столь необходимые в предстоящей битве.

К вечеру были проведены полковые богослужения, по лагерю русских войск прошел крестный ход с иконой Смоленской Божией Матери, за коей с обнаженной головой и слезами на глазах шел Кутузов.

В ночь на 7 сентября офицеры надели новое белье, а нижние чины —

чистые рубахи. Водка, привезенная для солдат, оказалась нетронутой. Артельщикам, зазывавшим «выпить по чарке», солдаты отвечали: «Не для того мы сюда пришли».

Все понимали: наступает тот решающий час, что определяет судьбу отечества. Русские воины, уверенные в правоте своего дела, предпочитали спокойно отдохнуть перед днем грядущим, может быть, последним в их жизни.

Безмолвие ночи прерывалось лишь редкими окриками часовых. Что же касается Барклая, то, как и прежде, никто из окружающих не мог заприметить в его облике каких-либо перемен. Между тем нравственному состоянию его накануне битвы вряд ли можно было позавидовать. До сих пор, видя главную цель своих действий в спасении армии, он старался не замечать той гнетущей атмосферы, что окружала его. К тому же хотя и пассивная, но поддержка императора сдерживала явные выпады против него. Теперь же, когда этот «оградительный забор» рухнул, весь антибарклаевский хор возликовал. До Михаила Богдановича стали доходить непристойности в оценке его как человека и военачальника, изъясняемые как устно, так и письменно в Петербург отправляемые.

Потрясло известие о том, что Кутузов в довольно мрачных тонах обрисовал в донесении к царю состояние принятой им со столь огромными усилиями сохраненной армии. Угнетающе действовала неопределенность министерского положения. Будучи не в силах более бороться с чувством обиды, он обращается к царю с письмом, полным горечи и отчаяния: «Государь! После того как Вы благоволили назначить меня на должность, которую я занимал до настоящего времени, я Вам предсказывал... что клевета и интриги смогут лишить меня доверия моего монарха. Я ожидал этого, потому что такой результат совершенно естественно вытекает из порядка вещей. Но мне было трудно представить себе, что я кончу тем, что навлеку на себя даже немилость и пренебрежение, с которым со мной обращаются! Совесть моя говорит мне, что я не заслуживаю этого. Рескрипт, который Вашему Величеству угодно было дать мне от 8-го августа, рескрипт князю Кутузову и обращение здесь со мною служат очевидными тому доказательствами. В первом из этих рескриптов я настолько несчастлив, что причислен к продажным и презренным людям, которых можно побудить к исполнению их обязанностей лишь призрачной надеждой наград, во втором же рескрипте операции армии подвергнуты порицанию. Последствия событий покажут, заслуживают ли они осуждения, поэтому я не хочу оправдывать перед Вами, Государь, эти операции. К тому же здесь обращаются со мною так, как будто бы мой приговор подписан. Меня поставили в рамки, в которых я не могу быть ни полезным, ни деятельным...

...Теперь я раскрыл сеть самой черной интриги, посредством которой осмелились довести до сведения Вашего Императорского Величества тревожившие известия о состоянии армии. Я знаю, Государь, что Вас продолжают еще поддерживать в том мнении, чтобы в случае счастливого успеха придать более цены собственной заслуге, знаю, что каждому из моих действий, каждому моему шагу были даны неблагоприятные истолкования и что их довели до сведения Вашего Императорского Величества особыми путями. Но в моем настоящем положении, особенно видя к себе пренебрежение, я чувствую себя слишком слабым, чтобы переносить внутреннюю скорбь, которая приводит меня в отчаяние. Мой ум и мой дух опечалены, и я становлюсь ни к чему не способным.

Осмеливаюсь поэтому покорнейше просить... освободить меня из этого

несчастливого положения. Осмеливаюсь обратиться к Вам с этими строками с тем большей смелостью, что необходима накануне кровавой и решительной битвы, в которой, может быть, исполнятся все мои желания».

Желания же Барклая были не только в том, чтобы победить врага, но и доказать свою преданность России достойным уходом из жизни, о чем свидетельствуют его последующие письма. Накануне сражения, как вспоминал начальник канцелярии 1-й армии А. Закревский, «он сам, генерал А. И. Кутайсов и Барклай де Толли провели ночь в крестьянской избе. Барклай де Толли был грустен, всю ночь писал и задремал только перед рассветом, запечатав написанное в конверт и спрятав его в карман сюртука. Было ли то завещание или прощальное письмо, неизвестно».

Кутайсов же, наоборот, был весел, шутил и вскоре заснул, оставив на прощание известный приказ по артиллерии: «Подтвердить от меня во всех ротах, чтобы она (артиллерия) с позиций не снималась, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Артиллерия должна пожертвовать собой. Пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор».

Не меньшая подготовка к предстоящей битве шла и в стане недруга. Понимая значение грядущего дня, Наполеон сделал все от него зависящее для достижения победы, к которой упорно шел он с рубежа Немана.

Потребовав, чтобы в день баталии все, в том числе и ездовые, были в строю, император снова обратился с воззванием: «Воины! — говорилось в нем. — Вот сражение, которого вы так ждали. Победа в руках ваших, она нужна нам. Она доставит нам изобилие, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение в отечество! Действуйте так, как действовали вы под Аустерлицем, при Фридланде, Витебске и под Смоленском, и позднее потомство вспомнит с гордостью о подвигах ваших в тот день и скажет о вас: „И он был в великой битве под стенами Москвы!“»

Всю ночь перед боем Наполеон провел в стане своих воинов. Говорил речи, «обещая мир и отдохновение в покоренном городе, преисполненном забав и роскоши, льстя страстям и распутству, не щадя при этом ни вина, ни уличений. Обещанием победы и неисчислимых выгод оной умел он очаровать многочисленное воинство свое и поощрять его к отчаянному нападению».

Обрадованные наконец-то представившейся возможностью сразиться с постоянно ускользающим противником, возбужденные воззванием императора и бутылкой бургундского, завоеватели до полуночи громко веселились, не подозревая, что каждый третий из них делает это последний раз в жизни.

Итак, в ночь на 7 сентября 1812 года русская и французская армии оказались лицом к лицу. Когда утром начало всходить солнце, Наполеон, указывая на него, воскликнул: «Вот оно солнце Аустерлица! Наконец они попались! Вперед!»

К сражению Барклай всегда готовился как к празднику. Именно здесь раскрывались его выдающиеся качества как воина, как военачальника и как полководца. Еще затемно в полной парадной форме: вышитом позолотой мундире, при всех орденах и звездах, в шляпе с огромным черным плюмажем — на белом коне, в окружении свиты выехал он на позиции армии.

Вскоре началась артиллерийская канонада, возвестившая о начале Бородинской битвы. «Наполеон пошел открывать ворота Москвы». Так для командующего 1-й Западной армии началось 7 сентября 1812 года, долгий и трагический день в истории России и жизни полководца.

Вскоре было замечено движение первых неприятельских сил к селу

Бородино, и Барклай бросает на выручку находившуюся там часть своего резерва, дабы не допустить захвата моста через реку Колоча. Задача была решена успешно. Воины отошли, оставив позади себя пылающий мост.

В половине шестого начались яростные атаки врага на левое крыло русских войск. Здесь на острие главного удара превосходящего в силах неприятеля суждено было оказаться армии Багратиона.

Наполеон, наращивая усилия, бросал в одну за другой атаки пехоту и кавалерию, поддерживая их ураганным артиллерийским огнем. Тут все смешалось в кромешной схватке: медвежьи шапки гренадер и латы кирасир, пестрые значки улан и банники пушкарей, алые ментики гусар мелькали среди драгунских погон, «и застонала земля русская, и пробудила спящих в ней воинов».

Вот как описано это в стихотворении Михаила Юрьевича Лермонтова:

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.
Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.
Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

В ходе сражения Багратион и Барклай, напрочь забыв прошлые обиды и недоразумения, не считаясь ни с формальным подчинением частей, ни с границами полос армий, были едины в стремлении — выстояв, победить!

Когда в боях за Семеновские флеши Багратион израсходовал свой последний резерв, он восполнил его частью сил 1-й армии. Он же в трудный момент сражения, обращаясь с просьбой о поддержке к Кутузову, просит о помощи и своего соседа и незамедлительно получает от Барклая четыре кавалерийских полка.

В ходе ожесточенной битвы генерал Багратион, «на ком почти сверхъестественно держался левый фланг», был тяжело ранен. Заприметив (при перевязке раны) адъютанта командующего 1-й армией, обращаясь к нему, сказал: «Передайте генералу Барклаю, что участь армии и ее спасение зависят от него. До сих пор все идет хорошо. Да сохранит его Бог!»

Истекая кровью, Петр Иванович продолжал руководить боем, пока не

потерял сознание. Позднее, будучи в лазарете, во время перевязки (которую делал лейб-медик Виллие), увидев здесь же раненого адъютанта Барклая (В. Левенштерна), преодолевая боль, он обратился к нему с просьбой «передать Михаилу Богдановичу уверение в своем искреннем его уважении».

После эвакуации Багратиона Барклай немедленно прибывает на левый фланг русской армии, где находит войска сильно расстроенными, а резервы израсходованными, потому еще до принятия мер Кутузовым производит спешную перегруппировку части своих сил по усилению левого крыла.

Между тем ожесточение битвы нарастало. События на Бородинском поле принимали все более драматичный характер.

Не получив результата на левом фланге, Наполеон огромными силами атакует центр русских войск, то есть армию Барклая. «На всей нашей линии, — писал его адъютант А. Муравьев, — кипело ужасное побоище. Бой пехотный, ручной на штыки, кавалерийские атаки... артиллерийский непрерывный огонь... убитые и раненые падали с обеих сторон, по ним скакали орудия и кавалерия... груды, горы убитых лежали на пространстве четырех верст».

Как воин и полководец Барклай на Бородинском поле был великолепен. Простой, ясный и практичный ум его расчетливо оценивал обстановку и принимал абсолютно правильные решения. Предусмотрительность его была всеобъемлющей. На поле боя он видел все и с неизменным присутствием духа спокойно отдавал распоряжения. Вместе с тем он сам водил воинов в атаку.

«Храбрости необычайной: не понимает страха», — писал о нем Ермолов. Он умело противопоставляет маневру Наполеона контрманевр, атаке — контратаку. Временами инициатива Бородинского сражения переходила к нему. Он предотвращает прорыв то левого фланга спешной переброской сюда корпуса К. Багговута, то центра — усилением его корпусами Ф. Корфа и А. Крейца. Предвосхищая намерения Наполеона по захвату батареи Раевского, он перемещает сюда кавалерийские соединения.

Здесь, в районе центральной высоты, развернулась величайшая в истории войн кавалерийская сеча. В атаку на врага шел цвет русской кавалерии: кавалергарды и драгуны, конногвардейцы и гусары, «и казалось, вся высота превратилась в движущуюся железную гору. Блеск оружия, касок и панцирей, освещенных солнечными лучами, смешался с огнем орудий, которые несли смерть со всех сторон, делали редут похожим на вулкан в центре армии», — так описано это волнующее зрелище.

С хладнокровием, которого не мог растопить зной Бородинской битвы, теперь Барклай, не обращая ни малейшего внимания на свист пуль и вой ядер, как демон носился по полю брани, появляясь в самых опасных местах сражения. В полной парадной генеральской форме, с обнаженной шпагой в руке, он был постоянно в рядах тех, кто атаковал и кого атаковали.

«У него не иначе как жизнь в запасе!», — воскликнул генерал Милорадович. «Он ищет смерти», — вторили ему солдаты. Действительно, смерть витала вокруг него. Под ним пали четыре лошади, были убиты два его адъютанта и ранены девять сопровождавших его офицеров. Дважды он чуть не попал в плен, но сумел отбиться. Его шляпа была прострелена, а мундир забрызган кровью. А он, как заговоренный, оставался цел и невредим. Солдаты, ранее не желавшие отвечать на его приветствие, теперь при приближении Барклая восторженно кричали ему: «Ура!»

Когда очередная лошадь под ним была ранена и польские уланы бросились, чтобы схватить генерала, на выручку мужественно устремились те,

кто еще вчера подозревал его в измене.

Сменив коня, Барклай все так же неистовствовал. Патриот в самом лучшем понимании этого слова, он исполнял свой ратный долг, не думая о себе. Впрочем, только ли патриотизм предопределял поведение Барклая на Бородинском поле?

Вспомним, что Бородину предшествовало непрерывное отступление армий с полным неприятием полководческого замысла Барклая (генерал «Болтай-да-и-только»). Вспомним о явном недоверии с подозрением в измене («генерал-инородец»). Вспомним об огульных обвинениях его «во всем и вся», как устно, так и письменно изъясляемых. И все это на фоне всеобщей ненависти к нему за оставленную территорию и поруганную честь русского воинства!

Вспомним и об отстранении Барклая от руководства действующей армией, и о неопределенности министерского поста, о том моральном кризисе, что пришлось ему пережить, узнав о негативной оценке сохраненной им армии. Вспомним о письмах в Петербург, в которых он высказывал желание умереть в предстоящем сражении, — и тогда будут понятны слова Александра Сергеевича Пушкина, посвященные Барклаю де Толли в Бородинском сражении:

Там устарелый вождь, как ратник молодой,
Свинца веселый свист слышавший впервой,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти, —
Вотще!..

Сам же Михаил Богданович в письме, отправленном в Петербург после Бородинской битвы, признается: «Что касается лично до меня, то с твердостью покоряюсь моему жребию. 26 августа не сбылось мое пламеннейшее желание — провидение пощадило жизнь, которая меня тяготит».

Однако вернемся снова к ходу Бородинской битвы.

Во второй половине дня обстановка для русской армии изменилась к лучшему. Причиной тому был удачно проведенный рейд казачьего и кавалерийского корпусов Платова и Уварова по тылам Наполеона.

Используя замешательство в стане врага, Кутузов проводит перегруппировку сил. Инициатива сражения явно переходила к нему. Понимая, что по-прежнему «ключом всей обороны» продолжает оставаться центральная высота, Барклай заменяет остатки оборонявшегося здесь корпуса Раевского своим последним резервом — корпусом Остермана-Толстого. И хотя после полудня бой за центральную высоту возобновился с новым ожесточением, войска Барклая, отошедшие на новые позиции, оставались отнюдь не побежденными. Лишь к вечеру, когда сражение стало медленно затихать, Михаил Богданович покинул седло. Выпив рюмку коньяку, не отрывая возбужденного взгляда от поля сражения, он произнес: «Никогда и ни в какие времена войска не сражались столь мужественно, как сии две армии».

К концу дня было замечено, что французы начали отвод своих войск с занятых ими позиций, и Барклай отдает распоряжение: снова занять окопы центральной высоты (названной французами «редутами смерти»), частично совершенствовать оборону, приступить к постройке редутов у деревни Горки, по всему переднему краю разжечь костры. Войскам же предоставить ночной отдых, «дабы заутро бой начать». Такого же мнения был и Кутузов.

Безусловно, результатами Бородинского сражения Барклай был доволен.

Армия, сохраненная им, отразила натиск Наполеона. При том Барклай «одержал блистательнейшую из своих побед — он вернул к себе доверие армии». Третий орден Святого Георгия был наградой Петербурга за содеянное Барклаем на поле Бородинской брани.

Однако наутро бой начать не пришлось. События ночи приняли иной оборот. Прибывший от Кутузова адъютант Граббе, с трудом отыскав среди спящих вповалку на полу избы командующего армией, вручил ему записку — распоряжение главнокомандующего на отход.

Прочитав ее, всегда выдержанный Барклай резко вскочил с гневной руганью в адрес Беннигсена. Тотчас он решил ехать к Кутузову, дабы уговорить его отказаться от намерений на отход. Однако сообщение об уже начавшемся отходе 2-й армии удержало его. Причины отступления объяснялись не только большим расстройством войск и отсутствием подготовленных резервов, но и тем, что неприятелю было чем пополнить войска. В отличие от Кутузова, у Наполеона находился на подходе еще не использованный им резерв.

Итоги Бородинской битвы до сих пор оцениваются неоднозначно. Так, Кутузов доносил в Петербург о совершенно достигнутой им победе. Иной была оценка Наполеона. Впрочем, поразмыслив по окончании войны, он даст другую оценку Бородинскому сражению, восхвалявшую как наступавшую, так и оборонявшуюся стороны, не вынося окончательного вердикта.

С военно-политической точки зрения ясно одно. Задача разгрома русской армии в генеральном сражении (квинтэссенция стратегии Наполеона) не была решена. Задача Кутузова — не допустить разгрома русской армии в генеральном сражении — была решена успешно.

Нанеся врагу смертельное ранение, русская армия непобежденной отходила, чтобы на новом рубеже дать врагу очередное сражение за древнюю столицу. Таковы события величайшей из битв и роль в ней Барклая де Толли, события, возбудившие россиян, убежденных в том, что их воинство постоит еще за Первопрестольную, не щадя живота своего.

Итак, русская армия в который уже раз отступала. Превозмогая участвовавшие приступы лихорадки, едва держась в седле от усталости и недуга, Михаил Богданович снова был в самых трудных местах арьергардных стычек.

Как и все, он был абсолютно уверен в том, что новое генеральное сражение за Москву свершится на ближних подступах и в ходе него решится участь древней столицы. Уверенность сия исходила и от князя Кутузова. В том же был уверен и Петербург, с надеждой и тревогой следивший за каждым шагом действующей армии, не упуская при этом возможности оценить и действия бывшего военного министра.

И вдруг — как снег на голову!

Москва оставляется без боя?!

Сообщение оное повергло россиян в глубокое разочарование и беспредельное возмущение. И хотя главным виновником почитали теперь Кутузова, не оставался в стороне и Барклай де Толли.

Разберемся, однако, во всем по порядку, тем более что роль Барклая в принятии столь рокового решения была не из последних. К тому же не надо забывать и о том, что «ворота на Москву» оставлением Смоленска были открыты им!

Начнем с того, что место для новой баталии поручено было определить начальнику главного штаба Большой действующей армии генералу Л. Л. Беннигсену. Позиция, выбранная им у Мамонова, была признана

неудовлетворительной.

Не очень доверяя полководческим способностям этого генерала, Барклай (по прибытии на позиции) тщательно осмотрелся. Взору его предстала местность, мало пригодная для оборонительного сражения. Имея протяженность около 6 километров по фронту, она была слишком растянутой для ослабленной армии. Пологие скаты, на коих предстояло расположить войска, сколь-либо серьезных препятствий для наступающего противника не представляли. Обширный лес на правом крыле давал возможность скрытого сосредоточения здесь значительных сил неприятеля. В то же время возможности скрытого расположения своих резервов не было (расположенные на дальности пушечного выстрела, они могли быть подвергнуты губительному артиллерийскому огню). Передний край обороны был сплошь изрезан глубокими оврагами и двумя речками, идущими в тыл, что не только разобщало обороняющихся, но и затрудняло маневр и взаимодействие между ними. Это же обстоятельство затрудняло маневр артиллерии и обоза и давало возможность противнику просачиваться в глубину обороны.

В тылу обороняющихся войск (на небольшом расстоянии от переднего края) протекала река Москва, через которую имелось лишь 8 мостов (весьма слабых).

В случае вынужденного отхода войск армия оказалась бы в критическом положении, поскольку количество мостов для спешной переправы армий было недостаточным. К тому же большинство из них не были пригодны для перевозки тяжелых обозов и артиллерии. К этому следует добавить, что спуски к переправам были довольно крутыми и доступными только пехоте.

Наконец, за рекой находился обширный город, отступление через который (в случае неудачи) представляло также немало трудностей, ибо собрать армию, в спешном порядке преодолевшую большой город, было бы трудно. Попросту говоря, армия в случае неудачного сражения могла бы быть потерянной.

С тягостным чувством от увиденного направился Михаил Богданович к Кутузову. Повстречав на пути Беннигсена, резко спросил его: «Решено ли здесь похоронить армию?»

Кутузова Барклай нашел на Поклонной горе в окружении штаба и многих генералов, уже знакомых с обстановкой. Однако никто из них не решился подать голос об оставлении Москвы без боя. И надо было обладать огромным мужеством, чтобы решиться на это. Таким человеком оказался Михаил Богданович Барклай де Толли.

Кутузов, придя в ужас от столь чудовищного предложения, приказал своему генерал-квартирмейстеру К. Толю еще раз тщательно осмотреть позиции. Не довольствуясь этим, он посылает в новую рекогносцировку Ермолова, Кроссера и зятя Н. Д. Кудашева, который пользовался особым его доверием.

Увы! Очередные доклады мало изменили что-либо к лучшему. Судьбу Москвы решено было обсудить на военном совете. 13 сентября 1812 года в деревне Фили в избе крестьянина Фролова собрались Л. Л. Беннигсен, М. Б. Барклай де Толли, Д. С. Дохтуров, Ф. П. Уваров, М. И. Платов, А. И. Остерман-Толстой, П. П. Коновницын, Н. Н. Раевский, А. П. Ермолов и К. Толь.

Используя возможность для первого выступления, слово взял автор выбранной для сражения позиции генерал от кавалерии Беннигсен. Перемежая свою речь восхвалением позиций, с пафосными высказываниями о борьбе за отечество и древнюю столицу, Беннигсен предложил для обсуждения вопрос:

«Выгодно ли сразиться под стенами Москвы или оставить ее неприятелю без боя?»

Напыщенный монолог начальника штаба «о непреоборимости выбранной им позиции» прерван был Кутузовым. Главнокомандующий предложил другую формулировку для обсуждения, а именно: «Ожидать ли нападения в невыгодной позиции или уступить неприятелю Москву?»

В нарушение традиций военных советов первым в обсуждении доклада слово взял отнюдь не младший по чину и возрасту. Им был генерал от инфантерии, командующий 1-й Западной армией Барклай де Толли.

Поблудневший, осунувшийся, преодолевая волны озноба очередного приступа лихорадки, он твердо заявил: «...Главная цель заключается не в защите Москвы, а в защите отечества, для чего прежде всего необходимо сохранить армию. Позиция невыгодна, и армия подвергнется несомненной опасности быть разбитой. В случае поражения все, что не достанется неприятелю на поле сражения, будет уничтожено при отступлении через Москву. Оставлять столицу тяжело, но если мужество не будет потеряно и операции будут вестись деятельно, овладение Москвой, может быть, приведет неприятеля к гибели...» И далее: «Сохранив Москву — Россия не сохраняется. Но оберегши армию, еще не уничтожаются надежды отечества, и война... может продолжаться с удобствами: успеют присоединиться в разных местах за Москвой приготавливаемые войска».

Словом, Москву Барклай предложил оставить без боя, отступление же провести по нижегородской дороге, дабы сохранить сообщение как с Петербургом, так и с южными губерниями России. Железная логика Барклая, безусловно, возымела большое воздействие на умы присутствующих, облегчив тем самым принятие решения Кутузову.

Мнения «за» и «против» оставления Москвы разделились (большинство было против оставления Москвы без боя). При этом у некоторых были и свои «оригинальные» предложения. Тот же Беннигсен ничтоже сумняшеся предложил наступательный вариант. «Об этом следовало бы подумать ранее и сообразно с тем разместить войска», — резко прервал его Барклай.

Последним, как и положено на военных советах, говорил Кутузов. Поддержав доводы Барклая, он произнес вошедшую в историю Отечественной войны фразу: «С потерей Москвы не потеряна Россия... Приказываю отступить».

Итак, выбор был сделан. Москва без боя отдавалась на поругание и бесчестие. Кутузов в той архисложной обстановке вынужден был решиться на такое прежде всего потому, что армия ему доверяла. В отличие от Барклая, он имел на это моральное право.

Действительно, нетрудно предположить, что могло бы случиться с Кутузовым, если бы он, будучи во главе английской армии, решил сдать противнику Лондон без боя. Очевидно, что он стал бы жертвой народной ярости!

То же самое могло бы случиться и с Барклаем, окажись он теперь на месте Кутузова.

Как бы там ни было, а с получением Петербургом протокола заседания военного совета в Филях на голову Барклая посыпались новые проклятья.

И тем не менее 14 сентября 1812 года русская армия оставляла древнюю столицу. Кутузов в сопровождении ординарца А. Б. Голицына, великолепно знавшего город, скромно, без свиты, «так, чтоб сколь можно ни с кем не

встречаться», покинул Первопрестольную, не вмешиваясь в руководство отходящими войсками. Распоряжаться отходом армии поручено было Барклаю де Толли.

К порученной задаче Михаил Богданович, как всегда, отнесся обстоятельно. Сразу же он отправляет письмо генерал-губернатору Москвы Ростопчину, в котором говорилось: «Армия выступает сего числа ночью двумя колоннами, из коих одна пойдет через Калужскую заставу и выйдет на Рязанскую дорогу... а другая колонна пойдет через Смоленскую заставу... отколь должна повернуть на Рязанскую дорогу...

Прошу Вас приказать принять все нужные меры для сохранения спокойствия и тишины как со стороны оставшихся жителей, так и для предупреждения злоупотребления войск... Для армии же необходимо иметь сколь можно большее число проводников, которым все большие и проселочные дороги были бы известны».

Особенно трудным для организации отхода оказался первый этап — преодоление Москвы-реки, где один из мостов под тяжестью пушек и обоза рухнул. Создалась толчея, беспорядок, которым мог легко воспользоваться противник. Вмешательство Барклая исключило неприятные последствия сего происшествия.

Как и прежде, Михаил Богданович снова более суток не слезал с коня. Организовывал четкое прохождение войск по заданным маршрутам (все офицеры штаба армии и адъютанты его были распределены по разным пунктам для наблюдения за движением войск), поддерживая строгий порядок и дисциплину, пресекая малейшие попытки к бесчинствам, грабежам и мародерству.

Взору его предстали не только бесчисленные колонны войск, но и потоки беженцев: женщин, детей, стариков и «прочей ученой твари».

Тысячи карет, колясок, фур и телег, жалко тесня друг друга к дорожной обочине, «уходили от недруга», терпеливо пропуская артиллерийские парки, обозы и подводы с ранеными. Смотреть в глаза этому люду было горько и стыдно.

По опустевшим улицам Москвы ветер разносил никому не нужные теперь афишки незадачливого генерал-губернатора Москвы генерала от инфантерии Федора Ростопчина, еще недавно использовавшего бюст Наполеона в качестве ночного горшка, а ныне нещадно поровшего повара своего лишь за то, что он был французом.

В одной из них, разносимых ветром, генерал-губернатор вопрошал:

«Господи помилуй!

Да будет ли этому конец? Долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум, сотворив молитву, и, плюнув, сказать француз: „Сгинь ты, дьявольское наваждение! Ступай в ад или восвояси, все равно, только не будь на Руси“.

Прости Господи!

Уж ли Бог на то Русь создал, чтобы она кормила и богатила всю дрянь заморскую, а ей, кормилице, и спасибо никто не скажет. Ее же бранят все не на живот, а на смерть. Придет француз с виселицей, все его наперехват, а он еще и ломается... Поманерится недели две, да и пустится либо в торг, либо в воспитание, а иной и грамоте то плохо знает... Чему детей ныне учат! Выговаривать чисто по-французски, вывертывать ноги и всколачивать голову. Тот и умен и хорош, которого француз за своего брата примет. Как же им

любить свою землю, когда они и русский язык плохо знают? Как им стоять за веру, царя и за отечество, когда они русских считают за медведей? Мозг у них в тупости, а душа в языке; понять нельзя, что врут и что делают. Отечество их на Кузнечном мосту, а царство небесное — Париж... Женщины бегут замуж за французов и гнушаются русскими. Одеты, как мать наша в раю, сущая выставка торговой бани либо мясного ряду. Даже чухонцы сказываются лифляндцами, а эти немцами...

Что за люди к нам едут, и кому детей своих мы вверяем! Ну не смешно ли нашему дворянину покажется, чтоб писарь Климка, повар Абрашка, холоп Вавилка, прачка Грушка и нетребная девка Лушка стали воспитывать благородных детей и учить их доброму. А вот, с позволения сказать, это-то у нас лет уже тридцать как завелось и по несчастью не выводится...»

Заканчивалась афишка патриотическим возгласом: «Слава тебе, Российское победоносное христианское воинство!»

Михаил Богданович с удивлением и пренебрежением ознакомился с ростопчинским опусом, еще раз убедившись в никчемности чиновничьего люда. Тот же Ростопчин, увлекшись сочинительством, не изволил подготовить для защиты Москвы ни должного ополчения, ни оборонительных рубежей. Удивляло и другое. Оглядевшись окрест, можно было подумать, что находишься ты не в Первопрестольной, осаждаемой Наполеоном, а в Париже! Об этом свидетельствовали многочисленные вывески, объявления и различные надписи на французском!

В тот же день передовые части неприятеля вступили в город. Со стороны Драгомиловой заставы их разъезд неожиданно столкнулся с замешкавшейся с отъездом дочерью Суворова Натальей Александровной. Дверь кареты резко открылась. «Кто такая?» — прозвучал требовательный голос. «Дочь Суворова», — с достоинством ответила она. Французы посторонились, отдав честь. Имя Суворова в Европе чттили!

Заняв Москву, захватчики считали, что они пришли за славой. Оказалось — пришли за роком!

«Я должен был умереть в Москве!» — воскликнет позже Наполеон. Ну что ж, у гениальных людей и ошибки бывают гениальные. Поэт Байрон был прав, написав об этом:

Вот башни полудикие Москвы
Перед тобой в венцах из золота
Горят на солнце... Но, увы!
То солнце твоего заката.

Итак, Москва в руках французов. «Москва! Москва!» — ликовали они, обезумев от радости.

Радостные чувства испытывал и Наполеон, нетерпеливо ожидавший на Поклонной горе депутацию с ключами от Кремля, облаченный по столь торжественному случаю в полную парадную форму. Увы! Ожидания его были напрасны.

«Может быть, эти жители не умеют сдаваться, — предположил он. — Здесь все ново как для нас, так и для них». Однако ни один москвич не показывался на улицах города. Ни одна струйка дыма не поднималась из труб домов. Ни малейшего шума не доносилось из этого некогда многолюдного города. «Это было молчание пустыни».

Вскоре улицы Москвы заполнились тысячами солдат «великой и многоликой» армии, кои с рвением приступили к исполнению «обязанностей победителей». Все превратилось в пьяное месиво. Никто уже не знал, кто его командир и где его полк. Многие из жителей, что остались в городе, были убиты, женщины изнасилованы, церкви разграблены и осквернены, образа поруганы. Москва была объята насилием, мародерством, бесчинством, а затем и пожаром.

Покинув Москву, русская армия, совершив свой знаменитый фланговый марш-маневр, остановилась лагерем юго-восточнее Москвы в малоизвестном до того местечке Тарутино.

Встав здесь, она прикрыла важные в военно-экономическом отношении районы юга. При этом Кутузов, восполняя войска, получил возможность объединения с силами, еще не принимавшими участия в войне: 3-й Западной и Дунайской армиями.

Что же касается Наполеона, то положение его оказалось не из простых. Судьба войны захватом Москвы не была решена. В то же время, имея в своем тылу превосходящие по численности силы русской армии, он не мог что-либо предпринять и на петербургском направлении. В сложном положении оказалась разграбленная единственная тыловая коммуникация — Смоленская дорога, где к тому же всю хозяйничали партизаны и летучие отряды. Москва не стала базой для снабжения продовольствием и фуражом многотысячной армии, а районы южнее города, не разоренные войной, были отрезаны от Наполеона армией Кутузова.

Словом, коренной поворот в войне был предрешен. Поражение французской армии становилось лишь вопросом времени.

Вернемся, однако, снова к российскому обществу. Главной темой пересудов в России оставались перипетии Бородинской битвы. Все были в восторге от поступка полковника Михаила Воронцова, дивизия которого «исчезла» в кровопролитной Бородинской баталии. Однако начдив, собрав всех раненых однополчан, эвакуировал их в свое имение, где учинил первоклассный госпиталь «на свой кошт». «Выздоровевшая» дивизия бросилась в погоню за ушедшей армией. Обнаружив ее в Тарутино, она снова вошла в состав 1-й Западной.

Грустили по генералу Петру Гавриловичу Лихачеву — защитнику батареи Раевского, поднятому французами на штыки. Наполеон, рассматривая окровавленного героя, приказал вернуть его шпагу, кою генерал из рук врага взять отказался. Отправленный по этапу во Францию, он по дороге скончался.

Восторгались действиями и рапортом героя-артиллериста Костенецкого, предложившего заменить деревянные банники орудий на металлические. Отбиваясь от наседавших на батарею деревянными банниками, русский богатырь полдюжины их сломал.

Всех удивлял непредсказуемый в действиях генерал-губернатор Москвы Ростопчин — прилюдно и демонстративно сжегший свое имение, «дабы не досталось оно Наполеону».

И в завершение, конечно же, все были крайне возмущены, что Москва была оставлена без единого выстрела.

Однако жизнь шла своим чередом, и вскоре на смену событиям бородинским стали приходить слухи о событиях тарутинских.

Оживленно обсуждалась отчаянная выходка казачьего подполковника Сысоева, гонявшегося с нагайкой за Мюратом. Случай сей немало позабавил и

самого Баркляя. Ведь речь шла о короле Неаполитанском, маршале Франции, бессменном начальнике авангарда Наполеона, столь настойчиво преследовавшем Баркляя от Немана до Москвы!

Дело же обстояло так. Находясь в составе аванпоста 1-й армии, Сысоев заметил кавалькаду французов и выделяющуюся среди всех расфуфыренную фигуру. Персона сия отделилась чуть ли не на версту от остальных всадников и нахально рассматривала в зрительную трубу казачий разъезд, не обращая ни малейшего внимания на негодующие крики казаков (энергично использовавших для этого весь набор русских ругательств).

Не выдержав столь непочтительного отношения к русскому языку, Сысоев, вскочив на коня, помчался к ничего не подозревавшему нахалу (коим оказался Мюрат) с одной лишь нагайкой в руке.

Оторопевший Мюрат во всю прыть пустился наутек. Зрелище было потрясающим. Преследуемый Мюрат в великолепном королевском одеянии: в парадном расшитом золотом маршальском мундире со всеми регалиями, в треуголке, с огромными, развевающимися на ветру перьями, на богато убранном белом коне в аллюре мчался к своим. За ним в простой казачьей куртке, стоя в стремях, с замахнувшись над королевской спиной нагайкой мчался Сысоев.

Сколько ни смеялись над сим происшествием в армии и в гражданских кругах, приносить извинения опростоволосившемуся королю и маршалу Франции пришлось командующему 1-й Западной армией Баркляю. Многие при этом были не согласны, утверждая, что бывший трактирный (по-русски половой) Иохим Мюрат в жизни своей видывал и не такое! Другие же, наоборот, относились к Мюрату благосклонно, утверждая, что именно он позволил арьергарду Милорадовича спокойно покинуть Москву. Словом, приносить извинения Мюрату Барклай поручил такому же франту — югославу Михаилу Милорадовичу (ухитрявшемуся повязывать на шею по четыре разноцветных шарфа).

Среди слухов и пересудов были и такие, в коих охаивались Кутузов и Барклай. Что ни говори, а оставление Москвы без боя нанесло душевную рану россиянам.

И вдруг снова как снег на голову! Полная отставка Баркляя с увольнением его от армии. Что же в те дни происходило в действующей армии? Что за новый удар уготовила судьба человеку, казалось бы, уже вполне испившему горькую чашу невзгод, огорчений и разочарований?

Тарутинские же «баталии» были таковы. Встав здесь лагерем, русская армия энергично готовилась к решительному контрнаступлению. В Тарутино шли и шли маршевые колонны новобранцев, подтягивались силы с юга страны. Армия пополнялась оружием, запасами и транспортом. Время работало на Кутузова, который своей «мудрой деятельной бездеятельностью» старался как можно дольше задержать Наполеона на московском пожарище.

Между тем оппонентов у Кутузова оказалось предостаточно: от английского посланника сэра Роберта Вильсона, желавшего «убедительной победы над Наполеоном кровью последнего русского солдата», до начальника штаба 1-й Западной армии генерала Ермолова (не очень жаловавшего нового главнокомандующего, особенно после проведенной им реорганизации армии).

Дело в том, что ввиду большого расстройств, то есть боевых потерь в Бородинском сражении, для поддержания должной боевой способности Кутузов объединил 1-ю и 2-ю армии в одну. При том, находясь со своим штабом

в Тарутино, он стал практически командовать ею в обход Барклая и его штаба, что не могло не сказаться как на педантичном Барклае де Толли, так и на честолюбивом начальнике штаба Ермолове.

Были и другие причины встать в ряды оппозиционеров. Много нареканий вызывала деятельность начальника штаба главнокомандующего генерала Беннигсена, исполнявшего обязанности свои далеко не лучшим образом. Часто случалось, что войска двигались «не зная куда», а по прибытии на место не знали, где и как им разместиться. Служба военных сообщений с организацией движения на дорогах не справлялась. Нередко приказания от имени Кутузова отдавались противоречивые. Словом, повторялось все то, что демонстрировал тот же Беннигсен еще в кампании 1807 года.

Досадуя на происходящее, Барклай лично вручил Кутузову малоприятный для него рапорт, в коем говорилось: «Ваша светлость, Вы начальствуете и отдаете приказания, но генерал Беннигсен и все те, которые Вас окружают, также дают приказания и отделяют по своему произволу отряды войск, так что тот, кто носит название главнокомандующего, и его штаб не имеют об этом никаких сведений до такой степени, что в последнее время я должен был за получением сведений о различных войсках, которые были отделены от 1-й армии, обратиться к Вашему дежурному генералу, но и он сам ничего не знал».

В оппозиции к Кутузову оказались не только те, кто не мог согласиться с потерей Москвы, но и те, кто считал тарутинский маневр не идеальным (среди них был и Барклай де Толли). Особенно «гадил» главнокомандующему начальник штаба Беннигсен, посылавший в главную квартиру императора различные доносы.

Что же касается Барклая, то надо добавить к сказанному, что его болезнь к тому времени еще более обострилась, в нравственном же состоянии наступил кризис. Было получено официальное сообщение Сената об отстранении его от министерского поста. Справедливости ради надо заметить, что Михаил Богданович сам давно ждал этого. Однако вряд ли можно было сомневаться в том, что исполнение им министерского поста принесло много пользы отечеству! Между тем указ Сената и рескрипт царя устанавливали лишь сам факт увольнения его от должности, без единого слова признательности.

Дошли до Барклая и сведения о донесении Кутузова царю об оставлении Москвы, в коем говорилось: «Ваше императорское Величество, согласиться изволите, что последствия сии нераздельно связаны с потерей Смоленска и с тем расстроенным совершенно состоянием войск, в котором я оные застал». Разумеется, с последней фразой согласиться было невозможно, поскольку это противоречило результатам Бородинской битвы.

Все это вынудило Михаила Богдановича обратиться с рапортом об увольнении его от должности по руководству 1-й Западной армией. Просьба его была удовлетворена. (Любопытно, что когда обиженный полководец подал рапорт главнокомандующему об отставке и получил на него согласие, шел сотый день войны. О ста днях Наполеона написана уйма книг. О ста днях Барклая де Толли — ничего.)

В донесении М. И. Кутузова царю (столь взволновавшем столицу и общественность) говорилось: «Главномандующий первой армией генерал от инфантерии Барклай де Толли, изъясняя в рапорте... увеличившуюся в нем болезнь, просил об увольнении его от исполняемой им должности. Уважая сие обстоятельство, я склонился на сию его просьбу и принял все обязанности по должности его на себя до тех пор, пока Вашему Императорскому Величеству

благоугодно будет назвать для первой армии главнокомандующего».

Однако прежде, чем оставить занимаемый пост, Барклай отдает последний долг тем, кто прошел с ним нелегкий путь от Немана до Бородина, снова подчеркивая в письме к императору, что «судьба империи зависела от сохранения армии, и сражение 26 августа доказало, что, несмотря на все предшествовавшие упорные бои, эта важная задача была вполне достигнута, потому что только хорошо сохраненная и хорошо организованная армия могла сражаться так, как сражалась армия Вашего Величества... в кровавом Бородинском сражении, после которого она и находится в своем настоящем состоянии». И далее: «Государь! Вы будете справедливы по отношению к храбрецам, которых я имею честь представить, и не откажете им в заслуженных ими наградах. Было бы несправедливо, если бы они должны были пострадать вследствие опалы, павшей на того, который имел счастье ими командовать... Что же касается меня... то после того, как 26 августа не исполнилось мое самое горячее желание и провидение пощадило жизнь, составляющую для меня бремя, мне остается умолять Ваше Величество о единственной милости — изъяснить свое согласие на просьбу, которую я осмелился повергнуть перед Вами в моем предшествующем всеподданнейшем письме». И далее: «Государь! Состояние расстроенного здоровья не позволяет мне продолжать командование 1-й армией, и я просил его светлость князя Кутузова уволить меня от него и разрешить мне отпуск до выздоровления. Получив отпуск, я отправлюсь теперь в Калугу. Я проведу там некоторое время для лечения, проеду затем в Тулу, где буду ожидать... Вашего Императорского Величества повелеваний относительно своего положения».

В рапорте же к Кутузову (явно рассчитанному на обращение к личному составу 1-й Западной) Михаил Богданович писал: «С прискорбием удаляюсь я от храбрых войск, служивших под моим начальством, ибо мое желание было умереть с ними на поле чести, но болезнь моя сделала совсем неспособным к исполнению моей должности».

Итак, в то время, когда один из командующих западных армий, прошедших путь от Немана до Бородина, тяжело раненный генерал от инфантерии Петр Иванович Багратион умирал, другой генерал от инфантерии, Михаил Богданович Барклай де Толли, тяжело больной, морально опустошенный, готовился оставить действующую армию.

Перед отъездом в беседе с близким человеком, адъютантом В. Левенштерном, он сказал: «Я должен уехать. Это необходимо, так как фельдмаршал не дает мне возможности делать то, что я считаю полезным. При том главное дело сделано, остается пожинать плоды. Я слишком люблю отечество и императора, чтобы не радоваться заранее успехам, коих можно ожидать в будущем. Потомство отдаст мне справедливость. На мою долю выпала неблагоприятная часть кампании; на долю Кутузова выпадет часть более приятная и более полезная для его славы. Я бы остался, если бы я не предвидел, что принесет армии больше зла. Фельдмаршал не хочет ни с кем разделить славу изгнания неприятеля со священной земли нашего отечества. Я считал дело Наполеона проигранным с того момента, как он двинулся от Смоленска к столице. Это убеждение перешло во мне в уверенность с той минуты, как он вступил в Москву. Моя заслуга состоит в том, что я передал фельдмаршалу армию хорошо обмундированную, хорошо вооруженную и отнюдь не деморализованную.

Это дает мне право на признательность народа. Быть может, он кинет в

меня камень в настоящую минуту, но, наверно, отдаст мне справедливость впоследствии. К тому же император, которому я всегда говорил правду, сумеет поддержать меня против обвинения со стороны общественного мнения. Время сделает остальное: истина подобна солнцу, которое в конце концов всегда разгоняет тучи.

Я сожалею единственно о том, что не могу быть полезен армии и лично всем вам, разделившим со мною труды».

Покидая армию за 16 дней до бегства Наполеона из Москвы, Михаил Богданович произнес: «Великое дело сделано. Теперь остается пожать жатву».

Прощаясь с близкими людьми, сказал: «Я вез экипаж в гору, а вниз он скатится сам при малом руководстве».

Карета генерала засим отправилась в путь, который (по невыясненным до сих пор обстоятельствам) оказался хорошо знаком местному люду. Народ встречал карету опального генерала бранными криками и оскорбительными возгласами: «Вот едет виновник Москвы!», «Изменник России», «Немец-предатель». Вслед за крепкой русской руганью в карету Барклай летели камни и палки. Из экипажа сквозь разбитые стекла видны были негодующие злобные взгляды. Так писал по сему поводу Александр Сергеевич Пушкин:

О вождь несчастливый! Суров был жребий твой,
Все в жертву ты принес земле тебе чужой...

.....
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.

«Я, по крайней мере, не знаю положения более трагичного, более достойного пера Шекспира», — вторил ему А. Н. Витмер.

По приезде в Калугу после столь «горячего народного приема», полагая, что его репутация «позорно заклеямена», Барклай снова обращается к монарху, теперь уже с мольбой «оказать ему благодеяние, как единственную милость, быть совершенно уволенным от службы».

Глава IV Командовал парадом войск

*Наполеон все царство поглотил
И никогда б глотать не утомился,
Да отчего ж теперь он перестал?
Безделица — Россией подавился.
«Русская старина», 1878*

В письме, отправленном царю из Калуги, Барклай снова оправдывает свои действия на посту командующего войсками против Наполеона. Суть их все та же: сохранение сил для решающего сражения. Одновременно сетует на то, что замыслу его — дать генеральное сражение у Царёва-Займища — не суждено было сбыться. Между тем последствия оно, по мнению его, могли бы быть гораздо большими, чем Бородинская битва. По крайней мере, Москва была бы непременно сохранена. «Я избегал известное время генерального сражения, — писал он, — вследствие зрело обдуманых оснований и твердо держался этих оснований, не обращая внимания на все разговоры по этому поводу, и я дал бы,

наконец, сражение, но не близ Можайска, а впереди Гжатска у Царёва-Займища. Я уверен, что разбил бы неприятеля, потому что сражение велось бы с сохранением порядка, и в нем командование было бы в единых руках. Мои резервы были бы сбережены до последней минуты, и, если бы даже я испытал неудачу, неприятель никогда не мог бы занять Москву, потому что направление моего отступления было бы не на Москву, а на Калугу».

И далее: «Заготовление продовольствия в Калуге, Орле и Туле, которое сейчас, к счастью, избавляет нас от голода, было соображено мною для этой операции... Выиграв направление на Калугу, имея позади себя подкрепления, которые всегда могли прибыть ко мне, я энергично начал бы наступательные действия».

Здесь же дается довольно нелестная характеристика М. И. Кутузову и начальнику штаба его генералу Л. Л. Беннигсену: «Двум старикам... из которых один доволен тем, что достиг всех своих желаний, проводит время в полнейшем бездействии и дает руководить собою всем окружающим его молодым людям, а другой, домогаясь втайне звания первого, приносит только вред своею нерешительностью и беспорядками, распространяемыми им во всех отраслях управления армией».

В письме звучат безысходность, боль, обида и отчаяние: «Государь! Мое здоровье расстроено, а мои моральные и физические силы до такой степени подорваны, что теперь здесь, в армии, я безусловно не могу быть полезен на службе... Я желал бы найти выражения, чтобы описать Вам глубокую печаль, снедающую мое сердце, видя себя вынужденным покинуть армию, с которой я хотел бы жить и умереть».

Большинство исследователей сходится в том, что со многим из изложенного в письме согласиться трудно. Действительно, после сражения у Царёва-Займища отступление можно было бы повести не на Москву, а на Калугу. Но могло ли это гарантировать спасение Первопрестольной? Разве Наполеон не мог при этом выделить группировку войск для выполнения своего замысла?

Несколько забегаая вперед, скажем, что подобный вариант, но для спасения Парижа, Наполеон представил в 1814 году. И что же? Ему же пришлось спешить к Парижу, дабы предотвратить захват города. Увы! Оказалось поздно. В столице Франции уже были русские и союзные войска! Безусловно лишь то, что послание сие написано было в состоянии нервного срыва, той депрессии, в коей оказался автор, после всего пережитого им со дня тяжких испытаний, выпавших на его долю.

Вскоре из Калуги военный экс-министр выехал во Владимир. То было тяжкое и скорбное путешествие. Только выдержка да соблюдение инкогнито спасали его от грубых нападков. На каждом шагу приходилось испытывать тягостные чувства. В адрес Барклая постоянно то явно, то прозрачно слышны были упреки о действиях руководимой им армии. Неудачи ее приписывались не только нерешительности и неспособности командующего, но даже измене и предательству.

Грубые и развязные выходки продолжались, и Барклай вынужден был обратиться к покровительству полицейских чинов. Окруженный повсеместной неприязнью, по прибытии во Владимир Михаил Богданович окончательно слег. Обстановка недоброжелательства не могла не сказаться, еще более усугубив душевный кризис.

Отсюда он вновь обращается с письмом в Петербург. «Всемиловитый

Государь! — писал он. — Проезжая губернии... с сокрушением в сердце слышу я повсюду различные толки о действиях армий наших и особливо о причинах отступления их. Одни приписывают его робости, другие — слабости разного рода, а некоторые, что всего оскорбительней, даже измене и предательству».

В этой связи Барклай предлагает монарху опубликовать отчет о действиях руководимых им армий в ходе войны; в частности, он пишет: «Известный отзыв князя Голенищева-Кутузова, что отдача неприятелю Москвы есть следствие отдачи Смоленска, к сожалению, подтверждает в умах многих сии ужасные для чести армий и предводительствующих ими заключения. Я менее всех должен быть равнодушен к ним и более всех нахожу себя в обязанности защищать честь армии и честь мою собственную, сорокалетней службою и увечьем отягощенную. Изложив отчет о действиях 1-й и 2-й Западных армий в продолжении нынешней кампании и о прямых причинах отступления их, я приемлю смелость повергнуть оный правосудному вниманию и всеподданнейше молить Вас о повелении обнародовать его через публичные ведомости. Отечество и целый свет увидят здесь истину во всей наготе ея, и уста злословия к успокоению общему умолкнут». И далее: «Благомыслящие сами увидят истину объяснений моих, перед недоверчивыми оправдает меня время, пристрастные изобличатся собственною совестью в несправедливости своей, а безрассудных можно, хотя и с сожалением, оставить при их заблуждении, ибо для них и самые убедительные доводы не сильны».

Впрочем, только ли это беспокоило больного генерала? Были и другие причины. Прежде всего следовало решить, куда же ехать. То ли в Петербург к семье, то ли в объезд столицы для уединения в своем небольшом имении. Однако приезд в столицу возможен был лишь с высочайшего позволения. Все еще не теряя надежды на встречу и общение с монархом, Барклай посылает испрошение на приезд в Петербург своего адъютанта. Ответа не последовало. Немного оправившись от болезни, Михаил Богданович продолжает свой путь на Новгород, а затем по направлению к Дерпту в Феллинский уезд Лифляндской губернии, в имение Бекгоф.

Другим поводом для беспокойства было бедственное положение семьи отставного генерала, не имевшего других доходов, кроме получаемого им по службе жалованья. Вот почему по дороге в Бекгоф он пишет жене в Петербург: «Готовься к уединенному и скудному образу жизни, продай все, что сочтешь излишним, но сохрани только мою библиотеку, собрание карт и рукописи в моем бюро».

По прибытии в Новгород Барклай отправляет отчет о военных операциях в кампании. В препровождении же пишет: «Государь! Не получив позволения приехать в Петербург для восстановления моего здоровья, я не могу питать более надежды пасть к стопам Вашего Императорского Величества. Вследствие чего прилагаю при сем краткий очерк событий этой кампании. По крайней мере, я убежден, что ничто в мире не может отнять у меня того, что я был полезен Государю и Отечеству в самую критическую минуту. Я вел операции армий так, что неизбежным следствием их должно было быть истребление неприятеля, а под Бородином и Москвою, смею сказать, я спас армию и империю — драгоценное убеждение, которое мне дает неистощимый источник утешения до конца моей жизни».

Впрочем, спокойствие и рассудительность снова возвращаются к нему. Отношение к повсеместной неприязни стало другим. «Тот, кто бросит теперь, может быть, в меня камень, позже отдаст мне справедливость», — скажет он

своему адъютанту.

Итак, в ноябре 1812 года, после бурных событий, генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай де Толли оказался в совершенно непривычной для него обстановке, в тиши и спокойствии имения, в кругу семьи и близких ему людей. Здоровье его пошло на поправку.

Здесь получено было письмо от императора. То ли оценив наконец стратегию военного экс-министра, то ли потому, что обстановка в войне складывалась в ту пору довольно благоприятной, так или иначе, но тон письма, в отличие от прежних, был совершенно иным.

Трудно отличить искренность от лицемерия, но царь уверял Барклая в своем уважении, дружбе и желании встретиться. При этом, конечно же, не преминул пожуричь за недостатки и упущения начального периода войны, свалив большую часть собственных ошибок на Барклая.

В заключение, обрисовав обстановку, коя вынудила монарха к назначению Кутузова, Александр внушал надежду на скорое возвращение генерала в действующую армию. «Борьба еще не закончена, — писал он, — и она даст Вам полную возможность проявить ваши военные достоинства, которым снова начинают отдавать должное». И что особенно важно было для Михаила Богдановича: «Я прикажу напечатать нечто вроде мотивированного оправдания Вашей деятельности, воспользовавшись присланными Вами мне материалами».

Окрыленный монаршей милостью, надеясь на встречу с царем, Михаил Богданович (все еще в сопровождении врача) приезжает в Петербург. Однако выяснилось, что император к встрече вовсе не стремился, очевидно, потому и письмо писал незадолго до своего отъезда в Вильно.

Что же касается высшего света столицы, то по-прежнему считая Барклая виновником всех бед и несчастий, столичное общество продемонстрировало ему «великолепный ледяной прием».

Так ни с чем и вернулся он от Советского подъезда Зимнего дворца.

В последний раз к событиям минувшей поры, но уже в успокоительном тоне Михаил Богданович обращается в письме к царю в январе 1813 года: «Государь! Милостивое письмо Вашего императорского Величества от 24 ноября есть явный высокий знак благоволения Вашего... Оно возвратило утешение и спокойствие моей душе. Оно было в состоянии примирить меня с участью, которая представлялась мне тягчайшей в мире».

Письмо, однако ж, заканчивалось словами: «...Пусть князь Кутузов наслаждается своими победами, пусть он думает, что поверг в забвение того, кто их ему подготовил!»

Между тем война шла своим чередом. Еще 19 октября началось выступление французской армии из Москвы. За Великой армией двигался столь же великий обоз с награбленными в России ценностями.

«Хвост армии, — писал адъютант Наполеона Сегюр, — походил на татарскую орду, совершившую счастливый набег». Последствий деморализованной армии не пришлось долго ждать.

В сражении при Тарутино и Малоярославце она не смогла преодолеть упорное сопротивление русских войск, обладавших более высоким моральным духом.

Боевой же дух французской армии таял с каждым днем, несмотря на бесчисленные воззвания, заклинания и щедрые посулы Наполеона.

Невзирая на принятые им жесткие меры, поражения следовали одно за другим. К тому же отступать «великой и непобедимой» пришлось по ея же

разграбленной Смоленской дороге, где всю «ходила дубина народной войны».

Жалкое зрелище отступающих захватчиков обогатило русский язык двумя ругательными словами, коими пользуются и поныне. Дело в том, что голодные, больные и замерзающие «завоеватели» обращались к русскому мужику со слезной просьбой: шер ами (дорогой), дайте яйко, мяско, хлеба и т. д., отсюда шаромыжник. Иногда же грозно требовали лошадь (шеваль), отсюда — шваль.

26 декабря 1812 года жалкие остатки наполеоновского войска (около 30 тысяч человек) вновь форсировали Неман, но уже в противоположном (в сравнении с 24 июня) направлении.

28 декабря 1812 года Кутузов в приказе по армии поздравил войска с освобождением страны от иноземных захватчиков, призывая «потщиться довершить поражение неприятеля на собственных полях его». Враг был изгнан из пределов государства Российского. Колокольный звон православных церквей торжественно возвещал об этом. И как реквием наполеоновским полчищам звучали слова Виктора Гюго:

Всюду поля да поля, армии белые гробы.
Нет ни вождей, ни знамен, знаков прошедших
побед.
Двигается тихо толпа. Армии больше уж нет.

И хотя в этом этапе войны Барклай де Толли участия не принимал, тем не менее заслуга его в разгроме врага становилась все более очевидной. Со временем это стало «достоинством большинства мыслящей публики». Вот почему сообщение о назначении генерала от инфантерии Михаила Богдановича Барклая де Толли на пост командующего 3-й Западной армией встречено было многими как должное.

Еще в ноябре 1812 года, когда Наполеон находился на подступах к реке Березине, воображение россиян будоражила мысль полного окружения и уничтожения наполеоновских полчищ с пленением самого императора Франции.

Возможности для столь заманчивой перспективы, безусловно, были. Действительно, когда войска противника, преследуемые основными силами Кутузова, находились восточнее Березины, сюда с юга вышла армия адмирала Чичагова, которая 21 ноября овладела важным опорным пунктом Борисов.

С севера, также на Березину, выходил корпус Витгенштейна. Захватив населенный пункт Бараны Витгенштейн оказался всего лишь в суточном переходе от Чичагова. С востока сюда же стремительно шли отряд Ермолова и казаки Платова.

Словом, обстановка для Наполеона оказалась архисложной. Неслучайно некоторые из приближенных настойчиво советовали ему «спасать себя, пока еще есть время».

Чичагов, уверенный в неминуемом пленении Бонапарта, поспешил разослать в войска приметы Наполеона, главной из которых был малый рост. Впрочем, поразмыслив, адмирал распорядился: «Для вящей же надежности ловите и приводите ко мне всех малорослых французов».

Наполеону, следовательно, ничего не оставалось, как или содействовать плану адмирала, или продемонстрировать моряку полководческие способности сухопутчика, что он и предпочел.

Поручив маршалу Виктору сдерживать Витгенштейна с севера, другому из

своих маршалов, Удино, он приказывает: «Выбить этого слабоумного адмирала из Борисова». 23 ноября французы, опрокинув авангард Палена, ворвались в Борисов.

Теперь уже для Чичагова обстановка оказалась не из простых. Он обратился к начальнику своего штаба генералу И. В. Сабанееву:

«Иван Васильевич, я во время сражения не умею распоряжаться войсками, прими команду и атакуйте неприятеля», затем адмирал спешно ретировался, оставив в Борисове свой «обед с серебряной посудой, багаж, платье и портфель».

Захватив Борисов, Наполеон блестяще осуществляет дезинформацию противника. С большой помпой он стал готовить переправу через Березину южнее Борисова, у села Ухолоды. Сюда шли обозы со строительными материалами, совершали ложные марши войска, у местных жителей «под клятву не раскрывать секрета» собирали сведения о глубине реки с расчетом, что «клятва сия будет непременно нарушена» (так и получилось: в ту же ночь «клятва» стала известна Чичагову). Словом, обман получился, и 3-я Западная армия, оставив у Борисова небольшой охранный отряд, потянулась к месту ложной переправы.

Между тем, тщательно маскируясь, Наполеон строил два моста севернее Борисова у местечка Студенка. Французские саперы, стоя по пояс в ледяной воде, старались вовсю.

Уже 26 ноября здесь началась переправа. На следующий день французы столь же успешно преодолевали этот водный рубеж главными силами. К тому времени (разобравшись в обстановке) к Студенке спешили с юга — войска Чичагова, с севера — Витгенштейна, с востока сюда же стремились казаки Платова и отряд Ермолова.

28 ноября переправа превратилась в ужасное зрелище. С трудом сдерживая натиск Чичагова и Витгенштейна, Великая армия в столь же великом беспорядке (забыв элементарные правила «цивилизованной» войны) ринулась на мосты.

Развязка наступила на следующий день. Не завершив переправу главных сил, Наполеон сжег построенные им же мосты. И хотя потери французской армии были велики, однако ни полного окружения и разгрома неприятеля, ни тем более пленения Наполеона не получилось. Разумеется, причин незавершенности операции было несколько. Однако главным виновником «упущения» Наполеона почитали адмирала Павла Васильевича Чичагова.

На голову опростоволосившегося моряка посыпались обвинения, оскорбления и усмешки и, как водится, подозрения в измене. Вспомнили и об отце его, адмирале Василии Чичагове, якобы еще в 1790 году выпустившим заблокированную шведскую эскадру из Выборгского залива. Особое усердие проявлялось в петербургских салонах, где «ангела хранителя Наполеона» просто возненавидели. Острая на язык жена Кутузова Екатерина Ильинична утверждала: «Витгенштейн спас Петербург, мой муж — Россию, а Чичагов — Наполеона». Отец русской словесности Г. Державин посвятил ему свою эпиграмму, поэт В. Жуковский выкинул из своей поэмы хвалебную оду, посвященную адмиралу. В светских кругах усердно распространялась басня Крылова «Щука и кот», где высмеивается тот же адмирал-неудачник. Басня заканчивается словами:

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,

А сапоги тачать пирожник.
И дело не пойдет на лад...
И дельно! Это шука...
Тебе наука:
Впредь умнее быть
И за мышами не ходить.

В такой обстановке Павлу Васильевичу ничего не оставалось, как слезно просить об отставке.

После получения двух прошений (не дожидаясь третьего) Александр I вспомнил об опальном генерале от инфантерии Михаиле Богдановиче Барклае де Толли. В приказе его по армии от 6 февраля 1813 года говорилось: «По высочайшему повелению адмирал Чичагов по неоднократному прошению за болезнью увольняется от командования вверенной ему 3-й Западной армией, которая поручается генералу от инфантерии Барклаю де Толли».

Итак, в феврале 1813 года Барклай де Толли снова на коне. «Опять Барклай де Толли! — возмущались ненавистники его. — Не было бы счастья, да несчастье немцу помогло».

Между тем Михаил Богданович хорошо знал своего коллегу по министерскому посту адмирала Павла Васильевича Чичагова — министра морских дел, в последующем члена Государственного совета, командующего Дунайской, затем 3-й Западной армией. Знал с давних времен, когда с молодого флотского офицера (обвиняемого в намерении бежать в Англию к невесте) по приказу Павла I сорвали ордена, сняли мундир, отобрали шпагу и в одном нижнем белье под усмешки придворной знати провели по коридорам Павловского дворца. Целый год просидел подозреваемый в Петропавловке. Кстати, вот что писал о Чичагове граф Ф. П. Толстой: «Это был человек умный и образованный. Будучи прямого характера, он был удивительно свободен и, как ни один из других министров, был прост в обращении и разговоре... Зная свое преимущество над знатными придворными, Чичагов обращался с ними с большим невниманием, а с иными даже с пренебрежением, за что был ненавистен почти всем придворным миром». Таким образом, в общении с царским двором оба военных министра были «недалеки друг от друга». Что же касается виновности «в упущении Наполеона», то Михаил Богданович, конечно, понимал, что немалая вина в том была и Витгенштейна, и Платова, и Ермолова, и в целом Большой действующей армии, руководимой талантливым полководцем Кутузовым против столь же талантливого Наполеона.

Однако встретиться Барклаю со своим собратом по несчастью не удалось. Оскорбленный в своих лучших чувствах адмирал, не медля, покинул пределы России.

Итак, внимание россиян снова было занято персоной Барклая де Толли.

Русская армия к тому времени, миновав границы империи, устремила в преследование врага. Поражение Наполеона в России сподвигнуло народы покоренной Европы к открытой борьбе, и встречали русских чудо-богатырей «с непритворной радостью».

Вместе с тем война без потерь не обходится, и России, в связи с уменьшением численности русского войска, следовало воспользоваться создавшейся ситуацией в Европе. Первым претендентом на антифранцузскую коалицию в ту пору оказалась Пруссия. Вот почему главное внимание русского командования было нацелено на «интересы» этого государства.

В январе-феврале 1813 года Витгенштейн и Платов осадили Данциг. Армия Чичагова блокировала Торн. Именно в этот период в командование ею вступил Барклай де Толли, появление которого на театре войны вызвало немалый интерес.

Действительно, как поведет себя военный экс-министр в должности командующего далеко не главной, а скорее третьей не только по нумерации, но и по значимости армии, да к тому же при столь непростых отношениях его с главнокомандующим Большой действующей армией фельдмаршалом Кутузовым?

Между тем со свойственной ему тщательностью Михаил Богданович принял вверенное ему объединение. О том, что оно представляло собой, можно судить по рапорту его Кутузову: «Приняв главное начальство над Западной армией, имею честь представить при сем Вашей светлости о состоянии вверенных мне войск рапорт. Из оного усмотреть изволите, что по числу наличных здесь в полках людей армия сия носит только одно название, составляя, впрочем, не более как отряд, большая часть полков, ей принадлежащих, находится в отдельных корпусах и отрядах, кои по отдаленности своей не имеют даже нужного сообщения».

Безусловно, группировку в 17 тысяч человек армией назвать было трудно. К тому же это были чрезвычайно утомленные после долгого перехода люди, в совершенно изношенном обмундировании и столь же непригодной для носки обуви.

И этой-то группировке предстояло штурмом овладеть довольно мощной крепостью Торн.

Естественно, следовало прежде всего произвести скорое сосредоточение разбросанных сил и немедленную реорганизацию их, «дабы сии войска, наконец, совершенно не исчезли». Вот почему первые шаги нового командующего были на сей счет чрезвычайно решительными.

Одновременно он же добивается получения для армии 14500 пар сапог, 20 тысяч полушубков, а также суточного рациона питания для солдат, установленного «Учреждением по управлению Большой действующей армией».

Особое беспокойство вызывало санитарное состояние войск. Отсутствие чистого белья, бани, общение на постоях с местным населением сделали свое дело — появились вши. И Барклай идет на крайние меры. Собирает «реквизицию с каждого дома по одной рубахе». Одновременно в Познани (с древних времен известной своей швейной промышленностью) организует «восполнение обмундирования».

И все же главной заботой оставалось овладение крепостью. После тщательнейшей рекогносцировки стало ясно: овладеть Торном без осадной артиллерии невозможно. Как доставить тяжелые и громоздкие орудия в краткие сроки? Использовать Бромбергский канал с организацией срочного ремонта? Но где взять средства? С этой целью Барклай продает (имеющееся в армии) трофейное имущество, обратив вырученные деньги на ремонт канала. Для этой же цели были использованы и войска.

Уже 9 апреля была заложена первая траншея, на следующий день началась бомбардировка крепости. 16 апреля (через пять дней обстрела) гарнизон Торна, не выдержав ожесточенного артиллерийского огня, капитулировал. Армия Барклая овладела крепостью без кровопролитного штурма. Наградой Петербурга были бриллиантовые знаки ордена Александра Невского и столь нужные для семьи 50 тысяч рублей.

Ну а как же складывались отношения с подчиненными и с тем, кому подчинен был? Пошел ли впрок предыдущий опыт? Это интересовало многих. Увы! Барклай оставался таким же. Все те же замкнутость, немногословие и постоянная, доходящая до педантизма требовательность. «Скромный, молчаливый и храбрый в бою, он так и не научился сказать ласковое, приветливое слово солдату. Его холодная внешность не способна была создать круг горячих ему приверженцев и среди офицеров». Вместе с тем от солдата до генерала было известно, что «зависть и интриги чужды его благородному сердцу», а его «неимоверная выдержанность и забота о подчиненных не имели своих пределов».

Вот почему, несмотря на «особый характер», свое нерусское происхождение и перипетии войны, репутация Барклая в войсках становилась все более непререкаемой.

Что же касается отношений его с Кутузовым, то эти два выдающихся полководца превыше всего ставили интересы отечества. Потому отношения их, как и прежде, носили уважительный, корректный характер, «делая тем честь сим достойным мужам».

Между тем захватив систему крепостей русская армия стремительно шла по территории Германии, и вскоре Пруссия, вступив в союз с Россией, объявила войну Франции. Главкомандующим объединенными силами был назначен фельдмаршал Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов.

Руководимые им войска перешли Эльбу и вступили в Дрезден. Казалось бы, все шло как нельзя лучше. И вдруг скорбная весть: кончина главкомандующего союзными армиями Михаила Илларионовича Кутузова.

Кто возглавит теперь русское воинство и союзные войска? Мнения на сей счет были разные. Начнем с того, что у Александра I появилась к тому времени плеяда способных военачальников (Тормасов, Милорадович, Раевский, Дохтуров и др.). Не исключалась возможность утвердить на этот пост прусского фельдмаршала Блюхера и наследника шведского престола французского маршала Бернадота.

Однако предпочтительнее других была все же кандидатура Барклая де Толли. Желание видеть его на этом посту высказывали многие и из окружения прусского монарха. Мнение это было вполне резонным. Действительно, из всех претендентов наибольшим опытом по руководству войсками против Наполеона обладал именно он. Что же касается упреков за его предыдущие деяния, то оценка начального периода войны к тому времени существенно изменилась.

Вот почему решение о назначении преемником Кутузова генерала Петра Христиановича Витгенштейна встречено было весьма неоднозначно и расценено многими как очередной промах со стороны монарха.

Здесь придется сделать небольшое отступление. Обрусевший немец Людвиг Адольф Петер Витгенштейн по характеру своему был чистейшей воды славянином. В ту пору он был весьма популярен. Командуя корпусом, прикрывавшим столицу, именно он первым схлестнулся с непрошеными гостями, одержав замечательную победу под Кластицами, за что и наречен был в свете «спасителем Петербурга». Корпус Витгенштейна, пополненный петербургским ополчением, успешно обеспечивал правый фланг русских войск, показав себя превосходно в боях под Полоцком, Витебском и Кенигсбергом. Словом, действия его против французских маршалов Удино, Сен-Сира и Виктора были вполне успешны.

Открытый характер и личная храбрость сделали Витгенштейна

популярным среди сослуживцев. Душа обрусевшего немца проявлялась во всем: в приказах его по корпусу, в словах, обращенных к солдату, в беседах с друзьями и гостеприимном его радушии. Словом, немецкой у Витгенштейна оставалась лишь фамилия. Все это выгодно отличало его от Барклая, если бы не одно немаловажное обстоятельство. Дело в том, что в жизни своей Витгенштейну более чем корпусом командовать не приходилось. И опытом по руководству не только объединенными силами двух государств, но даже просто одной полевой армией он практически не обладал! К тому же многие припоминали неудачные действия его на Березине и то, что успешным продвижением по службе Петр Христианович обязан был не только личным дарованиям, но и родительским связям, в особенности энергичной мачехи своей графини Бестужевой (урожденной княжны Долгоруковой), а еще более — близкому родственнику ее Н. И. Салтыкову — фельдмаршалу, князю (воспитателю наследника престола Александра Павловича), а ныне председателю Государственного совета и председателю кабинета министров. И наконец, что также было немаловажным, вновь назначенный главнокомандующий по возрасту и воинскому чину изрядно уступал другим претендентам. Но и это было еще не все. Многие, следившие тщательно за ходом войны и «вхожие в придворную кухню», утверждали, что, назначив на пост главнокомандующего Большой действующей армией и прусских войск генерала Барклая де Толли, император должен был бы расписаться в признании грубой ошибки, допущенной им в начале войны, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Как бы там ни было, а столь стремительное возвышение Витгенштейна вызвало немалую озабоченность в военных кругах. Ведь обстановка к тому времени на театре войны снова стала достаточно сложной.

Еще 6 декабря 1812 года, тайно покинув свою армию, Наполеон поспешил (с поддельным паспортом) в Париж. Прибыв туда, с присущей ему энергией он приступил к мобилизации всех ресурсов страны на продолжение войны. К весне 1813 года им была собрана 300-тысячная армия, которую он и противопоставил союзникам.

Уже в марте французские войска сосредоточились на Майне. В апреле главные силы Наполеона двинулись на Лейпциг. В этой обстановке союзные войска (под командованием Витгенштейна) начали встречное движение. «Свидание» Витгенштейна с Наполеоном произошло 2 мая в сражении при Лютцине, где союзники потерпели поражение и начали отход к Бауцену, на пути к которому ранее бездействовавший Барклай присоединился к главным силам.

Отойдя к Бауцену русско-пруская армия стала готовиться к новой встрече с Наполеоном. Здесь 20–21 мая произошло очередное сражение, и снова войска, руководимые Витгенштейном, «потерпели конфузию».

В первый день сражения Наполеон, имея превосходство в пехоте, овладел переправами через Шпрее. На другой день демонстративной атакой он оттянул резервы Витгенштейна к левому флангу, после чего крупными силами атаковал центр и правый фланг.

Что касается Барклая, оборонявшего как раз правый фланг, то полное самообладание его в критические минуты боя вновь продемонстрировано было во всем блеске. С 13 тысячами солдат он мужественно отразил все атаки 60-тысячного корпуса маршала Нея, а затем в не менее сложной обстановке обеспечил выход из боя главных сил.

Вскоре Елена Ивановна (оказавшаяся снова в Петербурге) принимала

поздравления по случаю награждения ее супруга высшим военным орденом Андрея Первозванного и прусским орденом Черного орла.

Поражения русских войск после столь блестящих успехов Кутузова подействовали на россиян ошеломляюще: неужели никто (теперь уже кроме Кутузова) не может «противустоять» Наполеону?!

Витгенштейна обвиняли «в медлительности его соображения», «в неполноте расчетов на сражение» и прочих грехах. Одно было бесспорно: Витгенштейн, успешно командовавший корпусом, для столь же успешного командования объединенными силами союзников ни опытом, ни полководческими дарованиями не обладал.

Поручик свиты царя С. Г. Хомутов писал по этому поводу в своем дневнике: «Мы все ретируемся. В армии беспорядок. Витгенштейн совсем потерял голову, прочие генералы сами не знают, что делают, все хотят командовать, все хотят умничать, отчего страшная сумятица».

Тот же Милорадович при встрече с Витгенштейном прямо заявил: «Беспорядки в армии умножаются ежедневно, все на Вас ропщут, и благо отечества требует, чтобы назначили на Ваше место другого главнокомандующего».

После бауценских событий Петр Христианович, осмыслив происшедшее, нашел в себе мужество признаться, заявив на военном совете, что «он почтет за удовольствие быть под началом Барклая де Толли».

26 мая 1813 года Михаил Богданович был приглашен в Ставку, где ему было объявлено о назначении его главнокомандующим русской и прусской действующими армиями.

Итак, летом 1813 года, в отличие от лета 1812-го, Барклая де Толли начинают воспринимать как «законного вождя российского воинства». И хотя война полыхала теперь далеко за пределами отчизны, интерес к ней не ослабевал. Ревностно следили россияне за каждым шагом своей армии, сравнивая, сопоставляя ее действия с действиями союзных войск. Радовались успехам и переживали неудачи, негодовали, едва заприметив ущемление национального достоинства и интересов державы.

Что же касается Барклая, то, используя представившуюся возможность перемирия, он энергично приводит в порядок расстроенные войска, исправляет и пополняет запасы оружия, улучшает питание солдат, создает условия для их отдыха, принимает меры для ремонта конского состава.

Вскоре подчиненные ему войска были приведены в должествующий вид. Приличное их состояние способствовало расширению антифранцузской коалиции. Ныне кроме России, Англии и Пруссии в состав ее вошли Австрия и Швеция.

Внушительные силы коалиции были сведены в три армии: Богемскую (главную) — под командованием К. Шварценберга, Силезскую — под началом прусского фельдмаршала Г. Блюхера и Северную, которой командовал шведский наследник престола Карл Юхан (бывший французский маршал Ж. Бернадот). Главнокомандующим союзных армий был избран Шварценберг.

Барклаю де Толли было поручено (как и прежде) командовать русско-прусскими войсками в составе двух пехотных и одного кавалерийского корпусов, групп Витгенштейна и Клейста, а также русско-прусского резерва, в коем обретались оба монарха.

Всего же под его началом оказалась группировка в 120 тысяч человек, которая входила в состав главной армии Шварценберга, представляя основную

ее силу.

Конечно, в России не были в восторге от такого расклада, однако приходилось считаться с тем, что войну против Наполеона вела теперь коалиция европейских государств, сохранивших к тому времени не только свои вооруженные силы, но и своих фельдмаршалов. (Заметим, главнокомандующий русской армией к тому времени по-прежнему пребывал в звании генерала от инфантерии.) Да и война для России велась уже далеко за ее границами.

Тем временем война продолжалась, и Шварценберг, испытав первое разочарование от встречи с Наполеоном в сражении за Дрезден, вынужден был ретироваться.

Однако на том неприятности Шварценберга не закончились. Наполеон направляет корпус Вандама с целью воспрепятствовать отходу Богемской армии, запереть ее в горном ущелье и уничтожить. Перспектива для Шварценберга вырисовывалась нерадостная. Положение опять же спас Барклай. Оценив обстановку, он самовольно (вопреки полученной им команде на марш) изменяет направление движения своей колонны войск и двигается на Дипольсвальде.

Этот самовольный шаг радикально изменил обстановку. В развернувшемся при Кульме сражении (29–30 августа) Барклай наносит маршалу Вандаму жестокое поражение. Французский корпус, посланный на окружение союзных войск, сам оказался в окружении и был разгромлен. Потери противника только пленными составили более 12 тысяч человек. Не избежал этой участи и сам Вандам. Барклаю достались также вся артиллерия и обоз неприятеля.

Победа при Кульме подняла дух союзных войск, несколько приунывших после предыдущих неудач. Император Австрии награждает Барклая командорским крестом Марии-Терезии, Петербург же — Георгиевским крестом 1-го класса. Таким образом, вслед за Румянцевым, Паниным, Долгоруковым, Потемкиным, Суворовым и Кутузовым Михаил Богданович Барклай де Толли становится полным георгиевским кавалером.

Вскоре Елена Ивановна принимала в этой связи очередные поздравления. Что ни говори, а быть супругой единственного здравствующего полного кавалера орденов Святого Георгия было приятно. К тому же супруга Барклая за заслуги мужа перед отечеством возведена была (вслед за женой Кутузова) в статс-дамы двора Его императорского Величества.

В октябре 1813 года в России, как и во всей просвещенной Европе, много и обеспокоенно говорили о выдающемся событии наполеоновских войн — Лейпцигском сражении, нареченном впоследствии Битвой народов.

Здесь в течение четырех дней (с 16 по 19 октября) более полумиллиона солдат, одетых в русские, прусские, шведские, австрийские, французские, голландские, саксонские, итальянские, бельгийские и польские мундиры, при поддержке более двух тысяч артиллерийских орудий «выясняли отношения».

В Европе снова воздавали дань уважения русским солдатам и генералу со столь нетипичной для русских фамилией — Барклай де Толли.

Обстановка к началу событий складывалась для Наполеона чрезвычайно неблагоприятно. Обессиленная и измотанная, разбросанная, укомплектованная наспех подготовленными солдатами, французская армия уступала в численности силам союзников. И тем не менее союзным армиям противостоял не только динамичный и энергичный политик, но и искусный тактик и стратег Наполеон Бонапарт.

К тому времени основные силы Наполеона оказались сосредоточенными в районе Лейпцига. Используя это обстоятельство, союзное командование здесь и решило совершить полный разгром Бонапарта, для чего к Лейпцигу подтягивались все три группировки союзных войск, из которых к 16 октября подошли лишь Силезская и Богемская армии.

Наполеон, не дожидаясь сосредоточения всех сил неприятеля, решил нанести упреждающий удар — разгромить сосредоточенную здесь армию Шварценберга, основу которой составляли русские войска (колонна Барклая де Толли). Замысел императора должны были осуществить пять пехотных корпусов, четыре кавалерийских корпуса и гвардия под командованием Мюрата.

Что же касается союзного командования, то оно, не имея представления ни о численности противника, ни о его замыслах, по настоянию трех монархов — Александра I, Франца II и Фридриха-Вильгельма III — само решило атаковать Наполеона, для чего Богемская армия была разделена на три колонны. Основу ее, как и прежде, составляла колонна Барклая де Толли (4 русских и 2 союзных корпуса — 84 тысячи человек), действовавшая в центре построения.

Утром 16 октября армия, перейдя в наступление, имела некоторый успех. Однако Наполеон, осуществивший спешную перегруппировку и создав превосходство в силах в центре, наносит мощный контрудар.

Поддержанная ураганным артиллерийским огнем конница Мюрата смела боевые порядки пехоты. Вслед за ней мощный удар наносят гренадеры. В течение всего дня Наполеон непрерывно атакует Барклая.

Как и в предыдущем, решающем сражении при Бородино, эти два выдающихся полководца снова стояли друг против друга. Как и прежде, бесстрашный, хладнокровный и решительный Барклай не раз смотрел смерти в глаза. Очевидно, это его поведение имел в виду И. Липронди, оставивший нам такую запись: «В продолжение всей моей жизни мне встречалось видеть много храбрых людей (я разумею тут и мужество, и сохранение присутствия духа в великих опасностях). Но такие качества я встречал только у Барклая де Толли. В них не замечалось никакого изменения ни в речах, ни в расположении духа, ни в движениях, ни в самих физиономиях».

Как и при Бородино, Наполеону не удалось прорвать фронт Барклая. Причиной тому был не только героизм русских воинов, но и полководческие дарования их предводителя. Против конницы Мюрата Барклай бросает кавалерию Палена; действия гренадер нейтрализует резервом; в критический период сражения перебрасывает сюда группировку артиллерии генерала Сухозанета (112 орудий). Не удалась Наполеону и попытка обхода правого фланга войск Барклая.

О напряженности сражения свидетельствует совершенно неординарный факт. В дело была введена личная охрана русского царя — лейб-казаки императорского конвоя. Здесь снова отличился корпус Раевского, гренадеры которого, построенные в каре, «стояли как скала среди разъяренного моря французской конницы».

Понеся огромные потери и не добившись поставленной цели, Наполеон на следующий день предложил мирные переговоры (кои были проигнорированы). Еще через день (после сосредоточения всех трех армий) союзные войска атаковали французов. И снова главный удар наносила колонна Барклая.

Беспорывные атаки союзных войск вынудили Наполеона к отступлению.

Поражение французской армии было бесспорным. Лейпцигское сражение было самым крупным в наполеоновских войнах. После Бородино оно явило закат французской армии. Французская армия потеряла в нем 80 тысяч человек, союзные войска — 50 тысяч.

К сожалению, половина потерь союзных войск припала на русское войско. Таким образом, «главным виновником» поражения французских войск в Битве народов снова стал русский солдат, а одним из главных действующих лиц этой драмы снова оказался полководец Российской империи.

Осенью 1813 года петербургская знать принимала бесчисленные поздравления от иностранцев. На приемах и банкетах некоторые притворно вопрошали: «А не встречали ли вы всегдашняя петербургских балов Лористона? — Так он же теперь у Наполеона! — Да говорят, что Барклай после Лейпцигского сражения прислал его снова в Петербург».

Барклай де Толли был возведен в графское достоинство, его грудь украсили австрийский командорский крест Марии-Терезии и прусская лента Черного орла. Волевой, энергичный, он по-прежнему на первых ролях. За Бриенское сражение ему была пожалована золотая шпага с бриллиантами.

Вместе с тем как главнокомандующий русской Большой действующей армией в освободительном походе русских войск он постоянно поддерживал тесную связь с местными органами власти, на территориях, где шли боевые действия, заботился о снабжении подчиненных ему войск, решал многие административные вопросы. Будучи внимательным и заботливым по отношению к нижним чинам, он столь же строго взыскивал с них, поддерживая в войсках высокую дисциплину и порядок. После вступления на территорию Франции в одном из своих приказов он требует уважительного отношения к местным жителям: «Не считать никого из них нашим неприятелем, исключая тех, кои поднимают против нас оружие, а потому всякое насилие карается смертью».

Перипетии вооруженной борьбы, обиды и недоразумения предыдущей поры не ожесточили сердце Барклая. Он содействует сооружению в городе Бунцлау (где скончался Кутузов) памятника-обелиска полководцу. Способствует также скорейшему восстановлению поруганного французами захоронения останков Кутузова на кладбище Тиллендорф.

В марте 1814 года весь мир с огромным вниманием следил за приближающимся финалом войны. Союзные войска стремительно двигались к столице Франции. Среди них по-прежнему главное положение занимали русские воины. Наполеон, оставив Москву, неудержимо вел их к Парижу.

В конце войны Наполеону противостояли те же, что и в начале ее: русский император Александр I и генерал от инфантерии Барклай де Толли.

События, предшествовавшие финалу войны, складывались опять же непросто. Окончательно ослабевшая в войнах Франция была на краю катастрофы. Поэтому Наполеон для сохранения своей власти использовал все подходящие для того способы: старался расколоть противостоящую ему коалицию, объявил для Франции войну всенародной (конечно же, для спасения отечества), предложил унижительный для себя мир, предпринял шаги к укреплению личной власти (не брезгуя террором).

Полагая, что австрийский монарх не будет воевать против своего зятя, а точнее, против своей дочери, супругу свою Марию-Луизу объявляет правительницей Франции; снова обращается к австрийскому монарху, спекулируя на чувствах деда (по отношению к своему сыну); своего старшего

брата короля Испании Жозефа ставит во главе обороны Парижа; высокомерное отношение его к религии сменилось благочестивым (во всех церквях Франции шли бесконечные моления о ниспослании побед монаршей милости).

И, надо сказать, кое в чем Бонапарт преуспел. Некоторые из власть предержащих (особенно австрийский монарх) были уже не столь решительны в борьбе с ним. Русскому царю пришлось приложить немало усилий для сохранения коалиции (от коих на голове Александра количество седых волос приумножилось, а общее же количество оных изрядно сократилось). Как бы там ни было, а после совещания в Шомоне в марте 1814 года было достигнуто соглашение, по которому союзники обязались всеми имевшимися средствами продолжать войну «для достижения мира, полезного народам».

Итак, армии союзников, терпя неудачи и радуясь успехам, обладая превосходством в силах, теснили Наполеона, неотвратимо приближаясь к Парижу, не оставляли Бонапарту надежд на мирный выход из войны.

22 марта, после сражения при Арси-сюр-Об, в котором принимали участие и войска Барклая, Наполеон идет на отчаянный шаг.

На глазах у построенной в боевой порядок армии Шварценберга он демонстративно направляет армию свою к пограничным крепостям на Рейне, то есть в тыл союзных войск. Поступая так, он был уверен, что союзные войска, беспокоясь за коммуникации свои, устремятся за его главными силами. Попросту говоря, Наполеон хотел увести союзные армии от Парижа.

Авантюре его на сей раз не суждено было увенчаться успехом. Богемская и Силезская армии, обеспечивая связь между собой, следовали за Наполеоном только до Витри-де-Франсуа, а затем, соединившись (25 марта), резко повернули и пошли на столицу Франции. Чтобы создать видимость удавшегося маневра, для преследования Наполеона был направлен русский сводный кавалерийский корпус Ф. Винценгероде.

Теперь главная задача союзников состояла в том, чтобы овладеть Парижем (обороняемым лишь корпусами О. Мармона и Э. Мортье), прежде чем Наполеон поймет свою ошибку и предпримет какие-либо очередные отчаянные шаги.

Таким образом, пока арьергард Наполеона упорно сдерживал Винценгероде, главные силы союзников стремительным маршем шли на Париж.

В тот же день кавалерия союзников у Фер-Шампенуазе разгромила дивизии Пакто и Аме, прикрывавшие столицу Франции.

Путь на Париж объединенным армиям был открыт. Опрокидывая и уничтожая крупные и мелкие отряды противника, авангард союзников под командованием Николая Раевского 29 марта вышел в пригороды Парижа. Здесь же вскоре оказались и главные силы союзных армий.

Обнародовав прокламацию к жителям Парижа с уверениями защиты и покровительства, войска, осадившие город, стали спешно готовиться к штурму. Штурм решено было начать тремя колоннами. Правую колонну возглавлял Блюхер, а левой командовал наследный принц Евгений Вюртембергский. Центральную (главную из них) возглавлял опять же Барклай де Толли (основа колонны — русские войска). Штурм города должен был начаться в 5 часов утра 30 марта.

Перед колонной Барклая стояла наиболее трудная задача по преодолению подготовленной обороны противника. Это был участок восточнее и севернее Парижа по высотам Бельвиля и Монмартра. Серьезным препятствием был и

Венсенский замок, и здания с толстыми стенами — дворцы Тюильри, Тильман и Фонтене.

К назначенному времени штурма на исходные позиции вышла лишь колонна Баркляя. Ей (в частности, корпусу Раевского) и пришлось начать штурм французской столицы.

Первая атака Раевского была отбита, и Барклай бросает сюда гренадерский корпус и гвардейские полки пруссаков и баденцев. Вскоре все пространство между Пантеоном и Бельвилем оказалось в руках колонны Баркляя, воины коей «застучали в стены Парижа».

К полудню подоспели войска задержавшихся колонн — и штурм возобновился. Началась общая атака на город, в которой Барклай бросает в усиление штурмующей колонны дивизию Ермолова. Все предместье Парижа оказалось в руках союзных войск.

Во время штурма российский император поздравил генерала от инфантерии Михаила Богдановича Баркляя де Толли с присвоением ему генерал-фельдмаршальского звания.

Желая избавить город от разрушительного штурма, маршал Мармон присылает к Барклаю де Толли парламентаря с просьбой о пощаде.

Находившийся здесь же русский император ответил, что он, конечно, прикажет остановить штурм Парижа, если защитники его прекратят сопротивление, но если этого не будет, «то к вечеру французы не узнают того места, где была их столица».

Нисколько не медля, флигель-адъютант царя полковник М. Ф. Орлов в сопровождении пленного француза и двух трубачей выехал к Мармону и Мортье для заключения предварительного перемирия. Первая попытка переговоров успеха не имела и только к вечеру, после того как союзные войска неистово застучали в стены блокированного города, переговоры возобновились. К Орлову присоединились парламентары союзников.

И снова неудача. Вечером прибыл в Париж адъютант Наполеона генерал-лейтенант де Жиради, который передал устный приказ Наполеона взорвать гренельский пороховой склад «и в одних общих развалинах погребсти и врагов, и друзей, столицу со всеми ее сокровищами, памятниками и народонаселением». Но полковник Лескур, которому было поручено сделать это, отказался, сославшись на отсутствие письменного именного указа Наполеона.

В этих условиях парламентары союзных армий покинули Париж. Орлов же остался в городе в качестве заложника. В 2 часа ночи он получил сообщение о том, что союзники согласны выпустить из Парижа французскую армию, но сохраняют за собой право преследовать ее. Мармон согласился, и за четверть часа Орлов составил условия капитуляции, в соответствии с которой французские войска оставляют город до 7 часов утра 31 марта, а союзные войска входят в Париж не ранее 9 часов. Город Париж «предавался на великодушные союзных государей».

В 10 часов утра 31 марта 1814 года из Бондийского замка в Париж выехал Александр I.

У ворот поверженного Парижа в парадном строю стояли русские, австрийские, прусские войска, а также баварцы, баденцы и вюртембергцы. Ворота города были заперты. Но как только подъехал русский царь, они растворились и грянула музыка. Союзные войска торжественным маршем вступили в город.

Во главе колонны русских войск шли российский император Александр I и главнокомандующий русской Большой действующей армией фельдмаршал Барклай де Толли. На обращение к императору одного из обывателей: «Мы давно уже ждем прибытия Вашего императорского Величества» Александр I с достоинством ответил: «Я бы и раньше к вам поспел, но меня задержала храбрость ваших воинов».

К сожалению, в этом церемониальном марше один из важных «виновников» появления русских войск в Париже — корпус Николая Николаевича Раевского — принять участия не мог. Еще ранее, овладев трофейными складами с вещевым имуществом французской армии, Раевский заменил обношенные мундиры своего корпуса на французские. Пускать же торжественным маршем по Парижу русских воинов во французских мундирах было бы некорректно.

Ну а что же происходило в те дни в ставке Наполеона? В то время, когда союзные войска стремительно шли на Париж, а русский корпус Винценгероде (принятый Наполеоном за авангард главных сил союзных войск) продолжал преследование противника, Наполеон был в уверенности, что его маневр удался. Только в конце дня 25 марта он понял свою ошибку. Повернув главные силы свои, он форсированным маршем двинулся к оставленной им столице.

Увы! Было уже поздно. По дороге его в Фонтенбло (в 55 километрах от Парижа) пришло печальное для него известие о капитуляции Парижа... Въезд в Париж Наполеону был строго воспрещен. Не помогли и дипломатические усилия Коленкура. Было твердо заявлено, что ни с Наполеоном, ни с членами его семьи ни в какие переговоры союзники вступать не будут.

Во Франции было создано временное правительство. Сенат лишил императора власти.

Здесь, в Фонтенбло, чуть было не произошел еще один любопытный эпизод финала войны. Поскольку ближе всего от Фонтенбло оказался отряд генерала Александра Чернышева (того самого полковника, резидента русской военной разведки в Париже, а ныне командира летучего отряда), то ему, казалось бы, и выпала честь пленить своего знакомого — императора Франции.

Однако Александр I, поразмыслив, проявил благородство относительно «брата своего», заявив: «Наполеону в несчастье неприятно будет видеть при себе того, кто находился при нем, когда он был в упоении побед».

Вернемся снова к последним дням императорства Наполеона Бонапарта.

Несмотря на катастрофу, он намеревался дать еще одно сражение у Фонтенбло. Но большое число солдат, офицеров и даже генералов или отказались участвовать в нем, или перешли на сторону противника. Особенно обескуражил Наполеона поступок его бывшего адъютанта, а ныне маршала Франции Огюста Фредерика Луи Мармона, который, выведя войска из блокированного Парижа, передал их в подчинение временного правительства.

Словом, 6 апреля 1814 года там же, в Фонтенбло, Наполеон подписал отречение от престола, «приняв безоговорочно остров Эльбу».

20 апреля 1814 года бывший император Франции Наполеон Бонапарт трогательно прощался со старой гвардией. Встав в излюбленной своей позе (с закинутой за спину левой рукой) перед строем тех, с кем прошел он свой нелегкий ратный путь, полководец начал твердым голосом: «Я расстаюсь с вами. Вы всегда шествовали со мной путем к славе. Все державы европейские вооружились против меня; несколько генералов изменили долгу своему и Франции; она сама предала себя другой участи. С вами, храбрыми воинами, я

мог бы продолжать войну внутри государства, но Франция от того бы пострадала. Храните верность!»

И голос великого завоевателя дрогнул!

«Не грустите, — продолжал он, — я буду счастлив, когда услышу, что вы счастливы. Я мог бы умереть, но пережил свое бедствие, чтобы трудиться еще для вашей славы, чтобы описать ваши подвиги! Я не могу обнять вас всех, но прижимаю к моему сердцу вашего генерала! Поднесите и знамя, я с ним хочу проститься! Да раздастся этот поцелуй в отдаленном потомстве! Прощайте, дети мои! Я и заочно буду с вами! Вспоминайте обо мне!»

Отменный политик, великий полководец и стратег, герой Египта, покоритель Франции и Европы, стойчески переносивший невзгоды и ранения (на левом бедре его красовался след от пули, полученной в египетском походе, при осаде Тулона под ним было убито три коня, а при Сен-Жан д'Акр — четыре, несколько коней было убито под ним в Итальянском походе; в сражении при Регенсбурге пуля снова угодила ему в ногу, в России пробила сапог; в 1814 году он упал с убитого под ним коня, потеряв знаменитую треуголку, под Бриеном — едва ускакал, отбиваясь шпагой от русских казаков), теперь этот мужественный человек стоял в отчаянии перед сподвижниками своими со слезами на глазах. Резко повернувшись, не оборачиваясь, скрывая слезы, он сел в карету и в сопровождении небольшой свиты — одного батальона старой гвардии и комиссаров от союзных держав — направился на остров Эльба под громогласное «Да здравствует император!».

30 мая 1814 года был подписан Парижский мирный договор. Королем Франции стал брат казненного Людовика XVI — Людовик XVIII.

Итак, к апрелю 1814 года война была победоносно завершена, что стало большим праздником для народов Европы. Однако российскому правительству и особенно его иностранному ведомству было не до праздников. Началась напряженная борьба за послевоенное устройство Европы с учетом национальных интересов победителей. Что же касается царского двора, то внимание его всецело было занято подбором состава царской свиты для монаршего визита в Лондон.

Разумеется, одним из первых претендентов мог быть выходец с берегов туманного Альбиона фельдмаршал Российской империи Михаил Богданович Барклай де Толли. Однако составителей свиты смущало одно немаловажное обстоятельство: не затмит ли собою популярная личность полководца Его Императорское Величество? Выход был найден весьма оригинальный. В состав делегации включили экстравагантного (для английского обывателя) предводителя донских казаков атамана М. И. Платова. И, надо сказать, не ошиблись. В то время как талантливый полководец, скромный шотландец Барклай пребывал в тени, Матвей Иванович в мае 1813 года удивлял лондонскую публику своими из ряда вон выходящими трюками. Красавца статного казака боготворили. Дамы выпрашивали у него прядку волос «на счастье», которую помещали в свои медальоны. В те дни многие из народившихся в Англии мальчиков наречены были Матфеями. Бесчисленные портреты предводителя «летучих казаков» заполнили магазины Англии. Там же красовался и портрет дочери Платова в русском кокошнике, которую намеревался выдать атаман за того, кто пленит Наполеона. В честь Платова была изготовлена специальная медаль, имя его присвоено было спущенному на воду военному кораблю. Платов, образование которого не выходило за пределы приходской школы, удостоен был диплома почетного доктора наук

Оксфордского университета; ему же в дар была преподнесена драгоценная сабля.

Словом, на первом плане оказались император и его лихой казак. О Барклае как-то забыли. Уже после их отъезда англичане, как бы спохватившись, присылают ему почетную шпагу. Впрочем, Михаила Богдановича все происходящее мало занимало. Пользуясь представившейся возможностью, он старался ознакомиться с достопримечательностями Лондона, да к тому же разыскал среди шотландских Барклаев немало своих родственников.

Между тем неуверенность в отношении «смирненного» Бонапарта и революционной Франции заставляла европейских монархов держать ухо востро. После заключения мира и ссылки Наполеона войска союзников были возвращены в пределы национальных границ.

Что же касается Барклая де Толли, то он назначен был командующим 1-й Западной армией с дислокацией ее на территории Польши (на всякий случай поближе к Франции). Наряду с решением многих административных дел он принимает участие в торжественных похоронах одного из своих серьезных противников по войне — польского генерала и маршала Франции Понятовского.

Польские войска, возвратившиеся из французского плена, привезли с собой гроб своего предводителя на польскую землю. До границы с Польшей траурную процессию сопровождал прусский эскорт. На границе с Пруссией процессию с останками достойного и благородного противника встречал командующий 1-й Западной армии генерал-фельдмаршал Барклай де Толли.

Вместе со своим штабом в торжественном церемониальном марше он сопровождал ее, отдавая последние почести своему противнику, до церкви Святого Креста, где прошло отпевание.

Здесь же, в Польше, Михаил Богданович снова встретился со своим давнишним недоброжелателем великим князем Константином Павловичем, теперь главнокомандующим польской армией и наместником царя. Как и прежде, великий князь продолжал кляузничать своему старшему брату: «Почему у Барклая де Толли такой большой штаб? Он подражает Потемкину! Но у того было желание сравниться с турецким пашой! Но сейчас же мирное время!»

Мирное время оказалось, к сожалению, недолгим. Опасения монархов были не напрасны. В марте 1815 года Европу облетела тревожная весть: Наполеон бежал с острова Эльба. Войска, высланные навстречу экс-императору, перешли на его сторону. Начались знаменитые сто дней Наполеона. По вступлении в Лион Наполеон издает декрет о восстановлении его империи, а затем вступает в Париж.

В этой связи державы-победительницы вновь объявляют Наполеона врагом и нарушителем спокойствия со всеми вытекающими отсюда действиями. В Европе создаются группировки англо-голландских войск Веллингтона и прусских — Блюхера.

Из Польши в апреле 1815 года форсированным маршем идет 1-я Западная армия Барклая, из Литвы — армия Витгенштейна, из Петербурга — гвардия Милорадовича, туда же спешат австрийские войска. Все против Наполеона.

Что же касается 1-й Западной, то она, миновав территорию Пруссии и форсировав Рейн, стремительно шла по направлению к Нанси.

К тому времени отважный изгнанник вновь, собрав значительные силы, наносит поражение войскам Блюхера. Но это была последняя улыбка его

военного счастья.

В сражении при Ватерлоо (18 июня) Наполеон потерпел сокрушительное поражение от войск Веллингтона и Блюхера. Несмотря на это, он не сложил оружие, и союзные войска успешно преследовали его.

Принц Вюртембергский теснил генерала Рапа к Страсбургу. Туда же спешил австрийский генерал Гогенцоллерн. Пруссия снова подчинила гвардию свою и гренадер Барклаю де Толли, армия которого овладела Нанси и продолжала движение. «С благоговения всевышнего, — писал ему русский царь, — с пособием таких полководцев, как Вы, надеюсь привести к концу новую войну и достичь благодетельного мира для целой Европы и мира». После Нанси, разбив неприятеля в Шелоне, русские войска соединились с союзными армиями.

6 июля 1815 года флаги союзных государств снова реяли над Парижем.

Что же касается Наполеона, то он 22 июня того же года вновь пытается отречься от престола в пользу своего сына. Обманутый в последней надежде, намереваясь удалиться в Соединенные Штаты Америки, отдался на милость англичанам, после чего сослан был на остров Святой Елены, где и почил в бозе после шестилетнего пребывания.

Итак, война с Наполеоном была окончательно завершена. В ознаменование столь значительного события 10 сентября 1815 года в пригороде Парижа Вертю состоялся парад русских войска.

В присутствии союзных государей и многочисленной публики русское войско было представлено здесь в блестящем виде. Во главе церемониального марша шел Александр I, салютуя императору Австрии и королю Пруссии. Перед восхищенными монархами и изумленной публикой одна за другой в четком безукоризненном строю проходили колонны гренадер и кавалерии, пушкарей и казаков. Наблюдая за сим зрелищем, Александр I воскликнул: «Я вижу, что моя армия — первая в свете! Для нас нет ничего невозможного!»

Командовал парадом фельдмаршал государства российского Михаил Богданович Барклай де Толли. Празднества закончились богослужением, после чего русские войска отправились в обратный путь на родину.

В Европе долго шли пересуды о состоявшемся параде. Удивлялись тому, как русские войска после такого стремительного марша и упорных боев могли столь быстро прийти в должествующий вид, поразив четким строем изумленную публику. Удивлялись и потоку наград, хлынувших на Барклая. Действительно, такое в истории нечасто случается. Михаил Богданович почти одновременно был удостоен французского ордена Почетного легиона, английского — Бани, нидерландского — Святого Вильгельма, саксонского — Святого Генриха. Чуть позже, при встрече с королем Людовиком XVIII, очередной наградой стал орден Святого Людовика.

Рескриптом российского императора он был возведен в княжеский титул, что вызвало немалые пересуды в российском обществе. Действительно, чтобы получить графское достоинство, Михаилу Богдановичу нужно было проявить недюжинные способности и героизм в Битве народов. Немалые боевые заслуги и полководческий талант надо было проявить и в битве за Париж, чтобы получить фельдмаршальское звание. Для получения же высшего — княжеского — достоинства достаточно было хорошо подготовиться и провести парад! Воистину поступки власть предрежащих неисповедимы!

Впрочем, некоторые злословили: «Ну что это за князь, не имеющий за душой ни единой души крепостного?!»

Заметим, что все это происходило через три года после того, как генерал Барклай де Толли искал смерти на Бородинском поле и под градом камней покидал действующую армию.

Глава V После войны

*Неужели должны мы быть неблагодарны к
заслугам Барклая де Толли, потому что Кутузов велик?*

А. С. Пушкин

Наконец-то война была победоносно завершена. Русская армия возвращалась в пределы своей отчизны. Радостно встречал народ своих освободителей. Триумфальные арки и гром оркестров, колокольный звон и толпы встречающих, ликующие возгласы, восхищенные взгляды и объятия.

Увы! Не было среди возвратившихся главных творцов победы. Прах Михаила Илларионовича Кутузова покоился в Казанском соборе, Барклаю же была уготовлена участь «провинциального генерала».

Истинным героем войны и спасителем отечества стал русский царь, деяния коего в славословия двора и молениях церкви звучали денно и ночью. Вся слава свалилась на венценосную голову «величайшего из политиков» и столь же «величайшего из стратегов», охарактеризованного, между прочим, Александром Сергеевичем Пушкиным как «правитель слабый и лукавый», и злыми словами «под Аустерлицем он бежал, в двенадцатом году дрожал».

И тем не менее портреты императора и его брата Константина (посредственного командира корпуса), в отличие от многих других участников Отечественной войны, красуются в военной галерее Зимнего дворца.

Не остались без внимания и те, кто «преданно окружал» императора в годы войны. Во главе сухопутных сил России вновь замаячила мрачная фигура графа Аракчеева, о коем все тот же Пушкин писал:

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто он? Преданный без лести,
..... грошевой солдат.

Что же касается Барклая, то государь определил его, боевого генерала, великолепного администратора, полководца и фельдмаршала, полного георгиевского кавалера в скромной должности командующего Западной армией, с дислокацией оной в Польше, а затем в Могилеве (подалеже от столицы, дабы не затенять личность победоносного монарха). Конечно, с точки зрения стратегии размещение Западной армии в Могилеве было вполне целесообразным. Однако с человеческой точки зрения оставлять выдающегося полководца, бывшего военного министра в должности командующего обычной полевой армией с подчинением тому же Аракчееву (не справившемуся с задачей реформирования сухопутных сил), по воинскому званию своему ниже Барклая

де Толли, было некорректно. Словом, несмотря на великолепный столичный прием, устроенный Барклаю в декабре 1815 года, в Могилев Михаил Богданович уезжал с тяжелым сердцем. Вскоре в столичных кругах о Барклае стали понемногу забывать, а затем и вообще упоминать имя его стало дурным тоном.

Действительно, как можно было столь резко выступать против «военных поселений», если и «ежу было ясно», что это плод соображений самого монарха, навязанных ему тем же Аракчеевым?

Надо заметить, что император в феврале 1817 года направил Барклаю де Толли рескрипт с приложением «Проекта учреждения о военном поселении пехоты» с предписанием представления своих (Барклая) замечаний.

Замечания, представленные Барклаем, были ошеломляющими.

Вот они: «Хлебопашество, сельская экономика и сельская промышленность там только могут иметь хороший успех и желаемые последствия, где земледельцам дана совершенная свобода действовать в хозяйстве своем так, как они лучше для себя находят. Где повинности, на него возлагаемые, не превышают сил и способов его». Обращаясь к царю, он предлагал: «Отслуживших свою службу солдат наделять землей, освобождать на 15–20 лет от податей с занесением в вольные хлебопашцы». И далее: «Долговременная и, могу сказать, весьма близкая и неразлучная с своими сотрудниками военная служба дала мне многие случаи удостовериться, что в хорошем солдате надежда когда-либо иметь свободу и возможность увидеть, ежели бы то было при последнем даже издыхании, место своей родины и умереть там — есть единственное в его помышлениях благо, и я не вижу существенной причины и ни малейшей пользы для государства лишить такого солдата сей надежды».

И наконец: «Кто и чем докажет, что он (поселянин) вместо чаемого благоденствия не подпадет отягчению в несколько раз большему и непосильнейшему, чем самый беднейший крепостной! Его, как осужденного за вину, преследовать будут тяжкий труд земледельца, брань и побои — в учении, тоска и уныние — в минуты отдохновения».

Из сказанного нетрудно заключить негативное отношение Барклая к крепостному строю в России. Конечно, он не мог не видеть того, что русский мужик в период отчаянной борьбы за спасение отечества мог на войне позабыть пугачевскую вольницу и встать на защиту государства. Но он же после победы над Наполеоном должен был возвратиться снова под крепостное ярмо.

Возможно, поэтому и обязанности свои по выполнению «дружеской договоренности» между русским и французским монархами о возвращении беглых солдат (не желавших возвращаться в Россию под иго крепостного права) исполнял он без особого рвения.

Впрочем, причиной тому могли быть и жестокие наказания по отношению к возвратившимся «патриотам». Некоторых из них пропускали через солдатский строй, с «подарком за возвращение» до 500 шпигрутеннов.

Словом, Барклай оставался самим собой. Неслучайно декабрист Н. Тургенев писал: «Военные смогут оценить Барклая де Толли как генерала, а люди благопристойные отдадут дань уважения его неподкупности и прямоте его характера».

Странно, но Михаил Богданович в ту пору был почитаем не в России, а на Западе, откуда ему продолжали жаловать награды: то Орден Меча из Швеции, то шпагу, украшенную бриллиантами, из Англии.

Между тем получив ответа Барклая на «военные поселения» император, по-видимому, пытаясь смягчить мнение оппонента, приглашает его в сентябре 1817 года принять участие в «совместном путешествии», которое проходило, между прочим, по району дислокации Западной армии.

Все обходилось более или менее благоприятно, если не считать пренеприятнейшего зрелища. Когда император проезжал по Курску вдоль главной улицы города стояли на коленях тысячи курян, приветствуя его императорское величество, держа над головами тысячи прошений. «Зрелище ужасное», — писал об этом сопровождавший царя А. Михайловский-Данилевский.

Путешествие закончилось в Тарутине посещением избы, в коей Кутузов принимал французского посла Жака Лористона. Все былое воскресло в памяти Барклая! И Михаил Богданович, не дожидаясь финала, поспешил в Могилев.

И тем не менее, не сетуя на судьбу свою, не кичась ни заслугами, ни наградами, Барклай исправно выполнял обязанности по командованию Западной армией. Энергично насаждал опыт минувшей войны, мало сообразуя его с официальными взглядами Петербурга.

Реакция, охватившая в ту пору российское общество, особенно уродливые формы приняла в армии. Основой подготовки войск вновь стали прусская муштра и шпицрутены. И надо было обладать огромным мужеством, чтобы противостоять этому.

Чиновники военного министерства с удивлением знакомились с циркулярами командующего Западной армией, в коих в числе первейших требований начальников к подчиненным говорилось: «Беречь людей, уважать человеческое достоинство низших чинов». Подчеркивалось: «Чем ближе будет командир к солдату, тем выше будет его авторитет в момент опасности». И далее: «Кроткое и благородное обхождение начальников с подчиненными не вредит порядку, не расстраивает чиновничества, но, напротив, рождает то истинное и полезное честолюбие, каковым каждый должен воодушевляться. Унижение же сих благородных чувствований... рождает чувство ненависти и недоверчивости к начальству».

Одновременно Барклай вводит систему подготовки войск, далекую от плац-парадной муштры. Практикует учебные сборы с привлечением наиболее подготовленных командиров. При этом требует проводить занятия не в любое время суток, а не иначе как с утра (после полковых разводов), отводя на строевую подготовку не более двух часов. Одновременно требует, чтобы все офицеры, независимо от званий и чинов, были на местах учений тотчас же по прибытии войск, «дабы не ждали все одного».

Он же проводит опыты по совершенствованию рассыпного строя пехоты в бою, «затвержденные» в наставлениях, а в 1815 году присутствует при испытании нового оружия — ракет. В письме своем, отправленном конструктору А. Д. Засядько, он писал: «Я с удовольствием видел особенные труды и усердие Ваше с открытием сего нового и столь полезного орудия, кои поставили меня в приятный долг сказать Вам за то истинную мою признательность».

Впрочем, как свидетельствует очевидец, «под нажимом обстоятельств, исходящих от самого монарха», Барклаю приходилось все же иногда обращать внимание на «красоту строя». «Можно было видеть, — писал И. Паскевич, — как фельдмаршал свою высокую фигуру наклоняет до земли, чтобы разглядеть носки гренадер». Что было, то было. Из песни слов не выкинешь. Однако это не

означало отказа Михаила Богдановича от своих принципов, главным из которых был — видеть в солдате человека.

Вот почему Барклай снова и снова выступает против мер физического наказания нижних чинов, утверждая: «Никакие случаи не дают права посягнуть на честь подчиненного обидным и неприемлемым взысканием. Такой поступок унижал бы звание начальника и служил бы верным доказательством его неспособности управлять людьми». По словам современников, такое поведение Барклая по-прежнему вызывало неудовольствие монарха и сильное озлобление Аракчеева.

Что же касается самого Михаила Богдановича, то он, как и ранее, являл пример для подчиненных. Никогда не допускал грубостей и оскорблений, был всегда выдержан и вежлив «даже с самыми злостными своими врагами и интриганам». Небезынтересно отметить и изменения, происшедшие в характере полководца. В отличие от прошлых времен, он стал довольно общительным и гостеприимным человеком.

Дом фельдмаршала, арендуемый в имении Эленберг (в пригороде Могилева), стал наполняться сослуживцами и соратниками по походам и молодежью. Многие из них, пройдя «половину Европы», познавшие жизнь народов освобожденных ими стран, могли сравнить увиденное с российскими реалиями. Михаил Богданович внимательно наблюдал за шумными и горячими спорами. Послушать же было что. Ведь в ту пору зарождалось движение декабристов.

Надо заметить, что для тех, кто предпочитал карточную игру, места в доме Барклаев не находилось.

Сам же фельдмаршал по-прежнему много читал, побуждая к этому и подчиненных. Опять же в одном из приказов по армии он настоятельно рекомендует командирам полков «приучать» к этому офицеров, особенно же к чтению литературы, в коей излагаются вопросы военного дела.

Однако жизнь брала свое. Лета, невзгоды, походы, ранения и контузии, невероятные физические, моральные и духовные перегрузки все более давали знать о себе. Барклай все чаще обращался в Петербург с «прошением на лечение». Однако император по-прежнему считал пребывание его у столичных эскулапов нежелательным и в то же время не допускал мысли о выезде для лечения за границу человека, чье имя вошло в историю как достойного соперника Наполеона.

И Михаилу Богдановичу ничего не оставалось, как терпеть, перенося изнуряющие боли, слабость и недомогания. Не зная отдыха, он всецело отдается работе, стараясь хоть как-то облегчить страдания. И все же в начале 1818 года в Петербурге серьезно заговорили о тяжелом состоянии здоровья фельдмаршала, о том, что армией руководить он уже не может.

В январе 1818 года Михаил Богданович приезжает в столицу с твердым намерением либо получить долгосрочный отпуск на лечение, либо выйти в отставку. Александр I разрешил отойти от дел на два года и выделил 100 тысяч рублей на покрытие предстоящих расходов на лечение с выездом за границу. Деньги были немалые, и Михаил Богданович решил выехать вместе с семьей. В мае 1818 года из Бегкофа в сопровождении врача и адъютанта выехали они в Пруссию.

Вскоре прибыли в только что купленное имение Столбен, где провели несколько дней. В последующем остановки были все более частые и более продолжительные. Несколько дней провели в Риге, Мемеле, а затем в Тильзите.

Здесь здоровье Михаила Богдановича сдало окончательно. Он жаловался на сильные боли в груди. Когда карета фельдмаршала подъезжала к Инстербургу, решено было сделать экстренную остановку на мызе Штилитцен. Больного, уже неспособного передвигаться, его осторожно пересадили в кресло и перенесли в дом, где он 26 мая 1818 года и скончался.

Слова девиза на княжеском гербе Барклаев «Верность и терпение» оказались для обладателя одного роковыми. Долготерпение привело к чрезвычайной запущенности болезни и трагическому исходу.

Император узнал о смерти Барклая де Толли 7 июня. В донесении генерала Н. Дибича говорилось: «14 мая на мызе Штилитцен вблизи Инстербурга на 57-м году жизни скончался фельдмаршал князь Михаил Богданович Барклай де Толли». К донесению прилагался небольшой ящик с бумагами фельдмаршала.

Трудно сказать, какие чувства овладели монархом. То ли горечь утраты человека, которому он обязан был спасением отечества, то ли чувство облегчения в связи с уходом из жизни последнего из претендентов на славу победителя Наполеона. Известно лишь, что полученное сообщение царь чрезвычайно внимательно дважды прочитал, прежде чем вернуть его. Что же касается бумаг, находившихся в ящике, то часть из них император вернул жене покойного, другие же, содержание коих до сих пор неизвестно, оставил при себе.

В письме же к Елене Августе император писал: «Государство потеряло в его лице одного из самых ревностных слуг, армия — командира, который постоянно показывал пример высочайшей доблести, а я — товарища по оружию, чья верность и преданность всегда были мне дороги».

Петербургская пресса, воздав должное заслугам фельдмаршала, не преминула в своем обычном славословии воздать хвалу монарху, определившему вдове полководца пожизненный пансион в размере годового (85 тысяч рублей) жалованья супруга.

Вернемся, однако, на мызу Штилитцен. На следующий день после кончины тело умершего было вскрыто. Эскулапы были удивлены тем, что все органы полководца были поражены гораздо сильнее, чем это бывает в его возрасте. Безусловно, сказались бесчисленные походы, ночевки под открытым небом, в стужу, в дождь и на ветру, грубая пища, нервные перегрузки и старые раны.

Решено было тело забальзамировать и перевезти в Россию. Сердце же после бальзамирования было помещено в урну и захоронено в 300 метрах от дома, где он скончался.

Фридрих Вильгельм III выслал в Штилитцен почетный караул и прусский эскорт, сопровождавший гроб Барклая де Толли до русской границы.

11 июня в Риге состоялась торжественная церемония похорон. На улицах шпалерами стояли войска. Во время гражданской панихиды с прочувствованными надгробными словами обратился генерал-губернатор города маркиз Ф. Пауллуччи (бывший начальник штаба 1-й Западной армии). Во время отпевания по обеим сторонам гроба стояли два священника: лютеранский и православный — символизировавшие близость умершего к обеим религиям. Под колокольный звон, траурную музыку военных оркестров и гром артиллерийских залпов останки полководца перевезли в часовню гарнизонного кладбища, а затем в родовую усыпальницу Смиттенов, в имение Хельме, что неподалеку от местечка Тырве.

В последующем (1823 году) на средства жены покойного в Бекгофе было закончено строительство мавзолея (по проекту зодчего Аполлона Щедрина). Над двухколонным портиком усыпальницы помещено изображение княжеского герба Барклая де Толли. Внутри мавзолея — скульптурное изображение полководца и барельеф «Вступление русских войск в Париж», выполненные скульптором В. И. Демут-Малиновским. Мавзолей размещен на возвышенном месте, где Михаил Богданович часто любил прогуливаться, предаваясь воспоминаниям и размышлениям. Здесь же, еще при жизни полководца, был захоронен под курганом его боевой конь. Через десять лет после ухода полководца рядом с ним была упокоена и его жена Елена Ивановна.

В 1826 году имя полководца было присвоено 2-му карабинерскому полку, некогда сформированному и руководимому Барклаем де Толли. В 1849 году по проекту Демут-Малиновского на деньги, собранные сослуживцами, в городе Тарту был установлен памятник, на пьедестале которого были высечены слова: «Незабвенному полководцу от войск, под начальством его состоявших, в память военных походов в 1812, 1813 и 1814 годах». Другой памятник полководцу «В ознаменование столетней годовщины избавления России от нашествия Наполеона» был воздвигнут в Риге в 1913 году. Барклай изваян был во весь рост с фельдмаршалским жезлом в руке, в плаще и треугольной шляпе.

Судьба памятника оказалась довольно трагичной (как и биография полководца). В ходе Первой мировой войны, в связи с выходом немецких войск на подступы к Риге и планируемом демонтажом монумента (после захвата Риги) с последующим водружением его на территории Германии, памятник был спешно снят с пьедестала и погружен на корабль для перевозки в Петроград. Однако судно при выходе из Рижского залива было атаковано немецкой подводной лодкой и затонуло. Так и покоится поныне на дне Балтийского моря памятник выдающемуся полководцу. Лишь в 90-х годах прошлого века памятник по чертежам и снимкам усилиями русской диаспоры Риги был заново изготовлен и установлен на прежнем пьедестале.

Курьезным следует считать установку скульптуры Барклая де Толли в знаменитой регенсбургской Валгалле — гигантском мемориале выдающихся германских полководцев. Считая Михаила Богдановича Барклая де Толли немцем, учредители мемориала поместили фигуру его среди выдающихся прусских полководцев и военачальников. Так русский дворянин, граф и князь, убежденный в своем шотландском происхождении, оказался «чистейшей воды арийцем».

Кроме того, бюсты Барклая де Толли были установлены в Смоленске и Москве (у Кутузовской избы).

Вернемся, однако, снова в столицу государства российского, где о Барклае де Толли тоже не забывали.

В декабре 1826 года взору восхищенной публики Петербурга предстала Военная галерея Зимнего дворца. В ней во всем великолепии представлены были генералы русской армии — участники Отечественной войны 1812 года. Здесь были все: герои Смоленска и Бородино, Москвы и Тарутино, Березины и Немана, Лейпцига и Парижа. Тут мудрый Кутузов соседствует с бесстрашным Витгенштейном, а пылкий Багратион — с хладнокровным Барклаем, а также Милорадович, Дохтуров, Волконский, Раевский, Коновницын, Платов и многие другие их сотоварищи по минувшей войне, те, кто пал на поле брани, и те, кто праздновал победу.

Выдающиеся мастера кисти, художники Д. Доу, А. В. Поляков и В. А.

Голике, великолепно представили генералитет русской армии Отечественной войны 1812 года. При этом портреты фельдмаршалов Михаила Илларионовича Кутузова и Михаила Богдановича Барклая де Толли, в отличие от остальных, выполнены в полный рост.

В годовщину кончины Барклая де Толли рескриптом царя велено было установить памятники М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю де Толли перед Казанским собором Петербурга.

Во исполнение повеления монарха статуи полководцев выполнены были скульптором Борисом Ивановичем Орловским (Смирновым). Посетив мастерскую скульптора в период работы над образами полководцев, Александр Сергеевич Пушкин, восхищенный увиденным (как и Военной галереей Зимнего дворца), написал замечательное стихотворение «Полководец», посвященное Михаилу Богдановичу Барклаю де Толли. Вот строки из него:

О вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
Всё в жертву ты принес земле тебе чужой,
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоём звук чуждый невзлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплен могущим убежденьем,
Ты был неколебим пред общим заблужденьем;
И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманно глубоко, —
И в полковых рядах сокрыться одиноко.

Монументы были открыты 23 декабря 1837 года в присутствии императора, духовенства, войск и многочисленной публики, с отдаванием воинских почестей и звоном колоколов в православных церквях.

Барклай де Толли (как и Кутузов) изображен в мундире и плаще, с непокрытой головой, с маршальским жезлом в руке, у ног полководцев — знамена поверженного врага. В отличие от Кутузова, в правой руке которого — обнаженная шпага, шпага Барклая де Толли в ножнах. На гранитном пьедестале его начертано: «1812, 1813, 1814 и 1815 гг.»

Между тем появление Военной галереи Зимнего дворца, открытие памятников и публикация стихотворения «Полководец» вновь всколыхнули российскую общественность и особенно столичную знать. Дело в том, что современники и потомки не были едины в оценке личности Барклая де Толли. Особое усердие в этом проявил двоюродный племянник Михаила Илларионовича Кутузова Л. Голенищев-Кутузов. В брошюре, написанной им, и в других статьях он обвинял Пушкина в извращении событий войны, принижении роли в ней Кутузова, в антипатриотизме и даже в русофобии.

И Александр Сергеевич вынужден был оправдываться, отсылая негодующих оппонентов своих к своему же стихотворению «Перед гробницею святой», прославляющему деяния Кутузова.

В опубликованной же им статье писал: «Я не мог подумать, чтобы тут можно было увидеть намерение оскорбить чувство народной гордости и старание унижить священную славу Кутузова, однако же меня в этом обвинили...

Один Кутузов мог предложить Бородинское сражение, один Кутузов мог оставить Москву неприятелю, один Кутузов мог оставаться в этом деятельном бездействии, усыпляя Наполеона на пожарище Москвы и выжидая роковой минуты, ибо Кутузов один был обличён в народную доверенность, которую он так чудно оправдал!»

И далее: «Вы упрекаете стихотворца в несправедливости его жалоб, вы говорите, что заслуги Барклай были признаны, оценены и награждены.

Но кем и когда? Конечно же, не народом и не в 1812 году! Минута, когда Барклай принужден был уступить начальство над войсками, была радостна для России, но тем не менее тяжела для его страдальческого сердца. Его отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым, не только роптал народ, ожесточенный и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником. Барклай, не внушающий доверия войску, ему подчиненному, окруженный враждой, язвимый злоречием, но убежденный в самого себя, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтичным лицом».

Эпилог

К великому сожалению, имя Михаила Богдановича Барклай де Толли — полного кавалера георгиевских наград, графа, князя и фельдмаршала Российской империи — в отечественной истории зачастую связывают лишь с воспоминаниями о трудных событиях начала Отечественной войны, с отступлением русских войск, да неудачами их в летней кампании 1812 года.

Между тем, оказавшись во главе сухопутных сил России за два года до начала войны, именно он в чрезвычайно короткий срок проделал огромную работу по реформированию армии и подготовил ее к предстоящей войне. Возглавив действующую армию в тяжелейший период войны, он неуклонно вел ее по чрезвычайно непопулярному, но единственно верному пути — отступлению. «Оглушенный воплями толпы, неистово требовавшей боя, он сохранил армию ради спасения России».

Не умаляя достоинств великого Кутузова, мы должны сказать, что результатам Бородинского сражения Россия во многом обязана и Барклаю де Толли. На военном совете в Филях именно Барклай де Толли, во многом жертвуя своим именем, предложил единственно правильный путь спасения армии — оставление Москвы без боя.

Обреченный на злословие, гонения и немилость, уволенный от сохраненной им армии, находясь в опале, он остался верен себе, терпеливо перенося неоправданные укоры и упреки. Как истинный патриот, отбросив горечи и обиды, он снова оказался в действующей армии, а после кончины Кутузова возглавил русскую и прусскую армии в борьбе против Наполеона.

Полководческий талант его проявился во всем великолепии. Именно войска, предводительствуемые Барклаем де Толли, сыграли решающую роль в Битве народов под Лейпцигом; они же первыми вышли к Парижу и во многом предопределили капитуляцию наполеоновской Франции.

Неслучайно Наполеон называл его «лучшим среди генералов русского царя». Полководец «с самым благородным, независимым характером, геройски храбрый, благодушный и в высшей степени честный и бескорыстный», — писал о нем декабрист М. А. Фонвизин. «Полководец, оказавший России бессмертные заслуги», — вторил ему другой декабрист, Д. В. Давыдов. «Он был, бесспорно, лучший генерал Александра, непритязательный, настойчивый, решительный и полный здравого смысла», — писал о нем же Ф. Энгельс.

Безусловно, заслуги фельдмаршала Михаила Богдановича перед Россией и потомками велики. Имя его вслед за Кутузовым золотыми буквами начертано на скрижалях истории Отечественной войны 1812 года.

Он принадлежал к когорте передовых представителей русского военного искусства, в основе которого лежала суворовская наука побеждать. Один из главных факторов достижения победы в бою, сражении, в битве и в войне он видел в человеке, и прежде всего в русском солдате, «лучшем в мире».

Да, он был во многом противоположностью Суворову и Кутузову. Высокого роста, худощав, важен и молчалив. Не вполне владея русским языком, в отличие от них, он лишен был дара красноречия. К тому же нерусская его фамилия...

Однако мужество и хладнокровие его были беспредельны. В критические минуты сражения его аналитический ум выдавал единственно правильные решения, которые он осуществлял с величайшей решимостью. В действиях его теория и практика находили великолепное сочетание. И безраздельная преданность своему долгу — в служении России.

Между тем дискуссия «о мере виновности Барклая», начавшаяся еще в первые дни Отечественной войны, продолжалась. Принимавший в ней участие Александр Сергеевич Пушкин, обвиняемый в «идеализации образа Барклая», писал: «Неужели должны мы быть неблагодарны к заслугам Барклая де Толли, потому что Кутузов велик?»

И он же, но в стихотворной форме:

О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и умиленье!

Сам же Михаил Богданович в трудные дни жизни, в минуты отчаяния, скорби и лишений произнес замечательные слова: «Я надеюсь, что беспристрастное потомство произнесет суд свой с большей справедливостью».

Часть вторая «Ты встал — и спас» Михаил Кутузов

Глава I «Великим генералом будет»

В Санкт-Петербурге 16 сентября 1745 года в семье сподвижника Петра I генерала Иллариона Матвеевича Голенищева-Кутузова родился сын Михаил.

Род Кутузовых, внесенный в I, II, III и IV книги дворян Новгородской, Псковской, Рязанской и Тверской губерний, был известен в России с давних времен. Предки их были боярами и окольными — командовали полками, возглавляли приказы, сидели в Боярской думе.

Прослужив более тридцати лет в инженерных войсках, Илларион Матвеевич вышел в отставку в чине генерал-поручика и трудился на гражданском поприще. По его проектам возводились в столице мосты и различные здания. Еще в правление Елизаветы Петровны для спасения города от наводнений им был создан проект канала. Проект осуществили в 1760–1790-х годах. И. М. Голенищеву-Кутузову была пожалована «золотая табакерка, осыпанная бриллиантами», канал же был назван по имени императрицы Екатерининским (с 1923 года — канал Грибоедова). Заняв пост сенатора, Голенищев-Кутузов обнаружил незаурядные способности государственного деятеля. Всякое важное дело в Сенате считалось окончательно решенным лишь после того, как Илларион Матвеевич, рассмотрев его, «сказывал на оное свое мнение». В трудных обстоятельствах многие шли за советом к нему, отчего и прозван был он «Разумной книгой». Жена его (в девичестве Беклемишева) вскоре после рождения сына Михаила умерла, и детство ребенка не было согрето материнской лаской.

Отец постоянно отсутствовал, то находясь в походах, то занятый строительством оборонительных сооружений.

Воспитанием Михаила в отсутствие отца занималась бабушка со стороны матери (происходившая из рода Бедринских). Ее заботами мальчик рос здоровым, «уже в младенчестве подавая о себе прекрасные надежды, являя сложение крепкое и совершенную дородность».

Глубокий след в его воспитании оставил ближайший родственник — двоюродный брат отца адмирал Иван Логинович Голенищев-Кутузов. Выпускник Морского кадетского корпуса, он в течение сорока лет бесменно руководил этим единственным военно-морским учебным заведением России. Начав свою службу с младшего офицера флота, закончил ее Иван Логинович в чине президента Адмиралтейской коллегии. Это был энергичный, всесторонне образованный человек. В 1765 году его избирают депутатом Торопецкого дворянства для составления проекта обновленного Соборного уложения. Он же — член комиссии российских флотов, генерал-казначей, учитель «морских наук» цесаревича Павла, автор первой истории российского флота — «Собрания списков, содержащих имена всех служивших в Российском флоте флагманов, обер-сюрвейеров и корабельных мастеров», один из составителей первого толкового словаря русского языка, переводчик известного труда П. Госта «Искусство военных флотов» и антиклерикального философского романа Вольтера «Задиг или Судьба». В 1783 году Иван Логинович становится членом Российской академии.

Для своего племянника, оставшегося без матери и редко видевшего отца, адмирал оказался самым близким человеком: покровителем в детстве и руководителем в юности, наставником в молодости, советчиком и верным другом в зрелые годы.

От Ивана Логиновича мальчик узнал, что род Кутузовых происходит из славян, обитавших в древние времена на западе от Вислы. Спасаясь от притеснений со стороны крестоносцев, предок их «честных правил и примерного поведения муж по имени Гавриил» в середине XIII столетия «явился к великому князю Александру Ярославичу (Невскому), был принят весьма милостиво и помещен... в число воевод и бояр сего воинственного государя». Участвуя в 1240 году в знаменитой битве со шведами при Ижоре, Гавриил показал отвагу и воинские способности. В пылу боя, ворвавшись на боевом коне во вражеский стан, он нещадно разил супостатов. Юноша Кутузов не один раз бывал на месте бывшего сражения, в Усть-Ижоре (в 1957 году по инициативе военной общественности Ленинграда там установлена гранитная стела, напоминающая о замечательной победе русского народа).

В старину людям присваивались прозвища по наиболее ярким чертам их облика, характера, манеры поведения. Так, праправнук Гавриила Федор Александрович, возможно, за дородность свою был прозван Кутузом. Отсюда и пошла фамилия. Сын Федора боярин Василий в 1447 году послан был великим князем Василием Темным к князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке для убеждения «отпустить мать его великую княгиню Софью, которую сей последний, по взятии Москвы во время бегства своего в Каргополь, захватил в Чухломе». «Сие дипломатическое препоручение боярин Василий Кутузов выполнил с желаемым успехом». Позднее волею царя Ивана Грозного дочь Андрея Кутузова (потомка Федора) Мария была выдана замуж за казанского царя Симеона. У Федора Александровича был также брат Ананий, сына которого — Василия прозвали в просторечье Голенищем. Так в фамилии Кутузовых образовалась новая ветвь — Голенищевых-Кутузовых, которые также с немалым успехом исполняли разные государевы службы. Многие из них были оружничими — заведовали оружейной

казной, арсеналом, а также полковыми и осадными воеводами. Дед же Михаила — Матвей Иванович Голенищев-Кутузов — в смутные времена самозванцев оказал «немаловажные услуги отечеству».

В семье Кутузовых чтили память Петра I. Мальчик с интересом слушал рассказы о славных победах войска российского на суше и на море, о героических свершениях великих предков.

Еще в детстве, хорошо овладев французским и немецким языками, Михаил пристрастился к чтению, пользуясь прекрасной библиотекой дяди. В его доме, находившемся на территории Морского кадетского корпуса (ныне здесь, на набережной Лейтенанта Шмидта, 17, расположены здания Высшего военно-морского училища Министерства обороны), он часто видел ученых и писателей, передовых офицеров корпуса сухопутных войск и флота.

Находясь постоянно в обществе высокообразованных людей, мальчик быстро развивался. При том он был столь любознателен, что готов был целый день расспрашивать взрослых, подчас задавая такие вопросы, ответить на которые было непросто.

Генерал и адмирал Голенищевы-Кутузовы готовили сына и племянника к военной службе. Необходимое образование в ту пору можно было получить в Сухопутном или Морском кадетских корпусах, да в Артиллерийской или Инженерной школах.

Выбор пал на последнюю. По-видимому, сказалась семейная традиция. Еще в 1737 году эту школу окончил Илларион Матвеевич. Двадцать лет спустя воспитанником Инженерной школы стал его сын Михаил.

Основанная в 1712 году Петром I в Москве и переведенная в 1733 году в Петербург, «дабы быть под непосредственным надзором» царя, школа разместилась в Инженерном дворе на Городовом острове. Она расположилась на набережной реки Ждановки, в строениях, ранее принадлежавших графу Миниху (ныне здесь, на набережной Ждановки, 13, размещена Военная академия имени А. Ф. Можайского Министерства обороны).

Школа являлась средоточием русской военно-инженерной мысли. Воспитанники ее получали основательные по тем временам знания и впоследствии успешно возглавляли строительство оборонительных сооружений и каналов. Они же внесли немалый вклад в разведку и освоение природных богатств Урала и Сибири.

К моменту поступления Михаила Кутузова в школу это было военно-учебное заведение закрытого типа, мало отличавшееся от кадетских корпусов. Различными были сроки обучения, определенные четырьмя-шестью годами (против пятнадцати в кадетских корпусах), да состав воспитанников, представленный в основном офицерскими детьми и детьми незнатных дворян.

С приходом к руководству школой инженер-капитана М. И. Мордвинова, при шефстве прадеда А. С. Пушкина генерал-майора А. П. Ганнибала, состояние дел в учебном заведении изменилось к лучшему. Появились новые учебники, больше внимания стало уделяться практике, улучшились общий порядок, оборудование рекреаций, организованность и особенно дисциплина. Молодых людей «стали содержать весьма строго и за проступки „штрафовать фуктель“» — наказывать шомполами, а позднее розгами. В основе обучения лежали инженерное дело и фортификация. Много внимания отводилось общему образованию. Преподавались алгебра, геометрия, тригонометрия, физика, словесность, история, география, иностранные языки и богословие.

Для учеников школы была определена форма одежды: красный суконный

сюртук с черными плисовыми воротником и обшлагами, черные штаны и шляпа с бантом.

Заниматься «чистой инженерией» Кутузову, однако, пришлось недолго. Назначенный к руководству учебными заведениями генерал-фельдцейхмейстер граф П. И. Шувалов составил проект преобразования школы в Артиллерийско-инженерный кадетский корпус, но «по недостатку средств» предложил Инженерную школу объединить с артиллерийской в одну, под свою личную «особую дирекцию». С 1758 года учебное заведение стало именоваться Объединенной Артиллерийской и инженерной школой, преобразованной позднее во Второй кадетский корпус. Артиллерийская школа при этом была переведена с Литейного двора на Инженерный.

В программу обучения были внесены существенные коррективы. Большое внимание стали уделять артиллерии и тактике. Особое внимание по-прежнему уделялось изучению точных наук как основ познания артиллерийского и инженерного дела.

На преподавательскую работу в школу были привлечены лучшие по тому времени специалисты: известный артиллерист И. А. Вельяшев-Волынцев — автор труда «Артиллерийские предложения» и не менее известный математик Я. П. Козельский — автор книг «Математические предложения» и «Механические предложения». Воспитанники школы к тому же имели возможность слушать лекции «великого мужа» Михаила Ломоносова.

В часы, свободные от службы, давал уроки сыну и сам генерал Кутузов, строго оценивавший знания подростка.

Учение давалось Михаилу легко. То, что другие постигали за неделю, он осваивал за два-три дня. Посвящая все свободное время чтению книг в хорошо укомплектованной библиотеке школы, многое он изучил в объеме гораздо большем, чем предусматривалось программой. Обладая склонностью к точным наукам, Кутузов отлично изучил математику, фортификацию, артиллерию и инженерное дело. Однако он хорошо познакомился и с философией, отлично знал историю и словесность, интересовался науками юридическими и общественными, отменно владел французским и немецким языками, позднее изучил польский и английский, мог объясняться по-шведски и по-турецки, знал латынь.

Но детство есть детство, и двенадцатилетний мальчик вместе со своими сверстниками участвовал в потасовках с «враждующим станом» — кадетами Шляхетского корпуса, презрительно именуемыми «красной говядиной». Впрочем, прозвища — Голенище — не избежал и Кутузов.

Крепко сложенный, красивый, общительный, способный, смелый и «оборотистый на язык» юноша вскоре был замечен учителями. Особую благосклонность к нему проявил полковник М. И. Мордвинов — помощник Шувалова по Объединенной артиллерийской и инженерной школе, практически руководивший ею.

Именно он обратил внимание Шувалова на способного воспитанника. В течение 1759 года Михаила Кутузова производят в «артиллерии капралы», в «артиллерии каптенармусы» и, наконец, приказом генерал-фельдцейхмейстера Шувалова от 10 декабря того же года: «...каптенармус Михаил Кутузов за его особенную прилежность и в языках и в математике знания, а паче что принадлежит до инженера имеет склонность, в поощрении прочим, сего числа произведен мною в инженерный корпус первого класса кондуктором <...> Кутузову, сей кондукторский чин объявля, в верности службы привесть к присяге

и оставить по-прежнему при школе, к вспоможению офицерам для обучения прочих».

Таким образом, курс обучения в школе был завершен Кутузовым досрочно — всего за два года. При этом четырнадцатилетний подросток из учеников переходит сразу в учителя.

Полтора года Михаил Кутузов ведет занятия по арифметике и геометрии. Судя по всему, дела его идут неплохо, поскольку в январе 1761 года его производят в первый офицерский чин. Пользуясь большей самостоятельностью, он по-прежнему старательно пополняет свои знания.

Казалось бы, все складывалось как нельзя лучше. Однако полный энергии молодой человек, желая на деле применить полученные знания, стремится в войска.

В марте 1761 года он уже командир роты Астраханского пехотного полка. Есть основания полагать, что к определению шестнадцатилетнего прапорщика Кутузова в Астраханский полк был причастен его дядя Иван Логинович. Полк находился неподалеку от Петербурга, в Старой Ладоге. В числе других полков «астраханцы» привлекались к несению караульной службы в столице, что давало Ивану Логиновичу возможность по-прежнему влиять на юношу.

К огорчению адмирала, планы его оказались маловыполнимы. Юному командиру роты было не до наездов в Петербург. В тех же редких случаях, когда удавалось это сделать, юноша с увлечением рассказывал о полковых делах. Михаила поражали личность командира полка Александра Васильевича Суворова, его приемы обучения тактике боя, манера обхождения с подчиненными, отношение к обмундированию и внешнему виду солдат. Получалось, что неперменные атрибуты — косы, букли и пудра — интересовали полковника мало, впрочем, как и плац-парадная муштра. Зато в нарушение существовавших артикулов солдаты-«астраханцы» совершали марши на расстояния значительно большие, чем предусматривалось суточным переходом. Погода, время года и суток во внимание не принимались. Полк с ходу искусно бросался на «неприятеля» и столь же искусно при необходимости ретировался. Умело поражал огнем «противника» в рассыпном строю и встречал оцетинившимися штыками каре его «кавалерию», а затем с ружьями наперевес шел в «штыковую атаку», не останавливаясь, как было принято, перед «супостатом», а непременно «преодолевая» всю глубину его линейного построения.

Суворовские солдаты, поставив в тылу «оборонявшихся войск» лукошки с овсом, приучали лошадей под холостую стрельбу преодолевать сопротивление «вражеской пехоты», дабы добраться до лакомства.

При этом полковой командир совершал марши вместе с солдатами, ел из общего котла и спал по-солдатски, завернувшись в шинель. Освободившись, полковник с букварем под мышкой спешил в созданную им же школу обучать грамоте солдатских детей.

С командованием ротой прапорщик Михаил Кутузов справлялся хорошо. В отличие от многих офицеров, числившихся в полку лишь по списку, он всегда был на месте, много сил отдавая обучению подчиненных, и сам познавал нелегкую солдатскую жизнь.

Постигая суворовскую «науку побеждать», Кутузов стал одним из лучших учеников полководца.

Служба в Астраханском полку прервалась совершенно неожиданно. Во время одного из смотров на молодого, расторопного и хорошо обученного

офицера обратила внимание императрица Екатерина. Повелением императора Петра III в марте 1762 года Кутузова назначили флигель-адъютантом к родственнику царской фамилии ревельскому военному губернатору принцу Гольштейн-Бегскому. В Ревеле Михаил Кутузов заведует канцелярией, выполняя различные поручения, часто ездит в Петербург. Однако придворная служба тяготит его. Заприметив это, практичная императрица однажды спросила: «Не желает ли молодой человек отличиться на поле чести?» — «С большим удовольствием, всемилостивейшая государыня!» — ответил воспрянувший духом юноша.

В 1764 году Кутузов в составе русских войск находится в Польше. Шляхетская Речь Посполитая, раздираемая классовыми и национальными противоречиями, пребывала в ту пору в состоянии глубокого кризиса. Это давало возможность Австрии, Пруссии и России постоянно вмешиваться во внутренние дела государства. Участие в польских событиях 1764 года было малозначимым для военной биографии молодого офицера. В 1767 году он снова оказался в столице.

Екатерина II к тому времени решила заменить устаревшее законодательство — Соборное уложение 1649 года — обновленным.

Необходимость этого объяснялась изменениями в социально-экономическом развитии страны, борьбой крепостных крестьян против засилья помещиков и обострением сословных противоречий, усилившихся в связи с выходом на арену истории буржуазии. Составление нового уложения было поручено комиссии из 573 депутатов. Для изучения поступивших наказов и прошений «о нуждах и отягощениях», для записей выступлений на заседаниях и подготовки проектов новых положений было образовано девятнадцать подкомиссий. В числе немногих военнослужащих, привлеченных к работе в подкомиссиях, был и капитан Михайло Голенищев-Кутузов. Кутузову в течение двух лет пришлось трудиться в юстицкой подкомиссии. За это время им было составлено множество различных документов и запротоколировано одиннадцать заседаний. Находясь в комиссии, он оказался в гуще социальной, экономической и политической жизни страны. В наказах избирателей и выступлениях депутатов со всей остротой обнажились противоречия эпохи: дворянство боролось с зародившейся буржуазией за сохранение своего привилегированного положения в обществе; купечество ратовало за протекционизм в торговле; отстаивали свои права духовенство и казачество. Не слышно было только голоса крепостного крестьянства, лишенного избирательных прав.

Критика крепостного права не была для Кутузова чем-то новым. Разговоры на эту тему велись нередко, особенно в кругу учителей Артиллерийско-инженерной школы. Поражало другое. Теперь один из них, Яков Козельский, будучи депутатом по составлению нового Соборного уложения, изобличал крепостную систему публично.

Здесь же, в юстицкой подкомиссии, Кутузов познакомился и подружился с молодым человеком передовых убеждений Николаем Новиковым, будущим известным русским просветителем.

Новому Соборному уложению, однако, не суждено было увидеть свет. Напуганное революционными событиями на Западе и участвовавшими крестьянскими бунтами, опасавшееся дворянской оппозиции, правительство прекратило дальнейшую работу по его составлению. И тем не менее двухлетнее пребывание в составе комиссии оставило глубокий след в душе молодого

офицера. Кутузов познал расстановку социальных сил в России, ее политическую и экономическую жизнь.

Часто бывая у дядюшки, Михаил сблизился с Екатериной Бибиковой. Оставшись рано без матери, девочка оказалась под покровительством своей старшей сестры Авдотьи Ильиничны — жены Ивана Логиновича. Тонкая, изящная, черноглазая, экспансивная Катюша пленила молодого человека.

В 1769 году, в связи с роспуском комиссии, Михаил Кутузов снова направляется в Польшу. А еще через год в Бессарабской армии фельдмаршала П. А. Румянцева оказались вместе отец и сын Кутузовы.

Россия уже в течение двух лет вела войну с Турцией за выход к портам Черноморского побережья. Кутузов-младший получил опыт штабной работы в войсках Баура и Эссена. Здесь же произошел случай, наложивший глубокий отпечаток на характер будущего полководца.

С общительным и открытым нравом, с чувством юмора Кутузов соединял удивительную черту — способность к подражанию. В веселую минуту он искусно изображал окружающих мимикой, жестами, выговором, походкой и повадками, что вызывало смех друзей. На одной из офицерских вечеринок не пощадил он и главнокомандующего, представив Румянцева в смешном виде. Кто-то донес об этом. Разгневанный фельдмаршал приказал Кутузова-младшего из армии удалить. Заступничество отца не помогло. Состоялась длительная и довольно неприятная беседа его с Михаилом, суть которой свелась не только к житейскому «умей держать язык за зубами», но и к выводу — «умей владеть собой». С тех пор, как свидетельствуют очевидцы, Кутузов стал «сдерживать порывы своего остроумия», в характере его появилась даже скрытность.

Со временем он приобрел дипломатический опыт и умение узнавать у собеседника все, что было ему нужно, тогда как собеседник не мог выведать у Кутузова ничего. Будучи известным генералом, Кутузов говорил: «Подушка, на которой спит полководец, и та не должна знать его мыслей».

В 1772 году майор Михайло Голенищев-Кутузов был переведен в Крым, в действующую армию генерал-аншефа М. В. Долгорукова.

Это был период взросления молодого офицера и раскрытия его военных дарований. Лучший из учеников Суворова поражает всех своей сообразительностью, находчивостью и храбростью, что не остается незамеченным не только соратниками, но и Петербургом.

Летом и осенью 1774 года о подполковнике Михаиле Кутузове в столичных салонах говорили много и взволнованно. 5 июля, возглавив атаку гренадер у деревни Шумы (неподалеку от Алушты, в Крыму) он был тяжело ранен. Пуля, ударив в левый висок, вылетела у правого глаза или, как было сказано в формуляре: «Был ранен пулей навывлет в голову позади глаз». Врачи единодушно приговорили раненого к смерти, сожалея лишь о его страданиях. Однако Кутузов, ко всеобщему удивлению, начал понемногу поправляться и в конце года был уже в Петербурге, вызывая к себе всеобщий интерес. О Кутузове появились статьи в газетах и медицинских журналах. Позже поэт Гаврила Романович Державин посвятил Кутузову оду «На парение орла», где есть такие слова:

...смерть сквозь главу его промчалась.
Но жизнь его цела осталась!

Интерес к Кутузову проявила и императрица. Известно, что она несколько

раз приглашала его в Зимний и подолгу беседовала с ним. Проницательная и хорошо разбиравшаяся в людях, она заявила: «Кутузова беречь надобно. Он у меня великим генералом будет».

В январе 1775 года по указу императрицы Михаил Илларионович отправляется на год за границу для лечения ран, с сохранением жалованья и дополнительной выдачей из казны тысячи червонцев. Еще до отъезда из Петербурга подполковник получил здесь свою первую боевую награду — орден Святого Георгия IV класса.

Находясь за границей, Кутузов оставался верен себе. Одновременно с лечением внимательно знакомился он с военным искусством западных стран. В 1776 году возвратился в Петербург.

В столице судьба снова свела его теперь уже с генералом Александром Васильевичем Суворовым. Михаилу Илларионовичу предстояло выехать в Таврию в качестве его помощника.

Положение в Крыму к тому времени стало довольно напряженным. Победа в минувшей войне не разрешила окончательно черноморскую проблему. Несмотря на то что Крым был объявлен независимым от Турции, последняя, опираясь на татарскую знать и своего ставленника Давлет-Гирея, стремилась снова овладеть им.

Суворов и Кутузов вместе выехали из Петербурга на юг, «дабы окончить политикою дело, начатое оружием». Люди с противоположными характерами, но общими взглядами на «порядок вещей», именно тогда они сблизились и подружились, оставшись единомышленниками на всю жизнь.

Деятельностью Кутузова в Крыму Петербург был доволен. Решительный и энергичный в «рассеянии скопищ» Давлет-Гирея — ставленника турецкого султана, — Кутузов в то же время с удивительным тактом и ловкостью в обращении способствовал объявлению лояльного к России Шагинь-Гирея крымским ханом и переселению греков и армян в Екатеринославскую губернию и установлению общего спокойствия.

Пребывание на юге на этот раз оказалось более длительным. Кутузов прошел все должности от командира полка до командира корпуса. Рескриптами из Петербурга он получает воинские звания: полковника, бригадира и генерал-майора. Его связи с Петербургом весьма оживленные, подтверждение чему — переписка, частые наезды в столицу и, наконец, весьма важное событие в личной жизни.

9 мая 1778 года Михаил Илларионович вступает в брак с дочерью генерал-поручика Ильи Александровича Бибикова — Екатериной. Екатерина Ильинична, несмотря на столь ужасное ранение ее будущего мужа, по-прежнему любила его. Любила всю жизнь, перенося трудности и невзгоды. Любила за ум, доброту, бескорыстие и великодушие. Любила за трудную солдатскую судьбу и великое мужество, за готовность полностью отдать себя служению отечеству.

Женитьбой на Бибиковой родственные связи Кутузовых с семьей Ивана Логиновича упрочились еще более.

Екатерина Ильинична, по словам современников, была женщиной привлекательной, образованной, хорошо знавшей музыку, искусство и литературу. В молодые годы она часто сопровождала мужа в походах и делила с ним тяготы солдатской жизни.

В период командования Луганским полком Кутузов приобрел еще одного большого друга. Судьба свела его с дальним родственником — Алексеем

Михайловичем Кутузовым, человеком широкого кругозора и прогрессивных взглядов. Алексей Михайлович был приятелем и единомышленником писателя-революционера Александра Николаевича Радищева.

Позднее петербургские события «с преданием анафеме» сочинения «Путешествие из Петербурга в Москву» немало взволновали супругов. Ведь книгу свою Радищев посвятил Алексею Михайловичу Кутузову.

В последующем Екатерине Ильиничне становилось все труднее навещать мужа, находившегося постоянно в отъезде. Мешали не столько лета, сколько семейные обязанности: у Кутузовых было пять дочерей — Елизавета, Дарья, Прасковья, Анна, Екатерина — и сын Николай.

Приходилось жить в постоянном ожидании приезда супруга то в отпуск, то по подвернувшейся okazji. Впрочем, случались и внеочередные отпуска. В сентябре 1784 года Кутузов приезжает на месяц в столицу в связи со смертью отца. Илларион Матвеевич, оставив пост сенатора «за приключившейся болезнью», скончался в своем имении — селе Тупино Торопецкого уезда Псковской губернии. Отслужив молебен в церкви Христова Воскресения, построенной отцом в Теребинском приходе, побывав на родительской могиле, Михаил Илларионович прибыл в Петербург.

Канцелярская волокита и бюрократизм, связанные с разделом наследства, а также бездорожье, вызванное непрерывными осенними дождями, которое вынуждало его обращаться с нижайшей просьбой в военное ведомство о продлении отпуска, делали пребывание в Петербурге на сей раз тягостным, несмотря на желанную встречу с семьей.

Из наследства Михаилу Илларионовичу отошли имения в Псковском и Екатеринославском наместничествах, «мужска полу 450 душ». Остальное получили брат Семен и сестра Дарья.

Между тем служба в войсках продолжалась. Вскоре о Кутузове снова стали говорить в петербургских кругах как о весьма способном генерале. Причиной тому были не только его военные дарования, но и исключительное обаяние, выдержанность и такт. К тому же петербургская знать не могла не заметить явно благосклонного отношения к нему императрицы. Путешествуя по югу России, Екатерина II не только собственноручно вручила генералу орден Святого Владимира II степени, но и отчитала его, прискакавшего на горячем коне: «Вы должны беречь себя. Запрещаю вам ездить на бешеных лошадях и никогда не прощу, если услышу, что вы не выполняете моего приказа».

Выказывая опасение, Екатерина II оказалась права. Во вновь начавшейся русско-турецкой войне в бою у крепости Очаков 29 апреля 1787 года Михаил Илларионович был снова тяжело ранен. Пуля, ударив в левый висок, прошла по пути своей предшественницы, выйдя у правого глаза.

Случай был уникальным. История войн не сохранила нам сведений о подобном. Очевидец столь опасного для жизни ранения принц де Линь писал: «Вчера опять прострелили голову Кутузова. Я полагаю, что завтра он умрет».

Новое, столь же опасное и необычное ранение не осталось незамеченным в Петербурге. Все были поражены и ожидали скорого конца. Обеспокоенная императрица трижды обращается к главнокомандующему князю Потемкину. 11 сентября: «Отпиши, каков Кутузов? Как он ранен, и от меня прикажи наведываться». 29 сентября: «Пошли, пожалуйста, от меня наведываться, каков генерал-майор Кутузов. Я весьма жалею о его ранах...» А 18 ноября вновь обращается к Потемкину: «...отпиши ко мне... каков генерал Кутузов».

Родственники Кутузова и семья пребывали в скорби и страхе за его жизнь.

Кутузов снова оказался на грани смерти и снова победил ее. Обратимся и на этот раз к записи в формуляре: «...сей опасный сквозной прорыв нежнейших частей и самых важных, по положению височных костей, глазных мышц, зрительных нервов, мимо которых на волосок... пролетела пуля, и мимо самого мозга... не оставя других последствий, как только, что один глаз несколько скосило». (Впоследствии правый глаз Кутузова стал постепенно угасать и наконец совсем потерял способность различать предметы.)

В особое изумление был повергнут медицинский мир. К сожалению, он оказался бессильным объяснить что-либо. Врач писал в своем заключении: «Надобно думать, что провидение сохраняет этого человека для чего-нибудь необыкновенного, потому что он исцелился от двух ран, из коих каждая смертельна». В медицинском же журнале по этому поводу говорилось: «Если бы случай, подобный этому, дошел до нас из истории, то мы приняли бы его за сказку».

Тем временем Кутузов, быстро оправившись от раны, принимает участие в штурме Очакова, начальствует над войсками, охранявшими турецкую и польскую границы, участвует в сражении за Гаджибей (с 1795 года — Одесса).

Осенью 1790 года он находится в составе войск, осаждающих крепость Измаил, борьба за которую приобрела исключительно важное значение. Вскоре в Петербурге стало известно, что решающая роль в овладении крепостью принадлежала колонне войск, которой командовал Кутузов. Все были чрезвычайно удивлены тем, что в самый критический момент, когда исход боя не был еще ясен, Суворов назначает Кутузова комендантом этой крепости. Когда после боя Кутузов обратился к Суворову с вопросом: «Что значило это назначение?», Суворов ответил: «Ничего! Голенищев-Кутузов знает Суворова, а Суворов знает Голенищева-Кутузова. Если бы не взяли Измаил, Суворов умер бы под его стенами, и Голенищев-Кутузов тоже». «Он шел у меня на левом крыле, но был моей правой рукой», — напишет затем Суворов о Кутузове в Петербург.

Сам же Кутузов в письме Екатерине Ильиничне в Петербург о событиях измаильских сообщал: «...Я, слава богу, здоров и вчера к тебе писал с Луценковым, что я не ранен и бог знает как. Век не увижу такого дела. Волосы дыбом становятся. Вчерашний день до вечера я был очень весел, видя себя живого и такой страшный город в наших руках, а ввечеру приехал домой, как в пустыню. Иван Ст. и Глебов, которые у меня жили, убиты, кого в лагере не спрошу, либо умер, либо умирает. Сердце у меня облилось кровью, и залился слезами».

5 апреля 1791 года в Петербурге Екатерина Ильинична принимала поздравления по поводу присвоения ее мужу воинского звания генерал-поручика.

Затем были не менее ожесточенные бои при Бабадаге, о чем Г. А. Потемкин писал в Петербург: «...что касается до дела Бабадагского, то, не имея еще подробного о сем сражении рапорта, осмеливаюсь только просить о награждении командовавшего корпусом генерал-поручика Голенищева-Кутузова орденом Святого Александра». А несколько позже русская армия внезапно появилась под крепостью Мачин и овладела ею. Колонне Кутузова и в этом сражении принадлежала главенствующая роль. И новая реляция в Петербург, на сей раз от генерал-аншефа Н. П. Репнина: «Расторопность и сообразительность генерала Голенищева-Кутузова превосходят всякую мою похвалу...»

В 1792 году Кутузов командует «главной частью русских войск» —

корпусом во второй польской войне (начавшейся по тем же причинам). И очередная реляция в Петербург от генерал-аншефа М. В. Каховского: «Сей генерал, находясь в команде моей... исполнял всегда порученное ему с таким усердием и ревностью, как долг того требует».

Небезынтересно отметить, что восторженные отзывы о Кутузове давали Долгоруков, Потемкин, Репнин, Суворов, Каховский — люди, часто не имевшие между собой согласия. Однако все они были удивительно единодушны в оценке выдающихся способностей этого генерала.

Екатерина II была довольна тем, что отзывы, получаемые царским двором о Кутузове, совпадали с ее собственным мнением о нем. Однако она видела в Кутузове не только отменного военачальника, но и высоко ценила его широкий ум, образованность, сдержанность, находчивость и такт. По-видимому, это и явилось основанием к появлению, казалось бы, совершенно неожиданного царского рескрипта, в котором говорилось о намерении отправить его «чрезвычайным и полномочным послом к Порте Оттоманской». Кутузов был вызван в столицу «для получения надлежащих наставлений». Осенью 1792 года Кутузов спешил в Петербург, заранее зная, что встреча с семьей будет нерадостной — Екатерина Ильинична сообщила ему прискорбную весть: умер от свирепствовавшей в тот год оспы их единственный сын Николай.

Но беда не приходит одна. По приезде в Петербург Кутузов получил еще одно печальное известие — о смерти Алексея Михайловича Кутузова.

Зиму 1792–1793 года Михаил Илларионович провел в столице. В ранге чрезвычайного и полномочного посла в Порте Оттоманской Кутузову предстояло выполнить сложные дипломатические поручения. Необходимо было вытеснить или, по крайней мере, уменьшить влияние Франции на Турцию и упрочить здесь положение России, обеспечить длительный мир между соседними государствами, проявляя «должную заботу о христианских народах Балкан, под игом варварским удрученных». Вместе с тем надлежало постоянно оценивать возможность новой войны с Турцией, поскольку определенные круги могли повлиять на султана, и «...представя ему силы турецкие во мнимой готовности, воспользоваться по личным видам своим первым случаем к разрыву с нами, маня его самолюбие надеждою возвратить области, оружием нашим завоеванные и многими договорами на вечные времена к империи нашей присоединенные», говорилось в инструкции послу.

Назначение боевого генерала на ответственный дипломатический пост вызвало немалые пересуды в столице. Видный дипломат В. П. Кочубей писал по этому поводу из Петербурга в Лондон посланнику С. Р. Воронцову: «Императрица вчера назначила генерал-лейтенанта Кутузова Михаила Ларионовича послом в Константинополь. Никто не ожидал подобного выбора, так как хотя человек он умный и храбрый генерал, но, однако, никогда его не видали использованным в делах политических».

Подготовка посольской миссии затянулась на четыре месяца. Часто бывая в Коллегии иностранных дел, в доме № 32 по Английской набережной, Кутузов тщательно ознакомился с расстановкой политических сил, состоянием экономики, культурой, особенностями быта и обычаями народов Оттоманской империи. Столь же тщательно были изучены инструкции поведения посла при возникновении тех или иных ситуаций, определенные рескриптом Екатерины II и специальной секретной инструкцией «по делам политическим».

Были также изучены верительные грамоты для вручения их султану Селиму III и великому визирю, а также письмо к нему от вице-канцлера И. А.

Остермана.

Немало хлопот доставил подбор членов посольской миссии, насчитывавшей 650 человек, и различных подарков: золотых и серебряных вещей, драгоценных камней, парчи, шелков и многого другого для подношений султану и его приближенным.

Особое внимание посла обращалось на необходимость строжайшего соблюдения установленного ритуала, однако не допуская при этом ни малейшего ущемления престижа Российской империи.

Деятельностью Кутузова-дипломата Петербург был доволен. Михаил Илларионович весьма быстро снискал расположение Селима III и его матери Валидэ, имевшей большое влияние на формирование внешней политики Турции. «...С султаном я в дружбе, то есть он при всяком случае допускает до меня похвалы и комплименты», — пишет Кутузов в Петербург. Доброжелательные отношения были установлены с великим визирем, с Капудан-пашой и другими высшими сановниками. Успех Кутузова в константинопольском обществе был несомненным. Его умение с достоинством и непринужденно держаться, изумительная способность быть внимательным, занять собеседника интересным разговором ценились очень высоко. Люди, знавшие Кутузова по его боевой деятельности, никак не могли поверить, что человек, «столь ужасный в баталиях, мог быть столь любезным в обществе».

Все были поражены тем, что «престарелый рейс-эффенди, которого никто не помнил улыбающимся, был весел и смеялся в обществе Кутузова».

Между тем, привлекая к себе людей и влияя на их умы, Кутузов успешно решал возложенные на него Петербургом дипломатические задачи. Недоразумения по некоторым статьям Ясского мирного договора были устранены. Молдавский господарь, выгнавший митрополита, был смещен, а митрополит возвращен «к пастве своей». Беспрепятственное плавание русских купеческих судов в водах архипелага было обеспечено договорными обязательствами Порты. Успех сопутствовал и заступничеству за господаря Валахии.

Разумеется, не все так легко давалось чрезвычайному и полномочному послу. Западные державы, не заинтересованные в упрочении мирных отношений между Россией и Турцией, пытались всячески этому препятствовать. Началось усиленное распространение слухов о скором намерении Турции вступить в войну против России, что должно было обострить отношения этих держав. Кутузов, используя свои наблюдения и опыт военного человека, категорически отверг это. «Безрассудно со стороны Порты предпринимать войну в нынешних обстоятельствах Европы, еще более в рассуждении ее собственных дел», — доносил он в Петербург.

В письме же к Екатерине Ильиничне о своей посольской миссии он сообщает: «Хлопот здесь множество, нету на свете министерского посту такого хлопотливого, как здесь, особливо в нынешних обстоятельствах, только все не так мудрено, как я думал... Дипломатическая карьера сколь ни плутовата, но, ей-богу, не так мудрена, как военная».

Между тем в Петербурге ходили анекдоты, прославляющие дипломатические способности русского посла. Суть одного из них состояла в том, что якобы Кутузов в нарушение строжайшего указа, запрещавшего под страхом смерти посещение султанского гарема, однажды посетил оный, несмотря на сопротивление стражи. Казалось бы, «нечестивца», грубо нарушившего вековые устои Востока, и стражу, не исполнившую своих

обязанностей, неминуемо ожидала суровая кара. Однако дипломатические способности Кутузова оказались и здесь настолько высоки, что Салим III вынужден был не только закрыть глаза на случившееся, но и поощрить стражников. Если в этом была какая-то доля истины, то Кутузов, по-видимому, хотел получить возможность «встретиться» с матерью султана — Валидэ, имевшей на сына большое влияние, и показать дипломатам, аккредитованным в Константинополе, возросший авторитет России. Любого другого правителя Порты в этом случае без тени смущения отправили бы в «семибашенный замок», снискавший печальную славу.

Успешно выполнив дипломатическую миссию, Кутузов получил в марте 1794 года «отпускную аудиенцию у султана» и в июле возвратился в Петербург.

Перед царским двором предстал не только талантливый генерал, но и блестящий дипломат.

Глава II

Директор кадетского корпуса

В сентябре 1794 года Петербург был потрясен. Еще бы! На должность директора Сухопутного шляхетского кадетского корпуса — должность, занимаемую доселе представителями августейшей фамилии или приближенными ко двору (Миних, Люберас, Ульрих, Гессен, Пурпур де Больмант и Ангальдт), назначался небогатый, далекий от двора генерал М. И. Кутузов.

Удивление удивлением, однако именной указ императрицы Правительствующему Сенату от 27 сентября 1794 года повелевал генерал-поручику Михаилу Голенищеву-Кутузову быть главным директором Сухопутного кадетского корпуса.

Михаилу Илларионовичу предстояла сложная работа. Чтобы уяснить это, необходимо иметь представление о кадетском корпусе, в должность руководителя которого он назначался.

Образование кадетских корпусов в России связано с именем Павла Ягужинского. Сын школьного учителя познакомился с юным Петром при посещении им Немецкой слободы в Москве. Начав свою службу императорским денщиком, он дослужился до чина генерал-прокурора, «являя око государево».

Умный сановник, он в царствование Анны Иоанновны не только выдержал борьбу со всеильным Бироном, но и возглавлял наиболее важные дипломатические миссии в столицах иноземных государств. Быстро схватывая новое, Ягужинский умело предлагал императрице свои «прожекты».

Внимание его привлекли события в Копенгагене и в Берлине, где в начале XVIII века создавались кадетские корпуса. В 1730 году Ягужинский предлагает идею создания кадетских корпусов в России. Осуществление ее было возложено на президента Военной коллегии фельдмаршала Миниха.

Необходимость создания корпуса кадет вызывалась тем, что образованные ранее Петром I военные школы по числу выпускаемых специалистов не удовлетворяли потребностей увеличивающейся армии. К тому же установленный после Петра порядок записи дворянских детей в полки с пеленок вел к появлению в войсках огромного количества «мнимых офицерских душ». Все это вместе с отменой петровских правил о выдвижении на офицерские должности лиц недворянского происхождения создавало ощутимую нехватку хорошо подготовленных командиров. Вот почему в

императорском указе Сенату от 29 июня 1731 года говорилось: «Хотя вечно достойный памяти дядя наш, государь Петр Великий, император, неусыпными своими трудами воинское дело в такое уже совершенное состояние привел... которое поныне еще в настоящем добром порядке содержится, однако ж, дабы такое славное и государству зело потребное дело наивяще в искусстве производилось, весьма нужно, дабы шляхетство от малых лет к тому в теории обучены, а потом и в практику годны были; того ради указали Мы: учредить корпус кадетов, состоящий из 200 человек шляхетских детей».

Корпус предназначался для подготовки дворянских детей не только для военной, но и для гражданской службы. Иными словами, по тем временам он являлся одновременно и военной академией, и университетом.

Местом нахождения учебного заведения был определен Петербург — политический, административный и культурный центр страны: «Понеже молодым людям для наилучшего их учения полезнее бывает в таких краях быть, где бы родства и деревень или жительства их в близости не имели, а особливо в таких местах, у которых сродники и сами иногда в науках мало охотны, или в них силу признать не хотят, того ради мнится оному корпусу кадетов быть в Санкт-Петербурге, понеже там они, как в определенной при академии наук гимназии в разных науках обучены быть, а также от академии самой и вящему их в науках успеху потребные способы получить могут, и сверх того в Санкт-Петербурге всегда знатное число войск, артиллерия и полный арсенал содержатся, а также и ежедневно гражданской и военной архитектуры строения открываются... не меньше же там и обхождению с разными иностранными нациями и к обучению их языкам больше и лучше случая имеется».

Шляхетский кадетский корпус решили разместить на Васильевском острове в бывшем Меншиковском дворце, где в ту пору «обреталась» Коллегия иностранных дел.

Однако дворянство не сразу оценило достоинства нового вида обучения, потому встретило царский указ без энтузиазма. Действительно, зачем нужно было русскому дворянину отдавать своего сына в кадеты для получения первого офицерского звания к двадцати годам? Не проще ли было получить то же звание к десяти-двенадцати летам, не имея представления о военной службе? Словом, потребовалось издание еще двух указов, энергично призывающих дворян записывать своих детей в кадеты. Для начала же императрице пришлось записать в корпус пажей скончавшейся незадолго до этого царевны Прасковьи и первой жены Петра I Евдокии Федоровны. 28 февраля 1732 года были определены в кадеты первые пятьдесят шесть человек. За пажами после усиленных приглашений последовали сыновья знати.

Вскоре с ростом авторитета кадетских корпусов обучение в них дворянских детей становится не только популярным, но и престижным. Особое значение имел петербургский корпус. Отсюда вышли известные полководцы П. А. Румянцев, М. В. Долгоруков, А. А. Прозоровский. Здесь пополнял свои военные знания молодой Александр Суворов. В корпусе учились будущие государственные мужи А. И. Мельгунов, А. В. Олсуфьев, литераторы А. П. Сумароков, М. М. Херасков, В. А. Озеров и другие.

Впрочем, корпус занимался подготовкой не только военных и штатских чиновников, но и актеров. В 1750 году в придворном театре кадетами корпуса была поставлена пьеса «Хорев». На следующий спектакль «Синав и Трувор» случайно попал пасынок ярославского купца Полушкика Федор Волков, на

которого театр произвел неизгладимое впечатление. В 1752 году братья Федор и Григорий Волковы вместе с группой придворных «неравнодушных к театру» были также определены воспитанниками корпуса. Здесь была создана театральная труппа под руководством выпускников Н. И. Меллиссино, И. Остервальда и И. С. Свистунова, которая стала первым учебно-театральным учреждением в России. А через четыре года в Петербурге был открыт Русский для представления трагедий и комедий театр. Труппа его была укомплектована выпускниками кадетского корпуса. Директором театра был назначен также воспитанник корпуса бригадир А. П. Сумароков. В том же году воспитанники корпуса братья Волковы создали первый русский общественный театр в Ярославле.

Для успешного руководства столь солидным учебным заведением требовались время, силы, энергия, жизненный опыт, педагогические дарования.

Назначение Кутузова на должность директора корпуса не было случайным. Многие помнили об успешном окончании им Артиллерийско-инженерной школы, где он был оставлен учителем, проявив уже тогда незаурядные способности педагога, а также опыт военачальника. Небезынтересно отметить, что в этот же период другим корпусом — Морским кадетским — продолжал руководить дядя Михаила Илларионовича адмирал Иван Логинович Голенищев-Кутузов. Кто-то из современников заметил, что «подготовка доблестного офицерства государства российского оказалась в руках рода Голенищевых-Кутузовых».

Есть все основания полагать, что царский указ не был для Кутузова неожиданностью. Уже на следующий день он приехал в кадетский корпус и вступил в новую должность. Этого нельзя сказать о руководстве корпусом, поскольку (как свидетельствуют документы) корпус к встрече нового директора практически не был готов. Впрочем, это можно объяснить и другим — общей запущенностью состояния дел в учебном заведении.

Как бы там ни было, 27 сентября 1794 года исполняющий обязанности директора корпуса генерал-майор Карл Петрович Ридингер готовился к встрече нового шефа. Михаил Илларионович не заставил себя долго ждать.

Карета Кутузова следовала по Дворцовой набережной от Гагаринской пристани к Исаакиевскому мосту, соединявшему берега Невы у Сенатской площади. Проезжая мимо пышного Зимнего дворца, любуясь набережной Васильевского острова и панорамой Петропавловской крепости, величественность которых подчеркивала широкая гладь Невы, генерал еще и еще раз обдумывал свои первые шаги в новой должности. Он и на сей раз был верен себе, полагая тщательную продуманность действий залогом успеха.

Вспоминая годы службы в Артиллерийско-инженерной школе, Михаил Илларионович снова и снова убеждался в особенности предстоящей работы. Ему, познавшему нелегкий труд учителя, было ясно, что отождествлять руководство корпусом с деятельностью командира невозможно.

Михаил Илларионович хорошо понимал и то, что в каждом деле есть свое главное, основное, чему должно быть подчинено все остальное, второстепенное. Этим главным для него сейчас стала подготовка офицеров для русской армии, способных решать великие задачи, к которым шла Россия на рубеже XVIII–XIX веков.

Генерала Кутузова, прибывшего к парадному подъезду Меншиковского дворца, встречал генерал Ридингер.

Перед несколько оробевшим Ридингером предстал вышедший из кареты

человек средних лет, плотного сложения, с лицом, отмеченным шрамами. Правый глаз его был прикрыт черной, идущей наискось под шляпу повязкой. Нарядный с золотыми позументами мундир и поблескивающие из-под плаща ордена подчеркивали официальность момента.

Вежливо поздоровавшись, Кутузов прошел в кабинет, где попросил исполняющего обязанности директора доложить о состоянии дел. Из доклада старательного службиста следовало, что в корпусе по состоянию на 27 сентября 1794 года по штату состоит шестьсот кадет. Кроме того, в штате имеются корпус чужестранных единоверцев и семьдесят мещанских детей для подготовки из них воспитателей. Сумма, отпускаемая казной на обучение и содержание воспитанников, составляет двести тысяч рублей в год. Обучаемые разделены на пять групп возрастов. Кадеты первого возраста находятся под женским надзором, остальные — под присмотром надзирателей-офицеров. Возрасты подразделяются на камеры, где также имеются воспитатели из гражданских лиц — аббаты. Обучение по предметам производится учителями. В помощь надзирателям, аббатам и учителям назначаются унтер-офицеры, которые избираются из числа кадет.

Прием в корпус производится каждые три года. Принимаются дети в возрасте пяти-шести лет. Перевод из одного возраста в другой происходит через три года. Срок обучения в корпусе — пятнадцать лет. Отпуска кадетам с выездом к родителям категорически запрещены, и в личном деле каждого на это имеется письменное согласие родителей.

Увольнение в городской отпуск — только по воскресеньям по пятнадцать-двадцать человек от возраста со строжайшим соблюдением установленной формы одежды и обязательным отданием чести не только офицерам, но и всем встречным знатным кавалерам и дамам.

Программа обучения предусматривает: 4-й класс — языки, арифметику; 3-й класс — математику, физику, грамматику, географию; 2-й класс — военное искусство, фортификацию, артиллерию, историю, риторику, юриспруденцию, мораль, геральдику и другие предметы. В первом классе полагается заниматься теми науками, в коих кадет показал «более склонности в прежних классах, дабы довольное и фундаментальное в военных науках искусство получить мог».

Один полный день в неделю отводится для эзерциций.

Экзамены — два раза в год в присутствии одного из сенаторов, одного профессора от Академии наук, а также представителей от Инженерного корпуса и Адмиралтейства. Раз в год проводится главный смотр с публичным экзаменом в присутствии императрицы.

Кадеты, окончившие с отличием четвертый возраст, получают серебряные медали, пятый — золотые. Окончившие с отличием весь курс могут путешествовать в течение трех лет за границей за счет казны. По окончании корпуса выпускники поступают на службу, в зависимости от поведения и успехов в науках, прапорщиками, подпрапорщиками и поручиками, в отдельных случаях — штатскими чинами.

Регламент дня предусматривал подъем кадет в пять часов утра. На туалет, построение, молитву отводилось тридцать минут. Тридцать минут — на завтрак, шесть часов — на занятия, два часа — на обед и отдых, еще два часа — на приготовление уроков. В семь часов — ужин, в девять — отбой. До ужина и после ужина до отбоя — свободное время.

В корпусе имелись учебные классы, камеры-спальни кадет, библиотека, лазарет, рекреационные залы, зал для свиданий с родителями, дом для

учителей, типография, музей, строевой плац, корпус для игры в мяч, луг для эзерциций, манеж, служебные и подсобные помещения. Церкви — греко-российская, евангелическая и католическая. Для содержания «экономии» (хозяйства) корпусу был пожалован ряд земель на Васильевском острове и вблизи Петербурга.

Гораздо менее уверенно Ридингер стал чувствовать себя, когда речь зашла о главном — о состоянии учебных дел. Однако и здесь тактичный, быстро схватывающий суть дела, умело прибегавший для справок к документам и ответам секретаря корпусного совета Ивана Кремпина Кутузов смог довольно быстро составить себе представление о делах. Картина при этом вырисовывалась неутешительная.

Более чем шестидесятилетняя деятельность первого в России военно-учебного заведения подобного типа была сопряжена с поисками принципов, форм и методов обучения и воспитания. Находясь в столице, корпус чутко реагировал и на перипетии бурной эпохи: смену царствующих особ, победы и поражения политических группировок, изменения политических воззрений. К моменту вступления Кутузова в должность главного директора корпус формально жил по уставу сподвижника Екатерины II И. И. Бецкого, пытавшегося применить на практике педагогические идеи французских просветителей. Система обучения в кадетском корпусе при нем отличалась энциклопедичностью и последовательностью. Преподавание в корпусе вели в то время многие из видных профессоров Академии наук. Вместе с тем вопросы военного обучения, дисциплины, порядка — основных атрибутов военно-учебного заведения — были преданы забвению. Кадет учили всему: астрономии, архитектуре, рисованию, танцам, красноречию, даже бухгалтерскому делу, однако они «не умели стрелять в цель, не были обучены штыковому бою и совершению маршей, имели смутное представление о боевых порядках... Это был светский университет, — писал В. Ключевский, — где преподают все, кроме того, что нужно офицеру».

Широко образованные и склонные к вольнодумству ученики кадетских корпусов оказывались неподготовленными к будущей военной службе.

После революционных событий на Западе, прекратив игру в либерализм, царское правительство признало систему Бецкого, желавшего содействовать прогрессу путем «воспитания нового человека», несостоятельной и отстранило его от дел.

Отказ от ранее существовавших принципов обучения при отсутствии созданных заново породил неразбериху.

Положение вновь назначенного директора корпуса осложнилось еще и тем, что предшественником его, руководившим в течение десяти лет учебным заведением, был граф Ангальдт. Сын наследного принца Дессауского и близкий родственник императрицы, Ангальдт начинал военную карьеру у прусского короля Фридриха II, участвовал в Семилетней войне, был ранен, затем перешел на русскую службу, продолжая при этом оставаться поклонником прежнего патрона. Свою приверженность Фридриху Ангальдт выказывал довольно странно. На потеху кадет он носил лишь одну шпору, объясняя это тем, что «однажды, спеша на вызов короля, второй шпоры надеть не мог. И вот в наказание за это всю жизнь решил ходить при одной шпоре».

Высокий, стройный, щеголь, он и дела кадетского корпуса вел, ориентируясь на внешний эффект, в ущерб главной задаче — обучению. Большую часть времени Ангальдт уделял украшению корпуса бюстами,

статуями, скульптурами, картинами и росписями. Именно в этот период стены корпуса получили название «говорящих». Между тем учебно-воспитательная работа, дисциплина, хозяйство пришли в совершенный упадок.

Десятилетнее пребывание Ангальдта у кормила учебного заведения для многих вошло в его историю как «золотое время». Один из современников писал: «Ангальдт частенько посещал корпус к „утренней повестке“ и, замечая при том некоторых, не выполнивших команду „подъем“, осторожно приближался к спящему, укрывал его одеялом и, так же осторожно удаляясь, подзывал дежурного, умоляя его не беспокоить спящего отрока». Молодежь, отвыкшая от режима и дисциплины, явно злоупотребляла либерализмом директора.

Екатерина II, зная о положении дел в корпусе, гневалась и наконец перестала замечать своего родственника. Это потрясло Ангальдта. Тяжело заболел, он вскоре скончался.

Первый день службы нового начальника подходил к концу.

Но генералу Кутузову предстояло знакомство и с другими важными делами. Дав распоряжение о подготовке к следующему дню строевого смотра и объявлению на вечерней «повестке» приказа о вступлении его в должность директора корпуса, Михаил Илларионович взял лист бумаги и почерком твердым, хотя и не очень разборчивым, написал рапорт на имя императрицы о вступлении в должность директора кадетского корпуса.

День 27 сентября 1794 года в Петербургском сухопутном шляхетском кадетском корпусе выдался необычным. Занятия были отменены. Воспитанникам приказали привести себя в надлежащий вид. Сторожам, дворникам, истопникам и прочему рабочему люду — готовить хозяйство корпуса к смотру. Холопы, спавшие вместе с любимыми собаками барчуков на полу у кроватей и изгнанные вместе с ними специальным распоряжением императрицы, «дабы впредь нечистоты и блох истребить», вновь получили доступ к своим господам. Работа же им предстояла немалая. Нужно было тщательно почистить и привести в порядок кафтаны и камзолы, штаны и штиблеты, галстуки и перчатки, а также епанчи. Следовало пришить недостающие пуговицы, почистить их огромное количество, а также довести до блеска гербы, бляхи и позументы. Требовалось вымыть голову барину, завить и напудрить его волосы, собрав их в косу; подготовить помаду, пудру и прочие парфюмерные принадлежности к завтрашнему дню. И конечно же, надо было осмотреть, вычистить и смазать оружие: шпаги, алебарды и фузеи. Гренадеры готовили шапки, фузелеры — шляпы. Было приказано навести порядок и в камерах: разложить по полкам вещи, убрав их из-под постелей и кроватей.

Крепостные работали с утра. Немалые хлопоты выпали и на долю уборщиков. Вместе с кадетами-мещанами они натирали до блеска полы, мыли окна, вытирали пыль и грязь с многочисленных скульптур и бюстов; приводили в порядок «говорящие стены», чистили и прибирали строевой плац и луг, не забывая при этом и о столовой. Вечером надзиратели, убедившись еще раз в полном порядке внешнего облика подчиненных, объявили на вечерней «повестке» о вступлении в должность директора корпуса генерал-поручика Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова. Тут же были сообщены его краткие биографические данные, которые теперь надлежало помнить кадетам так же, как биографию императрицы, наследника престола Павла, близких им вельмож, а также надзирателя возраста, которого они слушали теперь с раскрытыми от изумления ртами. Впрочем, многие из кадет уже пытались

«познакомиться» с новым директором, проникая под различными предлогами в главное здание корпуса, откуда нещадно выдворялись дежурным офицером. Удрученные таким поворотом дел юноши «гужом валили» к непререкаемому авторитету — кадету старшего возраста, всезнающему Карлуше Толю. Невысокого роста, светловолосый, с живыми выразительными глазами юноша с завидной увлеченностью рассказывал о боевых делах и столь опасных ранениях нового начальника. Наговорившись, умиротворенные отроки отходили ко сну.

Второй день пребывания Кутузова в корпусе начался для его персонала необычно. К удивлению спящих дежурных аббатов и унтер-офицеров, директор корпуса сам шел по камерам, сопровождая барабанщика, производившего подъем. Кадеты, глянув на вошедших, начинали нещадно трясти спящих товарищей. Подъем шел хаотично. Впрочем, ничего другого ожидать было и нельзя: дежурные спали сами. Бросалось в глаза и отсутствие должного порядка в камерах, несмотря на проведенную накануне уборку: фамилии унтер-офицеров на красных досках, висевших в каждой камере, написаны не были. Не были заполнены и черные доски с указанием фамилий кадет, оставленных по лености на второй год в классе. Прикроватные бирки с именами кадет были перепутаны. Обмундирование в беспорядке разбросано, и потому полусонные дети и подростки, одеваясь в спешке, натягивали на себя не то, что надо.

Не обошлось и без казусов. По установленному порядку обувь воспитанников собирали на ночь в специальное помещение, где ее чистили, сушили и к подъему выставляли у дверей камер. Однако нерадивые денщики расставили обувь кое-как. Нельзя было без улыбки смотреть на то, как некоторые из юнцов, усердно поющих молитву в строю, одеты были в спешке в сапоги «на одну ногу».

Новый директор, спокойно взирая на происходящее, в отличие от других проверяющих, не кричал, не ругался, не делал замечаний. Генерал понимал — порядок надо наводить «сверху».

Особенно долго Михаил Илларионович задержался в камерах младших групп, несмотря на то что порядка здесь было больше. Женщины-попечительницы, в отличие от своих коллег — надзирателей-мужчин, в исполнении своих обязанностей были более прилежны. Глядя на поднимающихся малышей, Кутузов, вероятно, с тоской вспоминал своего единственного сына, ушедшего из жизни во младенчестве. Смерть Николеньки осталась на всю жизнь незаживающей раной. Будучи послом в Константинополе, Кутузов старался не замечать насмешливых взглядов мусульман, пренебрежительно относящихся к «бездетным» мужчинам (дочерей по законам ислама за людей не считали).

Утром того же дня кадеты вновь встретились с новым шефом, на сей раз в столовой. Перед директором корпуса в нечетком строю, но с барабанным боем проследовали все пять возрастов, построенных по камерам. При этом нельзя было не заметить, что некоторые из барабанщиков, едва доведя строй до столовой, опрометью мчались для сопровождения очередной группы, что говорило или о неподготовленности барабанщиков в этих камерах, или о плачевном состоянии их барабанов.

Впрочем, это же говорило и о другом — о взаимовыручке, черте, свойственной русскому характеру, так хорошо знакомой Кутузову, участнику многих баталий.

Картина, увиденная в столовой, вновь напомнила Михаилу

Илларионовичу его юношеские годы. За некоторыми столами один из кадет — «установщик» — тщательно делил по порциям хлеб, сахар, масло и кашу. За другими, где этот «процесс» был уже завершен, кадеты приступали к долгожданной трапезе. Они усердно уплетали пищу под монотонные голоса своих коллег, с большой неохотой поочередно отрывавшихся от еды и читавших выдержки из молитв и артикулов. Здесь же, в проходах, у столбов, стояли наказанные «отлучением от горячей пищи». Скучным взором наблюдали они за ходом завтрака своих товарищей. Некоторые сидели за столом, поставленным специально на видном месте, и, стараясь не смотреть по сторонам, довольствовались хлебом, размоченным в воде.

Унтер-офицеры теперь с рвением следили за порядком в столовой и чистотой. Приняв доклад от дежурного, Кутузов несколько раз прошелся по залу и, к удивлению кадет, сел за один из столов позавтракать вместе с ними. Сытная еда и порядок в столовой оставили хорошее впечатление. Михаил Илларионович понимал, что от того, как кормят вверенных теперь ему юношей, будет зависеть очень многое.

Смотр был назначен на десять часов. К указанному времени на кадетском плацу все было готово. Ровно в десять пунктуальный Ридингер (предварительно сверивший свои часы с часами начальника) подал команду «смирно». Оркестранты, в отличие от войсковых, довольно прилично сыграли «Встречный марш». Генерал Кутузов, выйдя на середину, громко поздоровался с кадетами, услышав в ответ еще недружный хор звонких мальчишеских голосов. На плацу в развернутом строю стояли все пять возрастных колонн. На правом фланге каждой из них — знаменщики с ассистентами. Среди знамен эффектным оформлением отличалось знамя старшего возраста, которое возвышалось над остальными.

В колоннах по ранжиру, в кафтанах и камзолах стояли воспитанники. На головах гренадер красовались шапки с огромными бляхами, в руках — ружья. У фузелеров — шляпы, обшитые золотым позументом, на поясах — шпаги.

В строю внешне выделялись четвертый и пятый возрасты, рост и более развитое телосложение кадет которых подчеркивалось серебряными и золотыми позументами на кафтанах. Однако, несмотря на разницу в возрасте (до пятнадцати лет), в массе кадет явно улавливалось нечто общее. Оно выражалось не столько общим покроем одежды, сколько единообразием заплетенных и уложенных в косу волос с одинаковыми черными муаровыми бантами. Изрядно напудренные, они теряли при этом свой естественный цвет, приобретая однообразный серый. То же самое можно было бы сказать и о напояженных и напудренных лицах. Создавалось впечатление, что в строю стоят только что изготовленные по единому образцу куклы, отличающиеся одна от другой лишь размерами. Ридингер и его окружение были в восторге, которого явно не разделял новый директор. Михаил Илларионович хотя и помнил изречение Суворова: «Пудра — не порох, коса — не тесак...» — не мог открыто высказать свое неудовольствие. Тем не менее своим явно подчеркнутым безразличием к буклям и пудре дал твердо понять, что впредь увлекаться этим не следует.

Подойдя к каждой из колонн и поздоровавшись с представившимися ему офицерами, директор отправил в расположение учебных классов воспитанников первых двух возрастов. Осматривая каждую из оставшихся шеренг, он с удивлением отметил, что, в отличие от утреннего построения, у большинства кадет были новые, довольно приличные сапоги. Выяснилось, что

сапоги эти выданы по личному распоряжению императрицы для посещения Зимнего, куда частенько приглашались воспитанники корпуса «для обучения, как к начальству подходить и ему комплименты делать». Этим же объяснялась и необычная форма их — без каблуков, «дабы паркет при посещении дворца не портить».

Несколько более обычного Михаил Илларионович задержался перед корпусом чужестранных единоверцев. Стоявшие в строю смуглые, черноглазые юноши были греками, набранными в малолетстве из бедного люда и сирот во время Архипелагской экспедиции русского военного флота в 1770–1774 годах. Ему было хорошо известно, что образование корпуса, или, как его еще называли, «греческой гимназии», находилось в прямой связи с планами Екатерины II создать новое Византийское государство, сделав императором его своего внука Константина.

Из обучавшихся в корпусе мальчиков-греков предполагалось подготовить для новой Византии чиновников и офицеров. Позднее Кутузов встретился со многими своими воспитанниками на русской военной службе.

В строю стоял и единоведец-грек кадет Егор Властов, в будущем один из героев Отечественной войны 1812-го, чей генеральский портрет и поныне украшает Военную галерею Зимнего дворца.

Оставшиеся кадеты должны были показать строевую выправку, строевые приемы, действия с оружием и прохождение маршем. Чувствовалось, что в корпусе этим занимались мало. Юноши, к стыду своих наставников, выполняли команды неуверенно, скованно, с нарушением такта, неединообразно.

Особенно плохо получались ружейные приемы в движении «наперевес» и «под курок». Сказывались и чудачества Ангальдта. При исполнении ружейных приемов в составе групп слышались странные металлические звуки. Оказалось, что для «отчетливости приемов» гайки, антапки и винты у ружей было приказано ослабить и развинтить. Естественно, такие ружья были расхлябаны, теряли пристрелку и уже не соответствовали вполне своему назначению.

Те же «чудачества» выявились и при исполнении приемов учебной стрельбы. По команде «Вынь патрон» кадеты звонко ударяли ладонью правой руки по большой, наполненной соломой патронной сумке, изображая, что при этом они будто бы вынимают из нее патрон. Затем при очередной команде «Скуси патрон», забавно жестикулируя, подносили несуществующий патрон к зубам, обозначая этим скусывание. В таком же чрезвычайно условном варианте, вызывавшем немалую потеху юношей, отрабатывались остальные приемы заряжания и учебной стрельбы.

Здесь же, на плацу, Кутузов дал строгое распоряжение по приведению оружия к нормальному виду и заполнению сумок учебными патронами.

Не лучше обстояло дело и с маршем в составе колонн. Тем не менее, стараясь развивать дух соревнования, директор корпуса тщательно отмечал успехи и неудачи каждой из них для определения общих мест по результатам строевого смотра. Это было тем более необходимо, поскольку традиция «кадетам, занявшим первое место на строевом смотре, — по сладкому пирогу за обедом» — восстанавливалась.

Одной из характерных черт, выгодно отличавшей генерала Кутузова от многих его современников, было желание досконально знать все, что относилось к кругу его служебных обязанностей. Михаил Илларионович хорошо понимал, что условия учения, жизни и быта воспитанников во многом предопределяют их успехи. Вот почему в последующие дни пребывания в

корпусе он был занят осмотром его обширного хозяйства. Осмотр был начат с главного здания корпуса Меншиковского дворца.

Дворец являлся не только первым каменным домом Петербурга, но «обширнейшим и великолепнейшим» зданием петровских времен. С обоснованием в нем кадетского корпуса он был расширен пристройкой флигелей. Центральное место в комплексе занимал сам дворец, отличавшийся как большими размерами, так и завершенностью архитектурных форм. Фасад здания украшали фронтон, двухэтажное крыльцо и герб с изображением символов кадетского корпуса: жезла, меча и шлема, обрамленных венком.

В общий ансамбль здания удачно вписывались со стороны Невы небольшая гавань, с северной — сад с фигурными прудами, фонтанами, партерами и аллеями. По воскресеньям и праздничным дням дети могли встречаться здесь с родителями и знакомыми, ибо всем жителям города, «кои порядочно одеты», дозволялось гулять в кадетских садах.

Большой интерес представляло и внутреннее оформление дворца, первый этаж которого был выполнен в стиле древнерусских теремов, второй же — в новом (по тем временам) стиле. Сочетание архитектурных новшеств с национальными традициями было одной из характерных особенностей дворца, определявших своеобразие облика.

Минуя мощные, в два ряда колонны, поддерживающие своды вестибюля, и поднявшись по дубовой лестнице на второй этаж, Михаил Илларионович с большим интересом осмотрел предспальню, Ореховую гостиную, Варварины палаты (комнаты свояченицы Меншикова).

Предспальня служила Меншикову приемной. Убранство ее было великолепным. Взгляд посетителя невольно привлекал шахматный столик восточной работы с шахматами из слоновой кости, за которым хозяин дома вел бурные шахматные баталии. Украшением предспальни были напольные часы из лондонской мастерской Дрюри. Внешнее оформление их — деревянный футляр с золоченым орнаментом, живописными женскими головками и гравюрой — находилось в полной гармонии с «содержанием»: часы не только показывали время с точностью до минуты, но и могли проиграть до десяти разных мелодий.

Ореховая гостиная — кабинет Меншикова — представляла небольшое, светлое помещение, отделанное деревом. Пилястры с декоративными капителями, наборный паркет из ценных пород дерева и плафон еще более подчеркивали ее великолепие. Из окон кабинета открывался вид на Неву и панораму центральной части города. Взору представляли Зимний дворец, церковь Исаакия Далматского, памятник Петру Великому, здание Сената.

Не меньшее впечатление оставляли и палаты Варвары Михайловны Арсеньевой, стены и потолки которых были сплошь облицованы расписными глазурованными плитками. Роскошь оформления палат свояченицы Меншикова, по-видимому, объяснялась тем, что горбатая Варвара всю свою жизнь посвятила воспитанию его детей, видевших родителей не очень часто. Любуясь росписью кафеля, где ни один из прекрасно выполненных сюжетных рисунков не повторялся, Михаил Илларионович мог вспомнить широко известную тогда любопытную историю. Кафель, привезенный из Голландии Петром I для строительства дворца, был якобы «реквизирован» правой рукой самодержца — Меншиковым. Император, возмущившись, велел светлейшему кафель немедленно вернуть. Тогда предприимчивый Александр Данилович выписал из Голландии мастеров и организовал изготовление кафеля в Стрельне, чем и положил начало производству его в России.

Великолепием меншиковского кабинета и Варвариных палат впоследствии любовался и Владимир Ильич Ленин. 22 июня 1917 года, во время I Всероссийского съезда Советов, он побывал здесь. Знакомство с экспонатами бывшего к тому времени музея кадетского корпуса произвело на Ленина глубокое впечатление. «Ведь вот как получилось: рядом бывал — в университете, сдавал экзамены, а не знал, что под боком такая прелесть», — сказал он. В то же время Владимир Ильич интересовался, имеет ли доступ к экспонатам музея публика. Ныне здесь открыт филиал Государственного Эрмитажа — музей «Культура России первой четверти XVIII века».

В ассамблейном зале дворца, перестроенном под присмотром монаха Г. Краснопольского при участии скульптора И. П. Мартоса под кадетскую церковь, хлопотали священник и дьякон, предусмотренные уставом корпуса «для свершения духовных треб».

На должность священника, занимаемую отцом Иоанном, по корпусному уставу назначался один из монахов, который должен был быть «человеком начитанным и беспорочным». Кроме церковной службы ему вменялось в обязанность вести Закон божий. Дьякону же надлежало «не токмо помогать священнику, но и учить кадет чистому писанию».

Михаил Илларионович с интересом осмотрел местные раритеты, благоговейно прочитал надписи на черных мраморных досках с именами воспитанников, «павших на поле чести или умерших от полученных в сражениях ран». И все же осмотр церкви не мог не вызвать у знающего человека улыбки. В петровские времена ассамблейный зал часто занимали не только для приема дипломатических миссий и для свадеб, но и для пиров, в ходе которых разыгрывались шутовские сцены с высмеиванием церковных обрядов и самих служителей церкви.

Спальные комнаты кадет именовались камерами. Камера — зал с несколькими рядами кроватей, всего на двадцать человек. Здесь, как и в годы учения самого Кутузова в Артиллерийско-инженерной школе, все было прочно и просто. Между кроватями — ясеневые конторки с полками для учебников и платья. Перед каждой кроватью ясеневый же табурет, на который после «вечерней зори» укладывались в определенном порядке куртка, штаны, белье и носки. Стены украшали картины с сюжетами военного быта.

Кровати унтер-офицеров стояли на флангах каждого ряда, фельдфебеля — с краю, у входа в камеру. В каждой комнате — диван для отдыха дежурного аббата. Рядом с камерой — «аммуничник», чистильная, умывальная, «занимательные» комнаты и уборная, осмотрев которую Кутузов мог убедиться в прочном сохранении не только хороших традиций. Уборная, как и в его времена, служила ученикам местом тайного курения.

Кроме того, имелись и большие «занимательные» комнаты, именуемые «классами рыцарской академии», а также рекреационные залы, среди которых размерами и оформлением выделялась большая рекреация. Здесь производился сбор кадет в особо торжественных случаях. Стены этого огромного, с великолепными люстрами помещения были украшены мраморными досками с именами кадет — георгиевских кавалеров и окончивших обучение в корпусе с отличием. Среди них Михаил Илларионович нашел много своих сослуживцев по ратным делам. Особенно же значительны были заслуги фельдмаршала Румянцева-Задунайского — командующего армией, в войсках которой Кутузов получил боевое крещение.

Восхищаясь убранством большой рекреации, Михаил Илларионович,

конечно, не мог предположить, что со временем стены ее украсятся и десятью барельефами работы Федора Петровича Толстого, в аллегорической форме повествующими о разгроме Россои армии Наполеона. В символических образах, начиная с момента формирования народного ополчения до взятия Парижа, получают отображение важнейшие этапы Отечественной войны. Этот уникальный памятник, прославляющий подвиг русского народа, будет помещен именно здесь не только в знак признания огромных заслуг воспитанников корпуса в достижении победы над врагом, но еще и потому, что одним из главных героев войны станет он, главнокомандующий Большой действующей армией, генерал-фельдмаршал Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский.

Помещению большой рекреации кадетского корпуса суждено было войти и в советскую историю. Здесь в июне 1917 года проходил I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором дважды выступил Владимир Ильич Ленин. 4 июня он заявил перед делегатами съезда о готовности партии большевиков взять власть в свои руки, а 9 июня в речи о войне указал путь к достижению демократического мира. В память об этом Кадетская линия была переименована в Съездовскую.

Большой любитель книг, Михаил Илларионович был приятно удивлен обширностью библиотеки корпуса. В 1787 году Екатерина II, купив библиотеку бывшего коменданта Данцига генерала Еггерса численностью в семь тысяч томов, подарила ее своим подопечным. Библиотека впоследствии пополнялась. Составив, наконец, более десяти тысяч томов, она сделалась одной из лучших в столице. Здесь можно было встретить не только экземпляры из личных библиотек Петра I и Меншикова, но и книги из библиотеки Дидро, купленные Екатериной II и привезенные в Петербург в 1785 году. Здесь же находились сочинения Вольтера, Руссо, Бюффона. Знакомясь с ними, юноши приобщались к размышлениям передовых людей столетия о социальной справедливости и правомерности «социальных потрясений».

Интерес к просветительской литературе в корпусе был настолько велик, что кадеты собирались для обсуждения книг.

Впечатления от прочитанного записывались в прозе или в стихах в специальных тетрадях, которые еженедельно переплетались и оставались в библиотеке. Так образовался фонд из 247 томов под названием «Тысяча и одна неделя». Позднее, знакомясь с ними, Михаил Илларионович с удивлением прочитает стихи кадета Ламиковского:

Боярская забота — пить, есть, гулять и спать,
И вся их в том работа,
Чтоб деньги отбирать.
Мужик сушись, кружись,
Потей и работай,
А после хоть взбесись,
А денежки отдай.

Неслучайно многие из воспитанников кадетского корпуса — Г. В. Аврамов, И. В. Арсентьев, А. М. Булатов, Ф. Н. Глинка, С. Г. Краснокоутский, М. И. Пущин, А. Е. Розен, К. Ф. Рылеев, В. К. Тизенгаузен — оказались позднее в рядах декабристов.

После поражения восстания кадеты корпуса оказывали всяческую помощь

преследуемым. Укрывали их у себя, украдкой принося еду из столовой.

Небезынтересно отметить, что при первом посещении Николаем I (после восшествия на престол) Императорского Сухопутного шляхетского кадетского корпуса на его приветствие: «Здорово, дети!» строй ответил гробовым молчанием.

Особенно поразил нового директора безупречный порядок и идеальное состояние книг библиотеки, распределенных «по систематическому порядку» на российскую, иностранную и военную части. На вопрос, как удастся сохранять книги в столь приличном виде, попечитель библиотеки немец Фокс самодовольно отвечал, что выдача книг кому бы то ни было на руки со времен Ангальдта категорически запрещена: «Чтение книг производится только в особливую на то отведенной комнате».

Разумеется, от такой бережливости страдали не только воспитанники, но и воспитатели. С присущим ему тактом Михаил Илларионович посоветовал — впредь никаких препятствий к выдаче книг на руки господам офицерам и кадетам не чинить. На недоуменный возглас: «Книги примут нефажный фит» — Кутузов отвечал, что «внешний вид книг свидетельствует не столько о плохом обращении с ними, сколько о их популярности».

Одновременно выяснилось и другое. Из газет в библиотеке имелись лишь «Санкт-Петербургские ведомости» да «*Courier du Bas Rhien*» и «*Literatur Zeitung*».

Недостаток газет и журналов не мог не сказываться на общем развитии молодых людей, поскольку лишал их необходимых сведений политического, культурного и военного характера. В первые месяцы пребывания Кутузова в корпусе изменить что-либо к лучшему из-за нехватки средств не представлялось возможным. Однако с 1796 года поступление газет и журналов в библиотеку корпуса увеличивается. Начинают приходиться английские и итальянские журналы, а также газеты из Лейпцига и Амстердама.

Подобным же образом было осмотрено и остальное хозяйство корпуса, в частности физический кабинет с обширной коллекцией сибирских минералов и различными приборами от электрических машин до «оптических камер», а также корпусной музей, где наряду с собранными экспонатами по «натуральной истории» были представлены и литературные сочинения воспитанников. Музей был не только средоточием экспонатов, но и местом состязания кадет — любителей русской словесности. Михаил Илларионович, конечно же, знал, что здесь пробовал свои силы на литературном поприще его учитель — юный Александр Суворов.

Не осталась без внимания и так называемая «говорящая стена». Каменный забор, опоясывающий корпус по периметру, был разрисован с внутренней стороны географическими изображениями стран, столиц государств, а также изображениями животных, птиц и различных эмблем. Здесь же были помещены геоцентрическая и гелиоцентрическая системы мира Птолемея и Коперника, а также различные изречения на русском и иностранных языках, представлена хронология важнейших исторических событий и изречения руководителей корпуса.

Генерал Кутузов не стал нарушать установившуюся традицию. По настоянию полицеймейстера корпуса подполковника А. Андреевского «говорящая стена» дополнилась его словами: «Русский офицер должен чувствовать в полной мере важность звания своего. От него зависят поступки и поведение его подчиненных».

Впрочем, здесь же Михаил Илларионович мог наблюдать довольно любопытную картину. Еще во времена Меншикова на западной части стены была установлена доска с меткой роста Петра I. К ней теперь то и дело подходили нетерпеливые кадеты для «соизмерения своего роста с ростом Петра Великого».

Побывал новый директор и в зале для свиданий с родителями, где до обеда по воскресеньям дети встречались с ними, а после обеда вместе с городской публикой смотрели представления. В середине зала, на месте, отгороженном от зрителей перилами, кадеты маршировали, исполняли танцы и показывали игры.

Меньше всего беспокойства своим появлением директор доставил лейб-лекаря корпуса, лазарет которого по чистоте и порядку находился всегда в отменном виде. Здесь все было продумано, каждая вещь знала свое место.

Дельный лекарь не только лечил детей, но и проводил с ними «физикальные эксперименты» — учил основам гигиены и оказанию первой помощи на поле боя. Корпусным уставом ему вменялось «химию, ботанику и тому подобные науки отчасти знать».

Лекарь был постоянным врагом провиантмейстера, поскольку постоянно навещал святая святых последнего — кухню и кладовки. Вот и теперь, пользуясь приходом «главного», он обратился к нему с жалобой на то, что в кухне зачастую подолгу содержится пища в медной посуде, что может привести к пищевым отравлениям. Директор корпуса тут же дал указание интенданту, «дабы впредь исключить подобные случаи».

Генерал Кутузов, конечно, был наслышан, что корпусной лекарь был лучшим детским врачом столицы. Многие из вельмож пытались заполучить его к своим заболевшим детям, прибегая к просьбам, уговорам, обещая хорошее вознаграждение. Но они неизменно получали твердый отказ. Дело доходило до курьезов. Обращались за содействием к лицам царской фамилии. Но Михаил Илларионович, несмотря на свою отзывчивость, был солидарен с врачом. Корпусной лейб-медик мог весьма быстро превратиться в модного столичного врача и оторваться от неукоснительного выполнения своих каждодневных обязанностей.

Если девиз обер-лекаря «Чистота есть лучшее лекарство от всех болезней», помещенный его старанием на «говорящую стену», в лазарете выполнялся безукоризненно, то об остальных помещениях и территории корпуса этого сказать было нельзя. Помещения и территория после проводимых время от времени уборок довольно быстро приходили в свое обычное запущенное состояние. Особое беспокойство вызывали давно не отремонтированные здания. Начавшиеся осенние дожди не только обнаружили неисправность водосточных труб, но и четко обозначили местонахождение дыр в кровлях.

Первая неделя пребывания в корпусе показала, что успешное исполнение обязанностей требует не только уймы времени, но и постоянного нахождения директора на месте. Михаилу Илларионовичу пришлось переехать с семьей на территорию учебного заведения. Под квартиру был выбран небольшой, стоящий поодаль от других зданий двухэтажный флигель на Кадетской линии. Живя здесь, можно было постоянно наблюдать за порядком и в то же время находиться как бы в стороне, не мешая повседневной работе. Главное же преимущество состояло в том, что теперь, задерживаясь на службе, не надо было часами ждать, когда же наконец будет сведен Исаакиевский мост.

Мост этот всегда вызывал интерес у Кутузова-инженера. Возведенный в 1732 году по проекту корабельного мастера бомбардир-лейтенанта Федора Пальчикова, он состоял из барок-плашкоутов, поставленных на якоря, и имел две разводные части. Поскольку пропуск судов производился только по ночам, то к вечеру по обе стороны моста выстраивались целые вереницы различных судов и суденышек, нетерпеливо ожидавших своей очереди. Днем же мост был постоянно занят пешим и конным людом.

Екатерина Ильинична, конечно, не была в восторге от предстоящего переезда, но, как всегда, должна была согласиться.

Определив кабинет на первом этаже и поручив все остальное, касающееся переезда, жене и слугам, генерал всецело отдался новой должности.

Все, что было сделано в течение первой недели, было не чем иным, как своеобразным преодолением «предпольной полосы обороны». Теперь «предстала крепость, штурму которой должна была предшествовать тщательная разведка».

Новый директор внимательно ознакомился с существовавшими учебными программами. Оказалось, что они мало отличались от принятых в гражданских учебных заведениях. Такой вывод напрашивался в сравнении с не таким уж далеким прошлым, когда Кутузов сам ходил в кадетах и учителях. Вызывало недоумение чрезмерное увлечение теоретическим курсом. Впрочем, это было известно Кутузову еще до прихода в кадетский корпус, поскольку генералу приходилось не раз выслушивать сетования подчиненных командиров «на робость в практике» выпускников кадетских корпусов. Понимая, что основной фигурой в подготовке офицеров является учитель, Кутузов счел необходимым побывать на занятиях каждого из них. Позиция его при этом выражалась довольно четко и ясно: «Без толковых учителей совершенных офицеров никогда произвести не можно». Признавая за преподавателем ведущую роль в образовании и воспитании кадет, устав корпуса предусматривал «строго соблюдать за тем, чтобы только люди истинно достойные, с чистою нравственностью, с познаниями и способностями к воспитанию были допущены в должность воспитателей».

Однако между уставом и реальностью оказался изрядный разрыв. Прежде всего должность учителя была не из легких. Невысокое жалованье и невозможность сделать на этом поприще сколь-либо заметную карьеру заставляли офицеров избегать такой службы. Многие из них, оказавшись по разным причинам в кадетском корпусе, службой своей тяготились, к исполнению обязанностей относились нерадиво. Надо заметить, что профессия учителя считалась по тем временам уделом «третьего сословия» — недворян и популярностью среди офицеров не пользовалась. Кроме того, по существовавшим положениям, офицеры откомандировывались в кадетские корпуса без исключения из списков полков, с оставлением их там на довольствии. Получалось так, что, проходя службу в Петербурге, офицер ехал получать денежное содержание, иронически именуемое «сердобольным пособием», в другой город. Кроме физических издержек здесь были и моральные, поскольку такой военнослужащий чувствовал себя в корпусе гостем.

Нередко «отцы-командиры», желая избавиться от неугодных им лиц, старались сплавить их в кадетские корпуса, не раздумывая над целями предстоящей там работы.

Достаточно красноречивую характеристику получили учителя в кадетском

анекдоте, помещенном в журнале «Русская старина»: «Сидят два кадета и готовят урок по алгебре. Проходящий мимо дежурный офицер спрашивает: „Что вы делаете?“ — „Корень извлекаем“. Дежурный замечает: „Ну извлекайте, да только не едите“».

С другой стороны, многие из учителей (как и руководителей корпуса) были иностранцами, ориентировавшими деятельность этого учебного заведения на манер иноземных, без учета национальных особенностей России. Далеко не все учителя-иностранцы были достаточно подготовлены к преподаванию своего предмета, ибо до приезда в Россию многие из них не имели к этому никакого отношения. Особенно неблагоприятно сказывалось слабое знание многими из них русского языка.

Конечно, многие учителя-иноземцы вполне добросовестно относились к исполнению своих обязанностей. Однако, по признанию опять-таки самих же кадет, были среди них и такие, «у коих для получения оценки по математике, физике или географии достаточно было рассказать анекдот на беглом немецком или французском». Были среди них и любители «русской экзотики», на уроках которых большая часть времени уходила «на изумление русской действительностью» — слушание разных историй и выдумок, рассказываемых сообразительными кадетами.

Надо ли говорить, что без знания русского языка рассчитывать на успех обучения трудно. Вот почему многие из таких занятий, когда преподаватель-иностранец с пафосом произносил вместо «оценить обстановку» — «оженить обстановку», а вместо «перегрузочный пункт» — «перегузочный пункт», вызывали у кадет хохот.

Не лучшее впечатление произвели на Кутузова аббаты. Устав корпуса требовал от них «быть довольно заслуженными наук кадетского корпуса, касаемых особливо иностранных языков, дабы оные наивяще полезныя службы при кадетском корпусе оказать могли». Именно поэтому уставом корпуса предусматривались аббаты-иностранцы. В течение десяти суток дежурства им полагалось разговаривать с кадетами только на своем родном языке. Кадеты, таким образом, с детства должны были овладевать несколькими языками. К сожалению, требованиям искусства обучения языкам подготовка многих аббатов не отвечала.

Не могли не вызывать недоумения и принципы воспитания кадет. В период становления педагогической науки к ним применялись методы дисциплинарной практики, разработанной еще петровскими артикулами. Арсенал взысканий был огромен. Несмотря на отмену розог «как главной меры воспитания», в корпусе бытовали битье линейкой, жгутом (из носового платка), стояние на коленях, стояние у штрафного столба в столовой, стояние на одной ноге (с милостивого разрешения — со сменой ноги через определенное время). Воспитанников лишали обеда, сладкого блюда, увольнения в город, погон, мундира, ефрейторского или унтер-офицерского звания; практиковались записи на черную доску, внеочередное дневальство, арест и, наконец, отчисление из кадетского корпуса.

Гораздо скромнее выглядело количество поощрительных мер, ограничивавшихся благодарностями, похвальными листами, записями фамилий на красную доску да подарками. Надо сказать, что палочная дисциплина, в основу которой был положен тезис «Стыдно кадету дать менее ста розог», уставом Бецкого была отменена. Однако восполнить это «эффективное варварство» постоянной высокой требовательностью и кропотливой

воспитательной работой Бецкому не удалось. Что же касается Ангальдта, то его безграничный либерализм только усугубил положение. Попытка же исполняющего обязанности директора корпуса Ридингера навести порядок принятием суровых мер привела к ожесточению взаимоотношений между воспитателями и воспитуемыми из-за формального подхода к делу первых. Небрежное отношение кадет к ученью, драки, грубость в обращении с прислугой и унтер-офицерами, курение, пьянство, азартные игры, самовольный уход в город, неподчинение приказам принимали угрожающий характер. Вот почему, вступая в должность директора корпуса, наиболее трудной и первостепенной задачей генерал Кутузов считал «восстановление среди избалованных молодых людей дисциплины, сообразной с воинскими правилами».

Новый директор уточнил функциональные обязанности должностных лиц и потребовал неукоснительного выполнения их, показывая при этом личный пример. Михаил Илларионович регулярно посещал утренние подъемы и «вечернюю зорю» корпуса, постоянно присутствовал на разводах и экзерцициях, бывал часто в рекреациях, столовой и кадетских камерах, проводил строевые смотры, к тому же сам проводил занятия и присутствовал на занятиях у других учителей.

При этом, как свидетельствуют очевидцы, первые шаги нового директора отличались строгостью, сдержанностью и постоянной высокой требовательностью, что произвело на воспитанников, начальствующий состав и обслуживающий персонал корпуса явно неблагоприятное впечатление. И это вполне понятно. Будучи человеком обязательным, собранным, дисциплинированным, Кутузов и от подчиненных требовал того же. Прежде всего новому руководителю следовало восстановить естественную грань между начальником и подчиненными, стертую либерализмом Ангальдта. Поэтому появление Кутузова среди воспитанников носило официальный характер. Так, кадет тех времен И. С. Жиркевич писал в своих воспоминаниях, что он «не может представить себе генерала Кутузова иначе как в голубом плаще, форменной шляпе и при звездах».

Вместе с тем Кутузов, конечно, понимал, что подтянутость и официальность — это всего лишь одна сторона дела. Авторитет начальника наряду со многими факторами зависит от его человечности, постоянной заботы и внимания к подчиненным. Поэтому с первых же дней пребывания в корпусе он категорически запретил применение к кадетам каких-либо физических мер воздействия, обращая основное внимание на убеждение с учетом возрастных особенностей кадет. «Когда наказание становится частым и чрезвычайным, — говорил он, — худые поступки умножаются. Юлий Цезарь нещадно казнил за серьезные проступки, но за малые погрешности наказывал стыдом».

Вот как сами кадеты писали о Кутузове-воспитателе: «Если случалась какая-либо шалость, директор, стараясь не разыскивать виновного, созывал учеников и говорил, что он не хочет знать, кто пятнает звание кадет, и своей беседой доводил их до того, что они в конце концов сами называли виновника происшествия и стыдили его».

Понятно, что руководить шестьюстами воспитанниками в возрасте от пяти до двадцати лет — дело непростое. Преподавателю, аббату, надзирателю необходимо было сочетать в себе не только качества командира, учителя и наставника, но и в какой-то мере заменять детям родителей. Неслучайно корпусным уставом им вменялось «иметь над кадетами родительское

смотрение, дабы непристойные пороки у них заранее искоренены были». Все это требовало от воспитателей не только строгости в обхождении, но и постоянного внимания к детям, их нуждам, здоровью, успехам и невзгодам. «Дети остаются детьми, если они и одеты в кадетские мундиры», — опять же подчеркивал Михаил Илларионович, требуя от воспитателей постоянной чуткости, заботы и выдержанности, показывая и в этом отношении прекрасный тому пример.

Об исключительной выдержанности Кутузова ходили легенды. Так, в период измаильской баталии, получив сообщение о кончине сына, Михаил Илларионович мужественно выдержал удар судьбы. То же позднее произошло в сражении под Аустерлицем, когда был смертельно ранен зять Михаила Илларионовича (муж Елизаветы), его адъютант Федор Иванович Тизенгаузен (эпизод трагической гибели Тизенгаузена, описанный Ф. Глинкой, позднее был использован Л. Н. Толстым в романе «Война и мир» при описании сцены подвига и ранения князя Андрея Болконского).

Кутузов, узнав о смертельном ранении глубокоуважаемого и любимого им человека, к удивлению присутствующих, внешне не проявил никаких признаков горя, спокойно и хладнокровно продолжая руководить сражением. И это не было бессердечностью, поскольку на другой день он долго плакал. На вопрос одного из приближенных: «Чем можно было бы объяснить такую разительность в поведении?» Кутузов ответил: «Вчера я был полководец — сегодня я отец».

В этом характерном эпизоде особенно ярко раскрылся сильный характер Кутузова как военачальника, твердо владеющего собой в критический момент сражения, и как человека, глубоко любящего близких ему людей.

Надо подчеркнуть, что чуткое отношение к воспитанникам Кутузов сочетал со столь же высокой требовательностью.

Прежде всего новый директор потребовал от всех подчиненных, независимо от занимаемых ими должностей, и особенно от кадет безукоризненной исполнительности. «Раны мои, — говорил он, — свидетельствуют, что я не трус». Однако при этом постоянно напоминал, что душа воинской службы не столько в личной храбрости, сколько в беспрекословном повиновении. «Не тот истинно храбр, кто по произволу своему мечется в опасности, а тот, кто повинуется. Кто умеет повиноваться, умеет и повелевать», — заключал он.

Вот почему тот же Жиркевич дает такую характеристику своему директору: «Вид грозный, но не пугающий юности, а более привлекательный. С кадетами обращался ласково и такого же обращения требовал от офицеров. Часто являлся между нами во время каких-нибудь игр, в свободные часы от занятий, и тогда мы все окружали его толпой и добивались какой-нибудь ласки, на которые он не был скуп».

Надо отметить, однако, что там, где требовали того обстоятельства, Кутузов наводил порядок твердой рукой, о чем свидетельствуют его многочисленные приказы о наказаниях за грубые проступки: пьянство, разболтанность, лень и т. д. «Находящийся при 3-м возрасте классный сторож фурьер Емельян Дроздов за пьянство и упущение в должности разжалован в рядовые», — говорится в одном из них.

Впрочем, директор корпуса был не менее строг и к воспитателям, в подтверждение чего можно было бы привести также один из его приказов: «Подпоручику Рогозину за неосторожность против дежурного господина майора Рейтера и за сделанный им в столовой зале шум делается на первый раз

выговор, ибо господин майор более наказания не требует, а впредь от таковых поступков блюсти себя подтверждается».

Было упорядочено и увольнение кадет в городской отпуск. Теперь воспитанники младших возрастов выходили организованно, группами по десять-пятнадцать человек, под присмотром одного из воспитателей. Старшие же возрасты шли в увольнение самостоятельно, однако перед этим получали «зело добрые» напутствия ротного и дежурного офицеров со столь же «зело добрым осмотрением» внешнего вида. На увольнительном билете каждого из них были написаны «требования, касающиеся его поведения в увольнении».

Все это возымело свои результаты. Количество замечаний и претензий к увольняемым кадетам со стороны военного коменданта Санкт-Петербурга резко сократилось.

Кутузов не стал производить коренную ломку учебно-воспитательного процесса в корпусе, ограничившись частичной перестройкой его структуры, установлением должной дисциплины, порядка и совершенствования учебных программ. Действительно, в условиях сравнительно непродолжительного пребывания его в должности директора и существовавшей чиновничье-бюрократической волокиты коренная ломка вряд ли была целесообразна. Между тем в период пребывания Кутузова в должности директора корпуса там окончательно утвердилась классно-урочная система обучения, существующая и поныне.

Административная деятельность Кутузова и особенно его педагогические воззрения оставили заметный след не только в кадетском корпусе, но и во всей системе военного образования России.

В период ожесточенной борьбы с пруссачеством, насаждавшим казарменно-палочную дисциплину, когда лучшие традиции Петра I предавались забвению, а суворовские идеи обучения и воспитания войск претворялись в жизнь, преодолевая величайшее сопротивление, Кутузов всецело был на стороне прогрессивной военно-педагогической науки.

Его вклад в совершенствование учебно-воспитательной работы и наведение военного порядка в корпусе переоценить очень трудно.

Уже с первых дней пребывания предпринимаются решительные шаги по «военизации» программы. Значительно большее место в обучении стали занимать отработка тактических приемов, ориентирование на местности, маршевая подготовка, владение оружием. Больше внимания стало уделяться вопросам фортификации и артиллерийскому делу.

Методы, применяемые Кутузовым, были самыми различными. Чтобы вызвать интерес у воспитанников к инженерному делу, в помещении большой рекреации был поставлен разборный макет «Вобановой крепости» с краткими пояснениями. Там же находилось хорошо иллюстрированное французское издание по инженерному делу в сорока частях. И надо сказать, что кадеты с удовольствием возились здесь в свободное от занятий время, совершенствуя свои знания. В корпусе были две двенадцатифунтовые пушки. По строгому графику времени воспитанники изучали устройство этих орудий, практикуясь в приведении их в боевое и походное положения, занимаясь наводкой на цель и учебной стрельбой.

Изменилось отношение к физическому воспитанию юношей. Стали обязательными гимнастические занятия, соревнования (в беге, преодолении препятствий, плавании, стрельбе). Популяризовались различные спортивные игры: в мяч, городки, чехарду и т. д. Зимой в свободное от занятий время кадет

непрерывно выводили на Неву кататься с ледяной горки.

На приведенном в порядок и утрамбованном строевом плацу юноши четко печатали шаг, отрабатывая исполнение различных ружейных приемов и действий в строю. Хорошо организованные строевые занятия не только способствовали физической закалке, но и вырабатывали у кадет сноровку, выправку, собранность и дисциплинированность. Конечно, не обошлось и без трудностей. Время на изучение некоторых дисциплин пришлось сократить. Особенно «обиженными» оказались учителя танцев, музыки и этикета.

Как уже говорилось, для подготовки преподавателей и воспитателей в кадетский корпус принимались и дети мещан. При этом устав корпуса предусматривал совместное обучение их с детьми дворян. Но со временем дворянская молодежь была обособлена. Кутузов же, несмотря на сопротивление опекунского совета, настоял на объединении групп. Объяснил он это необходимостью освобождения преподавателей корпуса от излишней нагрузки. Настаивая на таком решении, Михаил Илларионович, конечно, понимал, что, занимаясь совместно, кадеты исподволь, с детства научатся ценить людей не за их происхождение, а за их способности, труд и незаметно «привыкнут не пренебрегать теми, кто по законам общества определен к низшему против них состоянию». Это должно было, конечно, привести к уважению низших чинов, к способности видеть в солдате человека, без чего рассчитывать на успешную работу будущих офицеров в войсках было трудно. Кутузов постоянно подчеркивал: «Я получил многие чины, награды и раны. Но лучшей наградой почитаю, когда обо мне говорят: он настоящий русский солдат!» Неслучайно на «говорящей стене» было помещено еще одно его изречение: «Господам офицерам в сражениях прилежно замечать, кто из нижних чинов больше отличается храбростью и духом твердости и порядка. Таковых долг есть высшего начальства скорее производить в чины, ибо корпус офицеров всегда выигрывает получением храброго офицера, из какого бы рода он ни был».

Екатерина II удовлетворила ходатайство Кутузова об изменении организационной структуры корпуса, введенной Бецким. Вместо расплывчатой полувоенной организации с делением на возрасты были вновь созданы роты, а командиры их стали полноправными начальниками, несущими по уставу всю ответственность за подчиненных.

Словом, дела в корпусе изменились к лучшему. «Глубокое проникновение в суть дела, твердость тона, решительность действий и спокойная деловитость генерала Кутузова, — пишет современный историк Н. И. Алпатов, — свидетельствовали о том, что корпус находится в надежных руках».

В феврале 1795 года петербургская знать была уязвлена неожиданным решением императрицы назначить генерала Кутузова на должность командующего войсками в Финляндии. Особенно озадачивало сановников то, что решение было принято в нарушение устава кадетского корпуса. Одна из первых статей его категорически требовала отстранения руководителя этого учебного заведения от всех других обязанностей, «дабы через то не истребилось недремное проворство и строгость порядка, которые безотлучно его, днем и ночью, в корпусе пребывания требуют».

Императрица сделала исключение. Кутузов назначался командующим войсками в Финляндии без освобождения от должности директора корпуса. Это вызвало немалые толки. Впрочем, и сейчас трудно понять, как генералу удавалось одновременное выполнение этих двух должностей. Между тем документы свидетельствуют, что Михаил Илларионович не только успешно

командовал войсками в Финляндии, но и безукоризненно руководил кадетским корпусом, который «под его начальством был в лучшем состоянии». Основное требование корпусного устава, гласящее: «Во главе корпуса должен быть человек в воинских делах состарившийся и искусный как в этих делах, так и в правилах к гражданскому житию принадлежащих, радетельный, трудолюбивый, кроткий, ласковый, обходительный, но в воинских упражнениях вид строгости имеющий», было соблюдено безукоризненно.

В феврале и марте 1795 года Кутузов знакомился с вверенными ему войсками. Он инспектировал русско-шведскую границу, произвел тщательный осмотр крепостей и оборонительных сооружений, побывал в гарнизонах. Всеми делами в корпусе в его отсутствие руководил генерал-майор К. П. Ридингер.

Выходец из Пруссии, Карл Петрович к исполнению возлагаемых на него обязанностей относился с величайшей добросовестностью, непременно проявляя при этом пунктуальность и педантизм.

Однако постичь специфику русской военной школы генералу-иностранцу было нелегко.

Сына своего Александра Ридингер определил в кадеты руководимого им корпуса. Вскоре по приходе нового директора Ридингер-младший был рекомендован в пажи, а в Отечественной войне 1812 года воспитанник корпуса полковник Александр Ридингер проявил блестящее воинское дарование при овладении крепостями Пиллау, Данциг и при взятии Парижа.

Что же касается Ридингера-старшего, то, работая под начальством Кутузова, генерал превратился из посредственного директора корпуса в прекрасного его заместителя. Михаил Илларионович со свойственным ему тактом умело направлял деятельность помощника.

Однако вернемся к делам корпуса и его директора, в канцелярии которого теперь стали одновременно решаться и многие вопросы, относящиеся к войскам, «в Финляндии находящимся».

Итак, с приходом генерала Кутузова дела в корпусе изменились к лучшему. Это был результат огромной, повседневной, кропотливой работы. На каждый год в корпусе теперь тщательнейшим образом стали разрабатываться учебные планы. Они конкретизировались в конце каждого месяца на следующий. Директору корпуса представлялись на утверждение недельные расписания на каждый возраст (позднее на роту) с указанием предметов, времени, мест проведения и фамилии учителя. Учителям было предложено представлять в канцелярию еженедельные сведения о количестве обучаемых ими кадет и оценках их знаний. Директор имел всегда четкое представление о положении дел. На каждого кадета было заведено по две книжки (нечто похожее на нынешний дневник школьника). Одна хранилась у воспитанника, другая — у дежурного офицера. В книжках-дневниках отмечались успехи кадет и делались отметки об их поведении. На каждого воспитанника на полугодие было приказано «составлять аттестат». При переводе кадет в старшие классы строго учитывались не только знания, показанные на экзамене, но и ответы их на занятиях. Для соблюдения дисциплины во время занятий директор требовал: «Учителям и дежурному офицеру иметь крепкое смотрение, чтобы кадеты из класса в класс часто не переходили...» и «...в своих классах со всякой тихостью сидели».

Воспитанники стали систематически получать учебники из ротных канцелярий. Улучшились и методика преподавания предметов, контроль за проведением занятий, были введены «показательные уроки» для самих

учителей. Для учителей-иностранцев ввели занятия по изучению русского языка. Прекрасно зная французский, немецкий и владея английским, Михаил Илларионович свободно переходил в разговоре с учителями и аббатами-иностранцами на их родной язык. Присутствующий при одной из таких бесед инспектор классов майор Клиндер заметил, что «генерал Кутузов разговаривает на немецком как истинный немец», на что Михаил Илларионович ответил: «Нет, милостивый государь, с немцами я немец, с французами — француз только в разговоре на их языке. По природе же я — русак».

Кутузов предпринимает энергичные меры к повышению ответственности командиров рот за их подчиненных. «Худые поступки господ кадетов в классах относиться будут немалую частью нерачению ротных командиров, в чем они будут и ответственны, яко воспитатели и единственные наставники их нравственности, — писал он в одном из своих приказов, — по сей части должны они сноситься с правящим должностю инспектора классов и общими силами с ним содействовать к доброму концу. Сверх того, господину майору Клиндеру рекомендую чинить о ленивых свое замечание и, сделав особую книгу, вносить в оную имена их каждый месяц. Сия книга при выпуске уважаема будет более других аттестатов».

Известны многочисленные приказы Кутузова «О ленивых кадетях» с установлением сроков по исправлению плохих отметок. Распоряжением директора корпуса с отстающими воспитанниками были организованы дополнительные занятия за счет их свободного времени. Ленивых заставляли заниматься по воскресеньям, лишая не только увольнений в город, но и унтер-офицерских званий.

При этом кадет, не подающих надежд на успешное окончание полного курса обучения, было решено выпускать из четвертого общего класса прапорщиками в гарнизоны (для несения службы внутренней охраны).

Острыми на язык кадетами вскоре были сложены стихи:

Мы твердо знаем свой закон
И на судьбу свою не ропщем,
И чтобы выйти в гарнизон,
Довольно быть в четвертом общем.

Одновременно Кутузов требовал не зубрежки в обучении, а сознательного отношения к изучению предмета. Проявляя беспокойство за знания воспитанников, весной 1796 года, не считаясь со временем, он тщательно проверял их подготовку перед публичным экзаменом у себя на дому. Позднее, прощаясь, каждому из них (как воспоминание о днях детства, проведенных в кадетском корпусе) вручил книгу, кратко повествующую об истории корпуса, в которой были собраны и изречения с «говорящей стены».

Обращаясь теперь уже к офицерам с напутственной речью, он говорил: «...Господа, где бы вы ни были, вы всегда найдете во мне человека, искренне желающего вам счастья. Я буду награжден за любовь к вам вашей славой, вашей честью, вашей любовью к отечеству».

Успехи корпусных дел объяснялись не только прекрасными административными способностями Кутузова, но и его педагогическим талантом. Особенно сильное впечатление оставляли его лекции по военной истории. И это вполне понятно. Ведь занятия вел непосредственный участник и герой минувших войн, видный военачальник, представитель передовых

взглядов русского военного искусства, талантливый ученик и последователь гениального Суворова.

Если сказанное дополнить напоминанием о ярком ораторском таланте полководца, то станет понятно, почему кадеты с такой увлеченностью относились к урокам своего шефа, утверждавшего, что «история войн заключает в себе опыт человечества и разум веков».

Кутузов не только великолепно излагал события недавнего прошлого, но и столь же интересно и поучительно говорил о всем сложном и многообразном пути, пройденном военным искусством с начала его зарождения. На конкретных исторических примерах он будил творческую мысль слушателей, указывая на необходимость использовать полученный опыт и находить новые приемы и способы ведения боя, подкреплял это историческими примерами из полководческой деятельности Клеомброта, Ганнибала, Александра Македонского, Юлия Цезаря, Александра Невского, Дмитрия Донского, Петра I, Румянцева и особенно Суворова.

Слушатели, таким образом, получали целостное представление о развитии военного дела с его изначальных форм в древности — от действий воинов в отрядном построении с последующим переходом к фаланге, легиону манипулярного и когортального строя, линейной тактике и, наконец, к тактике колонн и рассыпного строя; от действий в сражениях с равномерным распределением сил по фронту к неравномерному распределению их с выделением резерва и созданием вторых эшелонов, а также от организации взаимодействия сухопутных войск и флота до взаимодействия пехоты, кавалерии и артиллерии; от примитивной организации отрядов до утвердившейся к тому времени организационной структуры: рота — батальон — полк — дивизия — корпус — армия.

После исторического экскурса кадеты переходили к изучению тактики, которая воспринималась ими не как нечто привнесенное извне, а как логическое развитие военного искусства.

Взявшись за преподавание военной истории, Кутузов осознавал и другое — огромное воспитательное значение предмета. Изречение П. Шувалова: «История больше в сердце молодого человека добродетелей вливает, нежели наистрожайшее нравоучение, а сколько подают военному служащему пользы, того и описать не можно» — было хорошо усвоено им с детства. Вот почему, обращаясь к юношам, Кутузов говорил: «Пусть каждый помнит Суворова. Он поучал нас сносить и голод, и холод, когда дело шло о победе и о славе русского народа».

Кутузов впервые ввел в программу кадетского корпуса изучение тактики. К чести нового директора, генерал не только учредил класс тактики для воспитанников и офицеров, но сам и преподавал ее, разработав методику предмета. Что же касается схем, то они были изготовлены кадетами по чертежам Михаила Илларионовича. Особенно здесь отличились кадеты Карл Толь и Сергей Глинка, наиболее одаренные из воспитанников старших классов. Судьба этих юношей, в формировании мировоззрения которых Кутузов оставил глубокий след, интересна.

Карл Федорович Толь дослужился до генерала от инфантерии (полного генерала) русской армии. В Отечественной войне 1812 года он — генерал-квартирмейстер штаба соединенных армий, незаменимый помощник главнокомандующего. В обязанности его входило изучение местности, организация расположения и передвижения войск, а также разведка, подготовка

топографических карт и схем, руководство строительством укреплений, ведение записей походов и боевых действий.

После смерти Кутузова, когда недоброжелатели его фальсифицировали события Отечественной войны и роль в ней полководца, Толь решительно выступил против извращения истины. При этом он категорически отрицал приписываемую ему якобы решающую роль в принятии тех или иных решений главнокомандующим, заявляя: «Он с твердостью и постоянством, предводительствуя всеми нашими армиями, при свете обширного и опытного ума своего, придумывал общие планы действий, долженствовавших неминуемо привести неприятеля к гибели, и назначал время и место для исполнения сих планов. Я же ограничивался кругом, мне принадлежавшим, довольствовался разработкою его мыслей и составлял подробные распределения, необходимые для всякого военного действия».

Совершенно иная судьба ждала Сергея Николаевича Глинку. Вскоре по окончании кадетского корпуса он уволился из армии в чине майора. После смерти отца, отказавшись от наследства в пользу сестры, он три года учительствовал на Украине. Затем работал в театре, пробовал свои силы на литературном поприще. В 1808 году Глинка основал журнал «Русский вестник», сыгравший заметную роль в борьбе с французским влиянием и преклонением перед всем иностранным, широко распространенным в ту пору среди дворян. Особую популярность журнал получил «в период всенародного возбуждения 1812 года». Редактору его был пожалован орден Святого Владимира IV степени. Автор известных «Записок о 1812 годе», пьес «Минин» и «Осада Полтавы», ряда поэм и повестей, по словам П. А. Вяземского, он «был рожден народным трибуном». Любитель словесных тирад военный губернатор Москвы Ф. В. Ростопчин именно тогда сказал Сергею Глинке: «Развязываю вам язык на все полезное для Отечества, а руки на триста тысяч экстраординарной суммы». Прямой, честный и бескорыстный человек, назначенный после восстания декабристов на должность цензора, Глинка вскоре оставляет этот пост. Полученные им триста тысяч рублей Сергей Николаевич, несмотря на бедность свою, возвратил казне, не истратив ни одной копейки.

В корпусе постоянно бывал и другой Глинка, младший брат Сергея — Федор, в последующем активный участник войн с наполеоновской Францией, автор «Писем русского офицера» и многих поэтических творений, в том числе стихов, ставших народными песнями, — «Вот мчится тройка удалая» и «Не слышно шума городского». После окончания Отечественной войны Федор Николаевич оказался в рядах декабристов. Заведуя канцелярией военного губернатора столицы генерала М. А. Милорадовича, имея доступ к документам тайной полиции, он оказывал огромную помощь тем, кто готовил восстание.

В его квартире на Театральной площади, в доме Анненковой (ныне дом № 16), собирались члены Союза благоденствия, обсуждались программные вопросы и намечались пути достижения поставленных целей.

В январе 1820 года здесь проходило совещание, на котором П. И. Пестель доложил «все выгоды и все невыгоды как монархического, так и республиканского правления с тем, чтобы потом каждый член объявил свое суждение и свои мнения». Почти все присутствующие проголосовали «за республиканское государственное устройство России». Было также решено, что основной силой государственного переворота станет революционная армия.

Федор Глинка был большим другом Пушкина. Именно к нему Александр Сергеевич обратился за советом, когда вызван был для объяснений к генерал-

губернатору в связи с распространением в столице его свободолюбивых стихов.

Среди лиц, хлопотавших о смягчении приговора Пушкину, был и Федор Глинка. Глинка использовал для этого свое влияние на генерал-губернатора М. А. Милорадовича, с которым он прошел Отечественную войну 1812 года в должности адъютанта.

Позднее Федор Глинка посвятил ссыльному поэту полное сочувствия стихотворение, на что Пушкин откликнулся посланием «Когда среди оргий жизни шумной». Он же в августе 1830 года, несмотря на строгий надзор, вместе с поэтом П. А. Вяземским посетил сосланного в Тверь Федора Глинку.

Как и Толь, Глинка твердо защищает величие полководческого искусства Кутузова. «Кто из русских не согласится, что в Отечественной войне одно искусство, в лице знаменитого полководца нашего Кутузова, победило силу. Оно защитило нашу честь, возвысило славу, нашу свободу и великое преимущество называться русскими», — писал он.

Однако все это будет потом. А пока, постигая азы военного искусства, кадеты усердно вычерчивали тактические схемы.

В самом плачевном состоянии были финансовые дела корпуса. Из доклада главного казначея Василия Эмса выходило, что корпусу грозит банкротство. Вследствие попустительства Ангальдта многие из поставщиков, заполучив ссуды, своих договорных обязательств не выполнили. Таким образом, корпус, с одной стороны, оказался на положении прекраснородушного кредитора. С другой — должником, поскольку надо было постоянно брать в кредит продовольствие, фураж, необходимое имущество, ремонтировать здания и платить жалованье. Задолженность и проценты по ней, возрастая из года в год, поставили казну корпуса в критическое положение.

Тут было над чем задуматься. Неслучайно в одном из своих первых рапортов императрице Кутузов писал: «При вступлении в командование Шляхетского сухопутного кадетского корпуса... нашел я, при сочтении казны, корпус должным по первое октября сего 1794 г. немалую сумму».

Необходимо было экономить на всем. Директор категорически запретил самовольный, дорогостоящий и мало что дающий ремонт зданий и помещений корпуса. «С первого числа января будущего 1796 года, — говорилось в одном из его приказов, — никаких как в казенных, так и у живущих, корпусу принадлежащих чинах и протчих строениях поделок и починок без повеления моего не чинить, а равно и стекол ни по каким требованиям кроме казенных мест, то есть кадетских спален, рекреационных залов и классов не вставлять без доклада ко мне». Вся ответственность за содержание и ремонт помещений была возложена на корпусную полицию. «Все починкам и строениям корпусным, — требовал директор, — состоять в ведении корпусной полиции, почему господин подполковник Андреевский (управляющий оною полицией), относительно до строений как о каменной, так и плотничной и прочих работах имеет сделать положение в распределении цен и с подрядчиками заключить договоры с выгодою корпусною и по заключении представить мне на рассмотрение».

Был установлен твердый порядок в расходовании корпусных денег, продуктов питания, выдаче одежды и предметов обихода. «Для соблюдения порядка, — опять же требовал он, — предлагаю господину дежурному майору подавать мне ежедневно записки, какое прошедшего дня для господ воспитанников было кушанье, и объяснить в оных о доброте припасов. А также и о том за нужное нахожу поставить, чтобы вещи предвидимые, как то: пудра, помада, ленты, гребни и прочее — требованы были помесечно вперед... Крайне

стараться господам ротным командирам, инспекторам и прочим, чтобы вещи прочие употреблены были со всякой бережливостью и каждый предмет тщательно учитывался в книгах».

С целью поднятия ответственности кадет за сохранение имущества Кутузов предписывает: «О потерянных кадетами классных книгах, математических инструментах и прочих вещах, кои именно потеряны, ежемесячно подавать рапорты». А позднее в приказе: «...за потерянные кадетами книги: Хвостова — за „Всемирную историю“, Рейценштельда — за „Российскую грамматику“, Лобысевича — за „Лезебух“, Воейкова — за „Краткую священную историю“, — требую при тех же ротах наказать и при том воспитанникам подтвердить наистрожайше, чтобы они хранили казенные вещи, за чем и господам офицерам наикрепчайше смотреть».

Надо сказать, что рачительность была характерна для всей хозяйственной деятельности генерала. Так, был заведен строжайший учет корпусного имущества, для чего в каждой роте была «учреждена» приходо-расходная книга, прошнурованная и скрепленная печатью директора корпуса. С этой же целью имущество корпуса ежегодно, а казна — ежемесячно стали ревизоваться специально созданными комиссиями. Для экономии денежных средств при корпусе была оборудована своя хлебопекарня.

Рачительность Кутузова имела и большое воспитательное значение, поскольку развивала у кадет бережливость, аккуратность и осмотрительность в действиях.

Одновременно с жесткой экономией денежных средств Кутузов предпринимает энергичные меры по ликвидации задолженности корпусу от многочисленных поставщиков. При этом оказалось чрезвычайно трудным не только взыскание процентов, но и вообще возврат ссуд, так как многие из кредитуемых или сознательно тормозили возврат денег, или действительно оказались неплатежеспособными.

Положение финансовых дел осложнялось к тому же несвоевременным поступлением средств из государственной казны на содержание корпуса, в связи с чем Кутузов обращается с настоятельными просьбами в Правительствующий Сенат. При том в одном из писем на имя тайного советника Х. С. Миниха он просто умоляет о выделении хотя бы части полагающегося: «...и прошу покорнейше, если теперь невозможно, хотя из первовступивших оной капитал и с процентами приказать отпустить...»

Стараниями Кутузова годовой бюджет корпуса с 200 тысяч рублей был увеличен с 1 января 1797 года до 225207 рублей 36 копеек. Но этого оказалось недостаточно.

Для поправки финансовых дел пришлось принимать экстраординарные меры: брать займы под проценты с залогом земель, принадлежащих корпусу, и даже частично распродать их.

Корпус в экономическом отношении представлял собой вполне самостоятельную единицу. Снабжение продовольствием, фуражом, обмундированием, обувью, снаряжением не было централизованным. Директору при решении многих хозяйственных вопросов следовало исходить из возможностей бюджета, а с другой стороны — уповать на добросовестность и предприимчивость интенданта, в чьих руках практически находилась вся хозяйственная часть. Должность эта официально называлась в разные времена по-разному. Неофициально же всегда — эконом.

Михаил Илларионович с уважением относился к нелегкому

интендантскому труду, требовавшему постоянной полной самоотдачи. Категория этих людей, «не ползавших под пулями», всегда отличалась внешней респектабельностью. Знакомство же с экономом корпуса Андреем Петровичем Бобровым произвело совершенно неожиданное впечатление. Перед директором предстал офицер низенького роста, полный, чрезвычайно неряшливый на вид. Однако первое впечатление о человеке не всегда верно. Так было и на сей раз. Как писал Н. С. Лесков в повести «Кадетский монастырь», этому человеку, отдававшему всего себя службе, не хватало времени ни на внешний лоск, ни на женитьбу. Жил он чрезвычайно скромно на территории корпуса, «дабы быть постоянно на месте», питался из кадетского котла. При этом большая часть жалованья уходила «на восполнение экономических прорех корпуса» и на оказание материальной помощи неимущим кадетам, особенно из мещанской среды, к коей принадлежал и он сам. Находясь постоянно среди кадет, вникая в каждую мелочь быта, добродушный и отзывчивый эконом пользовался среди воспитанников огромным авторитетом. Каждому из них по выпуску он дарил на память серебряную ложку, а «бедным и безродным» справлял «приданое». И воспитанники отвечали ему взаимной привязанностью. Если кому-либо из них впоследствии приходилось бывать в Петербурге, то, несмотря на занятость и чины, они обязательно навещали в корпусе «старого Бобра», который, радушно встречая их, непременно угощал кадетским обедом. Неслучайно интенданту Боброву посвятил одну из своих од юный К. Ф. Рылеев. Она начиналась словами: «О ты, почтенный эконом Бобров!»

Для директора корпуса такой помощник был просто находкой.

В целом хозяйство корпуса в период пребывания в нем Кутузова было приведено в надлежащее состояние, а финансовое положение значительно улучшено. Все это потребовало от Михаила Илларионовича огромных сил. Впрочем, не обошлось без неприятностей.

Недруги Кутузова из влиятельных кругов, прочившие развал дел по вступлении нового директора в должность, распустили слух о якобы имеющих место злоупотреблениях в корпусе.

Вот что писал об этом в «Русском архиве» генерал-адъютант граф Е. Ф. Комаровский: «Поступало ко мне множество бумаг от графа Ферзена по бывшим будто бы злоупотреблениям, генералом Кутузовым допущенным: распродаже пустопорожних мест, корпусу принадлежащих и проч. Я заметил, что между сими двумя генералами была взаимная личная вражда от зависти, может быть, в военном искусстве происходившая; мне хотелось, чтоб представления графа Ферзена не сделали вреда генералу Кутузову, ибо я знал строгость императора, и если бы сии бумаги доведены были до сведения его величества, то генерал Кутузов непременно бы пострадал. Я много раз ездил к генералу Ферзену и старался склонить его к некоторому снисхождению, но успеть в том не был в состоянии. Наконец, выбрав веселую минуту великого князя, объяснил все его величеству; он меня поблагодарил и приказал поехать к графу Ферзену и сказать ему: что все, что было сделано в управлении генерала Кутузова корпусом, происходило в царствование августейшей его бабки и что его высочеству не угодно, чтоб генерал, служивший ее величеству с честью, получал какую-либо неприятность, а потому приказывает его превосходительству, чтобы впредь на генерала Кутузова никаких представлений более не делать. Графу Ферзену это было очень неприятно. В первый раз, как я встретился с генералом Кутузовым во дворце, он меня чрезвычайно благодарил, вероятно, ему все было известно».

Между тем командование войсками в Финляндии занимало немало времени. Приходилось часто совершать инспекционные поездки, выезжать в гарнизоны по неотложным делам, руководить подготовкой войск, нести полную ответственность за их боевую готовность и дисциплину, вникать в вопросы жизни и быта, улаживать отношения с местным населением, постоянно бывать в канцелярии командующего, руководить разработкой важных документов, а также ремонтом и строительством оборонительных сооружений.

В подчинении Кутузова находились десять мушкетерских полков, полк донских казаков, три егерских батальона, четыре полевых московских мушкетерских батальона, два гребного флота артиллерийских батальона, оборонительные сооружения Роченсальмского порта, Нейшлота, Вильманстранда, Давыдовской и Выборгской крепостей, Сайменского канала и острова Котки. Только в 1795 году на совершенствование их царское правительство выделило 176688 рублей 10 копеек.

За короткий срок Кутузов навел порядок в организации пограничной службы. Под его руководством была составлена карта Финляндии, разработан план на случай войны со Швецией.

Тесное общение с войсками в период службы в корпусе позволяло Кутузову хорошо видеть не только сильные, но и слабые стороны бывших своих выпускников. Это давало возможность с наибольшей целесообразностью вносить коррективы в учебные планы.

Каждый раз, возвращаясь из поездок, Кутузов внимательно выслушивал подробный доклад своего заместителя, тщательно знакомился с поступившими в его отсутствие документами, принимал по ним те или иные решения.

Не обходилось, конечно, и без происшествий. Так, в октябре 1795 года взволнованный Ридингер, более обычного путаясь в русских словах, доложил, что в отсутствие шефа корпус посетил «нашлетник Пауль».

В посещении корпуса наследником ничего удивительного не было, поскольку «главным его попечителем» была императрица. Однако, зная взбалмошный характер цесаревича и желая получить точный доклад, Михаил Илларионович попросил Ридингера изложить все обстоятельно на его родном языке.

Из доклада стало ясно, что на другой день после отъезда Кутузова корпус инспектировал Павел. Воспитанников было приказано построить в большой рекреации. Внешний вид кадет, несмотря на хорошее состояние одежды, обуви и приличную выправку, Павла не удовлетворил. По-видимому, не понравилось пренебрежение в корпусе к буклям, пудре и помаде. Однако громкое и дружное «Здравия желаем, Ваше Императорское Высочество» настроило его на мирный лад. И все же настроение царского отпрыска вскоре испортилось. Дело в том, что стоящие несколько поодаль кадеты младшего возраста при приближении Павла (по настоянию попечительницы госпожи Бутсгевден), в отличие от своих старших собратьев, пропищали: «Ваше Императорское Высочество, припадаем к Вашим стопам!» Павел не понял. Фыркнув: «Что они там галдят?» — он подбежал к малолетним, схватил кадета Сашу Яшвиля под мышки, поставил на табурет, где и стал раздевать догола, проверяя «на предмет чистоты». Перепуганная не на шутку мадам стояла ни жива ни мертва. Поняв, что Павел остался доволен чистотой тела и белья отрока, классная дама, упав на колени, бросилась целовать руку наследнику.

Затем Павел побывал в столовой, где, сев за один стол с кадетами, съел сладкий пирожок. Оказалось вкусно. Съел другой. В результате двух ребят

оставил без сладкого. Рассказав все это, Ридингер поспешил подобострастно заговорить о том, как уезжающий Павел угощал кадет и его самого конфетами — в то время большой редкостью.

Струсившего Ридингера можно было понять — «нашлетник есть нашлетник!». Он знал, что в императорской канцелярии уже давно лежала реляция генерала Кутузова на представление его, Ридингера, к награждению орденом Святого Георгия IV класса. Лишиться награды Ридингеру не хотелось.

Лето 1796 года для воспитанников корпуса выдалось необычным. Корпус выходил в лагерь.

Летние лагеря не были чем-то неожиданным для кадет. Они практиковались и прежде. Однако с течением времени, как и многое другое, лагерная служба превратилась в формальность. Вся суть ее состояла в том, что воспитанники в летнее время перемещались на житье в палатки, расставленные в корпусном саду. Получалось так, что в хорошую погоду юноши спали на свежем воздухе, в плохую — возвращались в камеры. Все остальное оставалось без каких-либо существенных изменений. Теперь положение коренным образом изменилось. Корпус выводили в летние лагеря под Петергоф.

Перед этим среди воспитанников воцарились возбуждение и приподнятость духа. Чистилось и обильно смазывалось оружие. Приводились в порядок обувь и обмундирование, экипировались ранцы, подгонялось снаряжение. Кадеты учились ставить палатки. Накануне выхода в лагерь директор корпуса производил строевой смотр, которому предшествовали смотры поротно. Каждая из рот по результатам смотра непременно хотела быть первой.

В день выступления юноши получили сытный завтрак. Затем после общего построения поротно, в походном строю, под звуки оркестра и барабанную дробь корпус совершал марш. Четкий строй, ладная выправка молодых людей и звонкая строевая песня вызывали восторг петербуржцев и чувство гордости у самих идущих в строю.

С завистью смотрели вслед уходящим товарищам кадеты-малолетки, которые теперь против обыкновения разъезжались по домам. Генералу Кутузову пришлось немало похлопотать на сей счет перед императрицей.

Пришлось приложить немалые усилия и по организации лагеря. Здесь все было максимально приближено к полевым условиям войск. Строго по линии расположены палатки. Передняя линейка (рунда) — для построений. На правом фланге лагеря и каждой роты — знаменные «грибки» и часовые у знамен. Оружейные палатки и палатки с имуществом — на второй и третьей линиях. Воспитанники распределены по семь-восемь человек на шатер, спят на тюфяках, набитых соломой; едят по-солдатски деревянными ложками из общей тарелки; кадетские мундиры как малопригодные для действий в полевых условиях заменены холщовыми рубахами-косоворотками; ранее созданные роты сведены в батальоны.

В лагере заведен строжайший распорядок дня, обязательный для всех его обитателей независимо от должностей и военных званий. Подъем, завтрак, начало и конец занятий, обед и ужин — строго по сигналу. Отбой — по пушечному выстрелу. Отлучка из лагеря, в том числе и офицеров, — с разрешения директора корпуса.

Главное же внимание было уделено повышению полевой выучки. Оборудование позиций с устройством редутов; ведение «боя» при действиях в колоннах и рассыпном строю; отражение атак конницы — в каре; нанесение

штыковых ударов; организация марша, разведки, преследования противника и отход, а также полевая служба охранения — все это стало обычным. Здесь же воспитанников обучали боевой стрельбе из ружей и пистолетов, проводились стрельбы из пушек. Кадеты старших возрастов к тому же привлекались на красносельские маневры войск, проводимые под руководством императрицы. Суворовское правило «тяжело в учении — легко в бою» стало главным девизом в обучении.

Лагерная служба явилась важным этапом в подготовке кадет. Здесь будущие офицеры крепили физически и нравственно, становились более выносливыми, познавали полевой быт войск, приобретали практические навыки. Все это было чрезвычайно важно. Кадетский корпус, руководимый генералом Кутузовым, находился на верном пути.

Представление о генерале Кутузове — директоре кадетского корпуса будет не совсем полным, если не отметить еще одно важное обстоятельство.

Для многих офицеров единственным источником средств к существованию была служба. Однако если при жизни главы семьи материальное положение ее было более или менее благополучным, то с потерей его (что при ведении войн явление довольно обычное) положение семьи становилось критическим. В еще худшие условия попадали семьи нижних чинов. Затруднения испытывали и те семьи обеспеченных офицеров, коим подолгу приходилось нести службу в отдаленных гарнизонах.

Михаилу Илларионовичу, участнику многих войн и очевидцу послевоенных событий, все это было хорошо известно. Вот почему он с такой настойчивостью стремился определить в кадеты возглавляемого им корпуса в первую очередь детей погибших и умерших офицеров. Надо отметить большое внимание его и к малоимущим. Директор корпуса делал все от него зависящее для материального обеспечения их по выпуску за счет казны, ходатайствуя перед военным ведомством. В частности, в письме на имя Ростопчина от 21 октября 1797 года он писал: «При выпуске кадет многие из них в рассуждении бедного состояния способов не имеют чем бы экипироваться и доехать к полкам... При сем случае... прошу покорнейше... на самонужнейшее исправление... отпустить три тысячи рублей».

Впрочем, есть основания полагать, что в бытность Кутузова на посту директора малоимущие кадеты обеспечивались по выпуску не только за счет казны. Многие из них экипировались как за счет средств эконома Боброва, так и за счет самого Кутузова.

Одновременно с этим в 1796 году стараниями Михаила Илларионовича при кадетском корпусе создается «малолетнее отделение» для детей погибших военнослужащих, а также офицеров, проходивших службу в отдаленных гарнизонах.

Сюда принимались дети в возрасте четырех-семи лет, где им прививали культурные и житейские навыки, заботились об их здоровье. По мнению историка-педагога Алпатова, «это был первый опыт по организации детских приютов, который был использован позднее в работе военно-сиротских домов в России».

Более всех назначением Михаила Илларионовича на должность директора корпуса была довольна Екатерина Ильинична. Наконец-то можно было пожить вместе всей семьей. Как ни радостны были кратковременные приезды мужа в Петербург, постоянное отсутствие его становилось все более тягостным. С летами ежедневные хозяйственные хлопоты и постоянное волнение за мужа,

пребывающего то в походах, то в сражениях, стали ощущаться более остро. К тому же немалое беспокойство стали доставлять не только дочери, но и внуки.

Более двух лет семья Кутузовых благоденствовала. Здесь все шло своим чередом. Императрица по-прежнему благосклонно относилась к Михаилу Илларионовичу, ценя его ум и работоспособность. Указом ее от 18 августа 1795 года генералу было пожаловано небольшое имение в Волынской губернии. Екатерина Ильинична и Михаил Илларионович были частыми гостями Малого Эрмитажа, где царица, обращаясь к генералу, по обыкновению говорила: «Мой Кутузов». Вот и 16 ноября 1796 года Кутузовы находились в обществе Екатерины II, которая в тот вечер была необычно возбуждена, нарушая самую же ею заведенное правило Малого Эрмитажа «говорить умеренно и не очень громко, дабы у прочих головы не заболели».

Кутузов на царские приемы шел без желания. Он испытывал постоянную нехватку времени, ему претила праздность. Однако приходилось считаться с женой. Екатерине Ильиничне, прожившей многие годы в одиночестве, конечно, хотелось бывать в свете.

На следующее утро работа генерала в корпусной канцелярии была прервана стремительным появлением подполковника Андреевского. Чрезвычайно бледный, срывающимся голосом он доложил: «Царица, матушка... при смерти! Сегодня ночью... апоплексический удар... Говорят, пошла в уборную и упала!» Решение дел пришлось отложить.

Дома о случившемся уже знали. Надев парадный мундир, Кутузов поспешил в Зимний. На Дворцовой площади и в Эрмитаже было многолюдно. Среди статских и военных царили уныние и настороженность. За дверями знакомых покоев умирала императрица. При ней находились наследник престола Павел и молодой князь Платон Зубов. Развязка наступила около десяти часов вечера.

Отворилась дверь из парадных покоев, и граф Безбородко объявил собравшимся о кончине. Следом, грохоча сапогами и шпорами, вышел худощавый, невысокого роста, с выпуклыми глазами, сильно вздернутым носом, выдающимися скулами и большим ртом нервического вида человек. Это был наследник престола.

Началась смена караула. Охрану Зимнего брало на себя гатчинское войско. В начале двенадцатого ночи граф Самойлов зачитал собравшимся в дворцовой церкви манифест о смерти Екатерины II и о вступлении на престол Павла I. Началось принесение присяги и раздача царских милостей. Наград, чинов и званий были удостоены многие.

К генералу Кутузову Павел отнесся странно: за заслуги его «перед отечеством на поле брани» его жена Екатерина Ильинична была удостоена дамского ордена Святой Екатерины.

Похороны усопшей императрицы представляли собою мрачное зрелище. Рядом с гробом матери по распоряжению Павла был поставлен извлеченный из склепа гроб его отца, Петра III, убитого заговорщиками до коронации и потому похороненного как все простые смертные. Павел I вторично хоронил отца, но уже со всеми почестями, положенными царской особе «церковным артикулом».

Не меньшее удивление вызвало у Михаила Илларионовича и траурное шествие, во главе которого гусиным прусским шагом шел монарх. Процессия шла по обыкновению медленно, и император постоянно отрывался от нее, уходя далеко вперед. Для устранения «диспропорции в марше» гатчинский капрал приказывал догонять его. В результате траурная процессия (в которой

был и Кутузов) периодически бежала трусцой.

На четвертый день царствования Павла Петербург встречал основные силы гатчинского воинства, доведенного стараниями наследника до двух с половиной тысяч человек.

Поскольку навстречу своим полкам император выезжал собственной персоной, то на церемонии надлежало быть и знати, особенно военным, «для скорейшего познания школы гатчинской». Перед изумленным русским генералитетом в столицу вступало некое иностранное войско, одетое в тесные мундиры прусского образца, при париках, буклях, с огромными косами, с незнакомыми строевыми командами и необычными ружейными приемами. Сотни совершенно не сгибавшихся в коленях ног поднимались и шлепали башмаками, усердно разбрызгивая осеннюю грязь петербургских улиц. Одна за другой шли плотно составленные «коробки» солдат, с выражением страха и усталости на лицах.

Торжественный ритуал завершился на Дворцовой площади. После приведения к присяге гатчинское войско было распределено по гвардейским полкам «для передачи опыта прусского».

Офицеры-гатчинцы, в основном иностранцы или списанные за непригодностью из флота (для чего наследник Павел использовал занимаемую им должность — президента Адмиралтейской коллегии), не имеющие ни высокого сословного положения, ни боевых заслуг, уравнивались чин в чин с привилегированной гвардией. Русская аристократия была ошеломлена.

Вскоре приказы, циркуляры и распоряжения с обязательным доведением до всех должностных лиц посыпались из-под рук Павла как из рога изобилия. С каждым из них генералу Кутузову приходилось знакомиться и отдавать соответствующие распоряжения дважды — как директору корпуса и как командующему войсками. То император устанавливал цены на черное сукно (подорожавшее в связи с трауром по усопшей императрице), то издавал распоряжения, подобные запрещавшему гражданским лицам ношение круглых шляп, а офицерам езду в каретах и надевание шуб. Был определен строгий ритуал «приветствия царской особы» в зависимости от сословного положения встречного, вида его передвижения в данный момент, пола, количества лошадей для карет и пр.

Перед отъездом с посольской миссией в Порту Михаил Илларионович нанес визит вежливости «гатчинскому отшельнику». Тогда Павел, восхищаясь лошадьми кутузовской кареты, заявил: «Хороши кони, но они были бы лучше в немецкой упряжи». Теперь «немецкую сбрую» Павел пытался надеть на всю Россию.

Не остался без внимания и Первый кадетский корпус.

Побывав однажды здесь на утреннем подъеме и оставшись довольным организованностью, император стал часто наезжать сюда к пяти часам утра, дабы доставить себе удовольствие еще и еще раз. По указанию Павла была проведена замена формы кадет, стоившая немалых хлопот и денежных средств. Заменялись и ротные знамена новыми — павловскими. Аббаты-иностранцы заменялись офицерами-надзирателями. Некоторые толковые офицеры корпуса по приказу императора возвращались в свои полки, другим же в переводе в кадетский корпус было отказано. Большая кропотливая работа, начатая Кутузовым по подбору начальствующего состава корпуса, сводилась на нет.

Генералу Кутузову теперь все чаще приходилось иметь дело с набиравшим силу Аракчеевым.

Однако главные неприятности были впереди. Павел I приступил к проведению военной реформы. Менялись принципы обучения, воспитания, организации армии. Передовые методы обучения, созданные Петром I, Румянцевым, Суворовым, заменялись муштрой Фридриха II. Грозная русская армия превращалась в механическую игрушку для плац-парадов.

Павел I, не выигравший ни одного сражения и не видевший в жизни ни одного боя, учил прославленных русских генералов (в их числе и Кутузова) «настоящему фрунту», жестоко расправляясь за малейшее сопротивление. Престарелого фельдмаршала Румянцева он потребовал в Петербург. Получив в ответ: «Приехать нет сил. Ноги болят», написал: «Нужны не ноги фельдмаршала, а он сам!» Вскоре старый воин, тяжело заболев, скончался. Гений русского военного искусства великий Суворов был выслан под надзор в село Кончанское. Предводитель Сената граф Самойлов от службы уволен за опоздание на развод, присутствие вельмож на котором Павел то считал обязательным, то упрекал их за это как за бесцельную трату времени. Хитрый Безбородко, не желая ни подниматься в пять утра, ни брать на себя «грехи императора», добровольно оставил пост канцлера. Приглашенный «для благодарствий» учитель Павла митрополит Платон от приезда отказался, «дабы не получить вместо поощрения наказание». Не избежал наказания поэт и тайный советник Гаврила Романович Державин, не желавший воспевать самодержца.

По мнению историка Н. М. Карамзина, это был период, когда «награда утратила свою прелесть, а наказание — сопряженный с ним стыд».

Генерал Кутузов, преданнейший и талантливейший из учеников Суворова, хорошо понимал, что его петербургские дни сочтены. Лишь прекрасная организованность в работе да величайший такт и выдержанность отодвигали этот момент. Но долго так продолжаться не могло.

В августе 1797 года Шляхетский кадетский корпус возвращался из летних лагерей к месту постоянной дислокации. Пройдя перед царской резиденцией по Сенатской площади (ныне площадь Декабристов) с отданием воинской почести памятнику Петру Великому, двигался он к Исаакиевскому мосту. В четком строю походным шагом шли окрепшие, подтянутые юноши, внешний вид которых разительно отличался от «государева войска» в лучшую сторону — в легких холщовых рубахах-косоворотках, подпоясанных ремнем, в брюках, заправленных в сапоги, в удобных для поля бескозырках. На постриженных волосах — ни малейшего намека на пудру, ни следа помады. Весь облик их — душевное равновесие, подъем, знание дела, простота и удобство снаряжения — говорил о готовности батальонов кадет к действию.

Впереди этого столь необычного по тем временам войска шел испытанный в баталиях генерал-лейтенант Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов.

Это был его последний совместный марш с корпусом, делам которого было отдано так много душевных и физических сил.

Не найдя какого-либо предлога для отстранения Кутузова от занимаемых им должностей, Павел I отправляет его с дипломатической миссией в Берлин. «Во взаимство присылки к нам от его величества короля прусского генерал-лейтенанта Клейста повелеваем отправить с приветствием от нас нашего генерал-лейтенанта Голенищева-Кутузова», — говорилось на сей счет в царском рескрипте.

Надо заметить, что не последнюю роль в принятии такого решения

сыграли Коллегия иностранных дел и посол царского двора в Берлине Н. П. Панин.

27 декабря 1797 года Кутузов пишет свой последний приказ по корпусу: «По воле Его Императорского Величества отправляюсь я на некоторое время в Пруссию. Командование над корпусом поручаю старшему по себе господину подполковнику Андреевскому, надеюсь при том, что и господин подполковник Фромандиер не оставит ему вспомоществовать и для того предписываю: как поступающую в корпус сумму, так и поверку чинить помесечно, равно и буде какие денежные выдачи происходить, будут подписывать обще; также и вещи, принимаемые от поставщиков, свидетельствовать обще, не упуская сверх того господину подполковнику Фромандиеру смотрение за лазаретами и воспитание над малолетними. Господину инспектору классов майору Клингеру на место выпущенных кадет учинить перевод из нижних в верхние классы по успехам, не наблюдая однако ж уравниения в классе. Господам учителям рекомендую в отсутствие мое иметь в классах прилежное старание и отнюдь оных не оставлять небытием своим».

Как истинный патриот, человек беспредельно преданный своему делу, Кутузов, покидая корпус, беспокоится о нем. Впрочем, здесь же явно звучит и нескрываемая надежда на возвращение.

Всего лишь около трех лет пробыл он в должности директора кадетского корпуса. Однако это время осталось неизгладимым в его истории.

Многие из учеников Кутузова прекрасно проявили себя на полях сражений русско-турецких и наполеоновских войн и особенно в Отечественной войне 1812 года. Так, только из выпущенных в 1798 году кадет «с отменными успехами и поведением хорошим» отличились в боях Арсентьев, Левшин, Апушкин, Образцов, Тизенгаузен и другие. Многие из воспитанников Кутузова успешно командовали полками и дивизиями, а Карл Толь, как уже говорилось, занимал пост генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего русской армией. Вошел в историю Отечественной войны 1812 года адъютант генерала М. А. Милорадовича Федор Глинка.

Впоследствии, оказавшись в Петербурге на юбилейном празднике по случаю столетия кадетского корпуса, от имени кадет кутузовских времен он прочитал проникновенные стихи:

...И вышел я, когда весь свет
Кипел в каком-то зное ратном...
«Сдавайся», — Запад нам кричал,
И Русь святая не сдалась.
Она во весь свой рост на подвиг поднялась,
И вел полки на встречу полусвета —
Подумайте, кто вел! Он другом был кадета —
Тот гений битв, тот муж высокого ума,
Он — наш великий вождь Кутузов.

28 декабря 1797 года генерал Кутузов покинул Петербург. Предстояло снова совершить долгий по тем временам путь в Пруссию, где он побывал еще в молодости. Однако теперь встречи должны были быть не с кумиром Запада полководцем Фридрихом II, а с новым королем, будущим союзником России в борьбе с Наполеоном — Фридрихом Вильгельмом III.

Глава III Губернатор Петербурга

Визит Кутузова в Пруссию в связи с восшествием на престол короля Фридриха Вильгельма III служил одним из средств к решению дипломатической задачи большой государственной важности. Михаилу Илларионовичу предстояло склонить прусского монарха к переговорам о совместной борьбе против Франции. «Я думаю, — писал вице-канцлер А. Б. Куракин о Кутузове, — при его уме и способностях должно надеяться, что он будет действовать с умеренностью и с прилежанием и с искусством воспользуется хорошим расположением короля в нашу пользу». Как свидетельствуют документы Коллегии иностранных дел, Михаил Илларионович с возложенной на него задачей справился великолепно. «Он столь действовал неутомимо... и выдерживал важность своего звания столь сильно и удачно, что менее нежели в течение одного года приведены были политические тогдашнего времени дела к желаемому концу наилучшим образом».

Неслучайно Н. П. Панин, восхищенный дипломатическими способностями Кутузова, просил Петербург об оставлении его в Берлине «для ведения окончательных переговоров с Пруссией». На что Петербург отвечал: «Оставление на дальнейшее пребывание в Берлине М. И. Кутузова, который столь отлично принят там при дворе и возложенные на него поручения отправляет с особливим успехом, не может быть прилично и удобно по большому чину, ибо он вскоре по отъезде своем отсюда пожалован генералом от инфантерии и получил Финляндскую дивизию, где присутствие его нужно».

В марте 1798 года Михаил Илларионович возвратился в столицу. К тому времени снова обострились отношения со Швецией, и Павел I сразу же возложил на него подготовку плана войны.

Надо сказать, что план, по существу, был к тому времени уже разработан под эгидой императора. Кутузову следовало ознакомиться с ним и дать свои заключения. Однако, отнесясь к порученному делу со всегдашней добросовестностью, после тщательного изучения проекта и сличения его в ходе рекогносцировок с местностью Кутузов нашел оный «ошибочным в основе своей», а потому, радикально переработав, представил новый, оригинальный. Это вызвало гнев самодержца. «Господин генерал от инфантерии, — писал Павел, — вследствие присланных от Вас замечаний к операционному плану повелеваю Вам исполнить то, что прежде подписано мною... держась во всем моего плана, от которого я не отступлю». Вступать в спор с монархом было не только бессмысленно, но и небезопасно.

План реализован не был. Вскоре Михаилу Илларионовичу снова пришлось выполнять дипломатическое поручение — вести переговоры со шведским представителем генералом Клингспором относительно демаркации границы.

Кутузов-дипломат умело отстаивает государственные интересы России, твердо отмечая территориальные претензии Швеции.

В октябре 1799 года Екатерина Ильинична вновь отправляла супруга в поход. Павел I назначил Кутузова командующим русским экспедиционным корпусом в Голландии. Корпус этот, предназначенный для борьбы за освобождение Голландии от французских войск, оказался без командира: 30 сентября 1799 года, в сражении при Бергене, возглавлявший его генерал И. И. Герман был взят в плен.

Однако в связи с прекращением военных действий вступить в новую должность Михаилу Илларионовичу не пришлось. Еще до приезда его в Голландию началась эвакуация русских войск. По возвращении в столицу в ноябре того же года Кутузов назначается литовским военным губернатором с одновременным исполнением обязанностей инспектора инфантерии Литовской и Смоленской инспекций, а также шефа Псковского мушкетерского полка. В январе 1800 года рескриптом из Петербурга Кутузову было поручено, кроме того, «начальство по гражданской части» в Литве.

Таким образом, дел у губернатора в Вильно оказалось предостаточно. В этой связи Михаил Илларионович писал в Петербург к жене: «...Я, слава богу, здоров, только глазам работы так много, что не знаю, что будет с ними». Вместе с тем, находясь в Вильно, связей с Петербургом Кутузов, как и прежде, не теряет, о чем можно судить не только по переписке. Генерал часто бывал здесь в Военной коллегии, участвовал в маневрах войск и работе Военной комиссии по выработке предложений по сокращению расходов на содержание армии, выполнял различные дипломатические поручения двора: деликатную миссию встречи и сопровождения шведского короля Густава Адольфа IV, приехавшего в Петербург инкогнито под именем графа Гага.

Умное, тактичное обхождение Кутузова-дипломата способствовало сближению соседних стран, что было важно для России в сложной в ту пору обстановке.

В это же время Михаил Илларионович встречался в Петербурге со своим другом-однополчанином генералом Матвеем Ивановичем Платовым. Герой русско-турецких войн, заподозренный Павлом I в заговоре, был сослан в 1797 году в Кострому, а затем переведен в Петропавловскую крепость.

Освобожденный из заключения, стараясь поскорее забыть темные и сырые казематы петропавловских бастионов, он поселился в одной из лучших гостиниц столицы — Демутовом трактире. Открытый в 1760-х годах между Большой Конюшенной улицей и набережной Мойки трактир Филиппа Демута приобрел в ту пору в столице широкую известность. (Ныне в сохранившейся части одного из зданий бывшего Демутова трактира по улице Желябова, 27, размещен Театр эстрады.)

С генералом Платовым Кутузов был хорошо знаком и дружен еще со времен крымских событий. В 1744 году двадцатитрехлетний командир казачьего полка при конвоировании обоза был внезапно атакован скопищем крымских татар. Примкнув тыл отряда к болоту и забаррикадировавшись с фронта мешками с мукой и повозками, Платов успешно отбил все семь атак неприятеля. В память об этом бое была отчеканена на Петербургском монетном дворе специальная медаль.

Особенно примечательным был день в канун штурма турецкой крепости Измаил. Как самому младшему по чину, Платову пришлось на военном совете первому высказывать свое мнение. И он без колебаний произнес слово: «Штурм», единодушно повторенное всеми присутствующими.

Поражало в казачьем атамане и другое. Начав службу простым урядником, образование которого не шло дальше приходской школы, Платов стремительно продвигался по служебной лестнице, порождая своими военными дарованиями зависть и недоброжелательство у некоторых сослуживцев. Кутузов хорошо знал, что никто другой, как Платов, не смог бы использовать лучше преимущества донцов, их неутомимость и подвижность, умение тревожить врага днем и ночью, исключительное бесстрашие в бою.

Словом, поговорить им было о чем. Ведь от Очакова до Измаила они шли одной дорогой.

Отношение царя к Кутузову было неровным. Это объяснялось во многом неуравновешенностью императора, его мелочностью и придиричливостью. Так, в одном из февральских рескриптов 1799 года говорилось: «Господин генерал от инфантерии Кутузов, откомандирование Вашего квартмистра сюда для полковых надобностей, не получив сперва на то моего соизволения, приписывается мною не к иному, как к Вашим прихотям, за что через сие и делаю Вам выговор». А через год снова выговор по делу жителя Митава Попалека — «зачем без пашпорта через границу пропустил». И в то же время — производство в чин генерала от инфантерии, вручение высшей награды — ордена Андрея Первозванного. Более того, в декабре 1800 года взбалмошный Павел, предложив внести ясность в отношения европейских монархов проведением между ними рыцарского поединка, секундантом своим выбирает генерала Кутузова. По-видимому, шрамы Кутузова-воина импонировали царю.

Не оставалась без внимания и семья полководца. Екатерина Ильинична была определена в статс-дамы, а дочери Анна и Прасковья стали фрейлинами. И опять же, как говорилось, серьезные дипломатические поручения и частые приглашения ко двору на обеды и ужины.

Так, и 23 марта 1801 года Михаил Илларионович получил приглашение на ужин к императору, хотя почти накануне тот «делает выговор генералу от инфантерии Голенищеву-Кутузову за слабый приговор над подсудимым». Речь шла об одном из приговоров военно-полевого суда, которые генерал Кутузов всегда подписывал с большой неохотой. Откладывал утверждение, очень часто смягчал приговор или вовсе не утверждал его, а утвердив и переживая это, по нескольку дней не ел. Бессмысленная жестокость павловских порядков особенно претила складу его характера.

Михаил Илларионович шел на царские приемы с большой опаской. Недавно он своевольно посетил умирающего опального Суворова. Несколько успокаивала мысль о том, что есть еще такой же «своевольник», побывавший у умирающего полководца в доме А. И. Фомина на Крюковом канале, 23. Это был его боевой соратник и друг генерал П. И. Багратион. На всю жизнь сохранят они оба светлую память о своем учителе, генералиссимусе русской армии. В самые лихие годы не раз будут обращаться к его образу. На похоронах Александра Васильевича Кутузову быть не удалось. Однако слова Суворова: «Потомство мое, прошу брать мой пример до издыхания быть верным отечеству» — останутся верными ориентирами в его жизни.

Михаил Илларионович, ехавший теперь к царю, уже был в тот день во дворце на обеде у Павла. И вот снова приглашение. Теперь на ужин. Две встречи с царем за столом в один и тот же день? Чем это можно было бы объяснить?

Екатерина Ильинична рассуждала по-своему, веря сама и уверяя мужа в том, что император к ним милостив и благосклонен. Ведь в трудные для «гатчинского отшельника» времена не многие отваживались навещать его, а Кутузов бывал у него. И кто еще из генералов столь прилежно и успешно выполнял дипломатические поручения, проявляя при том превеликий ум и такт? Михаил Илларионович отшучивался, объясняя «благосклонность монарха» тем, что у них обоих (как у Павла, так и у Кутузова) — по пять дочерей! Между тем злые языки утверждали: «Кутузов всем богам молится...»

Словом, вечером 23 марта 1801 года Кутузов направился к царю.

Карета подъезжала к Михайловскому замку, или «царевой крепости», как называли его в городе. Резиденция императора и вправду напоминала средневековый замок, создавая своим романтическим обликом контраст классической застройке столицы. Второй месяц царь пребывал здесь, восторгаясь своим детищем и полагая, что уж тут-то жизнь его находится в полной безопасности.

Громада замка-дворца быстро выростала из тьмы по мере приближения к ней кареты. Пройдя проверку караулов, минуя брустверы с маячащими за ними жерлами двенадцатифунтовых орудий, преодолев по подъемному мостику наполненный водой ров, Михаил Илларионович оказался перед воротами здания. На фронте было начертано: «Дому Твоему подобает святыня Господня в долготу дней». Пройдя целый лабиринт массивных лестниц и гулких коридоров, наконец он оказался в зале для гостей. Было неудобно. Пахло сыростью и дымом. Павел поспешил поселиться во дворце, даже не дав просохнуть зданию.

Ужин проходил в тягостной атмосфере. Что еще выкинет самодержец? «От курного можно ожидать всего. Сегодня вознесет — завтра уничтожит», — говорили в свете. Император выглядел взвинченным, беседа его была прерывиста, движения резки. В глаза бросались необычная бледность и настороженность его наследника Александра, покинувшего общество до окончания ужина. Несмотря на внешнее спокойствие, нервы Кутузова были напряжены.

Вернувшись домой, он поделился впечатлениями с Екатериной Ильиничной, которая постаралась по обыкновению успокоить мужа. А наутро по столице разнеслась весть о кончине императора от «апоплексического удара». К власти пришел наследник Павла, его старший сын двадцатитрехлетний Александр.

Заискивая перед вельможами и генералитетом екатерининских времен, новый император предложил Михаилу Илларионовичу высокий пост, и в июне 1801 года генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов вступил в должность военного губернатора столицы. Этим назначением особенно довольна была Екатерина Ильинична. Радость ее понять было нетрудно. Снова предоставлялась возможность пожить всей семьей вместе. Но уже на следующий день появился другой рескрипт, в котором Кутузову препоручалось «управление в здешней губернии гражданской частью». Иными словами, на Михаила Илларионовича снова возлагалось одновременное исполнение двух должностей. А еще через несколько дней последовали царские указы о назначении Кутузова инспектором Финляндской инспекции и об управлении «гражданскою частию в Выборгской губернии».

Если учесть, что Кутузов по-прежнему состоял и членом комиссии при военном ведомстве, то надежды Екатерины Ильиничны не сбылись — Михаил Илларионович был снова всецело занят работой. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», — шутили дочери Кутузова над своей матушкой.

С губернаторскими обязанностями Михаил Илларионович был знаком еще по Литве. Однако здесь, в столице, все оказалось значительно сложнее. Масштабы и ответственность были другими. Теперь в строго определенное расписанием время — восемь часов утра — он прибывал в присутственное место — казенный дом военного губернатора Санкт-Петербурга.

Круг обязанностей губернатора был обширен. Поддержание общего порядка в столице, прием рекрутов для пополнения столичного гарнизона,

проведение парадов, смотров и инспекций, караульная и патрульная службы, хозяйственная жизнь столицы, разбор различных жалоб и челобитных, постоянные контакты с двором, утренние и вечерние доклады царю. Много времени у него занимал надзор за полицейской службой с ее обычными происшествиями: уличными драками, грабежами и пьяным озорством. К тому же, в связи с частыми пожарами в городе, полиция должна была осуществлять строгий контроль за выполнением указа о запрете курения на улицах как пешему люду, так и едущим на извозчиках.

Извозчиков в столице насчитывалось почти пять тысяч. Все они должны были иметь исправную упряжь и повозки, покрашенные в желтый цвет. Каждый имел «извозчий билет», подписанный обер-полицмейстером Санкт-Петербурга, вместе с ярлыком из белой жести, где указывался номер экипажа. Такой же номер был пришит к платью ямщика на спине.

Небезынтересно отметить, что в билете были указаны «правила для ездовых» из 28 пунктов, во многом напоминавшие современные правила дорожного движения. Так, двигаться следовало, придерживаясь правой стороны улицы на взнузданных лошадях и «отнюдь не скоро», а когда «случится подъехать к перекрестку, тогда ехать тише и осматриваться во все стороны, чтобы кому повреждений не учинить или с кем не „съехаться“». По мостам через реки карет не объезжать, на улице становиться карета за каретой, а рядом больше двух карет не становиться. Были также определены правила поведения ямщиков, взаимоотношения их с ездоками и другое.

На полицию возлагалась ответственность за постоянное освещение улиц столицы, где должно было гореть более трех с половиной тысяч масляных фонарей. Много беспокойства доставляли ей строго запрещенные карточные азартные игры. В связи с этим сразу же по вступлении в должность Кутузов предписал: «...господам инспекторам повешение (объявлений) во всех домах обывателям учинить с таким в подписках подтверждением, чтобы не только обыватели и в домах ныне живущие запрещенных азартных игр не производили, но приезжающим в дома их в самый первый день прибытия о том объявляли, а дабы впоследствии, когда случится и будет открыта игра, не мог никто оградиться неведением сего высочайшего запрещения, то по собранию подписок хранить оные в бережливости в городских судах на случаи быть могущих справок». Новым губернатором были предприняты энергичные меры по борьбе с бродяжничеством и разбоем в окрестностях Петербурга, а также по упорядочению постоев в столице.

Михаил Илларионович беспокоится о простом и бедном люде. Он ходатайствует перед царским двором о скорейшей передаче положенных дотаций казенным больницам. Добивается предоставления мест в городских больницах для рабочих, строивших Казанский собор. Решительно становится на защиту прав крепостных крестьян подчиненных ему губерний.

Вот что вынужден был отвечать царь на одно из представленных Кутузовым ходатайств: «...Поступки помещицы Славищевой с крестьянами ее Гдовского уезда деревни Соса, в записке Вашей описанные и следствием на месте обнаруженные, лишают ее права управлять сим именем; почему, поручив его управление дворянской опеке, помещицу сию за жестокости ее... и за злоупотребление власти ее в отягощении крестьян налогами повелеваю Вам предать суду по закону». По ходатайству Кутузова же был предан суду поручик Постригин «за предосудительный поступок, выразившийся в неуплате крестьянину Шапову 59 рублей 20 копеек за купленные у него товары».

Много хлопот доставляли губернатору малоурожайные северо-западные губернии. В донесении царю относительно видов на урожай в Выборгской губернии он писал: «...нынешний урожай гораздо лучше прошлогоднего, посеянный на будущий год озимый хлеб большею частью так хорош, что от него надеяться можно обильной жатвы, если в будущую весну по сходе снегу и когда земля начнет таять не будут сильные утренние морозы и северные ветры, которые в той стороне почасту наилучшие виды доброй жатвы уничтожают».

Однако более всего занимали губернатора дела самого Петербурга. Здесь все — от снабжения фуражом лошадей казачьих и кавалерийских полков до встреч и сопровождения августейших особ — проходило через губернаторскую канцелярию. Между прочим в ведении его оказались и приехавшие в Петербург немецкая и итальянская оперные труппы. Михаилу Илларионовичу пришлось знакомиться с их репертуаром, заниматься размещением артистов, а также всемерно «способствовать их выступлениям».

Усилиями нового губернатора были увеличены и «суммы за питейные сборы» в столице. В результате казна получила дополнительную прибыль в 365500 рублей. Вместе с тем военный губернатор поддерживал твердый порядок в караульной службе и в войсках гарнизона. «При осмотре моем, — пишет он в рапорте царю, — найден мною в неисправности Павловского гренадерского полку подпоручик Хотяинцев и за сие арестован». Командира же роты капитана Панкова за задолженность в артель солдатскую и за взятки «во взаимообраз у нижних чинов денег до ста пятидесяти рублей» просит также предать суду.

Губернатором были определены штаты и Положение Санкт-Петербургской думы, а также Положение канцелярии городской думы. Принимал он меры и по улучшению продовольственного снабжения столицы, для чего близ Калинкина моста были открыты провиантские магазины-склады.

Не осталось без внимания губернатора и строительство Казанского собора, утвержденный проект которого предусматривал открытие храма в 1804 году. К вступлению в губернаторскую должность Кутузова работы здесь развернулись всюду.

Михаила Илларионовича поражала личность зодчего Андрея Никифоровича Воронихина, удивительного русского самородка.

Михаилу Илларионовичу импонировало и то, что Казанский собор строился не только по проекту русского зодчего, но и «руками русских мастеровых и только из продуктов земли русской».

Генерал Кутузов оказывал Воронихину неоценимую помощь. Помимо моральной поддержки он способствовал скорейшему прохождению дел по различным инстанциям, оперативно отводил в распоряжение Воронихина территории на прилегающих улицах для размещения там различных строительных материалов и складов, привлекал солдат гарнизона для выполнения неотложных и трудоемких работ.

Немало времени отрывали у губернатора и дуэли. Приходилось проводить подробные разбирательства этих происшествий с подробными докладами императору. Вот что писалось в одном из них: «Сего числа узнал я, что в недавнем времени имели дуэли лейб-гвардии конного полку офицер Владек с каким-то Растворовским, которого состояние по краткости времени еще не успел узнать, а вчерашнего числа на Каменном острове лейб-гвардии Семеновского полку поручик князь Голицын и двора Вашего императорского Величества камергер Давыдов, из коих, как сказывают, последние оба легко

ранены, а из первых Растворовский по лицу нелегко изрублен».

Следует также сказать, что в должностные обязанности губернатора Петербурга входило и руководство войсками гарнизона. Уже в первые дни он познакомился с размещением столичных полков. Особое недоумение и беспокойство вызвали у него казармы Конногвардейского полка, размещенного в Таврическом дворце. Изумительное творение архитектора И. Е. Старова с торжественным парадным фасадом, купольным залом, большой галереей, с грандиозной двойной ионической колоннадой, с прекрасным внутренним убранством некогда поражало своим великолепием. Здесь проводились торжественные приемы, на которых приходилось бывать и Кутузову. При Павле I обстановку дворца вывезли. Колонный зал Таврического был превращен в полковую конюшню, а купольный — в манеж. Другие помещения были заняты под казармы, службы, мастерские и эскадронные каптерки, где лежали груды седел, сбруи, солдатской обуви, снаряжения и прочей кавалерийской утвари. Дворец оказался на грани разрушения. Усилиями Кутузова полк вскоре был возвращен в его прежние казармы, что в Конногвардейском переулке.

Как уже говорилось, еще до назначения на пост военного губернатора Кутузов состоял членом Военной комиссии. В период литовского губернаторства участие в работе комиссий являло собою предлог для поездок в Петербург и встреч с семьей. Однако случалось это не так уж часто.

Теперь же, находясь в Петербурге, Кутузов обязан был присутствовать на всех заседаниях Военной комиссии. Со свойственными ему тактом и настойчивостью он отстаивал здесь передовые взгляды на состав, организацию, снаряжение армии и поддерживал дельные предложения. В протоколах комиссии, подписанных Михаилом Илларионовичем за период пребывания его в губернаторской должности, рекомендованы: рациональное соотношение родов войск в сухопутных силах, наиболее целесообразные штаты пехотных полков, нормы снабжения солдат, размеры ремонтных сумм на лошадей, образцы конного снаряжения. Было также разработано положение о пенсиях младшим чинам, офицерам и их вдовам. Небезынтересно отметить, что деятельности Кутузова в Военной комиссии русская армия обязана появлением серой шинели. В протоколе от 14 августа 1801 года обосновано это было следующим образом: «Не прилично ли будет присвоить шинели натуральный серый цвет, как сукна из станов выходят, а не крашенный, без различия, какой бы он ни был, темно— или светло-серый, лишь бы в каждый полк отпускалось сукно на шинели одинаковое из одного из тех цветов, в том уважении, что такое серое сукно не станет дороже, но дешевле белого, поелику удобно приготавливаться может без разбору шерсти, как черной так и серой, которой, по роду большей части здешнего края овец, находится в множайшем количестве, нежели белой, и не будет подвержено такой неопрятности, как белое, которое, сверх того, что марается, неудобно еще и по предмету воинских осторожностей, что часовых на отводных караулах делает видными, с чем и Воинская комиссия согласна, находя серого цвета сукно для употребления в шинелях пристойнейшим и со стороны казенных издержек сходнейшим».

На представлении сохранилась резолюция Александра I: «Согласен с мнением комиссии».

Конечно, приходилось вести и безуспешные жаркие споры, примером тому — попытка замены неудобных в обращении и «в деле» треугольных шляп на круглые, «коя, хотя и не составляет особой важности, однако... не делая никакого безобразия, имеет преимущество, что закрывает глаза от солнца и от

дождя, а первая ни сей выгоды, ни простоты солдатской одежде приличной не доставляет». Большинство членов комиссии (в том числе и Кутузов) настаивали также на отказе от кос, применения пудры, сала и лент, «которые, сверх того, что из солдатского жалованья больших издержек бесполезно требуют, подвергают еще солдат безвременному утомлению прежде настоящего дела в строю или отправления иной какой должности, заставляя вставать рано или совсем не высыпаться, чтобы завивать косы друг друга, пудрить и салить». К сожалению, император одобрил позицию цесаревича Константина и генерала иностранца Ламба, утверждавших, что «шляпы лучше оставить треугольные, а не круглые, и волос у солдат не обрезать, но завязывать или заплетать для того, чтобы не оставить их в виде, мужикам свойственном».

Если принять во внимание исполнение Кутузовым должности инспектора инфантерии войск, расположенных в Финляндии и на Карельском перешейке, с бесконечными смотрами и инспекциями, лагерными сборами и проверкой состояния боевой готовности, то работы в Петербурге у генерала снова оказалось «превеликое множество».

Радость Екатерины Ильиничны длилась недолго. Уже в начале 1802 года в отношениях Кутузова с царем появилась напряженность, после чего они стали ухудшаться. Даже человеку малосведущему это было ясно. Если первые свои рескрипты губернатору император подписывал: «Пребываю Вам благосклонный Александр», то затем к этой формулировке вежливости добавляется слово «впрочем», а в последних рескриптах сугубо официально — одно слово «Александр».

В сентябре 1802 года император без всяких видимых на то причин генерала Кутузова от поста военного губернатора столицы, как и от других занимаемых должностей, отстранил. Новым военным губернатором Петербурга был назначен генерал-фельдмаршал М. Ф. Каменский. Однако из-за его отсутствия дела было приказано принять графу Евграфу Комаровскому. Утром 5 сентября в кабинете Кутузова появился новый помощник военного губернатора. Будучи другом дома Кутузовых, стараясь как-то скрыть неловкость своего положения, полусуто-полусерьезно Комаровский принимает временное генерал-губернаторство столицы. В тот же день Кутузов доносит царю об исполнении его повеления. Александр I, чтобы избежать встречи с Кутузовым на последнем докладе, уехал в Красное Село.

Глубоко оскорбленный несправедливостью, Кутузов обращается к императору с полным горечи письмом, в котором с болью, обидой и плохо скрываемым гневом взывает к совести монарха, просит его обратить внимание на службу «сорокалетнюю в должностях военных и других, долго с честью отправляемых; на понесенные мною раны; на многочисленное мое семейство; на приближающуюся старость и на довольно расстроенное мое состояние от прохождения по службе из одного в другое место».

Однако упование на монаршее человеколюбие было напрасным. Александр I оказался глух к мольбе.

8 сентября в императорском указе Сенату лицемерно говорилось: «Снисходя на всеподданнейшее прошение генерала от инфантерии Санкт-Петербургского военного губернатора, управляющего в здешней и Выборгской губерниях гражданскою частию, Голенищева-Кутузова, по приключившейся ему болезни для поправления здоровья всемилостивейше увольняем его на год от всех должностей». Через день отставка Кутузова была объявлена указом Сената, а 10 сентября — приказом по армии.

Истинная причина отстранения генерала Кутузова от должности губернатора Петербурга до сих пор окончательно неясна. Есть сведения, что император якобы был недоволен им «за неудовлетворительное состояние петербургской полиции». В подтверждение приводятся случаи разбоя, грабежей и азартных карточных игр. Думается, что доводы эти вряд ли можно признать убедительными, поскольку подобные происшествия известны были и раньше. При этом, конечно, следует иметь в виду как послабление, которое получил Петербург после Павла, так и кратковременность пребывания Кутузова в губернаторской должности.

Неубедительны и намеки на якобы готовившееся покушение на царя и на непринятие в этой связи должных мер со стороны военного губернатора. Дело в том, что сколь-либо достоверных данных на сей счет нет, а если бы они были, то это являлось бы прерогативой тайной полиции, подчиненной непосредственно монарху.

Главным здесь, по-видимому, было то, что Кутузов — человек больших талантов, огромного боевого опыта, снискавший широкую популярность, был неприятен царю именно этим. Александр I не мог не ощущать в нем противника прусской военной системы, для которой «тайны военных побед — в узких мундирах, в маленьких шляпах, в начищенных пуговицах, в блестящем оружии, в униженном низкопоклонстве да удивительном педантизме соизмерения шагов с секундами».

Неприязненность царя к Кутузову наиболее убедительно можно объяснить и другими более важными данными. Будучи губернатором Петербурга, он должен был знать не только об истинной причине смерти Павла I, но и о причастности Александра к заговору. Вступив на престол, император вначале удалил из столицы непосредственных участников, а затем людей, осведомленных о заговоре, дабы те и другие присутствием своим не напоминали о том, как он пришел к власти.

Обострившиеся отношения Кутузова с царем особенно тяжело переживал дядюшка полководца Иван Логинович. Старый и больной к тому времени человек, хорошо знакомый с жизнью и обычаями двора, он понимал, что дела идут к неприятной для племянника развязке. До нее Иван Логинович не дожил. Незадолго до отставки Михаил Илларионович похоронил своего «второго отца» на кладбище Александро-Невской лавры.

Словом, Кутузов с петербургской сцены сошел. Осенью 1802 года он отправляется в «добровольную ссылку» в свое имение в Волынской губернии — деревню Горошки, где и живет более трех лет.

Здесь он пытается наладить пришедшее в упадок хозяйство имения. Делает попытки к разведению там заморских культур. Строит селитряный завод, добивается у властей проведения торговых ярмарок; организует продажу поташа, льна и пеньки, направляя вырученные деньги на содержание семьи, на погашение ссуд в банке и выкуп ценностей, заложенных Екатериной Ильиничной в петербургском ломбарде. «Посылаю Вам тысячу рублей, дорогая, и pošлю еще, сколько смогу», — читаем мы в одном из писем к жене. Однако успехи Кутузова-помещика, судя по тем же письмам, оказались куда скромнее его успехов на военном и дипломатическом поприщах. «Трудное это дело — пытаться поставить имение на ноги, когда все находится в таком упадке», — признается он.

Кутузов все еще не терял надежды на возвращение в армию.

Узнав о вакансии инспектора инфантерии Днепровской флотилии, он

пишет в Петербург жене: «...Вздумал, что очень бы не худо было, ежели бы случилось, чтобы меня определили на место Розенберха... Я бы об этом тот час написал, но бог знает к кому попасть, особливо же угодно ли будет великому князю, для того, что тут его инспекция. Ежели, мой друг, увидишь Волконского или Уварова, то можно бы об этом и намекнуть». Как видно, Михаил Илларионович обращается за содействием к людям, близким ему и его семье.

Петр Михайлович Волконский, известный русский военный деятель и генерал-фельдмаршал, занимал в ту пору при дворе видное положение, являясь помощником начальника военно-походной канцелярии. Что же касается также столь известного в последующем кавалерийского генерала и боевого соратника Кутузова Федора Петровича Уварова, то здесь Кутузов мог рассчитывать на связи Уварова — командира столичного Кавалергардского полка.

По-видимому, не без их помощи Михаил Илларионович был приглашен в 1804 году в Петербург на «генеральный смотр армии» и маневры. В числе удостоенных царской благодарности за маневры также значилась фамилия генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова. Однако на этом все и закончилось.

Снова потянулось серое однообразие и безысходность пребывания в захолустном имении. Это был один из наиболее трудных периодов в жизни Кутузова, в письмах его в Петербург чувствуется душевный надлом. «Видя же себя уж в таких летах и здоровье, что другого имения не наживу, боюсь проводить дни старости в бедности и нужде, а все труды, и опасности молодых лет, и раны видеть потерянными. И эта скучная мысль отвлекает меня от всего и делает неспособным», — сетует он.

Тем временем обострились отношения в Европе в связи с агрессивной политикой Наполеона. Дело явно шло к войне. Чтобы противостоять Франции, европейские государства вынуждены были объединиться в союзы. В одном из них в 1805 году оказались Россия и Австрия. Россия при этом должна была участвовать в войне, выставив для этого две армии: Волынскую и Подольскую. Необходимо было подыскать как командующих для каждой из них, так и общего главнокомандующего. На Волынскую армию был назначен генерал Ф. Ф. Буксгевден, Подольскую армию и общее командование должен был возглавить также иностранец, французский эмигрант генерал Ланжерон.

Приезд Ланжерона задерживался. В окружении царя полководцев не имелось. Тут-то и пришлось вспомнить о Кутузове. В Горошки (как при Павле в Кончанское к Суворову) мчится курьер с требованием немедленно прибыть ко двору.

В августе 1805 года Кутузов снова в Петербурге. Михаилу Илларионовичу предложено принять под начальство Подольскую армию и общее командование русскими войсками в походе против Наполеона.

Положение главнокомандующего оказалось весьма сложным. План войны, составленный без его участия, был далеко не идеален. Соображения Кутузова относительно его улучшения во внимание приняты не были. Действия главнокомандующего, регламентированные до мелочей, ставились к тому же в полное подчинение австрийскому штабу. Кутузова назначили командовать армиями, по существу, без прав главнокомандующего, кои должны были принадлежать русскому императору.

И тем не менее предложение Михаил Илларионович принял.

Екатерина Ильинична, довольная возвращением мужа в армию и Петербург, в то же время недоумевала, размышляя над странным поступком

царя: он назначил главнокомандующему всего лишь десять тысяч рублей подъемных с последующей ежемесячной выплатой ста рублей столовых. Ведь всего лишь каких-то шесть лет тому назад Александр Васильевич Суворов, отправляясь в поход против тех же французов в союзе с теми же австрийцами, получил тридцать тысяч подъемных и тысячу рублей столовых денег ежемесячно.

Сразу же по возвращении в Петербург и вступлении в новую должность Кутузову пришлось вершить уйму дел. Прежде всего в дополнение к штабу Волынской армии необходимо было создать канцелярию главнокомандующего. Зная по предыдущей службе многих способных офицеров, он и привлек их к этому.

Одним из первых на должность бригад-майора походного штаба был зачислен Семен Христофорович Ставраков. Выходец из семьи бедного отставного поручика «греческой нации», Ставраков, начав солдатскую службу в восемнадцать лет, лишь к тридцати годам «за храбрость, выказанную в военных действиях» был произведен в первый офицерский чин. Ординарец, регистратор, а затем адъютант Суворова, он сопровождал полководца во всех его походах. Михаила Илларионовича поражала исключительная преданность этого человека. Глубоко почитая полководческий талант и человеческие качества Суворова, он и в беде не покинул его. После того как Александр Васильевич, попав «в высочайшую немилость», был уволен от армии и выслан под надзор, Ставраков, не имевший практически никаких средств к существованию, также порвал с военной службой и уехал вместе с полководцем. Желая обеспечить положение связавшего с ним судьбу офицера, Суворов наделил его небольшой деревенькой.

Вскоре переписчика и корректора суворовской «Науки побеждать» арестовывают и определяют «под строгий надзор», где долго и безуспешно пытаются выведать «крамольные замыслы» фельдмаршала. Кутузов относился к уже немолодому офицеру с большим уважением и доверием. Глубоко порядочный, невозмутимо спокойный и ровный в отношениях со всеми, «чуждый искательству и интригам, Ставраков являл важную часть сложного организма управления армии».

После длительного пребывания не у дел Семен Христофорович с обычным его рвением повел дела канцелярии Кутузова-главнокомандующего и так же, как ранее Суворова, сопровождал его во всех походах. Надо отметить, что волею судьбы именно Ставраков привез умирающего Суворова в Петербург и был с ним при его кончине. Позднее он же окажется при кончине Кутузова и привезет его останки в русскую столицу.

С отъездом главнокомандующего для семьи Кутузовых, как и для многих петербуржцев, наступили тревожные дни. Да иначе и быть не могло. Ведь русская армия встречалась с опаснейшим врагом, с не знавшим поражений молодым, талантливым полководцем Наполеоном Бонапартом. Известия из действующей армии шли тревожные. Всех поражала стремительность действий французов. Ульмская катастрофа австрийской армии поставила русские войска в очень трудное положение. Но вскоре тревога сменилась восхищением. Пришли известия о блестящем контрмарше Кутузова от Браунау до Оломоуца, о победе русских войск у Дюренштейна, о беспримерной отваге арьергарда Багратиона, где «Наполеону перед лицом всей Европы был нанесен серьезный удар».

И вдруг — поражение русских войск под Аустерлицем! Петербург, избалованный победами Румянцева и Суворова, недоумевал: что же произошло

с русской армией? Армией, еще недавно демонстрировавшей всему миру великолепные образцы военного искусства! Неужели полководческому гению Наполеона действительно никто не может противостоять?

Истинная причина поражения войск Кутузова была известна далеко не многим. Катастрофа была обусловлена бесцеремонным вмешательством в руководство союзными войсками Александра I и Франца I, мнивших себя стратегами.

Кутузов в сравнении с полновластным в армии Наполеоном оказался в положении далеко не равном. Он был против сражения под Аустерлицем, предлагая оттянуть французскую армию за Карпаты и там, расчленив на части, разгромить ее. Однако жаждущие военной славы императоры — русский и австриец — не только решили дать сражение, но и приняли план сражения полковника австрийской армии Вейротера, который был составлен, как писал прусский военный теоретик А. Бюлов, «против армии, которой не видели, предполагая ее на позициях, которые она не занимала, и, сверх того, рассчитывали на то, что французы останутся настолько же неподвижными, как пограничные столбы».

К этому надо добавить еще два обстоятельства. Во-первых, самоуверенные и ограниченные монархи не видели слабости духа австрийской армии, а во-вторых, русскими войсками распоряжались иностранцы: генералы и полковники Вейротер, Гогенлоэ, Лихтенштейн, Вимпфен, Буксгевден, Ланжерон и другие. «Потеря сражения и бесчестие армии, — по словам Льва Николаевича Толстого, — им не были страшны».

В критический момент сражения императоры и их свита бежали с поля боя.

Что же касается Кутузова, то он, оставаясь на поле боя и приняв командование, старался спасти от полного поражения союзные войска, сам водил их в атаку, был ранен пулей в левую бровь, потерял в этом сражении (как уже говорилось) близкого человека — своего адъютанта и зятя. Однако спасти положение было уже невозможно.

Между тем в Петербурге события Аустерлицкого сражения всячески искажались. Неблаговидную роль императора старались скрыть. Составили даже лестную реляцию и представили Александра I к награждению орденом Святого Георгия I степени (в нарушение *его* статута). Однако император, поняв, что придворные льстецы хватили лишку, и пытаясь снять с себя ответственность за поражение, отказался от предложенной ему награды.

Очевидцы и участники сражения, а также все честные люди и патриоты, до кого стали доходить истинные слухи об Аустерлице, были поражены и возмущены.

Раздосадованный Александр повелевает Кутузову отправиться в Киев и приступить к исполнению обязанностей военного губернатора.

Позднее в ходе Отечественной войны 1812 года произошло символическое событие. Русская армия, преследуя врага, захватила у французов знамя с надписью «За победу под Аустерлицем». Рассматривая его, полководец обратился к офицерам: «Вы, молодцы, переживете меня и будете слушать рассказы о наших войнах. После всего, что совершается теперь, перед нашими глазами, одной выигранной победой или одной понесенной мною неудачей больше или меньше — все равно для моей славы, но вспомните: я не виноват в Аустерлицком сражении».

Однако произойдет это позднее. А пока официальный Петербург вину за

поражение под Аустерлицем возложил на Кутузова. Кутузов снова оказался в опале.

Глава IV

Начальник петербургского ополчения

Начало нового века ознаменовалось для России многими войнами. В 1806 году в очередную войну вступила Турция. Стремясь восстановить свое былое господство в районе Черного моря, рассчитывая на союз с Францией, она хотела отторгнуть от России Крым и Грузию. В 1808-м в союзе с Англией, также рассчитывая на реванш, в войну вступила Швеция.

Разобщив свои силы на черноморском и прибалтийском направлениях, Россия оказалась не в состоянии завершить быстрый разгром противников. Война затягивалась. Царь вынужден был произвести некоторые перемещения в высшем командном составе армии. В марте 1808 года генерал Кутузов, оставив должность киевского губернатора, направляется в Молдавскую армию, где принимает командование главным корпусом. Еще через год корпус Кутузова оказывается под крепостью Браилов. С первых же дней прибытия, используя богатый опыт и инженерные знания, генерал начинает тщательную подготовку штурма. Подготовка была прервана неожиданным вмешательством командующего армией фельдмаршала А. А. Прозоровского, приказавшего «крепостью немедля овладеть». Сопrotивление Кутузова столь необдуманному решению успеха не имело. Самонадеянность фельдмаршала была жестоко наказана. Несмотря на большие потери, штурм оказался неудачным. Вину же за плачевный исход боя в своем донесении в Петербург Прозоровский возложил на командира корпуса. Александр I, получив возможность «реабилитации» за Аустерлиц, немедля воспользовался ею. Кутузов от командования главным корпусом был отстранен. Повелением царя его должны были перевести командовать резервным корпусом, находившимся на второстепенном направлении в той же армии. Однако Прозоровского такое решение не устраивало. Не желая иметь свидетеля своих неблагоприятных поступков, он ходатайствует перед царем о полном удалении Кутузова из вверенной ему армии.

Повторным рескриптом царя Кутузова назначают литовским военным губернатором.

Михаил Илларионович, конечно, не мог не понимать происходившего. Еще в 1809 году он писал в Петербург Екатерине Ильиничне: «...Состояние мое здесь становится мне тяжело при всем моем терпении. Фельдмаршал делает все по советам других. Однако же за всякую неудачу сердится тут же и на меня так, как бы точно делал по моему совету. Мое положение тем тяжелее, что я должен скрывать все неудовольствие мое, не показывать никому виду, чтобы не испортить службы. Да и тебя прошу никому об этом не говорить и ко мне об этом не писать, буду терпеть, пока смогу...»

Должность литовского военного губернатора (по количеству находящихся там войск, должностному положению и окладу) была третьестепенной. Неслучайно Михаил Илларионович снова писал Екатерине Ильиничне: «...Правда, что расстройка моему состоянию переводится совсем в Вильну... и ежели оставят при обыкновенном содержании военного губернатора, то, ей-богу, жить в Вильне невозможно... Прозоровский что-то писал на меня, то есть нагнал, а я имею свидетелей всю армию, которая вся, кроме подлых

интриганов, обо мне жалеет...»

В июле 1809 года Кутузов снова был в Петербурге. Радость встречи с семьей омрачалась безуспешными попытками показать истинное положение дел под Браиловым. В августе того же года он снова оказался на посту литовского военного губернатора. Пришлось начинать все сначала. Жизнь как бы отбросила Кутузова на десяток лет назад.

Между тем обстановка в Европе становилась все более напряженной. Наполеон энергично готовился к вторжению в Россию, рассчитывая на союз с Турцией и Швецией. Обстоятельства требовали немедленного прекращения войны как на юге, так и на севере.

В этой сложной ситуации Александр I, несмотря на свою неприязнь к Кутузову, весной 1811 года вынужден был отправить его снова на юг, на должность главнокомандующего всеми находящимися здесь войсками.

Положение там было к тому времени чрезвычайно трудным. В связи с отправкой пяти дивизий на западную границу группировка русских войск насчитывала всего 46 тысяч человек. Турецкая же 70-тысячная армия под командованием великого визиря Ахмет-паши, имея превосходство, сама перешла в наступление. В неравных условиях борьбы Кутузову предстояло не только одержать победу, но и принудить Турцию к заключению мирного договора.

Сразу же по прибытии в армию новый главнокомандующий производит решительную перегруппировку войск. Вместе с тем он же наряжает отряд генерала Орурка для связи с сербами и создает болгарское ополчение.

Уже в июле 1811 года Петербург был приятно удивлен военной хитростью генерала. Уступая противнику в силах, Кутузов блестяще выиграл Руцукское оборонительное сражение. Турецкая армия, потеряв более пяти тысяч человек, не только не смогла овладеть крепостью, но и была преследована на десять верст. Осенью того же года Петербург жадно ловил сообщения из Молдавской армии. События горячо обсуждались всюду. Особенно много гостей бывало в доме Екатерины Ильиничны, регулярно получавшей письма от мужа. Одни хотели знать обстоятельства нелепой гибели сына великого русского полководца Александра Васильевича Суворова — генерал-лейтенанта Аркадия Александровича, утонувшего в реке Рымник на том самом месте, где отец его когда-то одержал замечательную победу над турецкой армией, другие — подробности блистательной победы русских войск при Слободзее.

Суть же событий была такова. 27 июня русские, упорно защищавшие ранее Руцук, неожиданно взорвали крепость и отошли на северный берег Дуная. Замысел Кутузова состоял в том, чтобы, «предложив» преследование своей армии, заманить часть сил противника на другой берег реки. В этом случае представилась бы возможность разгромить турецкую армию небольшими силами порознь. Сначала уничтожить оставшуюся часть на южном берегу, затем — на северном.

Внимательно следя за противником, решительно пресекая малейшие попытки усиления войск Ахмет-паши, Кутузов стал терпеливо ждать. А пока, используя давние «дружеские» связи (в период пребывания в Константинополе с дипломатической миссией Кутузов был лично хорошо знаком с Ахмет-пашой), обменивался с ним письмами и подарками. «Везир, — писал он Екатерине Ильиничне, — получил от меня накануне баталии шесть фунтов чаю, он до него охотник, и приказывал мне, прислав лимонов и апельсинов. Мы с ним весьма учтивы и часто наведываемся о здравии».

В сентябре в Петербург поступило сообщение о том, что 40-тысячное турецкое войско форсировало Дунай, овладело плацдармом и оказалось в полукольце русской армии. А еще через месяц произошло нечто невероятное. Отряд генерала Евгения Ивановича Маркова тайно переправился на правый берег Дуная и, внезапно атаковав, разгромил пребывавшее там в спокойствии 20-тысячное войско янычар. Еще до того, как Ахмет-паша смог что-либо предпринять, этот же отряд оказался в тылу войск, переправившихся на северный берег, приступив одновременно с кораблями Дунайской флотилии к артиллерийскому обстрелу неприятеля. Теперь основные силы турецкой армии оказались не только окруженными, но и отрезанными рекой. Не желая нести потери, Кутузов снова стал ждать, на сей раз капитуляции армии Порты, что и должно было привести к заключению с Турцией столь необходимого России мирного договора. «Положение войск турецких на сей стороне, — доносил Кутузов в Петербург, — пребедственное. 8-й день как уже они не имеют хлеба и питаются лошадиным мясом без соли».

К сожалению, Петербург оказался не столь выдержанным. Кутузова обвиняли в пассивности, неспособности решить возложенную на него задачу. Особое негодование вызвал побег верховного визиря из окружения: «Кутузов сделал услугу своему приятелю», — утверждали злые языки. Кутузов же оным побегом остался весьма доволен. «Побег везира приближает нас к миру. Везир, находящийся в плену, лишается полномочий на ведение мирных переговоров», — растолковывал он царским соглядатаям.

Действительно, вскоре было получено письмо от Ахмет-паши с просьбой о перемирии. В связи с этим в донесении в Петербург Кутузов писал: «...Предложения везира бесспорно и весьма малозначащи, но я почел нужным воспользоваться таковым сделанным от него первым шагом, дабы начать предварительные объяснения о мире и свести его до благоразумной базы».

В середине ноября большая часть турецкой армии, переправившаяся на северный берег Дуная, погибла от голода, болезней и обстрелов. Оставшиеся 12 тысяч человек сдались в плен «на сохранение» вместе с бунчуками и пушками.

В военных действиях при Слободзее ярко проявились новые черты в полководческом искусстве Кутузова — отказ от устаревших способов кордонной системы с осадой крепостей, «с достижением победы над превосходящим в силах противником в полевом сражении, с подготовкой и проведением широкого и сложного маневра».

С гибелью отборного турецкого воинства на Дунае первый этап борьбы — военный — был завершен блестяще. Наступал второй, не менее трудный — дипломатический.

Достигнуть «благоразумной базы» оказалось, однако, делом непростым. Турция, подстрекаемая Наполеоном, лавировала, всячески затягивая мирные переговоры. В этой ситуации Кутузов как главнокомандующий возобновляет успешные боевые действия, а как дипломат убеждает представителей Турции в большой опасности агрессивной политики Франции для их страны и в необходимости скорейшего заключения мирного договора.

5 мая 1812 года в Бухаресте предварительные статьи договора были подписаны. Россия не только упрочила свое положение в Закавказье, Причерноморье и на Балканах, но и получила возможность действенной подготовки к отражению готовившегося нападения наполеоновских войск.

Иными словами, Кутузов не только обезопасил южный фланг России, но и

за месяц до французского вторжения «увел из-под носа Наполеона одного из важных его союзников».

Между тем царский двор продолжал проявлять недовольство.

На следующий день после подписания договора в Бухарест прибыл из Петербурга адмирал П. В. Чичагов с рескриптом об отстранении Кутузова как от командования армией, так и от дипломатических дел. Чтобы придать некую благопристойность принятому решению, Александр I писал, что «желает видеть Кутузова заседающим в Государственном совете». Победителя на военном и дипломатическом поприще император благодарил «почетной отставкой». Кутузову ничего не оставалось, как в очередной раз проститься с соратниками.

В мае 1812 года, оказавшись снова не у дел, Михаил Илларионович уезжает на Волынь, в очередной раз пытаясь привести в порядок хозяйство своего имения, управляющий которого, злоупотребляя доверием, более всего заботился о своем личном благосостоянии. К пребыванию в Горошках вынуждало и бедственное положение семьи. Неслучайно в свете иронизировали: «Насколь блестяще идут баталии у Кутузова, настоль плохи дела у Голенищевой». На сей раз недруги Кутузова были недалеко от истины. В то время как талантливый полководец добивался великолепных побед над превосходящей в силах армией Порты, жена генерала тщетно искала выход из бедственного положения. Возможность при этом оказалась одна. Просить займы под залог дома. Однако задача эта была тоже не из простых, и просьба жены Кутузова была уважена Приказом общественного призрения лишь после неоднократных «нижайших» просьб и «согласия» на выделение из полученной суммы 5 процентов в фонд вспомоществования. Оценив дом Кутузовых в 52278 рублей, Приказ «выдал под залог оною сроком на 8 лет 40 тысяч рублей».

Факт поразительный. Семья героя минувших войн (победителя Рушук и Слободзеи, давшего России столь необходимый мир), пользовавшаяся в столице огромным уважением, вынуждена была жить в доме, заложенном в казну. Объяснить все это было нетрудно. Дело в том, что отцовское наследство и пожалованные Кутузову имения были невелики. Занятому непрерывными походами и дипломатическими миссиями Кутузову вести хозяйство было некогда. Столичная же жизнь в высшем обществе требовала значительных расходов. Не могло не сказаться на семейном бюджете и выделение приданого дочерям Елизавете, Екатерине, Прасковье, Дарье и Анне, вышедшим замуж и ставшим Тизенгаузен, Кудашевой, Толстой, Опочининой и Хитрово.

Пребывание в Горошках на сей раз оказалось кратковременным. Россия с ее 50-миллионным населением стала камнем преткновения в захватнической политике буржуазной Франции. Поставив на колени почти всю Европу, овладев ресурсами завоеванных стран, Наполеон бросает на восток более чем 600-тысячную армию. «Через пять лет я буду господином мира: осталась одна Россия, но я ее раздавлю», — заявил он.

24 июня французские полчища вторглись в пределы государства российского. Как и во времена Чингисхана, над Русью нависла смертельная опасность. В этой обстановке Михаилу Илларионовичу домашние хлопоты (в который уже раз!) пришлось снова отложить. Не ожидая вызова, он сам немедленно прибыл в столицу.

Теперь, как и большинство петербуржцев, Кутузов напряженно ждал сообщений из действующей армии. Вести же приходили тревожные.

Предпринятая Александром I попытка урегулировать конфликт мирным путем успеха не имела. Посланник, генерал А. Д. Балашов, вернулся от

Наполеона ни с чем.

В то же время оказалось, что, несмотря на надвигающуюся угрозу и на утверждения царя о готовности армии, Россия не была достаточно подготовлена к войне.

Численность приграничных войск, растянутых более чем на полтысячи километров, составляла лишь около 200 тысяч человек. Уступая противнику в силах почти в три раза, войска с тяжелыми арьергардными боями отходили в глубь страны.

План войны был разработан фаворитом царя иностранцем Карлом фон Фулем. Он предусматривал задачу сковать основные силы противника с помощью 1-й Западной армии с опорой на Дрисский укрепленный лагерь, а также с действиями 2-й Западной армии во фланг и тыл французским войскам. Этот план оказался несостоятельным. Он разобщал русские армии. Автор плана Фуль, преподававший Александру I основы военного искусства, не знал ни структуры русской армии, ни ее организации. Не занимая никаких должностей, но получая воинские звания, он стал генерал-лейтенантом. Однако высокомерный пруссак даже не научился говорить по-русски.

Наполеон, используя стратегическую ошибку Фуля, стремился разгромить разобщенные русские армии порознь. Теперь, «дабы Дрисская мышеловка не захлопнулась», армиям приходилось предпринимать отчаянные усилия к отходу и соединению.

Руководство действующей армией находившимся на театре войны императором осуществлялось из рук вон плохо.

Учреждение по управлению Большой действующей армией с сосредоточением власти в одних руках император в действие не вводил, в результате положение военного министра и командующего 1-й Западной армией Барклая де Толли оказалось двусмысленным, к тому же иностранцу Барклаю армия не доверяла. Вынужденный отвод войск горячие головы принимали за предательство. Единства и взаимопонимания в действиях командующих армиями не было. Все это использовалось противником.

Наполеон, считавший киевское направление «ногами России», Московское — «сердцем» и Петербургское — «головой», основные усилия сосредоточил на Первопрестольной, угрожая, однако, и Петербургу.

В июле 1812 года обстановка на петербургском направлении оказалась весьма опасной. В связи с угрозой захвата столицы последовало распоряжение царя о подготовке к эвакуации «святынь» Александро-Невской лавры, Государственного совета, Синода, Сената, министерств, кадетских корпусов, банков, Монетного двора, ценностей Эрмитажа, архивов, Сестрорецкого завода, военных трофеев, статуи Суворова, а также обоих памятников Петру I, кои Наполеон по взятии Петербурга собирался увезти в Париж. Все это назначалось к отправке в Казань. Готовилась к переезду туда же и царская семья.

24 июля Кутузов получил приглашение в Комитет Министров, в журнале которого по этому поводу появилась запись следующего содержания: «1812 года июля 12 дня Комитет Министров имел чрезвычайное заседание по случаю полученного от генерал-лейтенанта Ессена от 9-го числа сего месяца известия, что неприятель, после упорного сражения при селении Ека с генерал-лейтенантом Левизом, превосходными силами понудив его отступить к Риге, занял 8-го числа Митаву, а 9-го числа при Юнфергофе переправился через Двину, почему Рижские форштадты зажигаются и частично сожжены, что

коммуникация с Ригою пресекается... Комитет, не имея сведения, в каком числе неприятель в означенном месте перешел, а также приемлются ли какие меры от армии нашей к преграждению ему дальнейшего пути, и соображая, что движения его могут быть прямо на Петербург через Псков или Нарву, возложил именем Его Императорского Величества на генерала от инфантерии графа Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова... чтобы в случае настояния нужды в защите столицы вне оной принял он в свое распоряжение войска, какие для того здесь соберутся».

А тремя днями позже издается царский рескрипт об организации корпуса для обороны Петербурга, командование которым поручается Кутузову. «Михайло Ларионович, — на сей раз, по-видимому, искренне писал Александр I, — настоящие обстоятельства делают нужным составление корпуса для защиты Петербурга. Я вверяю оный Вам. Воинские ваши достоинства и долговременная опытность ваша дают мне полную надежду, что Вы совершенно оправдаете сей новый опыт моей доверенности к Вам».

Между тем дела в действующей армии по-прежнему шли неважно. «Не пройдет и месяца, как мы будем в Москве», — хвастливо заявлял Наполеон.

Как и во времена Минина и Пожарского, на борьбу с иноземными захватчиками начинают собираться силы народного ополчения. Зачинателями этого были жители Смоленска. Их примеру последовали москвичи и петербуржцы.

27 июля дворянство и купечество Первопрестольной, съехавшись по предварительной повестке в Слободской дворец, постановило: собрать ополчение Московской губернии численностью в 80 тысяч человек. Большинство голосов командующим был избран генерал Кутузов.

А через день в дворянском собрании перед собравшимся «состоятельным людом» Петербурга прозвучала страстная речь губернского предводителя дворянства А. А. Жеребцова: «Предки наши... к спасению отечества стекались под знамена государя, каждый со своею дружиною, кто сколько возмог привести на ополчение. Нам остается последовать их примеру... Наша честь, наше отечество, в семействах наших летями отягченные родители, нежные супруги, невинные младенцы, все одними устами требуют пожертвования. Поспешим!.. Соединимся все с оружием в руках!.. Спасем отечество или, умирая, сохраним честь Росса!..»

На общем сходе дворянства, купечества, чиновников и духовенства столицы решили создать ополчение Петербурга и Петербургской губернии с выделением по десяти человек со ста душ крепостных.

Приступили к выбору начальника. «Кутузова, Кутузова!» — загремело со всех сторон.

Удалившись с заседания Комитета Министров, генерал Кутузов сразу же приступил к исполнению возложенных на него обязанностей. Обстановка на петербургском направлении требовала принятия быстрых и решительных мер.

Несмотря на то что Михаил Илларионович снова с головой ушел в работу, день 29 июля оказался для него памятным. До генерала дошли слухи о создании в Москве народного ополчения, командование которым москвичи надеялись возложить на него. Вести из Москвы глубоко тронули душу старого воина. Возвращаясь к обеду домой, Михаил Илларионович хотел поделиться новостями с Екатериной Ильиничной. Однако необычная взволнованность супруги насторожила его.

Дома Кутузова ожидала депутация дворян, сообщившая о единодушном

избрании его на должность командующего ополчением Петербурга и Петербургской губернии и настоятельно приглашавшая Михаила Илларионовича в дворянское собрание. Генерал не заставил себя ждать. Вот как описал этот эпизод очевидец: «Кутузов приехал, остановился посреди залы и, дав пройти первому впечатлению, произведенному его присутствием, произнес: „Господа! Я вам многое хотел говорить... скажу только, что вы украсили мои седины!“ Слезы покатались из глаз его».

Вместе с тем, вступая в должность командующего ополчением, в письме к императору Кутузов в тот же день сообщает: «17 числа сего месяца Санкт-Петербургское дворянское общество призвало меня в свое собрание, где объявило всеобщее желание, дабы я принял начальство всеобщего ополчения Санкт-Петербургской губернии. Дабы отказом не замедлить ревностных действий дворянства, принял я сие предложение и вступил в действие до сей части, но с таким условием, что, будучи в действительной военной службе, ежели я вызван буду к другой комиссии или каким-либо образом сие мое упражнение... будет неудобно, тогда я должность сию оставить должен буду другому по избранию дворянства».

В сложной обстановке на петербургском направлении Александр I возлагает на Кутузова командование ополчением Петербургской и Новгородской губерний, а также всеми сухопутными и морскими силами, в Петербурге, Кронштадте и Финляндии находящимися.

Иными словами, оборона столицы государства российского препоручалась Кутузову.

Приняв на себя командование, Кутузов сыграл выдающуюся роль в организации обороны столицы. Он сразу же приступил к формированию корпуса, вошедшего в историю Отечественной войны под названием Нарвского. Одновременно он произвел передислокацию войск для создания группировок на угрожаемых направлениях; привел в повышенную боевую готовность находящиеся здесь крепости от Кронштадта до Нарвы; принял меры к инженерному оборудованию позиций, а также к пополнению припасов.

Перемещение войск, занимавшее в обычных условиях недели, было выполнено в считанные дни. Прекрасно зная коммуникации губернии, обладая огромным опытом и организаторскими способностями, Кутузов справился с этой задачей великолепно. Для столь успешных действий немаловажное значение имели, конечно, как чрезвычайные полномочия, предоставленные ему Комитетом Министров, так и личный авторитет генерала, употребленный им особенно при создании управления корпусом, поскольку пришлось перемещать должностных лиц из «знатных персон» петербургского гарнизона.

Уже в конце июля батальоны и полки Нарвского корпуса после форсированных маршей приступили к строительству полевых укреплений — флешей и редутов на Нарвском и Псковском оборонительных рубежах. Одновременно с этим военные чиновники «при помощи обывателей, употреблением их на работу, и в материалах для сего, как то: лесов и прочего» организовали строительство укреплений на витебско-петербургском и псковско-петербургском стратегических направлениях.

Особенно большое беспокойство вызывала у Кутузова Нарва. Поэтому для совершенствования позиций он направляет сюда видного специалиста инженерного генерала Х. Шванебаха. Крепость усиливают орудиями морской артиллерии, для обслуживания которых по приказу Кутузова присылают из Кронштадта двести человек нижних чинов. Кроме того, конфисковав частные

суда, Кутузов создает здесь речную военную флотилию, укомплектовав ее за счет как моряков, так и местных жителей.

Стараясь знать о каждом шаге неприятеля, он организует тщательную разведку. Для немедленного оповещения о передвижениях французов на почтовых станциях находились в постоянной готовности «резервные кареты».

Всю эту требующую полной самоотдачи работу Михаил Илларионович выполнял одновременно с другой.

29 июля в зале Филармонического общества (на Невском проспекте, 30) были сделаны первые шаги по созданию ополченского войска.

Были учреждены два комитета: устроительный — для приема ратников и экономический — для сбора пожертвований. По настоянию Кутузова были также определены основные обязанности помещиков и привилегии ополченцев. Первых обязали снабдить ратников трехмесячным провиантом и жалованьем по два рубля в месяц, обеспечив их исправной обувью, а также теплыми вещами на зиму. Кроме того, каждый ополченец должен был иметь топор и лопату.

Помещиков обязали также обеспечить обработку полей воинов, сохранить их хозяйства и платить за них подати. Одновременно было решено: каждому дворянину, имеющему в столице дом или близ нее дачу, внести в фонд ополчения по 2 процента их стоимости. Будучи хорошо знаком с административным механизмом столицы, решение этой задачи Кутузов возложил на полицию.

Михаилу Илларионовичу и здесь пришлось столь же много и напряженно работать. Несмотря на немолодые годы, усилившееся недомогание со зрением и увещевания Екатерины Ильиничны, он до полуночи засиживался за составлением Положения об ополчении.

Организационно ополчение состояло из пятнадцати дружин, общим числом 12985 человек. Дружины делились на сотни, а сотни — на десятки. Несколько дружин составляли отряд.

Дружины Кутузов предписывал составлять из людей одного уезда или в соседстве живущих. Люди одного селения не должны были быть «разлучены в рядах», что могло способствовать их взаимовыручке в бою.

Главное же внимание в «Положении» Кутузов уделял обучению ратников. Задача эта была не из простых. В очень короткие сроки людей, не знавших военного дела, надо было обучить строю, стрельбе, приемам действия с оружием, тактике ведения боя. Потому правила обучения, определенные полководцем, были предельно просты. Ратник, говорилось в них, должен:

«1) Знать свое место в шеренге и в ряду и людей, стоящих впереди, позади и по обеим сторонам.

2) Ни в коем случае не отрываться от этих людей, даже в рассыпном строю не терять их из вида.

3) Учить только нести ружье на плече, правильно заряжать, стрелять и действовать штыком.

4) Учить поворотам и маршировать фронтом, взводами по отделениям и нужным построениям; не искать в марше красоты и ограничиться тем, чтобы люди ступали в ногу».

Создание войск подобного рода и в таких масштабах было новым явлением в военной практике того времени.

Дворянство, купечество, мещане и простой люд горели желанием защитить столицу. Однако одного энтузиазма было мало. Поэтому во всем, что

касались организации ополчения, его устройства, содержания, вооружения и обучения, петербуржцы полностью положились на Кутузова. И надо сказать, что они не ошиблись. Кутузов занимался делами ополчения от всей души. «Глядя на него, — писал адъютант полководца А. И. Михайловский-Данилевский, — когда он с важностью заседал в казенной палате и комитетах ополчения и входил во все подробности формирования бородатого воинства, можно было подумать, что он никогда не стоял на высших ступенях почестей и славы, не бывал послом Екатерины и Павла, не предводительствовал армиями и степень начальника земского ополчения считал целью своего самолюбия».

Особенно много хлопот доставляло Кутузову вооружение и размещение ополченцев в освободившихся казармах петербургского гарнизона. Бюрократическая система работала на славу, отнимая уйму времени. Для получения ружей из петербургского арсенала следовало направить прошение из военного министерства в императорскую канцелярию, оттуда в походную канцелярию к царю, а затем оно шло в обратном порядке.

Тем не менее задача эта была решена успешно. Вскоре, с исполнением торжественного ритуала, каждому ратнику было вручено ружье, а конным и артиллеристам — сабли или тесаки. По настоянию Кутузова повелением царя для каждой из дружин были изготовлены также ополченские знамена — белые, полотняные, с красным крестом посередине и надписью по обеим сторонам: «Сим знаменем победиши». Ритуал вручения знамени, освящения его и присяга должны были поднимать дух воинов. Головной убор ратника украшался металлическим четырехугольным крестом. Непременным атрибутом экипировки был также кушак. В таком виде, посотенно, ополченское войско гордо маршировало по Невскому.

Кроме пешего ополчения создавались также два конных полка и ополченская артиллерия. Лошади поставлялись из господских конюшен. На собранные средства формировались дружинные обозы.

Немало хлопот доставил подбор начальствующего состава ополчения. Впрочем, офицеров, оказавшихся по тем или иным причинам вне армии, было в столице предостаточно. Трудность состояла в другом — в оценке их способностей и определении соответствующих для них должностей. Исключительное старание и ревностное отношение к делу проявил сподвижник Кутузова по ополчению, его помощник Александр Александрович Бибиков, сын брата Екатерины Ильиничны — Александра Ильича. Рано оставшийся без родителей, он нашел покровительство в семье Михаила Илларионовича. Этот образцовый и храбрый офицер еще в 1789 году «за вступление первым в ретраншемент под Кири» был пожалован крестом Святого Георгия IV класса, а за сражение при Роченсальме получил золотую шпагу.

Карьера Бибикова-младшего чем-то напоминала о служебных невзгодах самого Кутузова. Он то чрезвычайный посланник и полномочный министр царского двора в европейских государствах, то сенатор, то скромный начальник захолустной уездной полиции. Возглавив поначалу первый отряд петербургских ратников, в ходе войны Бибиков принял командование над ополчением Петербургской и Новгородской губерний.

Лето 1812 года выдалось для петербуржцев беспокойным. Французы, неистово рвавшиеся к Москве, находились и вблизи Петербурга. Император, обеспокоенный положением дел, снова требует эвакуации. «...Но не менее того, как я прежде писал, все меры к увозу из Петербурга всего нужного необходимы и времени терять не следует», — повелевал он. Атмосфера в столице была

напряженной. На глазах у многочисленной публики сокровища Эрмитажа упаковывались в ящики и на баржах отправлялись в Петрозаводск.

Повсюду царило «превеликое возбуждение народа». В ополчение шли целыми семьями. В дружину полковника Чернова пришли трое родных братьев-мастеровых. Купец Поярков, не имея средств на вспомоществование, привел в ополчение единственного сына. «Велики были и пожертвования. Кто отдавал деньги и драгоценности, кто отказывался от получения жалованья и столовых денег, обращая их на нужды казны». В скором времени сумма пожертвований, собранная экономическим комитетом петербургского ополчения, составила более четырех миллионов рублей.

Волна патриотизма охватила театры столицы. Там шли представления об Александре Невском и Дмитриии Донском, о Минине и Пожарском.

Появился спектакль «Ополчение» и балет «Любовь к Отечеству». На сцену вновь вышел восьмидесятилетний актер Иван Афанасьевич Дмитриевский, бывший некогда кумиром петербургской публики. Теперь это уже был «престарелый инвалид, шедший жертвовать государству драгоценные вознаграждения службы, трудов и крови — солдатские медали, украшавшие его грудь, в молодости геройскую, а ныне уже бессильную, но еще пламенеющую любовью к России».

Зрелище было великолепным. Публика, зачарованная игрой замечательного артиста, приходила в неистовство.

Не меньшее впечатление производил и балет. «Одно появление знамени с надписью „За отечество“ возбуждало слезы и неумолкаемые рукоплескания». Впрочем, публика рукоплескала не только актерам, но и предводителю петербургского ополчения генералу Кутузову, бывавшему в театрах. Екатерина Ильинична, как будто предчувствуя, что проводит с мужем последние дни в их жизни, постоянно просила сопровождать ее на спектакли.

Разумеется, не все шло гладко и просто. Некоторые из дворян, вступив в ополчение, предавались «пьянству и гульбе», а кое-кто из купцов в связи с возросшим спросом на оружие в несколько раз повысил на него цены. Генералу Кутузову пришлось наводить должный порядок среди офицеров и увещевать не в меру предприимчивых торговцев.

Однако вернемся к делам Кутузова — командующего сухопутными и морскими силами, в Петербурге, Кронштадте и Финляндии находящимися.

Располагаясь во втором эшелоне войск, обороняющих петербургское направление, части Нарвского корпуса в короткое время подготовили прочную оборону на ближних и дальних подступах к столице. Они представляли совместно с ополчением внушительную силу, не считаться с которой Наполеон не мог. Уже в это время некоторые из подчиненных Кутузову частей были направлены на усиление корпуса Витгенштейна, прикрывавшего петербургское направление от наседавших на него корпусов Удино, Макдональда и Сен-Сира.

Понимая, что в критической обстановке все силы петербургского направления должны быть слиты воедино, генерал Кутузов уделял сбору информации особое внимание, ему было важно знать детальную обстановку, складывающуюся перед Витгенштейном. С Петром Христиановичем Витгенштейном — человеком незаурядных воинских дарований — Михаил Илларионович был знаком еще во время пребывания в должности директора кадетского корпуса. Тогда молодой, отличившийся при взятии Дербента офицер прибыл в Петербург с известием о победе и ключами от крепости. При Павле I, попав под «высочайший гнев», Витгенштейн был «уволен от армии без

прошения в отставку». Оказавшись впоследствии снова на службе, он сделал заметную карьеру.

Действия Витгенштейна на петербургском направлении не могли не вызывать одобрения у Кутузова-полководца. Наполеон, бросив главные силы на Москву, в то же время выделил три корпуса для действий под Петербургом, пытаясь окружить или прижать к своему левому крылу корпус, прикрывавший столицу.

Выполняя замысел Наполеона, войска Удино 27 июля заняли Полоцк и начали продвижение на Себеж и Псков. Одновременно по занятии Динабурга туда же с севера начал выдвижение корпус Макдональда. Над Витгенштейном нависла реальная угроза разгрома. В этой обстановке Петр Христианович принял смелое решение: двинулся навстречу Удино, чтобы отбросить его к Полоцку. 31 июля у деревни Клястицы произошел ожесточенный бой, в ходе которого французы потерпели решительное поражение, потеряв только пленными до тысячи человек. Поражение под Клястицами отрезвляюще подействовало на Макдональда, который вынужден был воздержаться от активных действий.

Победа под Клястицами дала огромный моральный стимул всей русской армии. Это была первая крупная победа русских войск, одержанная в то время, когда наши армии, действующие на московском направлении, беспрерывно отступали. Успех Витгенштейна оказался, однако, омрачен. На следующий день его авангард под командованием генерала Кульнева встретил главные силы французов и вынужден был отходить с большими потерями. В свою очередь авангард Удино, увлекшись преследованием, также натолкнулся на главные силы Витгенштейна и понес большой урон.

События эти огорчили Михаила Илларионовича еще одним прискорбным известием. Погиб генерал Яков Петрович Кульнев. К герою боев на Дунае и Шумле, воспитаннику Первого кадетского корпуса отношение Кутузова было особым. Яков Петрович во всем старался походить на Суворова, близко знал жизнь солдат, проявляя о них постоянную заботу, говорил с солдатами понятным им языком.

Не стало еще одного боевого друга Кутузова, Кульнева, его портрет и поныне украшает Военную галерею Зимнего дворца.

Между тем дружины ополчения усердно изучали военное дело. Ратники обучались на Измайловском, Семеновском и Преображенском «парадных местах» и в течение месяца были готовы к действию.

15 августа 1812 года петербургское ополчение принимало присягу. Местом для парада был избран огромный плац Семеновского полка (простиравшийся вдоль Загородного проспекта от Звенигородской улицы до Витебского вокзала). Митрополит Амвросий освятил знамена ополченских дружин. Александр I, объехав ряды ратников, выразил особое удовлетворение. Петербургское ополчение по вооружению, экипировке и подготовленности оказалось лучшим. По окончании церемониального марша присутствовавший на параде английский посол лорд Каткарт в изумлении воскликнул: «Это войско выросло из земли!» Позднее в императорском рескрипте на имя Кутузова будет сказано: «С удовольствием усмотрели мы в Санкт-Петербургском дворянстве то же самое рвение и усердие к нам и отечеству, которое видели в московском дворянстве, почему и поручаем Вам: губернатору, предводителям и всему здешнему благородному сословию объявить благоволение наше и признательность». О простом народе — «из земли», составляющем большую часть ополчения,

император «забыл».

Не остался без царского внимания и предводитель ополчения. Самодержец, хоть и с опозданием, но «за успехи в командовании Молдавской армией» официально назначает Кутузова членом Государственного совета.

Предводительствовать в бою ратниками Михаилу Илларионовичу не пришлось. Однако ополчение, созданное «батушкой Ларивонычем», оказалось крепким орешком для врага. Присоединенное к корпусу генерала Витгенштейна уже в октябре 1812 года в боях под Полоцком, оно проявило незаурядную стойкость. Находясь в колоннах, ратники бесстрашно выдерживали град пуль и картечи. Сбросив кафтаны, неистово дрались в рукопашном бою топорами. Истекая кровью, раненые продолжали сражаться, призывая своих товарищей на бой. Когда же случалось, что некоторые из них подавались назад, то всякий раз появлялся Бибиков, восклицая: «Стой, ребята!», «Куда вы?», «Мы же русские!», «Вперед! Ура!» — и ратники с мужеством бросались на врага.

«5-я дружина, атаковав колонну баварцев, преследовала их до Полоцка. Дружина полковника Дубянского в штыковой атаке опрокинула французов. Дружина полковника Николаева, пробивая путь штыками и топорами, первая ворвалась в Полоцк. Изумленные французы в ужасе восклицали: „Откуда взялись эти бородатые бесстрашные люди?!“»

Успехи «бородатым людям» давались, однако, нелегко. Полковник Чернов, имея в своей дружине поутру восемьсот человек, нашел к вечеру лишь девяносто шесть. Из шестнадцати офицеров остались в живых только двое. Так было от Полоцка до Кенигсберга, где из двенадцатитысячного ополченского войска осталось девятьсот человек. А потом был штурм Данцига. Граф Витгенштейн, видя, с каким бесстрашием бросаются ополченцы на явную смерть, вынужден был обратиться к подчиненным командирам, призывая их сдаться ратников.

Так действовало в бою петербургское ополчение, созданное генералом Кутузовым. Неслучайно депутация ратников заняла потом почетное место в траурной процессии на похоронах полководца.

Тем временем события в действующей армии принимали для России угрожающий характер. По мере продвижения Наполеона на восток несостоятельность общих принципов военного руководства становилась все более очевидной. Даже наиболее преданные императору сановники А. А. Аракчеев, А. Д. Балашов и А. С. Шишков вынуждены были обратиться к нему с письмом, умоляя покинуть армию. В конце концов Александр I сам признал, что неопытность его в борьбе со столь серьезным противником, как Наполеон, может привести к нежелательным для отечества последствиям. Необходимость в опытном верховном командующем, способном успешно возглавить борьбу против наполеоновского нашествия, становилась явной. В это трудное для России время взоры многих были обращены к Кутузову. Имя его все чаще произносилось как в армии и светских кругах, так и в простом народе. Кутузов получал многие письма «с изъявлением прискорбия отсутствием его на главном театре войны». Такие же письма приходили к царю и в Комитет Министров.

Так, губернатор Москвы генерал от инфантерии Ф. В. Ростопчин прямо писал царю: «...Москва желает, государь, чтобы войсками начальствовал Кутузов и двигал наши силы, иначе не будет никакого единства, между тем как Наполеон сообщает все. Он сам должен находиться в затруднительном положении».

Тем временем Михаил Илларионович, находясь вдали от главных событий

войны, с горечью смотрел на повсеместное отступление русских.

Выбрать главнокомандующего было поручено специально созданному чрезвычайному комитету.

12 августа 1812 года в 7 часов пополудни комитет собрался в доме престарелого Н. И. Салтыкова. Совещались три с половиной часа. После ознакомления с донесениями главнокомандующих, партикулярными письмами и другими сообщениями, предоставленными графом А. А. Аракчеевым, комитет единогласно признал, что «... бывшая до сего недействительность в военных операциях происходит от того, что не было над всеми действующими армиями положительной единоначальной власти, и сколь в настоящее время невыгодно сие власти раздробление, столь напротив того необходимо общее оной соединение». Основывая это заключение «на положении обстоятельств вообще и на том, что по действию разных армий на значительном пространстве они обязаны всегда согласовывать свои движения и действия одна с другой», комитет нашел необходимым: «1. Назначить над всеми войсками одного общего главнокомандующего. 2. Назначение должно быть основано на известных опытах в военном искусстве, отличных талантах, доверии общем и на старшинстве».

Кандидатуры здравствующих фельдмаршалов Н. И. Салтыкова и И. В. Гудовича (по причине преклонного возраста) обсуждать не стали, потому сразу перешли к обсуждению кандидатур «полных» генералов (Багратиона, Беннигсена и Тормасова).

Среди претендентов наиболее яркой была личность генерала от инфантерии князя Петра Ивановича Багратиона.

Достоинства этого выдающегося военачальника высоко ценились не только Суворовым, но и Наполеоном, утверждавшим, что «Багратион обладает в бою отличным глазомером».

Отпрыск обедневшей царской династии Багратидов, жизнь свою с армией Петр Иванович связал очень рано. Не имея, однако, ни протекции, ни богатства, только к тридцати годам ратной службы своей он дошел до майорского чина.

Военное дело молодой офицер познавал не в кадетских и пажеских корпусах, а на войсковом опыте. Запримеченный Суворовым, он становится сотоварищем его по всем походам. Из Италии Багратион вернулся «в блеске славы и сиянии почести». Однако надо сказать, что боевым опытом по руководству крупной массой войск (такой, как Большая действующая армия) Петр Иванович не обладал.

Стремительный и неустрашимый в бою, он, к сожалению, мало был сведущ в правилах высшей военной науки. К тому же горячность характера его, более или менее приемлемая для командующего полевой армией, вряд ли могла быть уместной для главнокомандующего объединенными силами.

Другим серьезным претендентом безусловно был генерал от кавалерии граф Александр Петрович Тормасов.

Участник многих войн и походов, в отличие от князя Багратиона, он обладал не только богатым боевым, но и изрядным административным опытом. Дважды побывал он в губернаторских креслах (Киева и Риги).

Вместе с тем членов комиссии не могли не смущать некоторые обстоятельства из биографии этого человека. Трижды он уволен был от службы «за дерзкие отзывы и неповиновение тем, кому подчинен был».

Вряд ли императору можно было рекомендовать на пост главнокомандующего Большой действующей армией столь независимого и

смелого в суждениях о прямых начальниках генерала.

Еще меньше шансов утвердиться на посту главнокомандующего Большой действующей армией было у графа Л. Л. Беннигсена.

Ганноверец, перейдя в 1773 году на русскую военную службу (и превратившись в Леонтия Леонтьевича), также дослужился до чина генерала от кавалерии. Карьеру свою строил на успехах не столько истинных, сколько на мнимых. Интриган, рвущийся к власти, умело пользовался для этого особым расположением царя к иностранцам.

Однако члены комитета, конечно же, помнили как нерешительность его при Прейсиш-Эйлау, так и поражения во Фридландском сражении. К тому же если принять во внимание, что авторитета в армии Беннигсен не имел и, как «ливонский визир» Пален и Барклай, был также инородцем, то «немца на немца менять — только зря время терять».

Что же касается Дмитрия Сергеевича Дохтурова, то этот скромный и талантливый военачальник, герой Аустерлица и Фридланда, генерал, о котором младшие чины говорили: «Коли Дохтуров где станет, надобно туда команду с рычагами посылать, а так его не сковырнешь», в подчинении своем более корпуса никогда не имел.

Кандидатуру генерала Кутузова предложили последней. Но едва было произнесено его имя, как все члены комитета единодушно признали, что Михаил Илларионович соединил в себе все качества, необходимые для предводителя Большой действующей армии. Одновременно, «дабы не создавать неудобств в исполнении обязанностей главнокомандующего», генерала Барклая де Толли рекомендовано было «в любом случае от звания военного министра уволить».

Решение комитета было воспринято царем скептически. И тем не менее после трехдневных «раздумий» Александр I вынужден был назначить генерала Кутузова главнокомандующим Большой действующей армией.

20 августа Михаилу Илларионовичу велено было приехать на государеву дачу, что на Каменном острове, где царь и объявил ему о своем решении.

В тот же день командующим армиями Торماسову, Багратиону, Барклаю де Толли и Чичагову были направлены царские рескрипты: «Разные важные неудобства, происшедшие после соединения двух армий, возлагают на меня необходимую обязанность назначить одного над всеми оными Главноначальника. Я избрал для этого генерала от инфантерии князя Кутузова, которому и подчиняю все четыре армии, вследствие чего предписываю вам со вверенною вам армиею состоять в точной его команде».

Не на шутку напуганный ходом событий, царь через день издает еще один совершенно необычайный по тем временам рескрипт, разрешающий Кутузову в период следования его в действующую армию курьеров «с донесениями на имя царя останавливать и, распечатав, прочитывать и потом уже за своею печатью отправлять оные ко мне».

Исполнились чаяния народа, но не царя, принявшего решение о назначении Кутузова с большой неохотой. В письме к своей сестре великой княгине Екатерине Павловне он признавался: «В Петербурге я увидел, что решительно все были за назначение главнокомандующим старика Кутузова, это было общее желание. Зная этого человека, я... противился его назначению...» Еще более откровенно свое отношение к Кутузову царь выразил позднее в письме к Барклаю де Толли. Как бы оправдываясь перед ним, он писал: «...Обстоятельства были слишком критические. Впервые столица государства

находилась в опасном положении, и мне не оставалось ничего другого, как уступить всеобщему мнению, заставив все-таки предварительно обсудить вопрос „за“ и „против“ в Совете, составленном из важнейших сановников империи. Уступив их мнению, я должен был заглушить мое личное чувство». Впрочем, уже и после указа о назначении Кутузова главнокомандующим во время встречи в финском городе Або с наследным принцем Швеции Карлом Юханом император предлагал ему пост главнокомандующего Большой действующей армией. Древние говорили: «Великий полководец есть самый драгоценный алмаз в короне государя». Судя по всему, Александр I не разглядел алмаза, будучи подслеповатым не только в прямом, но и в переносном смысле.

В Петербурге сообщение о назначении Кутузова было встречено «с ликованием, какого не имели после начала войны». Дом Кутузовых оказался «в осаде»: так много петербуржцев изъявляли желание высказать полководцу свои чувства. Михаил Илларионович, дабы успешно решить массу возникших в связи с предстоящим отъездом вопросов, вынужден был «укрываться» в доме Ивана Логиновича (сына адмирала Логина Ивановича Голенищева-Кутузова). В воспоминаниях Ф. Толстого (автора знаменитых медалей Отечественной войны 1812 года) о последних днях Кутузова в Петербурге мы читаем: «С назначением его главнокомандующим, последние два дня перед отправлением, провел он у Ивана Логиновича и Надежды Никитичны, по его желанию без свидетелей».

Известно также, что в эти дни Кутузов побывал в военном министерстве, где получил сведения о состоянии армии и подготовке резервов.

Несомненно, чтобы решиться возглавить борьбу против Наполеона в столь трудный для действующей армии момент, нужно было обладать огромным мужеством. И тем не менее Михаил Илларионович принял назначение спокойно, как нечто должное.

В канун отъезда в доме его собрались на прощальный вечер родственники, близкие и друзья. Весь воспрянувший, он уверенно говорил: «С божьей помощью надеюсь успеть».

Впрочем, не все обстояло так уж плохо. В тот же день, в связи с ратификацией Бухарестского мирного договора, оценив деяния Кутузова не только полководческие, но и дипломатические, император своим рескриптом возвел Михаила Илларионовича в княжеское достоинство с титулом «светлейшего».

В воскресенье, 23 августа 1812 года Дворцовая набережная Петербурга, где стоял дом Кутузовых, от Гагаринской пристани до Прачечного моста была запружена народом. Ждали отъезда полководца. Около девяти часов утра, простившись с родными и близкими, Михаил Илларионович сел в карету.

Вместе с ним ехал Александр Иванович Михайловский-Данилевский. Сугубо штатский человек, по окончании Геттингенского университета он занимал скромный пост помощника ученого секретаря канцелярии министра финансов. Отечественная война резко изменила его жизнь. Движимый патриотическими чувствами, и несмотря на слабость зрения, он вошел в число петербургских ратников. Запримеченный Кутузовым высокообразованный, одаренный молодой человек был определен в адъютанты. Вращаясь в высших военных кругах, ведя наиболее важные записи, Михайловский-Данилевский и после победоносного завершения Отечественной войны посвятит свою жизнь ее описанию.

Вследствие «великой тесноты» ехать пришлось шагом среди толп народа. Отовсюду раздавались возгласы с пожеланием доброго пути, здоровья, успехов

и побед. Прибыв в Казанский собор, главнокомандующий отслужил торжественный молебен. Выходя из собора, обратившись к огромной массе собравшегося народа, сказал: «Меня посылают на великое дело!»

На подъезде к Ижоре генерал впервые воспользовался правами главнокомандующего. Вскрыв пакет встречного курьера из действующей армии, официально узнал о падении Смоленска. После глубокого раздумья с горечью произнес: «Ключ от Москвы взят». С трудом в последний раз оглядев знакомые и милые сердцу очертания Петербурга, приказал трогать. Вернуться живым сюда ему было уже не суждено.

Глава V

Главнокомандующий Большой действующей армией

Жизнь генерала Кутузова прошла в походах, войнах да дипломатических миссиях.

Частые разлуки его с семьей, тяжкие для него, были особенно тягостны Екатерине Ильиничне. Последний отъезд, связанный со вступлением полководца в должность столь же многотрудную, сколь и ответственную, вызвал особое ее волнение. Что ни говори, а лета были уже немолодые. Заканчивался седьмой десяток. Михаил Илларионович сетовал на свое постоянное одиночество: «Вот вам Аннушка, которую довольно долго продержал. Будучи постоянно в разлуке с моей семьей, я бываю бесконечно счастлив, когда смогу заполучить кого-нибудь из вас», — читаем мы в одном из его писем.

Летом 1812 года популярность полководца в Петербурге была особенно велика. От Кутузова ждали победы. Михаил Илларионович прекрасно понимал это — как и многое другое. Времена наполеоновской стратегии с низвержением неприятеля в едином генеральном сражении канули в Лету. Теперь, когда речь шла о судьбе отечества, необходимо было выиграть не баталию, а войну. Достичь же этого можно было лишь полным разгромом врага в ходе длительной и напряженной борьбы. Иными словами, Кутузов ранее Наполеона понял новые явления действительности и новые задачи в военном искусстве, противопоставив наполеоновской стратегии свою концепцию ведения войны. Еще в 1805 году он писал царю: «Не смею, однако ж, скрыть от Вас, Государь, сколь много предоставил бы я случаю, доверяя участь войны одному сражению».

Словом, стратегия Кутузова оказалась дальновиднее и совершеннее стратегии Наполеона.

29 августа Кутузов прибыл в действующую армию, которая находилась в ту пору на позициях у Царёва-Займища, выбранных Барклаем де Толли для генерального сражения.

Однако уже через два дня (после детального знакомства с обстановкой) был отдан приказ на очередной отход (и это несмотря на то, что до Москвы оставалось 160 километров!).

Решение это основывалось не только на недостатках избранной для сражения позиции. Основная причина заключалась в недостатке сил для генерального сражения. В армиях, принятых Кутузовым, насчитывалось только 95 тысяч человек. Из обещанных военным ведомством 65 тысяч корпуса Милорадовича прибыло всего 15 тысяч человек. Столько же прибыло и наспех подготовленных новобранцев из так называемой «второй стены обороны»

московского губернатора Ростопчина.

И Кутузов (как и Барклай де Толли) вынужден был идти на столь же непопулярный шаг.

По ходу отступления было получено сообщение от полковника Толя о том, что в 12 километрах западнее Можайска (в 124 километрах от Москвы) найдена приличная позиция для генерального сражения, и Кутузов, опережая войска, поспешил туда.

Обзор местности оставил хорошие впечатления. В донесении царю Кутузов писал: «Позиция, в которой я остановился при деревне Бородино... одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно».

Действительно, место для сражения, выбранное бывшим кадетом Карлушей Толем, было удачным. Простираясь на восемь километров от Москвы-реки до Утицкого леса, оно давало возможность к размещению группировки с необходимой плотностью сил. Правый фланг позиции, упираясь в Москву-реку, исключал возможности для флангового обхода. Левый же фланг, упираясь в Утицкий лес, был в этом отношении менее обеспечен. Однако и здесь действия крупных сил противника были затруднены. Впрочем, для укрепления левого фланга можно было усилить оборону, создав здесь оборонительные укрепления. Было очевидно, что главные действия развернутся за овладение коммуникациями: Новой и Старой Смоленскими дорогами, то есть в центре обороны.

В целом, говоря о бородинской позиции, можно сказать, что благодаря рельефу, русские войска занимали господствующее над противником положение: будучи относительно равнинной, местность давала возможность маневрировать крупными массами войск, пехоты в батальонных построениях и каре. Отдельные холмы и кустарники способствовали скрытому размещению войск.

В то же время низменная пересеченная местность в расположении противника создавала ему ряд неудобств: была хорошо просматриваемой, к тому же перед позициями русских войск протекала речка Колоча и два ручья с довольно обрывистыми берегами.

Сразу же после выбора позиций были приняты меры по их инженерному оборудованию. Было начато строительство на левом фланге у деревни Семеновской оборонительных флешей (багратионовых флешей). Перед ними у деревни Шевардино — оборонительного редута. В центре обороны на высоте Курганной — опорного пункта с размещением здесь 18-орудийной батареи (батареи Раевского). По всей полосе обороны создавались отдельные групповые окопы. На правом же фланге — оборонительные люнеты (масловские люнеты), а на высотах у деревни Горки оборудовались позиции артиллерийских батарей для прикрытия реки Колочи.

Работы выполнялись инженерными частями армии с привлечением местного населения, московского ополчения и войск. И хотя к началу сражения завершить начатые работы не удалось, тем не менее время было использовано эффективно.

Теперь перед Кутузовым стала наиважнейшая задача — создание оборонительной группировки войск.

Руководствуясь поговоркой (им же созданной) «Полководец не может считаться побежденным до тех пор, пока у него есть резерв», Кутузов создавал оборону с глубоким построением войск. От тактического до армейского звеньев оборона строилась в две линии с выделением резервов. Кроме того, был создан

общий (главный) резерв в составе двух пехотных корпусов, кирасирской дивизии и артиллерийского резерва (324 орудия).

Главный резерв расположен был в центре (позади войск) в готовности к действиям в любом из направлений. Кроме того, на правом фланге, также в резерве, находились два конных корпуса: казачий — атамана Платова и кавалерийский — генерала Уварова.

Оборона правого фланга и центра возлагалась на 1-ю Западную армию Барклай де Толли, левого фланга — на 2-ю Западную армию Багратиона.

С учетом значительной ширины полосы обороны 1-й армии здесь было создано две группы. Первой из них (ответственной за правый фланг) руководил генерал Милорадович, второй (ответственной за центр) — генерал Дохтуров.

Оборона района Утицы была возложена на отряд генерала Маркова.

Основная группировка войск прикрывалась с переднего края отрядами из егерских полков.

Штаб русской армии размещался в деревне Татариново, передовой командный пункт оборудован был на высоте вблизи деревни Горки. Общая глубина обороны достигала четырех километров.

Таким образом, Кутузов сконцентрировал силы свои в центре и на правом фланге с целью надежного прикрытия кратчайшего пути на Москву — Новой Смоленской дороги. К тому же расположенная здесь главная группировка создавала угрозу флангу и тылу противника в случае нанесения им главного удара по направлению Старой Смоленской дороги. Эту же группировку можно было (при необходимости) эффективно использовать при нанесении контрудара.

В целом построение обороны характеризовалось созданием четырех группировок войск: для обороны правого фланга, для обороны центра, для обороны левого фланга и общего (главного) резерва.

Усиленно готовился к предстоящему генеральному сражению и Наполеон. После рекогносцировки местности он пришел к выводу о неприступности правого фланга русских войск, потому для наступления по Новой Смоленской дороге силы его должны были свернуть вправо и предварительно овладеть Шевардинским редутом. Не имея возможности обойти русские войска, он должен был действовать фронтально с сосредоточением сил на узких участках наступления.

В целом замысел его состоял в том, чтобы нанести главный удар по левому флангу, смять его и, развивая успех в северо-восточном направлении, прижать группировку русских войск к Москве-реке и уничтожить ее, открыв тем самым путь на Москву. После решения этой задачи он был уверен в капитуляции русской армии.

Русская армия, имея в своем составе 120 тысяч человек при 640 орудиях, должна была выдержать натиск 135-тысячной группировки противника при 587 орудиях.

Такова была ситуация к началу Бородинской битвы (в соответствии с последними историческими исследованиями).

Бородинской битве предшествовал бой за Шевардинский редут. Здесь против 12-тысячного отряда генерал-лейтенанта Алексея Горчакова (племянника А. В. Суворова) Наполеон бросил силы общей численностью до 40 тысяч человек. Редут неоднократно переходил из рук в руки. К концу дня, оставив за собой руины укреплений, русские войска отошли на основной рубеж.

Шевардинские события дали возможность Кутузову более точно

определить намерения противника и направление его главных усилий, выиграть некоторое время (сутки) для укрепления обороны и произвести частичную перегруппировку сил. Было усилено левое крыло переброской в район Утицы пехотного корпуса генерала Н. А. Тучкова, из артиллерийского резерва в распоряжение Багратиона была передана группировка артиллерии (168 орудий).

Теперь на рубеже противоборствующих сторон (как перед бурей) наступил штиль.

Каждая из сторон готовилась к решительной схватке. В канун сражения в стане русских войск проведены были богослужения. По переднему краю обороны прошел крестный ход с иконой Святой Смоленской Божией Матери. Во главе процессии шел главнокомандующий Большой действующей армией Михаил Илларионович Кутузов. Он же после обхода подолгу беседовал с войсками, вдохновляя их на предстоящую битву.

Вечером перед сражением (как и повелось на Руси) офицеры надели чистое белье, а нижние чины — чистые рубахи. Водка, привезенная артельщиками, оказалась ненужной. Русское воинство предпочитало идти в бой за Отечество свое со светлыми головами. Солдаты чистили оружие, точили штыки, подгоняли амуницию. Понимая, что в предстоящем сражении не все из них останутся живы, тихим голосом передавали они землякам своим слова любви, уважения и завещания родным и близким.

Нечто подобное происходило и в наполеоновском войске. Бонапарт, объезжая свои войска, обращался к ним с короткими и пламенными речами, призывая их к достижению победы в предстоящем сражении, с обещаниями всевозможных выгод, вытекающих из оногo.

Вдохновленные речами императора и рекой льющегося вина, солдаты предавались бурному веселью у полевых костров.

С утра перед войсками, построеными в боевые порядки, зачитан был приказ императора Франции, встреченный дружными и громкими криками: «Ура!» и «Да здравствует император!»

На рассвете 7 августа 1812 года артиллерийская канонада возвестила о начале Бородинской битвы.

Надо сказать, что Наполеон, будучи артиллеристом по образованию и войсковому опыту, умело использовал этот род войск. Забегая вперед, отметим, что он сумел компенсировать меньшее число орудий более эффективным их использованием. В ходе сражения французская артиллерия произвела 91 тысячу выстрелов против 60 тысяч из русских орудий.

Первым перешел в наступление на Бородино корпус пасынка Наполеона Евгения Богарне. Французские войска переправились через реку Колоча, но были контратакованы и отброшены на противоположный берег. Основные события развернулись у Багратионовых флешей и Курганной высоты.

В 6 часов утра корпус «железного маршала» Даву (численностью в 28 тысяч человек при 100 орудиях) нанес удар по дивизиям М. С. Воронцова и Д. П. Неверовского.

Успеха противник не имел. Более того, контратакой был отброшен на исходные позиции. И Наполеон бросает сюда корпуса Нея и Жюно, усилив их кавалерией Мюрата.

Убедившись в том, что главный удар противник наносит по левому флангу, Кутузов усиливает его двумя пехотными корпусами и 100 орудиями из резерва.

В 8 часов в ходе третьей атаки на багратионовы флешы корпус генерала

Понятовского начал атаку на деревню Утицы, пытаясь выйти в тыл армии Багратиона. Переведенным сюда корпусом генерала Тучкова он был отброшен. Все последующие попытки поляков были отбиты генералом Богговутом (сменившим раненого Тучкова) с находившимися здесь же ополченцами.

С 9 до 11 часов было проведено четыре безуспешные атаки на флешы и две столь же безуспешные атаки на Курганную высоту. Перед флешами и на Курганной высоте лежали тысячи убитых, но противник не продвинулся ни на шаг.

Около 12 часов началась восьмая атака на флешы — и сражение достигло своего апогея. Здесь на участке шириной в 1,5 километра против 18 тысяч русских воинов (при 300 орудиях) Наполеон бросил 45 тысяч человек и 400 орудий!

Завязалась ожесточенная схватка. Атаки следовали за контратаками. Поддерживаемые ураганным артиллерийским огнем воины дрались врукопашную. С обеих сторон вводились дополнительные силы. Флешы переходили из рук в руки. В одной из контратак командующий 2-й Западной армией генерал от инфантерии Петр Иванович Багратион был смертельно ранен.

Лишенные единого твердого руководства после ранения командующего, некоторые части начали отход, который мог бы иметь самые пагубные последствия. Положение спас принявший на себя командование 2-й армией генерал П. П. Коновницын.

Он отвел армию за Семеновский овраг, привел ее в боевой порядок, занял близлежащие высоты и организовал артиллерийское прикрытие. Все последующие попытки противника осуществить прорыв позиции русских войск на этом рубеже успеха не имели.

Стремясь завершить прорыв обороны русских войск, Наполеон, используя частичный успех на левом фланге, переносит основные усилия против центра обороны русских войск.

Здесь в направлении Курганной высоты (батареи Раевского) была создана группировка в 35 тысяч человек при 300 орудиях. Защитники центральной высоты, оказавшись в трудном положении (резервы Кутузова были израсходованы), отчаянно сопротивлялись.

Наполеон, уверенный в скорой победе, решает на ввод своего последнего резерва — гвардии. Прозвучала команда: «Гвардия, в огонь!» Однако как только полки гвардии двинулись вперед, адъютанты, мчавшиеся с левого фланга, закричали: «Кзаки! Кзаки! Кзаки!» И гвардия была остановлена.

В этот критический момент битвы Кутузов идет на смелый шаг: направляет конные корпуса Платова и Уварова в обход левого фланга наполеоновской армии и внезапно атакует ее в районе Валуево — Беззубово.

Неожиданное появление русских войск в тылу вынудило Наполеона не только прекратить дальнейшие атаки 2-й Западной армии, отложив на два часа намеченную очередную атаку Курганной высоты, но и ослабить ударную группировку, направив часть сил из ее состава на усиление своего левого фланга. Этого времени хватило Кутузову для того, чтобы осуществить перегруппировку своих войск, усилить центр и левое крыло 2-й и 3-й пехотными корпусами.

В 14 часов войска противника начали очередную атаку Курганной высоты. Ценой огромных потерь ему удалось захватить батарею Раевского. Однако

попытка развить успех была отражена кавалерийскими корпусами.

Здесь, на пространстве центральной высоты, произошла грандиозная кавалерийская сеча. В свете солнечных лучей, залпов сотен артиллерийских орудий, блеске кирас, шлемов, мечей и сабель высота казалась огненной. В кавалерийских схватках, как в древние времена, французские бароны, герцоги, графы и маркизы один на один вступали в схватку с потомками русских витязей. «Табуны лошадей без всадников, ошалелых от грома орудий и непрерывной стрельбы, с окровавленными седлами и чепраками носились по Бородинскому полю».

На левом фланге русских войск 2-я Западная армия, в командование которой вступил генерал Дохтуров, стойко удерживала занимаемый ею рубеж.

К 18 часам 7 сентября 1812 года армия, возглавляемая Кутузовым, прочно оставалась на своих позициях.

Что же касается Наполеона, то он, опасаясь контрудара русских войск, пребывая за тысячи лье от Парижа, так и не посмел ввести в дело свой последний резерв — гвардию.

К исходу дня битва стала затихать. Французские войска, не добившись успеха, отошли на исходные позиции.

Русская армия тоже вышла на те позиции, что занимала перед началом битвы.

Таким образом, задача, поставленная Наполеоном — разгромить русскую армию в генеральном сражении, — не была им решена.

Задача же Кутузова — не допустить разгрома русской армии в генеральном сражении — была решена им успешно.

Несколько позже главные действующие лица Бородинской битвы дадут такую оценку этого исторического события.

Наполеон: «Из всех моих сражений самым ужасным было то, которое я дал под Москвою. Французы показали себя в нем достойными одержать победу, а русские — стяжали славу быть непобежденными».

Кутузов: «Баталия, 26 числа бывшая, была самая кровопролитнейшая из всех тех, которые в новейших временах известны. Место баталии нами удержано совершенно, и неприятель ретировался тогда в ту позицию, в которую пришел нас атаковать».

Между тем потери русской армии в Бородинском сражении были огромны. Армия недосчиталась 55 тысяч человек, что составляло почти половину ее состава. На исходе оказались боеприпасы, продовольствие и фураж.

Под ружьем у Кутузова оставалось 65 тысяч человек.

Что же касается французской армии, то потери ее были тоже немалые (более 50 тысяч человек), что составляло около 39 процентов ее состава. Следовательно, Наполеон имел к концу битвы почти 85 тысяч человек.

С учетом же не принимавших участия в битве двух дивизий (пребывавших на марше: первой дивизии молодой гвардии генерала Делаборде и итальянской дивизии генерала Д. Пино) численность группировки Наполеона достигала 95 тысяч человек, что почти в полтора раза превышало состав русских войск, то есть соотношение сил складывалось гораздо худшее, чем к началу Бородинского сражения. Особенно большие потери были во 2-й Западной армии. Здесь некоторые подразделения вообще перестали существовать, а отдельные части и соединения существовали номинально.

Оценив обстановку, Кутузов (несмотря на стремление многих продолжить

сражение) принял решение отвести войска на новый рубеж с целью выиграть время, сблизиться с резервами и дать очередное генеральное сражение за Москву у стен Первопрестольной.

Таким образом, причина оставления бородинских позиций была в необеспеченности действующей армии резервами. Несмотря на то что уже шел третий месяц войны, военное ведомство и Его Императорское Величество не могли решить эту архиважную задачу. При этом на южном фланге по-прежнему в полном бездействии пребывала Дунайская армия адмирала Чичагова, да и 3-я Западная армия особыми потерями не понесла.

Словом, в те дни, когда Петербург и Россия ликовали, восхваляя Бородинскую битву, а Екатерина Ильинична принимала поздравления в связи с присвоением ее мужу фельдмаршальского звания, русская армия находилась в десятках верст от Бородино. В ночь с 7-го на 8 сентября, оставив Бородинское поле, отбиваясь от наседавшего авангарда Мюрата, приближалась она к Москве, а точнее — к позициям у деревни Фили, кои выбраны были для очередного сражения начальником главного штаба Большой действующей армии генералом от кавалерии Л. Л. Беннигсеном.

К великому сожалению, Леонтий Леонтьевич Беннигсен в очередной раз проявил свою полководческую несостоятельность. Позиция, выбранная им, оказалась крайне невыгодной.

Простираясь по фронту на шесть километров, для армии, потерявшей почти половину своего состава, она была велика. Левый фланг ее был практически открытым. Глубина же позиций составляла всего два километра, упираясь в крупную водную преграду — Москву-реку, через которую имелось лишь восемь наплавных мостов, не приспособленных для переправки по ним тяжелых грузов: артиллерии, обозов, а также кавалерийских корпусов.

Спуски к мостам были крутыми, доступными лишь для пехоты. Позиции пересекались идущими с запада на восток двумя извилистыми речками и большим количеством оврагов и рвов, что затрудняло маневр войск и к тому же создавало условия для просачивания противника в глубь обороны. Эти же обстоятельства препятствовали действиям пехоты в бою в колоннах и каре. Местность не позволяла занять господствующее положение над противником, могла хорошо просматриваться им, и войска и артиллерийские позиции, расположенные здесь, могли быть подвержены губительному артиллерийскому огню.

Конечно, в случае неудачи в сражении переправить армию на противоположный берег реки было бы невозможно. При этом переправившаяся часть войск была бы несомненно потеряна при преодолении ею такого крупного города, как Москва.

Возможность второго генерального сражения и участь Москвы решено было обсудить на военном совете в Филях, что состоялся 13 сентября в избе крестьянина Андрея Фролова. По свидетельству очевидцев, в ожидании приезда Беннигсена Кутузов пребывал в расстроенных чувствах. Задуматься же было над чем. Несмотря на огромную настойчивость, просьбы и мольбы, армия не получила в пополнение ни одного человека. Предстояло решиться — принимать ли сражение в невыгодной позиции с противником, имеющим полоторное превосходство в силах.

По прибытии Беннигсена военный совет в составе М. И. Кутузова, Л. Л. Беннигсена, М. Б. Барклая де Толли, Д. С. Дохтурова, П. П. Коновницына, Н. Н. Раевского, А. И. Остерман-Толстого, Ф. П. Уварова, А. П. Ермолова и К. Ф.

Толя был открыт.

Открывая военный совет, Кутузов особое внимание обратил на необходимость сохранения армии.

Затем слово было предоставлено автору позиций для сражения. Восхваляя выбранное им место, Беннигсен предложил для обсуждения вопрос: «Выгодно ли сразиться под стенами Москвы или оставить ее неприятелю без боя?»

Пользуясь правом председателя военного совета, Кутузов прервал Беннигсена и поставил другой вопрос: «Ожидать ли нападения неприятеля в невыгодной позиции или отступить за Москву?»

Дискуссия началась с выступления командующего 1-й Западной армией генерала Баркляя де Толли. Преодолевая волны очередного приступа лихорадки, Михаил Богданович заявил: «Позиция для сражения непригодна: в случае неудачи вся армия была бы уничтожена на ней до последнего человека». И далее: «Защищая Москву, мы не спасем Россию... но, сохранив армию, мы приобретем возможность продолжать войну, коя с присоединением с резервами может завершиться сохранением армии и Отечества».

Мнения участников совета разделились. При этом некоторые из них предлагали свои варианты. Тот же Беннигсен предложил вместо оборонительного — наступательный вариант. Кроме Кутузова и Баркляя за отступление высказались Остерман-Толстой, Раевский и Толь.

Против отступления были Беннигсен, Дохтуров, Коновницын, Уваров и Ермолов.

Последним говорил Кутузов: «С потерей Москвы не потеряна Россия. Первою обязанностью поставляю сохранить армию и сблизиться с войсками, идущими к нам на подкрепление. Самим уступлением Москвы приготовим мы гибель неприятелю. Знаю, ответственность обрушится на меня, но жертвую собою для блага Отечества. Приказываю отступить». И чуть помолчав: «За разбитые горшки и отвечать, и платить придется мне».

Принять столь роковое решение на оставление Москвы было непросто.

Генералу Остерману-Толстому, человеку редкой храбрости, проголосовавшему за оставление Москвы без боя, в последующем постоянно и казалось, что армия считает его трусом.

Генерал Коновницын, уже после войны предвосхищая ответ на заданный вопрос о военном совете в Филях, восклицал: «Совесть моя чиста, совесть моя чиста. В военном совете в Филях я был против сдачи Москвы. Совесть моя чиста».

Командир 8-го корпуса генерал Бороздин открыто называл приказ Кутузова о сдаче Москвы предательским.

Сам же Кутузов, после принятия решения о сдаче Москвы, много плакал, позднее заявив: «Я весил Москву с целой Россией и со свободой Европы».

Недрузи же Кутузова уверяли: «Отступив после Бородинского сражения, Кутузов тем подтвердил свое поражение в Бородинской битве, а оставив без боя Москву, не только нанес непоправимый ущерб нации, но и подорвал боевой дух армии».

А пока Петербург и вся страна были поражены. Особое негодование выражал царский двор. Специальное заседание Комитета Министров постановило: «Комитет полагает предписать главнокомандующему армиями, дабы, во-первых, доставил сюда он протокол того Совета, в коем положено было оставить Москву неприятелю без всякой защиты, и, во-вторых, чтобы на будущее время всегда присылал он полные о всех мерах и действиях своих

сведения». Царь угрожающе писал Кутузову: «Вы... обязаны ответом оскорбленному отечеству в потере Москвы...»

Но Кутузов имел право на столь ответственное решение. Более того, решиться оставить Москву мог только Кутузов. Он был человеком, обладавшим полным доверием армии и народа, способным правильно оценить сложившуюся обстановку, твердо уверенным в том, что содеянное им оправдается всем последующим ходом событий.

В ночь на 14 сентября 1812 года русская армия покидала Москву. К исходу дня главные силы ее были в 15 верстах восточнее древней столицы. После второго суточного перехода, оставив часть арьергарда для «фальшивого движения, дабы увлечь за собой неприятельские отряды», совершенно неожиданно для окружающих Кутузов резко изменил движение войск. Армия форсированным маршем перешла на Тульскую, а затем на Калужскую дорогу и 2 октября сосредоточилась в Тарутине.

В Москву вступил неприятель.

С приходом французов начались пожары, грабежи, мародерство и насилия. Москва горела целую неделю, и целую неделю Наполеон, казалось, праздновал свою победу. Но тщетно авангард его разыскивал русскую армию к востоку от Москвы. Нигде не было и признаков ее. Русское войско «исчезло бесследно».

Между тем в результате гениально задуманного и блестяще осуществленного флангового марш-маневра оно оказалось юго-западнее Москвы, в исключительно выгодном стратегическом положении.

Став лагерем в Тарутине, Кутузов не только прикрыл оружейные заводы Тулы, литейные — Брянска и военные запасы Калуги, но и отрезал от Наполеона чрезвычайно важные в военном и экономическом отношении южные районы России. Находясь здесь, он мог пополнять армию резервами, оружием, продовольствием, одеждой, обувью, фуражом и обозом, свободно маневрировать своим стратегическим резервом — 3-й Западной и Дунайской армиями. К тому же русские войска нависали над Смоленской дорогой — основной коммуникацией, связывавшей французскую армию с ее тылом и оказавшейся объектом активного действия партизан. Имея в своем тылу главные силы русской армии, Наполеон не мог что-либо предпринять и на петербургском направлении.

Словом, армия Наполеона оказалась в кольце, образованном русскими войсками и партизанскими отрядами. Поражение ее было только вопросом времени. «Каждый день, проведенный нами в этой позиции, был золотым для меня и для войск, и мы хорошо им воспользовались», — писал полководец. Время работало на Кутузова.

Осенью 1812 года царь, снова проявив невежество в стратегии ведения войны, потребовал от главнокомандующего немедленных наступательных действий, «дабы успокоить Россию», на что Кутузов отвечает: «Дело надо вести к тому, чтобы Россию спасти, а не успокаивать ее».

Кутузовский маневр с оставлением Москвы и выходом русских войск в Тарутино, во фланг неприятеля, одним из первых оценил Наполеон. «Ваша хитрая лиса — Кутузов меня сильно подвел своим фланговым маршем», — сказал он позднее. Окончательно осознав, что оказался в западне, уготованной Кутузовым, и пытаясь склонить главнокомандующего русской армией к переговорам о почетном мире, он писал: «Князь Кутузов! Посылаю к Вам одного из моих генерал-адъютантов для переговоров о многих важных делах.

Хочу, чтобы Ваша светлость поверили тому, что он Вам скажет, особенно когда он выразит вам чувства уважения и особого внимания, которые я с давних пор питаю к вам. Не имея сказать ничего другого этим письмом, молю всевышнего, чтобы он хранил вас, князь Кутузов, под своим священным и благим покровом».

Попытки Наполеона достичь «благоугодного мира» успехов не имели.

В сентябре 1812 года в Петербурге горячо обсуждались не только Бородинское сражение, но и «тарутинские баталии». Поводов же для разговоров было достаточно. Еще бы! Оставил пост главнокомандующего 1-й армией генерал Барклай де Толли; уволен от армии «по участвовавшим болезненным припадкам» начальник штаба Беннигсен. «...Бешеный Федька Ростопчин перед оставлением штаб-квартиры главнокомандующего сжег свое имение», — писал современник.

Причиной отставок и перемещений, произведенных главнокомандующим, была сильная оппозиция во главе с английским «посланником» при действующей армии сэром Робертом Вильсоном, мечтавшим «о победе Англии над Наполеоном ценой разорения и любых жертв России». К тому же от недругов Михаила Илларионовича в Петербург шли письма, в которых уверялось, что Кутузов, «достигнув крайних целей своих желаний, утвердившись в должности главнокомандующего, проводит время в совершенном бездействии». Тот же Ростопчин, оказавшись в немилости у главнокомандующего за неспособность в подготовке ополчения, теперь писал царю: «Вот уже дня четыре Кайсаров подписывает все бумаги, подделывая подпись Кутузова... он только ест и спит полный день». Особую помеху Кутузову представлял генерал Беннигсен, который, по словам К. Клаузевица, всячески старался «получить возможность при случае самому протиснуться на первое место». В оппозиции Кутузову оказался и Барклай де Толли, считавший тарутинский маневр неидеальным, недовольный реорганизационными мероприятиями в действующей армии, возмущенный деятельностью (а точнее — бездеятельностью) начальника главного штаба, болезненно переносивший несправедливости по отношению к нему. К этому надо добавить и окончательно измотавшую генерала болезнь. В такой обстановке Кутузов вынужден был предпринимать ответные меры.

Первым действующую русскую армию, ссылаясь на состояние здоровья, достойно покинул Михаил Богданович Барклай де Толли.

Между тем русская армия и ее главнокомандующий отнюдь не предавались «тарутинскому безделью». Кутузов не спал, а умело управлял губерниями, оказавшимися на военном положении, провел решительную реорганизацию действующей армии, содействовал развитию партизанской борьбы. Войска пополнялись резервами, обучались, создавались запасы оружия, пороха, снаряжения и провианта.

В октябре русские войска наносят первый ощутимый удар врагу у реки Чернишня. Полковник А. Ф. Мишо, доставивший в свое время в Петербург прискорбное известие об оставлении Москвы, теперь доставил сюда же сообщение о первой победе. Император, только что отправивший Кутузову очередное гневное письмо, награждает главнокомандующего золотой шпагой, украшенной алмазами, и лавровым венком.

Вслед за тем Кутузов вручает начальнику штаба своего «алмазные знаки к ордену Святого Андрея Первозванного» с изобличением Беннигсена в непорядочности. (Дело в том, что одновременно к награде Беннигсена

император приложил и письмо-клязу его на Кутузова.) После чего Беннигсену в Большой действующей армии делать было нечего.

Вскоре даже малосведущим в военном деле людям стало ясно, что Кутузов превосходит Наполеона в военном искусстве. После поражения в сражении при Малоярославце, имевшем место с 24 по 26 октября, «непобедимая армия», непрерывно преследуемая русскими войсками и партизанами, в весьма жалком виде уходила из России по разоренной ею же Смоленской дороге.

Об этом кульминационном моменте борьбы Кутузов доносил в Петербург: «Сей день есть один из замечательнейших в сию кровопролитную войну, ибо потерянное сражение при Малоярославце повлекло бы за собою пагубнейшее следствие и открыло бы путь неприятелю через хлебоборобнейшие наши провинции».

Что же касается Наполеона, то, по словам Сегюра, «с сего момента он стал видеть перед собою только Париж, так же как, уезжая из Парижа, он видел перед собой только Москву».

Затем последовали победы под Красным, на Березине, в междуречье Березины и Немана. Преследуя противника флангово и фронтально, не допуская ни малейшей возможности к сопротивлению, войска во главе с Кутузовым стремительно гнали врага.

Любопытное сравнение. Русская армия, отступая от Немана до Тарутина, сохранив свою боеспособность, преодолела это расстояние почти за три месяца.

«Гениальный» Наполеон, отступая, преодолел этот же путь на месяц быстрее, полностью потеряв свою «великую и многоликую».

И хотя не все происходило идеально гладко, в частности, полностью окружить французскую армию восточнее Березины не удалось, тем не менее в декабре враг был изгнан из пределов России, о чем 19 декабря Кутузов доносил царю: «Исполнились слова Вашего Императорского Величества: усыпана дорога костями неприятельскими! Да вознесет всякий россиянин благодарственные молитвы ко всевышнему, а я посчитаю себя счастливейшим из подданных, быв избран благодетельной судьбою исполнителем Высочайшей воли Вашего Императорского Величества».

22 декабря 1812 года фельдмаршал Кутузов оповестил русский народ и армию о полной победе над врагом: «Война окончилась за полным истреблением неприятеля».

В приказе же своем по армии он призывает войска: «Потщиться довершить поражение неприятеля на собственных полях его».

Зимой 1813 года русская армия победоносно пронесла знамена свои по освобожденным ею странам Европы.

Европа, ликуя, радостно встречала своих освободителей. И всюду славу русского оружия соединяли со славой русского полководца. При появлении главнокомандующего повсеместно раздавались возгласы: «Ура Кутузову! Да здравствует великий Кутузов!»

«Вообразить нельзя, как мы приняты в Пруссии, — писал Михаил Илларионович в Петербург. — Никогда ни прусского короля, ни его войска так не принимали». И далее: «В Шлезии мне очень приятно, как возвышают дела наши. Сегодня дам с двадцать съехали издалека и собрались перед окошком. Увидя, наконец, что я долго не показываюсь, просили адъютантов, чтобы я подошел к окошку. Я их позвал к себе и слышал множество комплиментов, что они приехали видеть своего избавителя, что им теперь не надобно смотреть на

портреты мои, что мой образ запечатлен в сердцах их».

Кстати, о портретах. В другом письме к Екатерине Ильиничне Кутузов написал: «Пришли, пожалуйста, несколько, хотя три экземпляра, ежели есть, моих гравированных портретов. Из России пишут незнакомые и просят. А вот как в Берлине награвировали по расспросам, посылаю; достану да пришлю таких, что в разных костюмах, и в шубе, и бог знает как. Есть такие, что и не две копейки...»

Небезынтересно заметить, что находившийся при главном штабе поэт В. А. Жуковский после сражения под Красным посвятил Кутузову стихотворение «Вождю победителей». Размноженное в виде листовок в походной типографии, оно высоко оценивало стратегию главнокомандующего русской армией.

Однако слава и похвалы не вскружили голову полководцу. В ответ на хвалебную оду Д. И. Хвостова Михаил Илларионович писал: «Вы как бы возвышаете меня пред Румянцевым и Суворовым. Много бы я должен был иметь самолюбия, если бы на сию дружескую мысль вашу согласился. И если из подвигов моих что-нибудь годится преподанным быть потомству, то оно только оттого, что я силюсь по возможности моей и по умеренным моим дарованиям идти по следам сих великих мужей». В письме же к Г. П. Ермолову он как бы признается: «Похвалы, которыми я удостаиваюсь нередко от соотечественников моих, разделяю с моими сподвижниками, коих храбрости обязан я тем, что все надежды мои вижу увенчанными успехом».

Популярность Кутузова оказалась не по душе царской фамилии. Вот что писала царю его сестра, великая княгиня Екатерина Павловна: «Радость всеобщая, а фельдмаршал озарен такой славой, которой он не заслуживает: зло берет видеть, как все почитание сосредоточивается на столь недостойной голове».

Александр I, обеспокоенный популярностью полководца, стремится ограничить права, предоставленные ему Положением о Большой действующей армии. Он создает особый комитет из трех сенаторов, дабы поставить деятельность главнокомандующего под контроль.

Вместе со всеми успехам войска российского радовалась и семья Михаила Илларионовича, уважение и интерес к которой в Петербурге нарастали с каждым днем. Интерес к семье объяснялся и новостями, «из первых рук полученными» — из частных писем главнокомандующего.

Михаил Илларионович постоянно беспокоился о домашних делах. Насколько это представлялось возможным, высылал деньги для уплаты долгов. Но с чувством собственного достоинства он писал Екатерине Ильиничне: «...Я мог бы гордиться тем, что я первый генерал, от которого бежит гордый Наполеон».

Из писем же к Екатерине Ильиничне Петербург знал и то, что в отношениях Кутузова с императором «по-прежнему бывает розно». Надо сказать, что письма теперь были более редкими и краткими. Однако, понимая чрезмерную занятость супруга и его затруднения со зрением, Екатерина Ильинична принимала это как должное. Впрочем, некоторые из писем писались теперь князем Николаем Даниловичем Кудашевым — зятем Кутузовых, пребывавшем в то время в свите главнокомандующего. Храбрый и способный генерал погиб позднее в битве под Лейпцигом. Еще одна дочь Михаила Илларионовича овдовела в ходе наполеоновских войн.

Говоря о письмах Кутузова к семье, хотелось бы отметить особую привязанность его к дочери Елизавете и ее детям. По словам современников,

Елизавета Михайловна была чрезвычайно похожа на отца не только внешне, но и по характеру. Позднее она стала большим другом Александра Сергеевича Пушкина, была хорошо знакома с известным живописцем, автором «Последнего дня Помпеи» Карлом Петровичем Брюлловым, много сделала для облегчения участи ссыльного поэта-декабриста Федора Николаевича Глинки. Не без ее помощи Федор Николаевич оказался женат на дальней родственнице Кутузовых Авдотье Павловне Голенищевой-Кутузовой, позднее писательнице, авторе повестей и рассказов «Графиня Полина», «Катя», «Домашняя знакомая» и других. Столь же большое участие Елизавета Михайловна проявила и к брату Федора Глинки — Сергею Николаевичу, когда он, будучи цензором, пропустил в печать материал, стоивший ему отрешения от должности. С просьбой о хлопотах к ней обращался Вяземский, с которым был полностью солидарен и Пушкин.

Дочь же Елизаветы — Дарья (Долли), к которой так же часто обращался в письмах Михаил Илларионович, послужила в какой-то мере прообразом героинь пушкинских произведений «Египетские ночи», «Мы проводили вечер на даче», а также Татьяны Лариной в «Евгении Онегине».

Дочери Елизаветы Михайловны Екатерине Пушкин посвятил стихотворение «Циклоп».

Однако вернемся к петербургским делам Екатерины Ильиничны. Теперь статс-даме двора приходилось принимать бесчисленные поздравления то по поводу побед предводимых супругом войск, то с пожалованием наград, в результате чего Михаил Илларионович становится полным георгиевским кавалером, то по причине добавления к фамилии Голенищевых-Кутузовых почетной приставки Смоленские. Перед женой главнокомандующего радушно открывались двери петербургских салонов. Побывать в гостях у Кутузовых почиталось за честь. Здесь собирались лучшие литераторы столицы. Иван Крылов читал свои басни, прославляя мудрость и решительность Кутузова и высмеивая Наполеона. Друг дома поэт Гаврила Романович Державин любезно преподносил новые оды («На парение орла» и «Гимн лироэпический на прогнание французов из Отечества»), восхваляя Кутузова-полководца.

Михаил Илларионович не только с удовольствием получал письма от петербургских друзей, но и охотно отвечал им. Тронутый вниманием Державина, он писал:

«Милостивый государь мой Гавриил Романович!

Письмо вашего высокопревосходительства имел я честь получить. Хотя не могу я принять всего помещенного в прекрасном творении вашем „На парение орла“ прямо на мой счет, но произведение сие, как и прочие бессмертного вашего пера, имеет особенную цену уважения и служит новым доказательством вашей ко мне любви. Сколько же лестно и приятно для меня гимн ваш, коего один токмо экземпляр собственно для меня получил я чрез Петра Петровича Коновницына, но не более, как пишете вы, о чем сожалея, весьма бы желал присылки оных. Повторяя чувства совершенной моей благодарности на ваше ко мне расположение, имею честь быть с истинным почтением и преданностью, милостивый государь мой, вашего превосходительства всепокорный слуга».

Особенно нравилась Михаилу Илларионовичу басня Крылова «Волк на псарне» — одна из популярнейших в то время как в столице, так и в армии. По рассказам очевидцев, после сражения под Красным Кутузов читал ее перед собравшимися офицерами, при этом при словах: «Ты сер, а я, приятель, сед» — снял шапку, показывая свою седую голову.

Впрочем, к Екатерине Ильиничне шли не только за новостями, но и за помощью. По ее просьбе Михаил Илларионович хлопочет об увеличении пенсии вдове Бунина, беспокоится о положении оказавшегося в плену у французов генерала Павла Алексеевича Тучкова. Семьи Кутузовых и Тучковых были дружны с давних времен. (Илларион Кутузов и Алексей Тучков — воспитанники инженерной школы и генерал-поручики инженерных войск — были сподвижниками Румянцева.) В Отечественную войну 1812 года в действующей армии оказалось четверо генералов Тучковых. При этом в третьем пехотном корпусе Николая Алексеевича Тучкова было еще два брата — Павел и Александр.

Генерал-майор Павел Тучков, командуя отрядом арьергарда, 7 августа 1812 года задержал в трудном бою главные силы Наполеона, рвавшиеся к Большой Смоленской дороге, по которой в то время отходила 1-я Западная армия. Бой длился весь день. Несмотря на контузию, генерал не покинул поле сражения. В последней контратаке, раненный пулей в голову и штыком в бок, он потерял сознание, был поднят неприятелем и взят в плен. В Бородинском сражении смертельное ранение получил командир корпуса Тучков-старший. А тремя часами до этого, спеша на помощь Багратиону, бригада генерала Александра Тучкова с ходу атаковала врага. В трудный момент боя командир бригады «бросился в самое пекло со знаменем в руках и тут же рухнул, сраженный картечью».

Потеря трех братьев в течение трех недель войны не могла не взволновать Михаила Илларионовича и Екатерину Ильиничну, близко знавших эту семью.

Заметим, что жена Александра Тучкова — Маргарита Михайловна (урожденная Нарышкина), похоронив после войны единственного сына и простившись с братом, полковником М. М. Нарышкиным, (осужденным по делу декабристов на ссылку в Сибирь), основала на месте гибели мужа монастырь, став его настоятельницей. Глядя на сохранившийся до наших дней портрет игуменьи Марии, трудно поверить, что эта женщина ранее была известна в Петербурге «своей красотой, грацией, веселостью, удивительной музыкальностью и прекрасным голосом».

Из писем же к Екатерине Ильиничне Петербург узнал о дипломатической победе Кутузова — о подписании трактата с Пруссией, что дало «под его команду тысяч сто войску». Общее же руководство над русско-прусской группировкой войск возложено было на Кутузова.

Говоря об отношениях с прусским монархом, хотелось бы отметить любопытную деталь. Фридрих Вильгельм III, очевидно, отдавая дань уважения русскому народу — единственной нации, успешно противостоявшей Наполеону и сыгравшей решающую роль в избавлении европейских стран от французского господства, — предпочитал разговаривать с главнокомандующим союзными армиями на его родном языке. Более того, большую часть своей переписки с прусским монархом (несмотря на прекрасное знание немецкого языка) Кутузов также вел на русском. По-видимому, осведомленный о трудном финансовом положении семьи полководца король предлагал Кутузову принять от него в дар поместье и немецкое дворянство. Как истинный патриот России, Михаил Илларионович отказался от столь лестного предложения, о чем писал Екатерине Ильиничне: «Желает король иметь меня своим согражданином и утвердить за мною имение в Пруссии. Я его благодарил так учтиво, как надобно, сказав, однако же, что император Александр никогда не допустит, чтобы я или кто-либо из детей моих в чем-нибудь нуждался».

Кутузов вновь ошибся в оценке достоинств царя. Лишь через два года после смерти полководца царское правительство отпустило Екатерине Ильиничне сто пятьдесят тысяч рублей для уплаты долгов. Но поскольку денег этих не хватило, то в августе того же года имения, ранее пожалованные Кутузову, были приобретены казной. Вдова полководца осталась без достаточных средств к существованию, уповая лишь на пожалованную ей пенсию.

Между тем тяжесть огромной ответственности Кутузова давала себя знать. В письмах Михаила Илларионовича в Петербург все более чувствовалась усталость: «А я все скитаюсь, окружен дымом, который называют славой. Но к чему постороннему не сделаешься равнодушным! Я только тогда щастлив, когда думаю о своем семействе». И далее: «...Покой мне нужен, я устал, как давно мне не было покою».

В апреле 1813 года по Петербургу поползли слухи о тяжелой болезни полководца. Достигли они и дома Кутузовых. Екатерина Ильинична и дочери ее были в отчаянии.

Правда, вскоре от Михаила Илларионовича пришло письмо, но опасений за жизнь его оно не рассеяло. «Я тебе, друг мой, пишу в первый раз чужою рукою, чему ты удивишься, а может быть, и испугаешься. Болезнь такого рода, что в правой руке отнялась чувствительность перстов», — говорилось в нем.

Затем слухи пошли самые противоречивые. Одни утверждали, что жизнь Кутузова якобы оборвалась, другие уверяли, что этого не могло быть, поскольку доподлинно известно об отдаваемых главнокомандующим приказах войскам.

«Несколько дней уже другого занятия в городе нет, как с утра до вечера друг другу посылают записки, ездят, ходят, чтобы узнать, каков князь, — писала находившемуся в свите императора государственному секретарю А. С. Шишкову его жена. — Вчера я видела княгиню, она очень жалка... Надеется, страшится и, кажется, сама видит, что к пустым утешениям прибегает. Дети все плачут чрезвычайно, и особенно Толстая (дочь Михаила Илларионовича)».

Что же происходило в эти дни с Кутузовым?

Известно, что, преследуя врага, русская армия в апреле 1813 года вошла в Силезию. Авангард генерал-лейтенанта Ф. Ф. Винценгероде и гвардия 4 апреля вступили в город Бунцлау. Вместе с войсками туда же прибыли Кутузов и свита Александра I. Под штаб-квартиру главнокомандующего был выбран двухэтажный особняк майора фон дер Марка, что на углу Николаевской и Замковой улиц.

5 апреля главнокомандующий выехал на совещание русского и прусского монархов в город Гейнау. Приехав, он остановился в доме неподалеку от монаршей резиденции. Весть о появлении Кутузова моментально облетела город. Направляясь на совещание, фельдмаршал был приятно поражен огромным стечением народа, горячо приветствовавшего его. Будучи человеком отзывчивым на добрые чувства, Михаил Илларионович обратился к собравшимся с речью. По-видимому, здесь, легко одетый (несмотря на сырую с дождем и снегом погоду), он и простудился. Уже в перерыве совещания фельдмаршал почувствовал недомогание. Отправляясь в обратный путь в открытых дрожках, он еще сильнее простыл.

Вернувшись в Бунцлау, почувствовав себя нездоровым, от ужина отказался, что очень удивило приближенных: несмотря на свои лета, фельдмаршал отличался «крепостью телесных сил и присутствием духа. Способность к понесению трудов воинских и всегдашняя бодрость не покидали

его».

Хотя на другой день состояние его не улучшилось, Михаил Илларионович продолжал оставаться на ногах. После приема лекарств 7 апреля он почувствовал себя несколько лучше и собирался переезжать совместно с главной квартирой в Дрезден, однако в самый последний момент решил задержаться еще на несколько дней до полного выздоровления. Но 20 апреля Кутузов почувствовал себя хуже. Болезнь настолько обострилась, что он окончательно слег.

Находясь в тяжелом состоянии, главнокомандующий продолжал руководить армией: принимал донесения, отдавал распоряжения, вел переписку с царем. Однако желаемого облегчения в болезни не наступало, и 22 апреля Кутузов пишет императору: «Я в отчаянии, что так долго хвораю и чувствую, ежедневно ослабеваю. Я никак не могу ехать дальше, даже в карете. Между тем надобно стараться сколько можно поспешнее сосредоточивать армии за Эльбою».

23 апреля Михаил Илларионович, сраженный недугом, уже не мог держать в руке перо. Именно в этот день и было отправлено в Петербург то письмо, «чужою рукою писанное» и оказавшееся последним в его жизни.

Болезнь Кутузова немало взволновала монархов. Александр I присылает к фельдмаршалу своего лейб-медика Якова Виллие. К Кутузову приезжает прусский король Фридрих Вильгельм, который также оставляет у него своего личного врача лейб-медика Гуфеланда.

У постели больного к тому времени уже находились прусский лейб-медик Вибель, местный доктор Вислиценус и врач А. Малахов.

И все же, несмотря на все усилия врачей, состояние больного ухудшалось. Кутузов с каждым днем терял силы, полностью парализовало правую руку. «В продолжение болезни, — писал адъютант полковника Скобелев, — светлейший князь, несмотря на слабость сил, час от часу оскудневавших, занимался со всей твердостью духа суждениями о делах воинских и не давал в сердце своем места унынию и страданиям, но нередко со слезами жаловался на болезнь, которая отнимает у него способы участвовать в славе предводимого им воинства. Сии жалобы были и в последние два дня, когда уже не приходил он более в память».

Поскольку болезнь главнокомандующего могла неблагоприятно отразиться на настроении в армии, тяжелое состояние Кутузова всячески скрывали. У дома, где находился фельдмаршал, выставили круглосуточный караул. Доступ к больному ограничили. Из этих же соображений и после смерти Кутузова некоторое время различные распоряжения шли в войска от имени главнокомандующего.

Вскоре о болезни полковника узнали жители Бунцлау. Они приносили солому и устилали ею улицу напротив дома, чтобы больного не беспокоил шум постоянно проходивших войск. Они же предлагали докторам, и в частности Гуфеланду, сто тысяч талеров за исцеление фельдмаршала.

Однако положение больного было уже безнадежным.

Болезнь, определенная врачами как «нервическая горячка, осложненная паралитическими явлениями», чрезвычайно обострилась. «Врачи истощили все свое искусство, чтобы вырвать Кутузова из когтей смерти. Но истерзанный ранами, боями и походной жизнью, пораженный к тому же сильной простудой организм старого фельдмаршала был уже не в состоянии справиться с болезнью».

Вечером 28 апреля в Бунцлау разразилась первая весенняя гроза. Под

раскаты грома и всполохи молний — как под артиллерийскую канонаду — великий русский полководец скончался. Старинный особняк в Бунцлау оказался его последним пристанищем.

На следующий день доктор Вислиценус произвел вскрытие и бальзамирование тела покойного. Он констатировал, что «сердце в нем оказалось удивительной величины... если бы светлейший князь не имел упомянутой выше сего внутренней болезни и перенес приключившуюся ему простуду, то он жил бы до ста лет с лишним».

В тот же день часть останков покойного (внутренние органы, вынутые при бальзамировании) была помещена в небольшой оловянный гробик, изготовленный бунцлауским оловянщиком Августом Иенке, и захоронена на кладбище в Бунцлау (в трех километрах от города, у деревни Тиллендорф). Сердце же, заспиртованное в металлическом сосуде, было поставлено в изголовье гроба усопшего. Позднее на месте захоронения ближайшие из окружения фельдмаршала адъютанты Дишконец, Ефимович, Златницкий, Кожухов, Липранди, Монтрезор, Панкратов, Скобелев и врач Малахов поставили скромный памятник, выполненный бунцлауским каменотесом Бемом-младшим. На античном цоколе — обломанная колонна, увенчанная лавровым венком. Основание колонны обвивает змея (символ вечности). На столбах ограды — надписи на старославянском и немецком языках: «Генерал Кутузов-Смоленский переселился из сей жизни в лучший мир 16 апреля 1813 года».

Устанавливая памятник, близкие Кутузову люди, конечно, не могли предположить, что уже летом того же года французские войска, вновь овладев Бунцлау, разрушат его и надругаются над захоронением. Лишь через год проезжавший через Бунцлау генерал Ф. В. Остен-Сакен и оказавшаяся здесь же старшая дочь Кутузова восстановили скромное оформление могилы полководца.

Главной квартире о смерти Кутузова стало известно 30 апреля 1813 года. В «Известиях о военных действиях» сообщалось: «... сего числа получено... известие о последовавшей апреля в 16 день в городе Бунцлау кончины генерал-фельдмаршала, Главнокомандующего всеми российскими и союзными армиями, бессмертного князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского, коего тело... отправлено в Санкт-Петербург, дабы было погребено со всеми высокому званию его и навеки незабываемым Отечеству оказанным заслугам подобающими почестями».

Долгое время слухам о смерти Кутузова не хотели верить, «каждый истинный сын отечества укреплял себя мыслью о том, что они ложны».

Официальное сообщение о кончине главнокомандующего Петербург получил 12 мая, 13 мая горькое известие дошло до семьи полководца.

В печати же некролог появился 14 мая. Петербургские издательства, зная о сложных отношениях Кутузова с царским двором, в публикациях материалов проявили большую осторожность. Сообщение было помещено лишь в «Санкт-Петербургских ведомостях» да в «Северной почте». При этом редакции ограничились перепечаткой статьи, ранее помещенной в «Известиях о военных действиях». С сего момента весть о смерти Кутузова «с быстротой молнии распространилась по обширной территории Государства Российского». Великая скорбь охватила Россию. Особенно тяжелой утрата была для армии. «У Англии было кем заменить Нельсона, тогда как если мы и будем искать в России и во всей Европе человека, могущего заменить Кутузова, — мы такого не

найдем», — вот мнение передовых людей русского офицерского корпуса.

Проявлением скорби простого люда было появление солдатской песни на смерть Кутузова:

Печаль-тоска, горе лютое
От очей, как ночь, гонит белый свет,
Ах, не солнышко закатилось,
Не светел месяц тучей кроется, —
Как от нас ли, от солдатушек,
Отошел наш батюшка Кутузов-князь,
Не за горы за высокие —
Отошел он от нас в мать сыру землю.
Ах, не темный бор завыл-зашумел —
Разрыдалось, слезно всплескало
Войско русское, христианское.
Как не плакать нам, не кручиниться?
Нет отца у нас, нет Кутузова.

9 мая 1813 года город Бунцлау провожал главнокомандующего русской армией и союзными войсками в последний путь. Впереди траурной процессии несли флаги и кресты, за ними шло духовенство, далее — траурная колесница с гробом, за нею — свита полководца. Замыкал шествие оркестр, игравший печальную музыку.

Праха великого полководца торжественно провезли по Европе от Бунцлау до Петербурга. И всюду, стекаясь навстречу шествию, народ выражал истинную скорбь: траурный колокольный звон, воинские эскорты, ружейная и пушечная пальба, транспаранты со словами соболезнования... Жители русских городов несли гроб с телом Кутузова на своих плечах. «Народ несет его на плечах своих и не допускает иностранцев, которые также рвутся воздать сию последнюю почесть праху великого мужа», — писали очевидцы.

Утром 5 июня траурный кортеж был встречен родственниками и близкими друзьями покойного неподалеку от Петербурга в деревне Виконово. В тот же день с соблюдением торжественно-траурного ритуала процессия прибыла в Сергиеву пустынь — монастырь, что близ Стрельны, где была встречена духовенством, официальными представителями властей и огромным стечением народа. Сюда же прибыл от военного гарнизона «приличный почетный караул» и команда полиции «для порядку».

Победителя Наполеона, главнокомандующего русской армией и союзными войсками генерал-фельдмаршала Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского было решено похоронить в Казанском соборе. Причиной тому послужили несколько обстоятельств.

Прежде всего, Казанский собор (строительство которого было завершено в канун Отечественной войны), будучи тогда кафедральным, являлся одним из основных официальных идеологических центров. В период всенародной борьбы с врагом, потребовавшей огромного напряжения духовных сил нации, мобилизующая роль этого центра была велика. Значение собора возрос еще более, когда он превратился в пантеон русской военной славы, в средоточие трофеев Отечественной войны.

Не могла не учитываться и причастность Кутузова к строительству собора, а также то, что здесь в августе 1812 года, перед отъездом его в действующую

армию, был совершен важный по тем временам идеологический акт — торжественный молебен. Далее в ходе войны Кутузов отправляет настоятелю собора митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Амвросию сорок пудов русского серебра, отнятого у французов казаками атамана Платова, с просьбой «в украшение собора изваять из серебра лики четырех евангелистов».

Правда, просьба Кутузова в полной мере выполнена не была. Модели евангелистов, изготовленные скульптором Мартосом по эскизам Воронихина, были признаны обер-прокурором по духовной части князем А. Н. Голицыным и министром просвещения графом А. К. Разумовским «чрезмерно натуралистичными». Помещение их в храм могло якобы «пагубно отразиться на нравах верующих». Потому позднее из серебра, присланного Кутузовым, был изготовлен иконостас собора.

И еще один немаловажный момент, предопределивший столь неожиданное для мирян захоронение полководца в религиозной обители, а не в пантеоне выдающихся военных деятелей России, что в Александро-Невской лавре Санкт-Петербурга.

Дело в том, что, продолжая преследование врага, русская армия громила его на территории Польши, которая воевала против России вместе в наполеоновской Франции.

В 1813 году русские войска оказались перед городом Ченстохов, в католическом соборе которого пребывала известная святыня православия — икона Святой Ченстоховской Божией Матери, незаконно присвоенная католичеством. Русское православие вело длительную и безуспешную борьбу за возвращение сего раритета.

Овладев городом и крепостью Ченстохов, Кутузов реквизировал сию икону, направив ее в дар кафедральному собору русского православия. (Из сказанного следовало, что польская католическая церковь продолжала воздавать почести не подлиннику, а копии иконы.)

В июне 1813 года дорога из Петербурга в Стрельну была постоянно запружена великим множеством карет, верховых и пешего люда. Петербуржцы совершали паломничество в Сергиеву пустынь, где в течение семнадцати суток перед гробом Кутузова, поставленным в ковчег, денно и ночью велась служба.

Тем временем в Петербурге заканчивались последние приготовления к встрече «гроба спасителя Отечества». Для организации похорон была создана комиссия во главе с князем А. Н. Голицыным. Оформление внутреннего убранства Казанского собора осуществлялось Воронихиным. Синод совместно с императорским церемониймейстером тщательно продумал ритуал погребения. Расходы на похороны 79061 рубль 61 копейку брала на себя казна.

Утро 23 июня 1813 года выдалось в Петербурге теплым и безоблачным. К полудню улицы и площади города, на всем пути следования траурной процессии — от реки Таракановки до Нарвских ворот, далее через Калинин мост по Садовой улице до Никольского собора, через Театральную площадь по Большой Морской и Невскому проспекту — были заполнены народом. Утром того же дня гроб с телом Кутузова был вынесен из собора Сергиевой пустыни и установлен под балдахином на колеснице, запряженной шестью лошадьми, покрытыми траурными попонами.

На границе города (у Каменного моста через реку Таракановку) колесницу встретили духовенство, родственники, официальные лица и множество народу. Здесь же находились боевые соратники полководца во главе с генералом от кавалерии А. П. Тормасовым. (С Александром Петровичем Тормасовым жизнь

часто сводила Кутузова. Они были соратниками в русско-турецкой войне и в польском походе.) Теперь бывший командующий 3-й Западной армией (один из претендентов на пост главнокомандующего русской армией) провожал в последний путь своего боевого друга.

В ожидании гроба с телом Кутузова стояла в порядке, определенном ритуалом, траурная процессия.

Впереди конный отряд. За ним домоправитель полководца в траурном платье с черным шарфом через плечо. Затем десять лакеев в черных кафтанах с аксельбантами и гербами. За ними шесть офицеров в траурных кафтанах и берейтор в траурном же одеянии верхом на коне. Далее денщики с траурным флером на шляпах и рукавах держали под уздцы трех верховых лошадей, покрытых черными попонами с нашитыми на них фамильными гербами. Снова верховой берейтор, но в цветном платье; за ним денщики (без траура) держали трех верховых лошадей под цветными попонами с фамильными гербами. Опять же берейтор верхом, а также два скорохода и двое верховых — все в траурном одеянии с аксельбантами. За ними траурная карета, заложная шестью лошадьми, которая везла гербы, за каретой верховой берейтор в цветном платье, за коим денщики (без траура) с тремя богато украшенными верховыми лошадьми, которых они держали под уздцы, затем церемониймейстер, за ним на руках несли изображения гербов дворянского, графского и княжеского достоинства. Далее — санкт-петербургское купечество, представители ополчения, дворянство Санкт-Петербурга и губернии. Снова церемониймейстер. За ним на бархатных подушках ордена: прусские — Красного орла и Черного орла; австрийский — Марии-Терезии; российские (различных степеней) Святого Иоанна Иерусалимского, Святой Анны, Святого Владимира, Святого Георгия, Святого Александра Невского, Святого Андрея Первозванного. За орденами — еще один церемониймейстер, за ним певчие и духовенство. По сторонам — восемьдесят монахов в черных епанчах и шляпах с распущенным флером, в руках — горящие факелы. Наконец — «печальная колесница» под черным балдахином, заложная шестью лошадьми под черными попонами с фамильными гербами. Лошадей под уздцы держали шесть человек в черном одеянии. Шнуры балдахина поддерживали четыре штаб-офицера из свиты Кутузова, а гроб за скобы — четыре его адъютанта. Еще четыре штаб-офицера стояли в готовности поддерживать концы покрывала над гробом. По сторонам колесницы — четыре фельдъегеря. За колесницей пешком шли близкие родственники, друзья и войска, по «уставу положенные». Завершала шествие конная команда.

По прибытии траурного катаfalка гроб перенесли на колесницу — и процессия торжественно тронулась в путь.

Однако в скором времени, к неописуемому удивлению устроителей, столь тщательно продуманный церемониал был основательно нарушен. Нахлынувший со всех сторон народ, несмотря на сопротивление, уговоры и даже угрозы, смял эскорт, насильно выпряг из колесницы лошадей и повез прах полководца на своих плечах. «Нужно было видеть, сколько стеклось народа из города и окрестностей; нужно было видеть, как этот добрый народ не позволил, несмотря на настояния, просьбы и даже приказания властей, чтобы дорогие останки тащили лошади. В двух верстах от города лошадей распрягли, и было много добрых и благочестивых граждан, которые пожелали везти на своих плечах драгоценный прах спасителя отечества к месту грустного назначения. Некоторые при сем заливались слезами, восклицали: „Ах ты батюшка ты наш!

Защитник ты наш! Мы тебя доведем хоть на край света!“» В таком виде траурная процессия, осыпаемая цветами, со скорбными возгласами проследовала по городу. Войска, расположенные по всему маршруту следования, отдав со своей стороны «приличные воинские почести», повзводно церемониальным маршем сопровождали кортеж. Траурный колокольный звон, печальная музыка и голоса певчих плыли над шествием.

Перед Казанским собором гроб сняли с траурной колесницы, внесли в собор и поставили на катафалк, сооруженный по проекту А. Н. Воронихина.

В центре собора была воздвигнута огромная арка. В середине на возвышении — помост для гроба. К помосту вели лестничные марши с площадками. По сторонам были размещены знамена — трофеи полководца. Они образовывали балдахин. Тут же стояли огромные канделябры, оформленные в виде вертикально поставленных пушек, с множеством свечей вокруг них. На ступенях и площадках стояли в последнем почетном карауле боевые соратники полководца.

В течение 23 и 24 июня множество петербуржцев и приезжих из разных мест нескончаемым потоком шли в Казанский собор.

В пятницу, 25 июня, здесь же собрались видные военные и гражданские чины, родственники и близкие покойного, духовенство и представители разных сословий. Невский и улицы, прилегающие к собору, снова были запружены «великим множеством народа». После церковной литургии и надгробного слова ректора Санкт-Петербургской духовной академии архиепископа Филарета гроб с телом Кутузова, в котором находился и сосуд с сердцем, был снят с катафалка и опущен в могилу, расположенную в здании собора.

В момент захоронения Кутузова над Петербургом плыл траурный звон колоколов. Войска, стоявшие в почетном карауле, дали трехкратный орудийный и ружейный салют. Могила была покрыта в уровень пола мраморной плитой. Затем окружена четырехугольной металлической решеткой с золочеными венками и касками на двух угловых столбах и с бронзовым золоченым фамильным гербом посередине. На стене помещена черная мраморная доска в золоченой бронзовой рамке. Надпись на мраморе гласила: «Князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский. Родился в 1745-м годе. Скончался в 1813-м в городе Бунцлау».

Под надписью — бронзовый золоченый щит с гербом. Над мраморной доской — бронзовый золоченый орел, держащий в клюве венок.

На стене и вокруг могилы — военные трофеи полководца: сто семь французских, итальянских, польских, немецких и персидских знамен и штандартов; три французских и два итальянских «военных значка», а также ключи от крепостей Кенигсгафен, Ченстохов, Торн, Замостье, Модлин, Авен, Штуденберг, Бред и от семнадцати городов: Аахена, Бремена, Брюсселя, Варшавы, Гамбурга, Данцига, Дрездена, Касселя, Кельна, Лейпцига, Любека, Марселя, Монса, Намюра, Нанси, Реймса и Утрехта. Здесь же находился маршальский жезл Даву, захваченный русскими войсками вместе с канцелярией и личной перепиской французского полководца.

Долго Петербург пребывал в оцепенении. Впечатление от похорон осталось неизгладимым в памяти многих его жителей. На смерть Кутузова писались стихи и слагались оды. Академик живописи М. Н. Воробьев посвятил этому событию одну из своих гравюр, запечатлев момент, когда колесница с телом Кутузова направлялась к Казанскому собору. И преподнес гравюру вдове фельдмаршала Екатерине Ильиничне, препроводив ее словами:

Любовь народная твой гроб сопровождает,
Прими от нас еще сию посильну дань.
Пусть рвенье в нас к делам великим возбуждает
Твой гроб, и пусть твой дух преводит нас на
брань.

Ей же композитор Джоаккино Россини посвятил позднее одну из своих лучших кантат — «Аврора». Музыка этой кантаты композитор использовал также в финале оперы «Севильский цирюльник».

Русский народ потерял талантливого полководца, искусного дипломата, выдающегося политического деятеля и великого патриота.

Позднее Александр Сергеевич Пушкин, посетив могилу Кутузова, в стихотворении «Перед гробницею святой» напишет:

В твоём гробу восторг живет!
Он русский глас нам издает:
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Возвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас.

Давно отгемели пушки Отечественной войны 1812 года. Мир неузнаваемо изменился за этот срок. Однако события минувшей войны до сих пор живы в памяти народа.

И как бы предвидя это, Михаил Илларионович Кутузов, обращаясь к воинам, говорил: «Подвиг ваш не будет забыт потомством. Вы кровью своей спасли Отечество».

Стоит и поныне в Санкт-Петербурге великолепное творение зодчего Воронихина — Казанский собор. Раскинув свою колоннаду — полуобъятие к Невскому проспекту — он как бы призывает прохожих почитать память великого подвига русского народа и его выдающихся военных предводителей.

Приложение I **В памяти народной**

Архитектурные ансамбли, триумфальные арки и обелиски, прославляющие подвиг русского народа, напоминают нам о славном боевом пути русской армии в Отечественной войне 1812 года. Особенно много их в Петербурге.

Уже в 1814 году в честь возвращающихся из французского похода русских войск у начала Петергофского шоссе (ныне площадь Стачек) были воздвигнуты Нарвские триумфальные ворота по проекту зодчего Д. Кваренги.

Петербуржцы радостно встречали здесь победителей Наполеона, своих родных и близких, солдат и офицеров столичных полков.

Двадцать лет спустя здесь состоялось открытие новых, уже «каменных» Нарвских ворот, сооруженных по проекту архитектора В. П. Стасова. Арку их венчает колесница, запряженная шестеркой стремительно мчащихся коней. В

колеснице — богиня победы с пальмовой ветвью и лавровым венком в руках. У основания ворот стоят в доспехах древнерусские витязи, на воротах золочеными буквами перечислены гвардейские полки, участвовавшие в Отечественной войне 1812 года, и места крупнейших сражений. В создании этого великолепного памятника принимали участие выдающиеся скульпторы П. К. Клодт, В. И. Демут-Малиновский и С. С. Пименов.

В 1817 году — к пятой годовщине Отечественной войны — в Царском Селе по проекту В. П. Стасова были воздвигнуты Триумфальные чугунные ворота со словами на фронте: «Любезным моим сослуживцам».

Замечательным памятником является и Триумфальная арка Главного штаба, воздвигнутая по проекту зодчего К. Росси в конце 1828 года. «...Здесь все как торжественное парадное шествие, как тысячетрубный меднозвонный марш в честь победы России в войне 1812–1814 годов». На высоту в 28 метров взметнулась она вверх и изогнулась пролетом ворот над Большой Морской улицей, связав Невский проспект с Дворцовой площадью. Плоскости ее украшают воинские доспехи, фигуры воинов и гениев славы. Арку венчает шестерка вздыбленных коней, запряженных в колесницу со стоящей в ней богиней победы Никой. Первыми под ней прошли гвардейские полки, возвращавшиеся в Петербург «с полей сражений за освобождение балканских народов от ига Оттоманской империи».

А 8 июля 1945 года Ника вновь осенила «венком победы» проходящих под сводами арки воинов-победителей, солдат и офицеров Ленинградского гвардейского корпуса, возвратившихся в родной город с полей Великой Отечественной.

Здесь же, на Дворцовой площади, на высоту более 47 метров вознесся воспетый Пушкиным Александрийский столп. 11 сентября 1832 года силами более двух тысяч солдат и матросов, имевших медали за Отечественную войну 1812 года, колонна была установлена на пьедестале. Для окончательного претворения замысла зодчему О. Монферрану и скульпторам Демут-Малиновскому и Клодту потребовалось еще два года напряженной работы. Вершину колонны венчает аллегорическая фигура ангела, попирающего крестом змею. Это — символ победы над врагами. Среди монументов подобного типа эта колонна — крупнейшая в мире.

6 января 1827 года в центре Зимнего дворца (между Белым и Георгиевским залами) была открыта Военная галерея.

Пушкин впоследствии написал:

...Толпою пестрою художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.

Художники Д. Доу, А. В. Поляков и В. А. Голике представили здесь генералов, военачальников Отечественной войны 1812 года.

Главнокомандующий русской армией Кутузов изображен в полный рост и в парадном мундире. Рядом с ним портреты соратников.

Здесь, в помещении Военной галереи, ежегодно (в день полного изгнания захватчиков с земли русской) совершалось поминовение воинов, отдавших свою жизнь за Отечество.

Известно, что во время пожара 1837 года внутреннее убранство Зимнего

сильно пострадало. Однако портреты героев Отечественной войны остались целы. Их спасли, рискуя жизнью, подоспевшие солдаты гвардейских полков.

Для прославления бессмертных деяний времен минувших и в признательность «к заслугам нашего времени» в 1818 году принимается решение о сооружении в Петербурге памятников Кутузову и Барклаю де Толли.

В 1829 году статуи полководцев были заказаны скульптору Б. И. Орловскому.

В 1836 году статуи были отлиты в бронзе мастером Василием Екимовым, а еще спустя год, при огромном стечении петербуржцев и соратников полководцев, с отданием воинских почестей памятники были открыты.

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов статуи не были спрятаны в укрытие. Проходя мимо них, подразделения и части отдавали памятникам воинские почести.

В столетие Отечественной войны 1812 года на доме, где жил Кутузов и из коего выехал он в действующую армию, была установлена мемориальная доска (ныне набережная Кутузова, 30). Барельефы, бюсты, статуи и портреты полководца и поныне украшают памятные места.

Огромное признание полководческий талант Михаила Илларионовича Кутузова получил в Великую Отечественную войну.

В июне 41-го, как и во времена наполеоновского нашествия, над нашей родиной нависла смертельная опасность. Так же как и Наполеон, Гитлер бросает против Советской России всю мощь покоренных и вассальных стран Европы. Тот же расчет на эффект внезапности в начале войны, с захватом стратегической инициативы и завершением войны до наступления зимы. То же направление главного удара — на Москву. То же вероломство относительно договорных обязательств, и та же беспрецедентная демагогия в оправдание агрессивных устремлений.

В грозные дни ноября 41-го над страной прозвучали слова Верховного главнокомандующего И. В. Сталина, обращенные к воинам Красной Армии: «Пусть вдохновляет вас в этой борьбе мужественный образ наших великих предков — Александра Невского и Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова». Речь Верховного главнокомандующего и парад войск, проведенный буквально на глазах у рвущегося к столице врага, вызвали огромный энтузиазм в народе, в том числе у мужественных защитников блокированного Ленинграда.

Известно, что генерал Кутузов был одним из главных организаторов петербургского ополчения. Следуя заветам великого полководца, в боевой строй защитников родины в начале Великой Отечественной войны встали десятки тысяч народных ополченцев. Лето 1941 года в Ленинграде напоминало петербургское лето 1812-го. Сто шестьдесят тысяч ленинградцев вступили в ряды народного ополчения для защиты родного города.

Еще в 1815 году декабрист В. И. Штейнгель писал о Кутузове: «Имя твое и память будут греметь в отдаленнейшем потомстве россиян, мысль о тебе смешается с понятием о любви к Отечеству — ты и по смерти будешь производить чудеса истинного героизма».

Понимая, что к числу важных факторов, предопределяющих исход вооруженной борьбы, относится мастерство военачальников, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 29 июля 1942 года учредил специальный орден Кутузова I и II степеней. Этой почетной награды удостоивались генералы и офицеры Советской армии за блестяще разработанные и проведенные

операции или искусный вывод своих войск из-под ударов противника с нанесением успешных контрударов.

Идя навстречу пожеланиям командования фронтов, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 8 февраля 1948 года учреждает также орден Кутузова III степени. В положении об этом ордене, в частности, говорилось, что им может быть награжден офицер «за умелую разработку плана боя, обеспечившего четкое взаимодействие всех родов оружия и успешный его исход».

Учреждая ордена, Родина не только признавала полководческий талант Кутузова, но и призывала советских воинов следовать лучшим традициям русской армии, мужественно защищать свою землю от иноземных захватчиков, умножать славу нашего оружия.

Первым кавалером ордена Кутузова I степени (№ 1) за искусство в планировании и подготовке операции и умелое руководство войсками по разгрому сталинградской группировки противника стал командующий 24-й армией Донского фронта генерал-лейтенант И. В. Галанин.

Одним из первых кавалеров ордена Кутузова II степени был командующий 58-й армией Кавказского фронта генерал-майор К. С. Мельник. Измотав и обескровив противника в районе Моздока, его армия перешла в успешное контрнаступление и, взломав оборону врага, вышла в район Ейска.

Первым из награжденных орденом Кутузова III степени оказался начальник штаба артиллерии 6-й гвардейской армии полковник М. Т. Парфенов. В трудный оборонительный период Курской битвы он не только великолепно спланировал артиллерийскую контрподготовку, но и проявил искусство в управлении огнем артиллерии во взаимодействии с пехотой и танками. Противник не добился поставленных целей, потеряв более четырехсот танков и тысячи солдат.

Ордена Кутузова в годы войны были удостоены многие видные полководцы и военачальники. Среди них командующий Ленинградским фронтом маршал Советского Союза Л. А. Говоров, член Военного совета фронта генерал-лейтенант А. А. Жданов, начальник штаба фронта генерал-полковник Д. Н. Гусев, командующие армиями генералы И. И. Федюнинский, В. З. Романовский, командир корпуса генерал Н. П. Симоняк и другие.

Тремя орденами Кутузова I степени был награжден маршал Советского Союза Василий Данилович Соколовский.

Всего же за годы войны кавалерами ордена Кутузова стали 6986 человек, в том числе более 100 генералов и офицеров иностранных армий. Этой почетной награды были удостоены 1594 части, соединения и учреждения Советской армии. Ордена Кутузова и ныне украшают боевые знамена войск Ленинградского военного округа.

Орденом Кутузова I степени был также награжден один из славных рабочих коллективов, внесший большой вклад в разгром врага, — Кировский завод.

В сентябре 1945 года советский народ торжественно отметил двухсотлетие со дня рождения М. И. Кутузова.

Необычно выглядел в те дни истерзанный, но не покорившийся врагу Ленинград. Сотни делегаций от учреждений и различных предприятий города, тысячи ленинградцев шли к Казанскому собору, чтобы отдать дань глубочайшего уважения памяти Михаила Илларионовича. Могила полководца и памятник его утопали в цветах.

В эти же дни набережная Жореса в Ленинграде была переименована в набережную Кутузова.

Вечером 18 октября 1962 года, в день 150-летия начала изгнания французских войск из России небо Москвы, Ленинграда и других городов страны было озарено праздничным салютом.

На здании бывшей Артиллерийско-инженерной школы, где учился и учил Михаил Кутузов, была установлена мемориальная доска, а год спустя — к 150-летию кончины Кутузова — Ленинградским монетным двором были выпущены памятная и сувенирная медали.

Об огромном внимании к личности Кутузова и о живой связи с современностью свидетельствуют многие другие факты.

Еще полыхало пламя Великой Отечественной войны, а командующий 1-м Украинском фронтом, кавалер ордена Кутузова, маршал Советского Союза И. С. Конев в своем приказе от 7 марта 1945 года требовал от подчиненных ему войск учредить почетный караул у могилы Кутузова в Бунцлау. Всем воинским частям, подразделениям, командам и отдельным военнослужащим при прохождении мимо могилы и памятника Кутузову следовало отдавать воинские почести.

Здесь же в доме, где скончался Кутузов, был создан музей, в оборудовании которого активное участие принимали слушатели Военно-транспортной академии (Ленинграда). Ныне музей размещен на территории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

В ознаменование победы русского народа в Отечественной войне 1812 года в 1970-х годах в Москве был оформлен мемориальный комплекс. Помимо Триумфальной арки в него вошли памятник Кутузову, панорама «Бородинская битва» и музей «Кутузовская изба». Комплекс расположен на Кутузовском проспекте столицы, а прилегающие улицы названы именами героев Отечественной войны 1812 года.

Едущих в Москву петербуржцев встречает памятник их знаменитому земляку, будя в них воспоминания как о 1812 годе, так и обо всем том, что связано с именем Кутузова в Петербурге. А рядом, на Поклонной горе, где Наполеон тщетно ждал депутацию от Кутузова с ключами от московского Кремля, ныне сооружен величественный мемориал, прославляющий подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, где среди реликвий Великой Отечественной есть и Знамя Победы, поднятое над поверженным рейхстагом, с надписью: «150-я стрелковая Идрицкая ордена Кутузова II степени дивизия».

«Наполеон, вторгшийся в Россию, привел русских в Париж», — писал Энгельс. Гитлер, повторяя Наполеона, привел советских солдат в Берлин. Слова Кутузова: «Русские не прежде пожелают вкусить сладости мира, как истребив коварного неприятеля, осквернившего своим нападением землю отцов наших» — нашли новое подтверждение.

Образы героев Отечественной войны воскрешаются вновь и вновь в кинофильмах и спектаклях, в передачах радио и телевидения, в изобразительном искусстве, в литературе и монументальной скульптуре.

Особо значимо среди них имя Михаила Илларионовича Кутузова: «Одно упоминание этого имени заставляет сильнее биться русское сердце. Любовь к Кутузову переходит из поколения в поколение. И как бывает с великими людьми — образ Кутузова с годами встает в нашем сознании все отчетливей и ясней и дело его предстает перед нами во все более ярком свете».

Библиография

1. *Абалихин Б. С., Дунаевский В. А.* Отечественная война 1812 г. и освободительная миссия русской армии. М., 1976.
2. *Алпатов Н. И.* Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатского типа. М.: Учпедгиз, 1958.
3. *Алешкин П. Я., Головников В. К.* Московское народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. // Вопросы истории. 1962. № 9.
4. *Алянчиков К. Н.* Генерал-фельдмаршал, светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский, русский народный герой. Вильна, 1913.
5. *Андрианов П.* От Немана до Рейна. Война 1813 г. Борьба за освобождение Европы от ига Наполеона. Одесса, 1913.
6. *Андрианов П.* Война 1814 г. От Рейна до Парижа. Одесса, 1914.
7. *Апихтин В. Р.* Народная военная сила. Дворянские ополчения в Отечественную войну 1812 года. Т. 1, ч. 1–2. М., 1912.
8. *Аплаксин А.* Казанский собор. СПб., 1911.
9. *Афанасьев В. П.* Подлинные документы о Бородинском сражении 26 августа 1812 года. М., 1912.
10. *Ахлестышев Д. П.* Двенадцатый год. Исторические документы собственной канцелярии главнокомандующего 3-й Западной армии генерала от кавалерии А. П. Тормасова. СПб., 1912.
11. *Ахиарумов Д. И.* Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1819.
12. *Балязин В. Н.* Фельдмаршал М. Б. Барклай де Толли. М., 1992.
13. *Балязин В. Н.* Русские полководцы. Барклай де Толли. М., 2003.
14. *Барклай де Толли.* Изображение военных действий 1812 года. СПб., 1912.
15. *Бантыш-Каменский Д.* Библиографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840–1841.
16. *Бантыш-Каменский Д.* Словарь достопамятных людей Русской земли. Ч. 1. СПб., 1847.
17. *Бартенев А.* Биографии генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов Российской императорской армии. СПб., 1912.
18. *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1962.
19. *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 года и контрнаступление Кутузова. М., 1951.
20. *Блюх Н. С.* Финансы России XIX столетия. Т. 1. СПб., 1865.
21. *Богданов Л. П.* На поле Бородинском (1812 год). М., 1962.
22. *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Т. III. СПб., 1859–1860.
23. *Богданович М. И.* История войны 1813 года за независимость Германии, по достоверным источникам. В 2 т. СПб., 1863.
24. *Богданович М. И.* История войны 1814 года во Франции и низложение Наполеона I, по достоверным источникам. СПб., 1865.
25. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1970, т. 3; 1972, т. 9; 1973, т. 14; 1974, т. 18.
26. *Борисов С. Б.* Кутузов. Очерк жизни и деятельности великого русского

- полководца. М., 1938.
27. Бородино. 1812. М., 1987.
  28. Брагин М. Г. Кутузов. М., 1970.
  29. Булгаковский Д. Г. Наши ополчения и партизаны в Отечественной войне 1812 года. СПб., 1912.
  30. Бутковский И. Фельдмаршал князь Голенищев-Кутузов при конце и начале своего боевого поприща. СПб., 1858.
  31. Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. Ч. 1–2. СПб., 1837.
  32. Бычков Л. Н. Крестьянское и партизанское движение в Отечественной войне 1812 года. М., 1954.
  33. Военная галерея Зимнего дворца. СПб., 1846.
  34. Вандаль А. Наполеон и Александр I. Т. III. СПб., 1913.
  35. Васютинский А. М. и др. Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 1–3. М., 1912.
  36. Военский К. А. Отечественная война 1812 года в записках современников. СПб., 1911.
  37. Военная энциклопедия. СПб., 1911, т. 5; 1914, т. 14.
  38. Воинский устав пехотный. СПб, 1811.
  39. Висковатов А. Краткая история 1-го кадетского корпуса. СПб., 1832.
  40. Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX века. М., 1969.
  41. Гарин Ф. А. Изгнание Наполеона. М., 1948.
  42. Генерал Багратион: Сборник документов и материалов. М., 1945.
  43. Герца А. В. Бородино (по новым данным). СПб., 1912.
  44. Глинка В. И., Помарницкий А. В. Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1961.
  45. Глинка С. Н. Записки о 1812 г. СПб., 1836.
  46. Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1821.
  47. Голицын Н. Б. Офицерские записки, или Воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 гг. М., 1838.
  48. Давыдов Д. В. Сочинения. Т. 2. СПб., 1893.
  49. Двенадцатый год. СПб., 1912.
  50. Дживелегов А. К. Александр I и Наполеон. М., 1915.
  51. Дубровин Н. Ф. Краткий очерк устройства русской армии в царствование Александра I // Военный сборник. 1877. № 12.
  52. Ермолов А. П. Записки. М., 1865.
  53. Ефимов Д. И. Отношения императора Александра I и Наполеона перед началом Отечественной войны 1812 года. СПб., 1878.
  54. Желябужинский Е. Я. Отечественная война 1812 года и Кутузов. М., 1912.
  55. Жилин П. А. Контрнаступление русской армии в 1812 году. М., 1953.
  56. Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974.
  57. Жилин П. А. Кутузов. М., 1979.
  58. Жилин П. А. Контрнаступление Кутузова в 1812 году. М., 1950.
  59. Жилин П., Ярославцев А. Бородинское сражение. М., 1952.
  60. Жерве Н. П., Строев В. Н. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса, 1712–1912 гг. Т. 1. СПб., 1912.
  61. Жомини А. Очерки военного искусства. Т. 1, 2. М., 1939.
  62. Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. Описание

сражений. СПб., 1843.

63. *Заглухинский В. В., Копосов В. П., Фомин И. В.* Организация и работа военно-медицинской службы русской армии в Отечественной войне 1812 года. М., 1912.

64. *Затлер Ф.* О госпиталях в военное время. СПб., 1861.

65. *Зедделер Л. И.* Обзорение истории военного искусства. Ч. 1, 2. СПб., 1836–1843.

66. *Ивков Д.* Деятельность инженерного корпуса за время Отечественной войны 1812 года. СПб., 1912.

67. *Ирицкий Е.* Русская артиллерия в Отечественную войну. (Бородинское сражение) // Артиллерийский журнал. 1939. № 6.

68. История военного искусства. Т. 2. М., 1955.

69. История тыла Российских вооруженных сил. Кн. 1. СПб., 2000.

70. *Кабанов А. К.* Ополчение 1812 года // «Отечественная война 1812 года и русское общество». Т. V. М., 1912.

71. *Казаков Н.* О записках Барклая де Толли // Военно-исторический журнал. 1974 № 4.

72. *Каллаш В. В.* Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М., 1912.

73. *Карцев А. П.* Военно-исторический обзор войны 1812 г. СПб., 1852.

74. История царствования Александра I и Россия в его время. СПб., 1867.

75. *Конкрин Е. Ф.* Отчет за войну против Франции в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах // Русский инвалид. 1857. № 112–117.

76. *Коленкур А.* Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943.

77. *Клаузевиц К.* 1812 год. М., 1937.

78. *Кочетков А. Н.* М. Б. Барклай де Толли. М., 1970.

79. *Коробков Н. М.* Полководец Кутузов. М., 1955.

80. К истории 1812 года. Дело о найденных у некоторых иностранцев фальшивых ассигнациях, выпущенных французским правительством // Русский архив. 1865.

81. *Коновницын А. И.* Подвиги славных предков в годовщину Отечественной войны. СПб., 1912.

82. *Кудряшев К. В.* Москва в 1812 году. 150 лет. М., 1962.

83. *Лалаев М. С.* Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. М., 1910.

84. *Левенитерн В. И.* Записки. М., 1901.

85. *Левицкий Н. А.* Полководческое искусство Наполеона. М., 1938.

86. *Липранди И. П.* Кому и в какой степени принадлежит честь «Бородинского дня». М., 1867.

87. *Липранди И. П.* Материалы для Отечественной войны 1812 года. СПб., 1867.

88. *Ложье Ц.* Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 1912.

89. *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М., 1971.

90. М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 1–5. М., 1951–56.

91. К 150-летию Отечественной войны 1812 г. М., 1962.

92. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 10, 11, 14, 22. М.

93. *Михайловский-Данилевский А. И.* Записки о походе 1813 года. СПб., 1836.

94. *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны

1812 г. Ч. I–IV. СПб., 1840.

95. *Михайловский-Данилевский А. И.* Полное собрание сочинений. Т. V. СПб., 1850.

96. *Михневич Н. П.* Отечественная война 1812 года // История Русской армии и флота. Т. V. М., 1911.

97. *Михневич Н. П.* Бородино // Отечественная война 1812 года и русское общество. Т. IV. М., 1912.

98. *Михневич Н. П.* Основы русского военного искусства: Сравнительный очерк состояния военного дела в России и Западной Европе в важнейшие исторические эпохи. СПб., 1898.

99. *Муньков М.* Кутузов-дипломат. М., 1962.

100. *Наполеон.* Избранные произведения. М., 1956.

101. *Нечкина М. В.* Михаил Кутузов. М., 1944.

102. *Нечкина М. В.* Москва в 1812 году // История Москвы. Т. 3. М., 1954.

103. *Ниве П. А.* Отечественная война 1812 года. Т. 1–5. СПб., 1911–1912.

104. *Никулишев Б. А.* Марш-маневр Наполеона на Малоярославец // Военно-исторический сборник. 1911. № 2.

105. *Окунев Н. А.* Разбор главных военных операций, битв и сражений в России в кампании 1812 года. СПб., 1912.

106. *Окунь С. Б.* Русский народ и Отечественная война 1812 года // История СССР. 1962. № 4.

107. *Омельянович Н.* План Фуля. Этюд из истории Отечественной войны 1812 года. СПб., 1898.

108. Описание битвы, при селе Бородино происходившей. Составлено генерал-лейтенантом бароном Толем // Отечественные записки. 1822. Ч. 2.

109. *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа: Политические сочинения. Письма. М., 1963.

110. «Офицерская жизнь», 1911. № 286, 289, 291, 300.

111. Партизаны 1812 года: Давыдов, Фигнер, Сеславин. СПб., 1911.

112. Переписка императора Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной. СПб., 1910.

113. *Петров А. Н.* Русская военная сила. Т. 2. М., 1817.

114. *Пичета В. И.* Причины Отечественной войны. М., 1912.

115. *Полосин И. И.* Кутузов и пожар Москвы 1812 года // Исторические записки. 1950. Т. 34.

116. *Попов А. Н.* Отечественная война 1812 г. Т. 1. Сношения России с иностранными державами перед войной 1812 года. М., 1905.

117. *Попов А. Н.* Отечественная война 1812 года. От Смоленска до приезда Кутузова в армию // Русская старина. 1893. Ноябрь — декабрь.

118. *Попов А. Н.* Отечественная война 1812 года. Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры // Русская старина. 1897. июнь — октябрь; 1898, октябрь — ноябрь.

119. Поход в Москву в 1812 году: Мемуары участника, французского генерала графа де Сегюра. М., 1911.

120. *Предтеченский А. В.* Экономика России в годы континентальной блокады // Известия АН СССР. 1931. № 8.

121. *Пушкин А. С.* Полное собр. соч. Т. 8 М., 1964.

122. *Ростунов И. И.* Петр Иванович Багратион. М., 1957.

123. *Ростунов И. И.* Отечественная война 1812 г. М., 1987.

124. *Сегюр Ф.* Поход в Россию: Записки адъютанта императора Наполеона I. М., 1913.
125. «Северная пчела», 1853. № 151, 152, 154, 155.
126. *Середонин С. М.* Политические причины войны 1812 года. СПб., 1966.
127. *Сироткин В. Г.* Дуэль двух дипломатий. М., 1966.
128. Советская военная энциклопедия. М., 1976, т. 2; 1978, т. 5–6.
129. Столетие Военного министерства 1802–1902. Т. I–XIII. СПб., 1902–1914.
130. *Тарле Е. В.* Наполеон. М., 1941.
131. *Тарле Е. В.* М. И. Кутузов полководец и дипломат // Вопросы истории. 1952.
132. *Тарле Е. В.* 1812 год. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1959.
133. *Тартаковский А. Г.* Неразгаданный Барклай: Легенды и быль 1812 года. М., 1996.
134. *Троицкий Н. А.* 1812 великий год России. М., 1988.
135. *Федоров В.* Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911.
136. *Фролов Б. П.* «Да, были люди в наше время». М., 2005.
137. *Харкевич В. И.* Березина. 1812 год. СПб., 1893.
138. *Харкевич В. И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Т. I. Вильна, 1903.
139. *Харкевич В. И.* Барклай де Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском. СПб., 1904.
140. *Шведов С. В.* Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 году: к 175-летию Отечественной войны 1812 г. // История СССР. 1987. № 4.
141. *Холодковский В. М.* Наполеон ли поджег Москву? // Вопросы истории. 1966. № 4.
142. *Чичагов П. В.* Письмо адмирала Чичагова к императору Александру I // Сборник имп. Русского исторического общества. 1871, т. VI.
143. *Шильдер Н. К.* Были ли у нас планы военных действий в 1812 году // «Военный сборник», 1902. № 2.
144. *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. I–III. СПб., 1897–1898.
145. *Шишков Н. П.* Воспоминания о князе Смоленском М. И. Голенищеве-Кутузове // Русский архив. 1866. № 3.
146. ЦГИА. СПб., фонды. Собрание именных указов, кн. 354; Департамент герольдии Сената. Ф. 13431, оп. 120, д. 142. Собрание именных указов. Ф. 1329, кн. 355.
147. ГМИРА. СПб., колл. 4, оп. 4, д. 10. *Богуславский Г. А.* Последние дни жизни, смерть и похороны Кутузова. Рукописный отдел.